

УЧЕНИЦИ ЗАНИМАН

1958

1958

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

72(2P-64)
И-71

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

Дагестанский филиал АН СССР
Институт истории, языка и литературы
им. Г. Цадасы

Ученые записки

ТОМ V

14574

Махачкала — 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АЛИКБЕРОВ, В. Г. ГАДЖИЕВ, С. Ш. ГАДЖИЕВА,
Г.-А. Д. ДАНИЯЛОВ (ответственный редактор),
Ш. И. МИКАНЛОВ, Г. Б. МУРКЕЛИНСКИЙ,
А. С. ОМАРОВ, Е. В. СКАЗИН, Р. Ф. ЮСУФОВ.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИСТОРИЯ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ДАГЕСТАНЕ И ЕЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Проводя политику индустриализации страны, Коммунистическая партия Советского Союза одновременно ставила задачу восстановления и реконструкции сельского хозяйства. Эта реконструкция проводилась на основе ленинского кооперативного плана, являвшегося составной частью плана построения социализма в СССР.

Необходимым условием социалистической реконструкции сельского хозяйства являлась кооперация, которая давала возможность мелкому крестьянину активно участвовать в этом процессе. Кооперация, как указывал В. И. Ленин, имела исключительное значение «во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*»¹.

Осуществление плана перехода крестьян от мелкого частнособственнического хозяйства к крупному, социалистическому, при соблюдении принципа добровольности, было возможно лишь при форсированном развитии крупной социалистической индустрии, способной реорганизовать земледелие на современной технической базе. Индустриализировать страну — означало сомкнуть сельское хозяйство с социалистической промышленностью в единое хозяйство, при руководящей роли ее, при всемерном развитии тяжелой индустрии. Необходимо было развивать промышленность с таким расчетом, чтобы кроме своего собственного роста она обеспечивала возможность коренной технической реконструкции и социалистической переделки сельского хозяйства.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 428.

На этой базе требовалось наладить прямой обмен продуктами между сельским хозяйством и социалистической промышленностью, устраняя посредничество частного капитала, ликвидировать капиталистические эксплуататорские элементы и уничтожить возможность их возникновения. Разрозненное крестьянское хозяйство, основанное на частной собственности, являлось почвой, порождавшей капитализм «постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»¹. Чтобы ликвидировать эту почву, необходимо было провести социалистическую переделку крестьянских хозяйств.

Социалистическая индустриализация и реконструкция сельского хозяйства осуществлялись Коммунистической партией как единое целое, обуславливающее построение социалистического общества. Правильность этой политики подтвердилась всем ходом развития народного хозяйства.

Неуклонно проводились в жизнь мероприятия, намеченные XIV партийной конференцией в области наибольшего охвата кооперацией всех процессов хозяйственной жизни деревни, а также мероприятия, разработанные XIV партийным съездом по развитию культуры земледелия, индустриализации сельского хозяйства, упорядочению дела землеустройства и всемерной поддержке разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства.

Подтверждая правильность этой линии, XV партийная конференция решительно осудила взгляды оппозиционного блока (Троцкий, Каменев, Зиновьев), который не верил в гегемонию пролетариата в отношении крестьянства и рассматривал последнее как враждебную среду. Сторонники блока выдвигали такие экономические и финансовые мероприятия (повышение отпускных и розничных цен на промтовары, налоговой нажим на крестьянство), которые способны были лишь нарушить смычку города с деревней, разваливать союз рабочего класса и крестьянства. Осуществление этих мероприятий вызвало бы обнищание бедноты и значительной части середняков, понижение емкости внутреннего рынка, а также снижение реальной заработной платы рабочих и служащих. XV конференция КПСС осудила политику оппозиционного блока и квалифицировала ее как отход от классовой линии пролетарской революции.

Намечая и осуществляя социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, Советское правительство и Коммунистическая партия исходили из жизненно необходимого укрепления союза рабочих с основной массой крестьянства — бедняками и середняками. Соответственно этому были организованы снабжение деревни сельскохозяйственными машина-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 7—8.

ми и различными товарами, сбыт сельскохозяйственной продукции и кредит, разработаны земельное и трудовое право, проводилась налоговая политика, помощь бедняцко-средняцкой части деревни и ограничение роста кулачества.

Таким образом, проблема социалистического преобразования деревни охватывала не только вопросы обобществления различных сторон деятельности трудовых крестьянских хозяйств, но также и вопросы развития производительных сил и реконструкции материально-технической базы сельского хозяйства.

Проведение социалистической переделки сельского хозяйства сопровождалось значительными трудностями. Отсутствовал соответствующий исторический опыт. Страна находилась во враждебном империалистическом окружении. Поэтому период 1926—1929 гг. в развитии советской деревни был этапом поисков конкретных путей, форм и методов перевода крестьян на путь общественного хозяйствования.

Наиболее сложным оказалось осуществление этих мероприятий на отсталых тогда национальных окраинах, в частности в Дагестанской АССР.

В общем балансе продукции народного хозяйства Дагестанской республики сельское хозяйство занимало в 1927 году 61,7 процента. Подавляющее большинство населения (87 процентов) занималось или было связано с сельским хозяйством. В силу ряда причин Дагестан приступил к восстановлению своего хозяйства позднее многих других районов страны. Сельское хозяйство к 1926 г. здесь еще не достигло дореволюционного уровня. По сравнению с 1913 г. посевные площади составляли лишь 57,3 процента, площади садов — 96,8 и виноградников — 85,2 процента; поголовье лошадей — 68,8 процента, крупного рогатого скота — 107,6, овец и коз — 84,4 процента довоенного стада¹.

В 1925—26 г. основную массу производителей сельскохозяйственных продуктов в республике составляли крестьянские единоличные хозяйства, для которых были характерны отсталая система производства, крайне низкая оснащенность техникой и столь же низкая товарность. В горной и предгорной зонах Дагестана преобладало однополье (имела место и залежная система), в плоскостной — трехполье.

Еще в 1928 г. 59,9 процента всех хозяйств не имели пахотного инвентаря; 12,9 процента хозяйств совершенно не имели скота, 30,9 не имели коров, 70,4 — овец и 33,1 процента — рабочего скота. В то время как в целом по Советскому Союзу на каждые сто хозяйств приходилось 72 единицы орудий

¹ А. С. Кириллов. «Земельная реформа в Дагестане». Москва, 1928, стр. 20.

вспашки, в Дагестане имелось всего 12,8 единицы¹. Такие сельскохозяйственные орудия, как сеялки, жатки, конные молотилки являлись редкостью.

Производительные силы размещались по республике неравномерно. В плоскостной ее части, с населением немногим больше одной трети его общего количества, было сосредоточено 66,4 процента пашни и 74 процента пастбищ², на горную же зону приходилась незначительная часть пашни и пастбищ. Так, в бывшем Аварском округе на одного едока приходилось годной под пашню земли 0,26 га, в Андийском — 0,18, в Лакском — 0,16, в Гунибском — 0,20 га, в то время как на плоскости — в Ачикулакском округе — 4,92 га, в Дербентском — 1,15, в Хасавюртовском и Кизлярском — 1,5 га³. Обеспеченность пашней, садами и виноградниками уменьшается по мере продвижения в горный Дагестан.

Территория Дагестана составляла 5.815.044 га, из них удобной площади 60%, которая по угодьям распределялась следующим образом:

пастбища и выгоны	73,5	процента
пашни	12,0	»
сенокос	6,0	»
леса	7,0	»
сады и виноградники	0,5	»
усадебная	1,0	»

Средняя обеспеченность земель на одного едока по зонам была весьма неравномерной, что видно из следующей таблицы:

Зоны	Удобной земли без леса (в га)	В т. ч пашни, огороды, сады и виноградники
Горная	2,0	0,25
Предгорная	3,25	0,55
Плоскостная	10,7	2,35

Сравнительная плотность населения горной части ДАССР при нехватке удобной земли приводила к малоземелью и, нередко, безземелью.

Согласно статистическим данным 1926 г. по степени обеспеченности землей хозяйства республики распределялись так⁴.

¹ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, №№ 5—6, стр. 75.

² «Красный Дагестан», 1927, 16 ноября.

³ «Факты и цифры о Дагестанской АССР». Изд. газеты «Красный Дагестан», Махачкала, 1929, стр. 118.

⁴ Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1929, стр. 40; «Красный Дагестан», 1927, 24 ноября.

безземельных хозяйств	6,8 процента
имеющих до 0,27 гектара	9,1 »
от 0,28 до 0,54	13,6 »
от 0,55 до 1,09	17,4 »
от 1,10 до 2,18	15,1 »
от 2,19 до 4,36	22,0 »
от 4,37 до 5,46	8,3 »
от 5,47 до 10,92	3,0 »
от 10,93 и больше	4,7 »

По обеспеченности землей хозяйства горной части ДАССР в том же году распределялись следующим образом:¹

безземельных хозяйств	6,8 процента
имеющих до 1 га	40,1 »
» от 1 до 4 га	37,3 »
» свыше 4 га	15,8 »

Приведенные данные показывают, что почти половина хозяйств являлись весьма маломощными.

Все это подчеркивает резкое различие условий сельского хозяйства, гор и плоскости и обуславливает крайне низкий жизненный уровень основной массы населения горного Дагестана. Это видно также из данных бюджетного обследования Наркомзема за 1926 год о валовом доходе сельского хозяйства Дагестана (в рублях):

	На гектар сельскохозяйственной площади	На 1 душу обоого пола
Горы	от 23 до 37	от 59 до 85
Предгорье	от 32 до 38	80
Плоскость	от 42 до 56	от 122 до 143
Средняя по ДАССР:	39,85	103

Валовой доход от сельского хозяйства на душу населения горной части Дагестана по сравнению с плоскостной зоной был ниже почти в 2 раза, а со средним валовым доходом по СССР, который выражался в 176 руб. на душу сельского населения, был ниже в два-три раза.

По наличию рабочего скота крестьянские хозяйства республики в 1928 г. группировались также неравномерно²:

не имеющих рабочего скота	38,9 процента
имеющих 1 голову	46,6 »
» 2 голов	11,1 »
» 3 голов	2,2 »
» свыше 3 голов	1,2 »

¹ Там же.

² ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 145, л. 1-50.

Таким образом, около сорока процентов хозяйств вовсе не имели рабочего скота и около 47 процентов имели по одной голове на хозяйство. В то же время почти половина общего поголовья овец была сосредоточена в 5,1¹ процента хозяйств.

Приведенные данные свидетельствуют, с одной стороны, о чрезвычайной раздробленности крестьянских хозяйств, и, с другой, о значительной в тот период экономической мощности кулацких хозяйств, которые продолжали эксплуатировать бедноту и середняков.

Наличие подобной пестроты в обеспеченности земель и скотом обуславливало социальную дифференциацию крестьянства, о которой свидетельствует следующая таблица:

Зоны	Число хозяйств					Количество населения	
	всего	в том числе				всего	в т. ч батрацкого
		батрацкие	бедняцкие	средняцкие	кулацкие		
Плоскостная	46615	8134	12549	22715	3217	199396	28150
Предгорная	43095	11188	13573	16740	1594	188125	42357
Горная	85200	17783	27454	36355	3608	327055	63338
Всего по ДАССР:	174910	37105	53576	75810	8419	714576	133845

Соотношение социальных групп и наличие у них средств производства можно представить следующим образом (в процентах):

Социальные группы	Горы и предгорье			Плоскость		
	хозяйства	У них		хозяйства	у них	
		средств производства	земли		средств производства	земли
Батраки	22,1	8,4	13,8	18,4	3,9	10,2
Бедняки	33,2	16,2	22,9	28,8	11,8	17,9
Средняки	41,3	62,8	56,9	47,1	64,7	55,9
Кулаки	3,4	12,6	6,4	5,7	19,6	16,0
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эти данные показывают, что средства производства в сельском хозяйстве были распределены весьма неравномерно.

¹ Сельское хозяйство горного Дагестана, изд-во Академии наук СССР, 1940, стр. 49.

С одной стороны, имелась большая прослойка хозяйств, вовсе не имеющих средств производства или испытывающих в них острый недостаток, с другой — небольшая группа кулацких хозяйств, располагавших значительной частью средств производства. В результате этого сохранялись отношения найма рабочего скота и инвентаря, сдача земли в аренду, эксплуатация наемного труда и другие формы капиталистических отношений.

Усиление хозяйственной дифференциации в советской деревне в 1925—27 гг. привело к выделению середняка как основной фигуры в сельскохозяйственном производстве.

Распределение крестьянских хозяйств СССР по классовому признаку в этот период представляется в следующем виде (в % к общему числу обследованных хозяйств):¹

	Пролетарских	Полупролетарских	Мелких товаропроизводителей	Мелкокапиталистических
СССР	10,0	23,3	62,8	3,9
РСФСР	10,0	23,0	63,3	3,7
УССР	9,9	21,0	65,1	4,0
БССР	6,5	24,7	64,7	4,1
Узбекская ССР	13,6	39,2	44,5	2,7
Туркменская ССР . . .	8,0	31,9	55,8	4,3
Дагестанская АССР . .	21,2	30,6	43,4	4,8

Из приведенной таблицы видно, что если по СССР, РСФСР, УССР и БССР процент пролетарских и полупролетарских хозяйств не превышал 35, а на долю середняка приходилось до 65 процентов, то в Дагестане пролетарские и полупролетарские хозяйства составляли 51,8 процента, а середняцкие — 43,4, т. е. значительно меньше.

Такое распределение хозяйств по классовому признаку свидетельствует о низком уровне развития производительных сил в сельском хозяйстве республики и последствиях пролетаризации крестьянства, происходившей в Дагестане до Октябрьской революции.

Развитие сельского хозяйства в это время с социально-классовой точки зрения характеризовалось борьбой социалистических и капиталистических тенденций. Это налагало

¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. III, стр. 238.

особый отпечаток на процесс дифференциации деревни, имевшей в советских условиях свои отличительные особенности. «Эти особенности заключаются в том, что в противоположность капиталистическому типу развития, который выражается в **ослаблении** (в «вымывании») среднего крестьянства при росте крайних групп — бедноты и кулачества — у нас, наоборот, налицо имеется процесс **усиления** группы середняков, при некотором пока еще росте кулацкой группы за счет зажиточной части середняков и при сокращении групп бедноты, из которых некоторая часть пролетаризируется, а другая, более значительная часть, постепенно передвигается в группу середняков»¹.

Процесс дифференциации деревни в условиях Дагестана был аналогичен. Это положение можно подкрепить данными комиссии по изучению расслоения дагестанского аула, которая по заданию ДК ВКП(б) обследовала ряд районов республики. Результаты выборочного обследования, касающиеся одного года, таковы:²

	Было хозяйств в 1927 году	Стало хозяйств в 1928 году	Увелич. (+) уменьш. (—)
Батраки	1033	965	— 68
Бедняки	882	951	+ 69
Средняки	1525	1575	+ 50
Кулаки	466	415	— 51

Однако процесс осереднячивания в Дагестане проходил медленнее чем в центральных районах России в силу недостаточного количества удобных земель в горах, отгонной системы животноводства, а также в результате сохранившихся к этому времени купли, продажи и завещания крестьянских мюльков в горах и нетрудового землепользования.

Нетрудовое землепользование имело место на площади около 255 тыс. гектаров (в том числе 17,3 тыс. гектаров пашни и 237 тыс. гектаров пастбищ) и находилось в руках бывших помещиков, кулаков и духовенства. Масштабы его по отдельным зонам видны из следующей таблицы:

¹ КПСС в резолюциях и решениях, ч. II, изд. 7, стр. 353.

² «Звезда», Махачкала, 1930, № 1—2, стр. 58.

³ Мюльк — участок земли, в основном, в горной части Дагестана, созданный на скалистых террасах трудом целых поколений.

Площадь в тыс. гектаров

	Площадь в тыс. гектаров		
	горы и предгорье	плоскость	всего
1. Земли помещиков и другой феодально-родовой и духовной верхушки.	17,2	19,3	36,5
2. Излишки сверх нормы у кулаков.	64,2	143,6	207,8
3. Вакуфные земли ¹ .	5,4	4,6	10,0
Всего:	86,8	167,5	254,3

Примером остатков помещичьего землевладения могут служить некоторые помещичьи хозяйства, сохранившие свои дореволюционные размеры. Так, в предгорном Кюринском округе из селения Кандих до 1927 г. не был выселен помещик Хан-Магомедов, имевший 47,9 гектара пашни, 31,7 гектара сенокоса, 1966,5 гектара пастбищ, 50 лошадей, 25 коров, 8 рабочих быков, 8 буйволов, 8 буйволиц и 1500 овец. В этом же округе помещик Ридза Аржанов имел 76,5 гектара пашни, 76,5 гектара покоса, 80 лошадей, 80 коров, 1500 овец и 12 буйволов и буйволиц. В Табасаранском округе после выселения помещиков в 1927 г. остался ряд хозяйств, имевших по 55—76 гектаров пашни и по 109—164 гектара сенокоса (при среднем наделе пашни в этом округе, равном 2,52 гектара).

В ауле Чох некто Магди-Ахмет-Амин даже увеличил свое хозяйство по сравнению с дореволюционным временем. В ауле Хаджал-Махи Даргинского округа жена белогвардейца, эмигрировавшего во Францию, имела 12 десятин сада. На плоскости кое-где также сохранились хозяйства, имевшие по 55—87 гектара пашни².

Незавершенность аграрной реформы выразилась не только в сохранении остатков помещичьего землевладения, но главным образом в сохранении кулацкими группами дореволюционных форм и размеров землепользования.

Наличие этих особенностей усугублялось малокультурностью, многонациональностью, бездорожьем, тухумными связями³, влиянием джамаата⁴, неравномерным размеще-

¹ Вакуф — неотчуждаемое и освобожденное от налогов имущество, доходы с которого поступают, главным образом, в пользу мусульманского духовенства. Вакуф может состоять из имущества движимого и недвижимого.

² ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 10, д. 7, л. 66.

³ Родовые связи.

⁴ Джамаат — сельский сход, во главе которого стояла аульская верхушка. В компетенцию джамаата входило обеспечение сельскохозяйственных работ в установленные сроки, жеребьевка покосных участков и др.

нием промышленности, а также малочисленностью рабочего класса, призванного оказать революционизирующее воздействие на трудовое крестьянство. Несмотря на это, мероприятия, проведенные правительством по поднятию жизненного уровня крестьянства в Дагестане в первые годы Советской власти, постепенно подготавливали массы к дальнейшей перестройке сельского хозяйства республики. Дагестан так же, как и вся страна, вступает в полосу социалистической перестройки сельского хозяйства, одновременно преодолевая отставание.

Для перехода к обобществленному хозяйству было необходимо, во-первых, решить проблему обеспечения его сельскохозяйственными орудиями, тракторами и, во-вторых, добиться уверенности самих крестьян в выгодности перехода от частновладельческого хозяйства к крупному, общественному хозяйству.

Этот переход к обобществленному способу производства проводился под руководством Советского государства и Коммунистической партии постепенно, на основе убеждения и самостоятельности в деле кооперирования. Кооперирование начиналось с простейших, доступных и понятных крестьянству видов кооперирования — сбыта и снабжения. В 1926 г. в Дагестане сбытовой и снабженческой кооперацией было объединено 8,5 процента общего числа крестьянских хозяйств, а к концу 1929 г. ею было охвачено уже 19 процентов всех хозяйств. Через эти виды кооперации государство оказывало помощь крестьянству кредитами на приобретение сельскохозяйственных орудий, семян, скота и на другие нужды.

Рост ссуд, выданных крестьянским хозяйствам республики на приобретение сельскохозяйственных машин и тракторов, характеризуется следующими данными (в рублях):

Годы	Ссуды на покупку машин	Ссуды на покупку тракторов
1924—1925	74525	—
1925—1926	52384	—
1926—1927	126799	29880
1927—1928	330000	57000

Ссуды, полученные на приобретение тракторов, дали возможность увеличить их число с 74 в 1926—27 г. до 104 в 1927—28 г.¹

Правительство с каждым годом усиливало агрономическую помощь, расширяло ветеринарную сеть, улучшало и расширяло мелиоративную сеть.

К 1929 г. в Дагестане имелось 103 агронома и 19 ветврачей, которые работали на сорока агропунктах и в 17 сельско-

¹ Итоги X Дагестанской областной конференции ВКП(б), стр. 32.

хозяйственных учреждениях¹. Это почти в два раза больше, чем было в 1926 г. Созданные областные опытные селекционные станции, государственные конюшня и овчарня имели опорные пункты на местах. В 1929 г. в республику было завезено племенное поголовье овец. К этому времени в Дагестане уже имелось 9898 плугов, 3960 борон «Зиг-Заг», 78 сеялок, 38 триеров², 114 тракторов³.

Посевные площади в республике постепенно восстанавливались, что видно из следующей таблицы:

Годы	Площадь (в тыс. га)	%%
1913—14	346,7	100,0
1926—27	162,1	46,7
1927—28	210,6	60,4
1928—29	222,6	64,2
1929—30	294,6	84,9

Затяжка восстановления посевных площадей объясняется главным образом тем, что в плоскостных округах (Хасавюртовском, Кизлярском и Ачикулакском) сельское хозяйство пострадало от гражданской войны особенно сильно. Восстановление этих площадей было связано с восстановлением оросительных систем, так как основные земельные массивы плоскостных районов без искусственного орошения использоваться не могли.

Системы полеводства были разнообразны: залежно-паровая, залежная, без пара и с оставлением земель под пар. В севооборотах преобладало трехполье. Возделывались, преимущественно, зерновые культуры. Начиная с 1926 г. расширяются площади под техническими культурами, особенно под хлопком и кенафом:

	Хлопок	Кенаф
1926—27 г.	300 га	17 га
1927—28 г.	1200 га	114 га ⁴

Плодоводство и виноградарство восстанавливались гораздо быстрее. Однако в 1928 г. площади под виноградниками еще не достигли довоенного уровня, о чем свидетельствуют следующие данные:

¹ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 9, д. 73, л. 21.

² ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 10, д. 106, л. 111.

³ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 5—6, стр. 78.

⁴ Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1929, стр. 40.

Годы	Сады		Виноградники	
	площадь в га	%	площадь в га	%
1913	6300	100,0	9800	100,0
1926	6120	97,1	8410	85,8
1927	6150	97,6	8430	86,0
1928	6400	101,6	8800	89,8

Животноводство, являвшееся весьма важной отраслью народного хозяйства республики, было основано на отгонной системе, обусловленной природными условиями Дагестана. Около 7—8 месяцев скот находился на зимних пастбищах в плоскостных районах и 4—5 месяцев — на летних горных пастбищах. При такой системе животноводство терпело значительный урон от стихийных бедствий, засухи, мороза и т. д.

Восстановление животноводства характеризуют следующие цифры (в тыс. голов) ¹:

Годы	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы и козы	
	количество	%	количество	%	количество	%
1913—14	116,3	100	589,6	100	2914,9	100
1925—27	75,4	65	582,1	98,6	2356,6	81,3
1927—28	84,4	72,8	690,2	117,0	2571,4	88,7

Три четверти поголовья крупного рогатого скота было местной горской породы. Овцеводство развивалось в двух направлениях — тонкорунное в северных плоскостных районах и грубошерстное в горной и предгорной зонах.

По валовой продукции сельское хозяйство республики, в силу низкой его продуктивности, восстанавливалось значительно медленнее, чем по всем остальным показателям. Так, в довоенных рублях валовая продукция выражалась следующими цифрами:

1913 г.	62400 тыс.	— 100,0	процентов
1926 г.	32820 тыс.	— 52,6	»
1927 г.	32070 тыс.	— 51,4	»
1928 г.	32415 тыс.	— 51,5	»

Важным фактором, стимулирующим объединение мелких крестьянских хозяйств, были ирригационные сооружения, соз-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 145.

данные руками трудящихся Дагестана. В водное хозяйство в 1929 г. было вложено 1994 тыс. рублей¹.

Важнейшим мероприятием по подготовке крестьянских масс к коллективизации сельского хозяйства была работа по созданию организаций, объединяющих бедняков и середняков. Крестьяне, работавшие батраками в кулацких хозяйствах, объединялись в батрацкие комитеты, которые ограждали батраков от чрезмерной эксплуатации и бесчинств кулаков.

В 1926 г. в Дагестане был 11841 батрак. Средне-годовой заработок батрака равнялся 210 рублям. Партия и правительство оказывали всемерную помощь в повышении культурного уровня и классового самосознания батраков. Для них проводились курсы, на которых они знакомились с основами руководства социалистическим сельским хозяйством.

Кроме комитетов батраков создавались крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ). Это были объединения бедняцких и середняцких слоев крестьянского населения, ставившие перед собою задачи социального обеспечения, организации трудовой, сельскохозяйственной и медицинской помощи, юридической защиты, помощи маломощным бедняцким хозяйствам, инвалидам, сиротам и семьям погибших партизан.

Создание кресткомов относится к 1923 г. В первые годы существования это были маломощные организации. Обработка принадлежащих кресткомам посевных площадей, садов, виноградников производилась путем сдачи их в аренду.

В связи с укреплением экономической базы кресткомов с 1927 г. начинается обработка земельных угодий общественным путем с применением машин. В 1928 г. такой запашки имелось 1405 десятин. Количество сельскохозяйственных машин у кресткомов увеличилось с 14 в 1926 г. до 141 в 1929 г.²

В Дагестане проводился также ряд других мероприятий, подрывающих экономическую мощь и политическое влияние духовенства и кулачества. Постановлением Даг. ЦИК и СНК от 23 июня 1927 г. вся земля и имущество (вакуфы), принадлежащие духовенству, передавались в ведение крестьянских комитетов. Это постановление выбивало из-под ног духовенства материальную базу и подрывало ее авторитет в ауле. Только по Буйнакскому округу в октябре 1927 г. было изъято (кроме 5485 руб. деньгами) вакуфного имущества: значительное количество пахотной земли, пшеницы 5095 пудов, муки 152 пуда, кукурузы 2780 пудов, ячменя 80 пудов, крупного рогатого скота 22 головы, овец 1947, масла 11 пудов, мяса 52 пуда, картофеля 300 пудов, два дома, 5 медресе. Часть

¹ ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 8, д. 14, л. 2.

² «Звезда», Махачкала, 1929, № 9, стр. 51—52.

конфискованного имущества была реализована крестками; на вырученные от этого суммы было куплено 5 тракторов, 1 жатка, 1 сенокосилка, 1 сортировка, 1 молотилка, 2 кукурузных молотилки и 25 плугов¹.

Насколько велико было экономическое влияние духовенства достаточно красноречиво говорят данные о доходах от вакуфов и закятов² в Дагестане за 1926—27 год. Эти доходы составили 1,5 млн. рублей при наличии 145 тыс. крестьянских дворов. Единый же сельскохозяйственный налог за этот год составлял лишь 538 тыс. рублей³.

В 1927 году осуществлено дополнительное выселение помещиков, причастных к контрреволюции. Было выселено 59 хозяйств, а у 51 хозяйства конфискованы земли и инвентарь. Конфискованное имущество и земли были розданы беднякам.

Мероприятия, проведенные партией и правительством по укреплению экономического положения бедноты и середняков, усилили активность этих слоев крестьянства в деле кооперирования. Проводниками кооперирования явились кресткомы, которые начиная с 1927 г. усилили работу по охвату потребительской кооперацией бедноты и по организации колхозов.

На VII Вседагестанском съезде Советов (апрель 1929 г.) было отмечено, что кресткомы проводят большую работу по реконструкции и коллективизации сельского хозяйства республики. К апрелю 1929 г. имелось 888 кресткомов, которые охватывали около 130 тыс. хозяйств. В распоряжении кресткомов было 1623 га озимых посевов, 8245 голов скота всех видов, 48 тыс. пудов посевного зерна, 136 крупных сельхозмашин, которые были сосредоточены в 19 прокатных пунктах, 28 зерноочистительных пунктов и 4 случных пункта. Только за один 1928 год кресткомы выдали бедноте безвозвратных ссуд на 107 тыс. рублей. С помощью кресткомов было создано 45 коллективных хозяйств, которые охватывали 820 бедняков и батраков.

Огромную роль в социалистической перестройке сельского хозяйства Дагестана сыграла земельно-водная реформа, осуществлявшаяся с 1927—28 г.

Партия и правительство решили провести в Дагестане земельную реформу по примеру среднеазиатских республик. Задачами реформы ставились завершение аграрной революции, вытеснение феодальных отношений в землепользовании и в сельском хозяйстве вообще, уничтожение кабальных отношений в области отгонного животноводства, изъятие сохранившихся у кулацких хозяйств избыточных земель и ликвида-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 7, д. 65-а, л. 1.

² Закят — ежегодные отчисления 1/10 части урожая хлеба и 1—2% скота.

³ «Революция и горец», 1929, № 7—8, стр. 36.

ция остатков помещичьего землевладения, переселение с гор на плоскость, содействие общему подъему сельского хозяйства, его реконструкции и развитию в социалистическом направлении.

Представленный план земельной реформы был одобрен постановлением СНК РСФСР от 21 сентября 1927 г. Общий объем затрат по плану выражался в 20.970 тыс. руб., причем 77 процентов финансирования их падало на государственный бюджет¹.

План земельной реформы был рассчитан на 6 лет. Он предусматривал переселение 39 тысяч семейств с гор на плоскость, где для них намечалось подготовить соответствующие условия труда и быта. Согласно плану переселяемым хозяйствам должна была оказываться помощь: каждому бедняцкому хозяйству в размере 600 рублей, середняцкому — 320 рублей. Овцеводческим хозяйствам горных районов отводились дополнительные пастбищные наделы, которые должны были сыграть основную роль в переселении. Предполагалось оказать помощь 6.000 хозяйств переселяющихся крестьян и 20.000 хозяйств крестьян, осваивающих дополнительные наделы. Общий размер намеченных ассигнований на выдачу пособий и ссуд был равен 6.100 тыс. рублей, в том числе на безвозвратные пособия 2.100 тыс. руб. и на ссуды 4.000 тыс. рублей².

В связи с тем, что план мероприятий по земельной реформе составлял проф. Макаров (кондратьевец), в нем был допущен ряд грубых ошибок, особенно в вопросе наделения переселенцев землей. В частности, нормы проф. Макарова сохраняли кулацкое землепользование. При этом план земельной реформы был составлен без учета перевода крестьянских хозяйств на коллективные формы сельскохозяйственного производства. Не было также предусмотрено создание совхозов, которые обеспечили бы организационно-техническое руководство переселяемыми хозяйствами. Планом также не решался и вопрос сельскохозяйственного развития горных районов.

Важнейшим элементом земельной реформы (а по мнению VI Вседагестанского съезда Советов, единственной формой освоения горцами плоскости) должны были явиться дополнительные наделы, подсказанные опытом животноводов. Этот опыт состоял в том, что осенью овцеводы спускались с гор на плоскостные пастбища и там постепенно хозяйственно укреплялись — производили запашку, строили животновод-

¹ А. С. Кириллов. Земельная реформа в Дагестане. Москва, 1928, стр. 112.

² Там же, стр. 58.

ческие и другие помещения. Это был опыт крупных барановодов, но правительство ДАССР решило применить его для переселения бедноты, исходя из расчета, что в первые четыре года дополнительные наделы будут использоваться как пастбища, а в последующем будут распахиваться.

Однако выделение дополнительных наделов было совершенно необосновано, ибо до 80 процентов горских хозяйств вообще не имели овец и 7 процентов хозяйств имели до 10 овец каждое. Следовательно, использовать дополнительные наделы под пастбища эти хозяйства не могли. Таким образом, ставка на дополнительные наделы косвенно приводила к усилению крупных барановодов, которые принимали у бедняцких хозяйств скот на выпас, оставляя себе за это весь приплод. Впоследствии в практику дополнительных наделов была внесена поправка, по которой наделы предоставлялись беднякам и маломощным середнякам, но это не меняло положения.

Все эти недостатки были вскрыты на XI Дагестанской партийной конференции (1930 г.). План земельной реформы был пересмотрен и расширен. В него были включены и водохозяйственные работы.

Проведение земельно-водной реформы делится на два периода. Первый период (по 1931 г.) характеризуется неправильной ориентацией на проведение ее только в плоскостных районах. Второй — начинается после принятия постановлений СНК РСФСР от 26 февраля 1931 г. и Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 26 октября того же года. Эти постановления ориентируют партийные и советские организации на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства также в горных районах.

За 1932—1933 гг. орошаемая площадь в республике выросла на 85,4 тыс. га, или на 64,2 процентов, и достигла 217,6 тыс. га. Этот рост шел, главным образом, за счет расширения и улучшения существующей оросительной сети, проведения ряда мер по упорядочению ее эксплуатации, а также за счет строительства новых оросительных систем.

В горных районах проводились мероприятия по землеустройству (долгосрочное закрепление и отвод пастбищ в постоянное трудовое пользование колхозам и кооперативным товариществам). В 1932 г. за ними было закреплено сроком на 5 лет 211,4 тыс. га, и в 1933 году отведено в постоянное трудовое пользование 189 тыс. га.

Много внимания уделялось постройке водохозяйственных сооружений в горах. Были созданы оросительные сети в Левашинском районе и Алада-Майдан первой очереди в Гунибском районе, перестроены Игалинская и Хунзахская оросительные системы. Все они были приспособлены для орошения садов.

Значительный успех в строительстве новых оросительных систем был достигнут благодаря широкому участию в этом деле самого населения. Так, в Рутульском районе под руководством парторганизации население построило несколько каналов, обеспечивших орошение 340 га. Такая же работа была проведена в Лакском и Гунибском районах.

Большие работы были проведены по укреплению берегов Терека и Сулака и по борьбе с малярией.

Осуществление земельно-водной реформы сопровождалось яростным сопротивлением кулацких элементов. Однако благодаря большой разъяснительной работе партийных организаций среди беднейшего и среднего крестьянства сопротивление врагов было сломлено. В результате земельно-водной реформы на плоскости было организовано 26 поселков, где разместилось около 1700 хозяйств аварцев, лакцев, даргинцев и других народностей горных районов¹.

Незначительность числа хозяйств, переселившихся на плоскость, объясняется тем, что фактическое освоение горцами земель плоскости было сопряжено с большими трудностями. Главнейшими из них были:

а) резкое отличие климатических условий гор и плоскости и наличие малярийных очагов, что приводило к большой заболеваемости переселенцев и к тому, что в конце концов многие хозяйства возвращались обратно;

б) отсутствие у переселенцев опыта в возделывании сельскохозяйственных культур на плоскости;

в) почти полное отсутствие у большинства горцев сельскохозяйственных орудий, инвентаря и скота;

г) недостаточный контроль за распределением средств, выделенных в помощь переселенцам.

В процессе осуществления реформы на плоскости были осуществлены большие землеустроительные работы (съемка, землеустройство колхозов, межселенное землеустройство, ликвидация нетрудового землепользования). Были также выявлены большие массивы свободных земель, на которых были созданы крупные совхозы.

В 1927 г. в Бабаюртовском районе был организован первый овцеводческий совхоз на площади 18.000 га на базе мериносовых отар, изъятых у помещиков. В следующем году были созданы еще два животноводческих совхоза «Бажиган» и «Червленые Буруны». В 1929 г. совхозов имелось уже 4 с поголовьем 114.635 овец²; они занимали территорию в 299.000 га.

Кроме того, был организован садоводческий совхоз на площади 3000 га и 2 совхоза Садвинтреста на площади 4000 га.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 145, л. 35.

² «Революция и горец», 1932, № 10—12, стр. 82.

Все эти совхозы являлись крупными государственными предприятиями, применявшими машины и передовую агротехнику. Вместе с тем совхозы оказывали помощь колхозам и индивидуальным хозяйствам передачей опыта и советами.

Благодаря повседневной работе среди крестьян, с помощью бедняцких групп и кресткомов, а также благодаря налоговой и кредитной системе, трудовое крестьянство постепенно вырывалось из-под влияния кулаков и духовенства, что позволило укрепить союз пролетариата с середняком и усилить наступление на частный капитал. Этот процесс сопровождался ростом сельскохозяйственной продукции, повышением организованности батраков, оживлением деятельности местных Советов и возрастающим отпором кулачеству.

Мощным орудием в социалистической перестройке сельского хозяйства явилась контрактация. Через контрактацию государство осуществляло переход от обобществления рыночных связей крестьянского хозяйства к обобществлению крестьянского производства. Контрактация явилась одной из форм производственной смычки между рабочими и крестьянами. С помощью контрактации государство регулировало соотношение сырьевой базы и выпуска промышленной продукции. Таким образом, индивидуальное хозяйство вовлекалось в русло государственного планирования. Хозяйства, засевавшие земельные площади по контрактации, получали кредиты на приобретение сельскохозяйственных орудий, снабжались удобрениями, имели квалифицированную консультацию по выращиванию тех или иных культур.

Контрактация в Дагестане была введена с 1927 г.; ею охватывались преимущественно хлопок, кенаф, конопля, овощи. С 1929 г. начинается контрактация зерновых культур. В этом году ею было охвачено 12 районов, главным образом, плоскостных. Было законтрактовано 32599 гектаров посевов зерновых, технических и овощных культур. Из них 11375 гектаров приходилось на членов колхозов и 21224 гектара на единоличников¹.

В 1928—29 году была начата контрактация мериносовых баранчиков. В этом году было законтрактовано 5123 головы, а в следующем — 10000 голов².

Дальнейшее развитие контрактации сельскохозяйственных продуктов, т. е. развитие договорных отношений между кооперированным крестьянством и госорганами, которые устанавливали непосредственную смычку между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью и обеспечивали

¹ Справка Наркомзема о контрактации посевов в Дагестане.

² Отчет о деятельности Дагживотноводсоюза за период с 1928 по 1930 г. (включительно).

государственное плановое регулирование соответствующих отраслей сельского хозяйства, являлось одной из решающих предпосылок развития колхозного строя в Дагестане.

Большое значение в эти годы (1926—29 гг.) имело освобождение беднейшего и среднего крестьянства от налогов, а также снятие задолженности по ссудам. Только в 1927 г. было снято 275 тыс. рублей недоимок за прошлые годы¹. От сельскохозяйственного налога освобождалось около 60 процентов населения. Сельскохозяйственный кредит был предоставлен в размере более 10 миллионов рублей². Благодаря этому значительно успешнее, чем в предыдущие годы, прошли и заготовительные кампании 1928—29 и 1929—30 гг.

Утвержденный постановлением СНК ДАССР план хлебозаготовок на 1929—30 г. равнялся 60 тыс. центнеров. Основными хлебозаготовителями являлись Дагсоюз и Дагкентберлиги (Дагсельхозсоюз). В помощь хлебозаготовительным организациям на местах создавались тройки, состоявшие из представителей общественных организаций. Основными районами заготовок были Кизлярский, Ачикулакский, Хасавюртовский, Буйнакский. В целях поощрения хлебосдатчиков в районы были своевременно завезены промышленные и продовольственные товары. Бедняк, сдавший хлеб государству, получал право на приобретение дефицитных товаров на сумму, равную 50 процентам стоимости сданного хлеба, середняк — 40 и зажиточный — 20 процентам³.

Кулачество и духовенство стремились сорвать проведение этих мероприятий, используя любые пути, вплоть до применения террора. В селении Тенит, Табасаранского района, в 1929 г. был зверски избит комсомолец Рафиев за то, что на собрании он призывал к борьбе с кулаками⁴. В Бабаюртовском, Кайтагском и ряде других районов были убиты уполномоченные по хлебозаготовкам. В Бабаюрте кулаки открыто агитировали против сдачи хлеба государству, в результате чего здесь было сорвано общее собрание сельчан, посвященное хлебозаготовкам.

Центральный Комитет партии вовремя вскрыл недостатки в хлебозаготовительной кампании и нацелил местные организации на исправление этих недостатков. В итоге намеченный план хлебозаготовок был выполнен своевременно.

Вся деятельность партии и правительства, способствовавшая дальнейшему развитию сельского хозяйства, увеличению

¹ ЦГА ДАССР, ф. 39-р, оп. 3, д. 16, лл. 29, 35.

² Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1929, стр. 49.

³ «Красный Дагестан», 1929, 31 июля,

⁴ Там же, 18 октября.

посевных площадей, росту товарности сельскохозяйственного производства, внедрению более высокой агротехники, убеждала крестьянство в преимуществах коллективного труда.

Введение коллективных форм сельского хозяйства в Дагестане получило свое начало еще в 1920 году, когда в октябре в сел. Асакент Кюринского округа была создана производственная артель из 24 семей (всего 100 человек) ¹. В селении Векелар того же округа объединились 14 семей. В апреле 1921 г. была организована Чохская сельскохозяйственная рабочая артель. В ней было обобществлено 8 плугов, 3 лошади, 4 быка, 30 ослов, 150 овец, 10 коров. Стоимость объединенных средств производства этой артели составила 70.000 рублей ². В тот же период были созданы две сельскохозяйственные артели в Хасавюртовском районе. Во все эти артели вступали преимущественно бедняки и батраки.

В 1924—25 г. в Дагестане имелось 15 колхозов, в 1925—26 г. — 29, в 1926—27 г. — 39, в 1927—28 г. — 232, в 1928—29 г. — 363 колхоза. По уставным формам колхозы распределялись следующим образом.

Виды колхозов	Количество колхозов на 1. X. 28 года	Количество колхозов на 1. X. 29 года	Количество колхозов на 1. X. 30 года
1. С/х коммуны . . .	2	7	5
2. С/х артели	203	305	178
3. ТОЗ'ы	27	51	224
ИТОГО:	232	363	407

Снижение количества сельхозартелей в 1929—30 г., по сравнению с 1928—29 г., объясняется тем обстоятельством, что колхозы, числившиеся в 1928—29 году сельхозартелями, имели только устав артели, но фактически хозяйство их было построено по типу ТОЗ'а. Согласно постановлению правительства основной формой коллективных хозяйств для ДАССР на данном этапе являлись ТОЗ'ы, в связи с чем часть сельскохозяйственных артелей в 1929—30 г. была переведена в ТОЗ'ы.

Колхозное движение сначала охватило плоскостные и предгорные районы. В горных же районах, где основной отраслью хозяйства было отгонное животноводство, колхозное строительство шло значительно медленнее.

В 1928 г. 14 из 30 районов Дагестана приступили к организации колхозов. В этом году имелось 232 колхоза с 4938

¹ ЦГА ДАССР, ф. 38-р, оп. 1, д. 3, л. 18.

² Там же, оп. 2, д. 5, лл. 18—19.

хозяйствами, что составляло 2,7 процента всех хозяйств. На 1 октября 1929 г. было коллективизировано 3,8 процента всех крестьянских хозяйств. Однако до 35 процентов общего числа колхозов было плохо обеспечено средствами производства.

Во второй половине 1929 года произошел великий перелом в деле коллективизации сельского хозяйства всей страны. Веками складывавшееся индивидуальное крестьянское хозяйство уступало место новым социально-экономическим отношениям, крупному коллективному хозяйству. Этот перелом был подготовлен всем ходом развития Советского государства и народного хозяйства СССР.

Гениальная политика нашей партии подготовила необходимые объективные условия, в которых при соответствующем руководстве можно было бы развернуть массовое колхозное движение. Одним из решающих объективных условий было установление Советской власти, которая горой стояла за интересы основных масс крестьянства и была готова избавить трудящееся крестьянство от вековой отсталости и помочь ему вступить на путь коллективизации.

Ликвидировать класс кулачества сразу было нельзя, тем более в таких отсталых районах страны, как Дагестан, где широко бытовали чрезвычайно сильные патриархально-феодальные пережитки, где джамаат и тухумно-родственные отношения еще играли большую роль, где народы переходили к социалистическому общественному строю от неразвитых капиталистических отношений. Здесь необходимо было предварительно обессилить кулака, ослабить его экономическую мощь, духовное и моральное влияние на население, на джамаат, ослабить тухумно-родственные отношения, неустанно организуя против кулака массы трудящихся горцев — батрачество, бедноту и середняков.

Эта борьба в различных районах Дагестана, исходя из их особенностей и специфических условий, развертывалась по-разному. Так, например, если в плоскостных районах и отдельных аулах предгорных районов она превратилась в решительное наступление против кулачества, то в горных и высокогорных районах в силе оставалась политика ограничения кулака, и трудящиеся горцы в тот период только готовились к его ликвидации.

Руководствуясь ленинскими указаниями о союзе рабочего класса и крестьянства, партия учила, что рабочий класс может и должен строить социализм в союзе с крестьянством, и всемерно укрепляла этот союз. Это положение особенно относится к дагестанской действительности, так как здесь рабочий класс был еще маломощным и его непосредственное

руководство горским крестьянством было исключительно важным.

«Союз рабочих и крестьян в условиях диктатуры пролетариата, — указывал И. В. Сталин, — нельзя представлять, как простой союз. Этот союз есть особая форма классового союза рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, ставящая своей целью:

- а) усиление позиций рабочего класса,
- б) обеспечение руководящей роли рабочего класса внутри этого союза,
- в) уничтожение классов и классового общества»¹.

Вот почему для Дагестана особенно важен был вопрос поднятия роли союза рабочего класса и крестьянства и усиления роли рабочего класса в этом союзе. Именно в условиях Дагестана рабочий класс под руководством партии сыграл решающую роль в деле перевода сельского хозяйства на социалистический путь развития.

Гигантская работа по социалистической переделке сельского хозяйства проходила в обстановке бешеного сопротивления со стороны врагов социализма как внутренних, так и внешних.

Троцкизм развил самую активную борьбу против генеральной линии партии, против проведения ленинского кооперативного плана. В своих выступлениях против партии троцкисты, исходя из контрреволюционной теории «перманентной» революции, вообще отрицали возможность построения социализма в России силами рабочего класса и крестьянства. Они отрицали возможность вовлечения основных масс крестьянства в социалистическое строительство, указывая, что в деревне имеются «неодолимые противоречия» между пролетариатом и крестьянством. Троцкий утверждал, что мы не можем без помощи извне средствами отечественной промышленности обеспечить деревню; поэтому мы не должны думать о коллективизации, а должны дать простор развитию капитализма в сельском хозяйстве. Троцкисты требовали ликвидации совхозов, как нерентабельных хозяйств, роспуска колхозов, отказа от ликвидации кулачества, требовали возврата к политике концессий, требовали отдать иностранным капиталистам основные рычаги нашей промышленности.

Партия разгромила троцкизм и обеспечила успешное выполнение ленинского плана индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Наряду с троцкистами, в тесном идейном союзе с ними в борьбе против ленинского учения о путях развития сельского хозяйства выступали правые оппортунисты. Они отри-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 95.

цали решающую роль социалистической индустриализации в реконструкции сельского хозяйства. Правые считали ключом реконструкции сельского хозяйства не усиление темпов развития индустрии, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства. Они не ставили задачу ликвидации капиталистических элементов в стране, а исходили из антиленинской теории «затухания» классово́й борьбы. Они выступали с теорией мирного враща́ния кулака в социализм, выступали против социалистической реконструкции сельского хозяйства, против создания совхозов, колхозов, МТС. Это была программа капитуляции перед кулаком и разоружения нашей страны перед лицом империалистических государств, программа возрождения капитализма, ликвидации диктатуры пролетариата в нашей стране.

Коммунистическая партия решительно разоблачила капитулянтские реставраторские теории троцкистов и правых оппортунистов, разгромила и разбила их в открытом бою.

В деле подготовки и коренной социалистической переделки сельского хозяйства партия широко развернула идейно-воспитательную и организаторскую работу. Значительно была улучшена политическая пропаганда и агитационная работа. Партия очистила свои ряды от враждебных и реставраторских элементов. Были укреплены Советы, комсомол, профсоюзы. Особое внимание партия обратила на экономическое и политическое развитие национальных областей и республик, на укрепление их квалифицированными работниками, советскими и хозяйственными кадрами, всесторонне подготовленными людьми.

Мероприятия по проведению величайшего социалистического переворота в деревне, разработанные Центральным Комитетом партии, были одобрены и приняты XV съездом ВКП(б). Руководствуясь решениями XV съезда, партийная организация Дагестана практически организовала подготовку к осуществлению плана коллективизации сельского хозяйства республики. В Дагестане проводилась работа по укреплению уже имевшихся колхозов и распространению их опыта среди крестьян, а также по укреплению существующих и созданию новых совхозов.

В целях технического перевооружения новых социалистических сельскохозяйственных предприятий усиленно развертывался ввоз в республику сельскохозяйственных машин. Принимались меры к укреплению сбытовой и производственной кооперации, прокатных пунктов и товариществ по совместной обработке земли и выпасу скота. Все шире проводилась массовая контракция сельскохозяйственных продуктов.

Период после XV съезда партии ознаменовался серьезными успехами в борьбе за сплочение трудящихся горцев

Дагестана в единый лагерь с целью перевода их на социалистический путь развития.

В борьбе против кулачества и духовенства спланивались середняцко-бедняцкие слои деревни. Бедноте, батрачеству и середнякам оказывалась большая материальная помощь. В аулы направлялись многочисленные бригады, проводились слеты бедняков и середняков, женские делегатские собрания.

Решительно вытесняя капиталистические элементы в аулах и городах республики, партийная организация получила возможность направить все усилия на создание благоприятных условий для массового роста колхозов, для развития производительных сил в аулах.

В связи с этим следует особо отметить мероприятия ЦК партии и правительства СССР и РСФСР, обеспечившие укрепление колхозного строительства в Дагестане. Их огромная помощь сыграла решающую роль в деле вовлечения трудящихся в колхозы и перевода крестьян, особенно в плоскостных районах, на путь социалистического сельского хозяйства. В результате этой помощи со второй половины 1929 г. начали быстро развиваться крупные коллективные хозяйства.

В постановлении XVI партийной конференции указывалось на необходимость «всемерной поддержки инициативы перехода целых сел и деревень к коллективным формам труда». Особое внимание партия обращала на всемерное развитие производственного кооперирования в горах.

XVI партийная конференция приняла важнейшее решение «О путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка». Большие льготы были предоставлены коллективным хозяйствам, а также беднякам и середнякам-единоличникам. В частности, 35 процентов маломощных крестьянских хозяйств полностью освобождалось от налога и 30—45 процентов всей суммы налога перекладывалось на кулацкие хозяйства.

В Дагестане коллективизация получила наибольший разворот в октябре 1929 г. С этого времени началось усиленное объединение крестьян в колхозы.

Специфические условия республики не позволяли одновременно и повсеместно проводить перевод сельского хозяйства на социалистический путь. Необходимо было строго учитывать экономические, политические, бытовые, культурные и другие условия каждого района и зоны. Так, например, в горной и предгорной зонах Дагестана в 1929 г. нельзя было ставить задачу сплошной коллективизации и на этой базе ликвидации кулачества как класса, ибо для этого не было налицо объективных условий.

В горах работа по сплочению батрацко-бедняцкой части крестьянства с середняком и ограничению кулачества не

снялась с повестки дня. Усиление кооперирования, создание товариществ по совместной обработке земли и выпасу скота, и на этой основе убеждение трудящихся горцев в преимуществах колхозного строя являлись здесь основной задачей партийных и советских организаций. Это было необходимо потому, что в горах еще были живучи пережитки патриархально-родовых отношений. Кроме того, сказывались неграмотность населения и недостаточная партийно-комсомольская прослойка среди горцев (на 1 июня 1929 г. в Дагестане насчитывалось 6742 коммуниста, в том числе на селе — лишь 2203)¹. Один коммунист приходился на 335 человек сельского населения. При этом в числе коммунистов неграмотных и малограмотных было свыше 56 процентов. При чистке Дагестанской партийной организации, проведенной в 1929 г. по решению ноябрьского Пленума ЦК и ЦКК (1928), были обнаружены неграмотные секретари партийных ячеек.

Согласно решению ноябрьского Пленума ЦК и ЦКК, в связи с новыми задачами, вставшими перед партией в условиях огромного размаха колхозного движения и усиления классовой борьбы в деревне, с особой остротой был выдвинут вопрос о всемерном укреплении всех звеньев политической работы в аулах Дагестана. Исходя из указаний ЦК ВКП(б), партийная организация республики поставила задачу повысить активность партийных и комсомольских ячеек и профсоюзных организаций в аулах и усилить их прямую помощь колхозному строительству.

Претворяя в жизнь директивы партии и правительства по преобразованию жизни аула и созданию колхозов и простейших производственных объединений не только в плоскостных, но и в горных районах республики, партийная организация мобилизовала десятки тысяч трудящихся республики. В результате огромной организационной и партийно-политической работы на 1 октября 1930 г. было коллективизировано 9,8 процента всех крестьянских хозяйств Дагестана. По данным Дагколхозсоюза, было организовано 407 колхозов (в том числе полеводческих — 248, животноводческих — 71, садово-огородных — 88), охвативших 13260 хозяйств².

Одним из путей организации новых колхозов явилось перерастание в колхозы ранее организованных простейших производственных товариществ как по совместной обработке земли, так и по совместному выпасу скота. Работа этих

¹ «Статистико-экономический справочник по ДАССР». Изд. «Северный Кавказ», Ростов-на-Дону, 1933, стр. 278.

² ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 8, д. 10, л. 27.

товариществ подкреплялась массово-политической работой общественных организаций в аулах.

В результате проведения организационных и практических мероприятий как среди членов товариществ, так и особенно среди единоличников, начался быстрый рост новых колхозов и укрепление существующих. Так, в Буйнакском районе активно вступало в колхозы население аулов Буглен, Кафыр-Кумух, Халимбек-аул, Капчугай; Верхнее и Нижнее Казанище, Сталин-аул, В. Дженгутай и др. Уже к октябрю 1929 г. в этих аулах 1832 хозяйства было объединено в сельскохозяйственные артели. При этом были обобществлены 1531 голова рабочего скота, 3071 голова крупного рогатого скота, 5684 головы мелкого скота, 2780 гектаров посевов, 1200 гектаров сенокосов, 176 гектаров садов.

Примеру этих аулов последовали многие аулы Хасавюртовского, Кумторкалинского и других районов республики. В сел. Баташ-Юрт Хасавюртовского района к 1 ноября 1929 г. из 150 дворов были обобществлены средства производства 77 дворов, в сел. Карлан-Юрт из 100 хозяйств было организовано 2 коллектива по 45 хозяйств¹.

С 1929 г. роль колхозного производства в сельском хозяйстве республики все более и более возрастает. Однако вражеские элементы, которые сумели пробраться в земельные органы, стали наносить удары колхозному строительству, срывать мероприятия партии и правительства. В отдельных районах враги подбирали в аппарат земельных органов людей из числа бывших помещиков, беков, офицеров, кулаков, мулл и расставляли их на таких участках, где можно было причинить наибольший ущерб колхозному строительству.

С помощью пробравшихся в земельные органы чуждых элементов председателем Буйнакского райколхозсоюза был назначен белый офицер, председателем колхоза в сел. Хаджал-Махи Левашинского района — кулак, председателем колхоза в сел. Верхнее Казанище — мулла. К началу 1931 г. по 57 колхозам республики засоренность чужаками достигала 4 процентов, а по отдельным районам: Буйнакскому — 6,8 процента, Ботлихскому — 8,3, Кизлярскому — 8,1, Гунибскому — 7,2, Сергокалинскому — 5,3 процента и т. д.²

Партийными и советскими органами были приняты решительные меры к очищению земельных органов и колхозов от классово-чуждых, вредительских элементов и укреплению их большевистскими кадрами. В конце 1930 года на руководящие должности в колхозы и земельные органы из городов и

¹ ЦГА ДАССР, ф. 479-р, оп. 10, д. 92, л. 1—2.

² «Революция и горец», 1932, январь, стр. 58.

районов были направлены коммунисты и специалисты сельского хозяйства.

Мобилизация коммунистов на работу в сельском хозяйстве дала возможность в короткий срок укрепить земельные органы надежными работниками и несколько улучшить положение существующих колхозов. Чрезвычайно большую роль в этом сыграли 25-тысячники, направленные в районы и колхозы Дагестана. Кроме них, согласно решению ЦК ВЛКСМ, были мобилизованы и комсомольцы. Огромное значение имели мероприятия, осуществленные по инициативе рабочих городских предприятий и профсоюзных организаций. Рабочие Махачкалы, Дербента, Буйнакса организовывали ударные бригады и направляли их в районы и колхозы для оказания им практической помощи.

Первым на призыв республиканского Совета профессиональных союзов откликнулся Махачкалинский район, создавший три ударных бригады. Эти бригады совместно с батрацкой и бедняцко-средняцкой массой разоблачали кулачество и антисоветские элементы в аулах Султан-Янги-Юрт, Кумторкала, Манас-Кент и тем самым способствовали укреплению колхозов и успешной подготовке к весеннему севу. Участники рабочих бригад безвозмездно ремонтировали колхозам сельскохозяйственный инвентарь, проводили среди крестьян политическую и агротехническую пропаганду. В 1930 г. таких бригад в Дагестане было уже 16.

Колхозный отдел Обкома партии и Дагколхозсоюз обратились к промышленным предприятиям с просьбой выделить лучших рабочих для посылки в колхозы. В ответ на это откликнулось много добровольцев. Одни только химики выделили 50 человек.

Не остались в стороне и соседние республики и области. На призыв партийных и советских организаций города Закавказья, Ставрополя и другие ответили посылкой своих лучших людей в колхозы Дагестана.

Партийные и комсомольские организации республики руководили социалистическим соревнованием, организацией шефской работы в колхозах, проведением «Праздников урожая и коллективизации». В своих обращениях к рабочим и служащим городов партийные и комсомольские организации указывали на огромное значение социалистической перестройки сельского хозяйства. Такие обращения поднимали трудящихся на борьбу со всеми трудностями в деле перестройки сельского хозяйства.

Активно откликнулись на эти мероприятия и бойцы Дагнацдивизиона. Помимо личного участия в ремонте сельхозинвентаря, они писали письма демобилизованным красноармейцам, призывая их к ликвидации кулачества.

Только в 1930 г. в сельскохозяйственных кампаниях участвовало 2206 членов профсоюзов. На местах работала 421 профсоюзная бригада с 1685 участниками. Средства, затраченные профсоюзами на шефскую работу, в 1930 г. значительно увеличились. Кроме того, профсоюзы организовывали массовые субботники по оказанию помощи колхозам и совхозам в уборке урожая. В субботниках участвовало до 10.000 человек¹.

В республике проводились «Дни урожая и коллективизации» (1930 г.), которые являлись политическим мероприятием, мобилизовавшим всю общественность города и деревни. В честь этих праздников организовывались выставки, на которых демонстрировались достижения в области перестройки сельского хозяйства. На выставке в Чирюрте (1930 г.) на многолюдном митинге председатели колхозов выступали с рапортами о своей работе. На выставку прибыли обозы с хлебом, хлопком и другими сельхозпродуктами.

С призывами к населению выступали и единоличники, вступившие в «День урожая и коллективизации» в члены колхоза. В селении Султан-Янги-Юрт два колхоза объединились, при этом в колхоз вступило 41 хозяйство².

Аульская общественность привлекалась к активному участию во всех сторонах общественной жизни, в частности, в упрощении госаппарата, укреплении его связей с массами, улучшении работы культурно-бытовых учреждений. Батрацко-бедняцкие конференции, проводившиеся в аулах, также являлись источником творческой инициативы. Обсуждая насущные вопросы социалистической перестройки сельского хозяйства, батраки, бедняки и середняки вскрывали на таких конференциях порочные методы руководства. Так, в Буйнакском районе конференция отметила недостаточную связь между батрацко-бедняцкими и середняцкими слоями населения, призывала к чистке сельсоветов, кооперации, кресткомов и очищению этих организаций от пробравшихся в них кулаков и людей, выражающих чуждые настроения³.

Все эти факты подтверждают правильность ленинских положений о построении социализма, о том, что партия не только должна увлекать массы трудящихся своим беззаветным героизмом на революционную борьбу, но и должна повести их по пути хозяйственного строительства, создания новых общественных отношений, новой дисциплины и высшей организации труда, соединяющей последнее слово науки и

¹ «На путях социалистической перестройки», Махачкала, стр. 47—78.

² «Красный Дагестан», 1930, 10 ноября.

³ Там же, 3 июня.

техники с массовым объединением сознательных работников, осуществляющих крупное социалистическое производство.

Участие партийных и советских организаций в поднятии инициативы трудящихся масс Дагестана в перестройке народного хозяйства еще раз подтвердило слова В. И. Ленина о том, что «социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹.

Отличительной чертой этого нового этапа колхозного движения, по сравнению с предыдущими, было то, что раньше в колхозы шли отдельные группы крестьян, а теперь крестьяне двинулись в колхозы целыми аулами и районами. Кроме того, изменился и социальный состав колхозов — в колхозы шли не только беднота и батрачество, но и среднее крестьянство.

На 1 мая 1930 г. было коллективизировано 9 процентов всех хозяйств Дагестана (против 3,8 проц. на 1 октября 1929 г.). Посевные площади в колхозах возросли с 12051 до 44700 га.

Однако в Дагестане, как и в ряде других районов страны, при проведении коллективизации были допущены искривления политики партии в колхозном строительстве. Некоторые руководители увлеклись первыми успехами колхозного строительства, забыли местные особенности Дагестана и проводили сплошную коллективизацию в районах, где крестьянская масса еще не была подготовлена к этому. При этом применялись административные меры и, следовательно, нарушался принцип добровольности.

В письме к коммунистам Кавказа В. И. Ленин отмечал, что они не должны «копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к развитию конкретных условий». Это указание было забыто некоторыми руководящими работниками Дагестана. В частности, IV пленум Обкома партии (январь 1930 г.) дал указание объединить в 1930 г. 50 тысяч крестьянских хозяйств, что составляло около 35 процентов всех хозяйств республики (всего в Дагестане имелось 173,2 тысяч крестьянских хозяйств, из которых только 37,3 тыс. находились в плоскостных районах, а большая часть — в горах)². Районы Хасавюртовский, Ботлихский, Буйнакский были объявлены районами сплошной коллективизации, несмотря на то, что там не было объективных условий для этого. В результате не был соблюден дифференцированный подход к горам и плоскости, был нарушен принцип добровольности. Такое положение вызвало недовольство среди крестьян, вскоре выразившееся в выходе многих из них из колхозов.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 255.

² «Районированный Дагестан», Махачкала, 1930, стр. VIII.

Создавшееся положение использовалось кулаками и их подголосками в провокационных целях. Начался спад в колхозном движении. Если на 10 марта 1930 г. колхозы Дагестана объединяли 31 тыс. хозяйств, то на 1 апреля того же года в колхозах осталось 13.267 хозяйств¹.

На 20 января 1930 г. процент коллективизации в Махачкалинском районе составил 83, Буйнакском — 47,3. Даже в горном Чародинском районе было коллективизировано 42 процента хозяйств. Эта поспешная работа без учета местных условий привела к тому, что на 10 февраля 1931 года в Махачкалинском районе в колхозах осталось 29,9 процента всех хозяйств, Буйнакском — 36,5; в Чародинском районе сельхозартели были переведены в простейшие объединения².

Постановление ЦК партии «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» (март 1930 г.) и ряд статей И. В. Сталина по этому же вопросу, опубликованных по поручению ЦК партии, вскрыли корни ошибок и извращений в проведении коллективизации. Недочеты и искривления были преодолены и колхозное движение, подготовленное всем ходом социалистического строительства, успешно претворялось в жизнь.

Важнейшей задачей парторганизации в области колхозного строительства на данном этапе было закрепление достигнутых успехов и, на этой основе, дальнейшее укрепление и расширение коллективизации при условии неуклонного соблюдения принципа добровольности, учета разнообразия условий правильного подхода к середняку и беспощадной борьбы с извращениями и перегибами линии партии, а также с проявлениями недооценки колхозного движения.

X областная партконференция отметила, что основной формой коллективного объединения крестьян на плоскости должно быть товарищество по совместной обработке земли, как переходная форма к артели. Однако это не должно исключать возможности закрепления существующих высших форм колхозов и организации их там, где существуют условия для этого.

В горах же, где еще нет достаточных предпосылок для развертывания коллективизации, необходимо, как указала партконференция, обратить особое внимание на развитие простейшего производственного кооперирования. При этом следует принять решительные меры к полному охвату кооперированием сбыта продукции крестьянских хозяйств и расширению предприятий по первичной обработке сельскохозяй-

¹ «Подготовка массового колхозного движения в Дагестане». Автореферат канд. диссертации Г. Г. Османова, стр. 17.

² «Дагестанская правда», 1931, 25 февраля.

ственных продуктов, своевременно обеспечивая их необходимым количеством сельхозмашин, инвентаря и кредитами.

Конференция поручила ДК ВКП(б) принять меры к укреплению производственной базы колхозов, улучшению их агрокультурного обслуживания и удовлетворению культурно-бытовых нужд колхозников. Особенно серьезное внимание конференция обратила на налаживание правильных взаимоотношений между единоличниками и колхозниками и предостерегала от игнорирования единоличного хозяйства, которое все еще является преобладающей формой сельскохозяйственного производства.

Проделанная партийными организациями работа по ликвидации недостатков в колхозном движении привела к укреплению колхозов. На митингах в колхозах им. 8 Марта (Сергокала), им. Ахундова (Ахундовка) и «Новая жизнь» (Нечаевка) в «День урожая и коллективизации» 2 ноября 1930 г. их правления сообщили об успешном выполнении плана хлебозаготовок, погашении кредитов и перевыполнении заданий по осеннему севу. Распределение доходов дало возможность выдать колхозникам на каждый трудодень по два рубля. В митингах участвовали единоличники, которые оценили успехи колхозов и сами взяли обязательства о выполнении плана хлебозаготовок¹.

Большую роль в новом приливе крестьянских масс в колхозы сыграла установка партии на создание инициативных групп и вербовочных комиссий. Эти группы разъясняли цели и задачи колхозов, рассказывали об их достижениях, разъясняли их устав. В результате этой работы единоличники подавали заявления о приеме в колхозы.

В Хасавюртовском районе было организовано 11 инициативных групп, которые впоследствии оформились в колхоз, охвативший 201 хозяйство. В Бабаюртовском районе в итоге работы вербовочной комиссии среди единоличников в колхоз «1 Мая» вступили 22 новых хозяйства. В селении Костек группа по совместному посеву хлопка перешла на устав сельхозартели.

Вместе с этими задачами, как решающая проблема, стоял вопрос о подготовке колхозных кадров. Большое внимание этому вопросу было уделено в решениях ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б). Решением Пленума партийным, советским и колхозным органам предлагалось принять самые решительные меры по перестройке всей системы подготовки кадров для села, в первую очередь организаторов, агрономов, инженеров, землеустроителей, техников, финансово-счетных работников и огромной армии работников массовой квалификации.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 479, оп. 10, д. 93, лл. 9—11.

Так, в 1930 г. по решению Дагобкома ВКП(б) были открыты курсы по подготовке колхозных кадров в Махачкале, Кизляре, Хасавюрте, Буйнакске, Дербенте, Левашах, Хунзахе, Касумкенте¹. Были открыты также краткосрочные курсы трактористов.

Учитывая разнообразие национальных условий, Дагобком ВКП(б) решил создать курсы на местных языках. В течение 1930 г. на таких курсах было подготовлено свыше 1000 руководящих колхозных работников.

Наиболее массовым мероприятием в части подготовки сельскохозяйственных кадров было проведение 20-дневных курсов по различным отраслям сельского хозяйства с охватом не менее 15 тыс. человек. Это мероприятие проводилось с помощью совхозов и колхозов.

Широкое применение в Дагестане получил опыт центральных районов Советского Союза по подготовке колхозных кадров путем заочного обучения. За 1931 год таким путем было подготовлено 300 руководящих работников колхозов и районных учреждений².

В 1932 г. в республике уже работали сельхозтехникум, ветзоотехникум и сельскохозяйственный институт, где готовились специалисты сельского хозяйства высшей и средней квалификации.

В 1932 г. было подготовлено: колхозных руководителей — 699, счетоводов — 318, бригадиров — 3078, кузнецов — 24, ветфельдшеров — 24, ветсанработников — 76, трактористов — 1165, работников водного хозяйства — 171³.

Благодаря всем этим мероприятиям число квалифицированных кадров для сельского хозяйства к концу пятилетки составляло 5555 человек.

Наряду с этим в аулах республики расширялась сеть культурно-просветительных учреждений, развертывалась работа по культурно-бытовому обслуживанию колхозного крестьянства. Усилилась деятельность Общества ликвидации неграмотности, большее развитие получили библиотечное дело, организация колхозных курсов и школ крестьянской молодежи, массовое распространение агрономических знаний.

В 1932 г. республика уже имела 233 избы-читальни, 24 библиотеки, 51 «саклю горянки», 271 красный уголок, 305 учреждений клубного типа, 10 домов горца⁴.

Специальные клубы горянок и «сакли горянок» сыграли большую пропагандистскую роль в деле социалистической

¹ «Красный Дагестан», 1930, 13 декабря.

² «Красный Дагестан», 1931, 4 января.

³ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 14, д. 79, л. 32.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 11, д. 37, л. 35—36. Итоги народнохозяйственного плана Дагестанской АССР, 1932 г.

реконструкции экономики и перестройки быта бедняцкой и середняцкой массы.

В октябре 1931 г. бюро Дагестанского обкома ВКП(б) вынесло решение о проведении в республике культсанштурма по ликвидации неграмотности и культурной отсталости населения. Была поставлена задача охватить до 15 февраля 1932 г. обучением 155 тысяч неграмотных и 100 тысяч малограмотных, развернуть борьбу против антисанитарии и к XV годовщине Октября превратить Дагестан из страны неграмотной и культурно-отсталой в страну сплошной грамотности.

Немалую роль в деле дальнейшего развития коллективизации сыграл закон о сельхозналоге на 1931 год. Он явился одним из основных орудий ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Средства, поступавшие по этому налогу, передавались низовому советскому бюджету — селу, району, и тем самым укрепляли хозяйственную базу, роль и значение Советов.

Новый закон о сельскохозяйственном налоге снижал обложение коллективизированного хозяйства не только по сравнению с единоличным середняцким хозяйством, но и по сравнению с обложением колхозника, сохранившего часть своего хозяйства необобществленной. По этому закону животноводство в колхозе и прирост колхозных посевных площадей освобождались от обложения. Технические культуры облагались по льготному тарифу. Единоличники и середняки освобождались от обложения прироста посевных площадей, пользовались льготами по техническим культурам и животноводству. Новый сельхозналог, как и прежний, освобождал от обложения бедноту и не допускал послаблений при обложении кулака в индивидуальном порядке. Ни одно кулацкое хозяйство — явное или скрытое — не должно было ускользать от обложения в индивидуальном порядке, проводимого при широком участии сельского актива.

Некоторое оживление получила коллективизация и в горных районах (Левашинском, Лакском, Ботлихском, Кахибском, Хунзахском и др.). Были направлены силы и на укрепление старых колхозов в селениях Чох, Наказух, Чохская Коммуна (Гунибский район), Тлях, Заната (Кахибский район) и др.

Созданные согласно решению декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) райколхозсоюзы значительно укрепили руководство колхозным движением. В первом квартале 1931 г. в горных районах было организовано 13 райколхозсоюзов, которые укомплектовывались специалистами. Насколько велико было влияние райколхозсоюзов на рост колхозного движения можно видеть на примере Хунзахского района, где с 28 марта 1931 г.

(день организации райколхозсоюза) по 1 мая число хозяйств, вовлеченных в колхозы, увеличилось с 501 до 580.

27 мая 1931 г. в Чохе состоялся слет передовых животноводческих колхозов семи районов, на котором были подведены итоги пройденного этапа колхозного строительства, выявлены недостатки и намечены конкретные меры к их изжитию¹.

1931 год в колхозном строительстве стал годом укрепления колхозов. По сравнению с прошлыми годами повысилась обеспеченность колхозов сельхозмашинами. Если в 1928—29 году на 1 гектар пашни приходилось сельскохозяйственных машин на 17,6 руб., то в 1929—30 году — на 30,5 руб. В среднем же на один колхоз сельхозинвентаря соответственно приходилось на 1268 руб. и 9688 руб.². Всего за период с 1925 по 1930 г. на механизацию сельского хозяйства было затрачено 3,8 млн. руб.

Для подведения итогов социалистической перестройки сельского хозяйства Дагколхозсоюз созвал 25 февраля 1931 г. I Вседагестанский съезд колхозов. Съезд должен был выявить достижения и недочеты колхозного строительства в ДАССР и наметить дальнейшие пути коллективизации, решительно преодолевая самотек и левацкие загибы. Задачей съезда была широкая популяризация преимуществ колхозов перед единоличным хозяйством.

Вседагестанскому съезду колхозов предшествовала большая работа. Были проведены районные съезды колхозов, где подводились итоги работы по колхозному строительству; затем представители лучших колхозов были направлены на Вседагестанский съезд. Районные съезды колхозов в своих приветствиях Вседагестанскому съезду принимали обязательства по досрочному выполнению заданий по пятилетнему плану. В приветствиях колхозников Дахадаевского, Кизлярского, Шелковского и других районов говорилось: «Мы, колхозники, даем слово выполнить пятилетку в четыре года»³.

В связи с усилением притока бедноты и середняков в колхозы и ростом количества колхозов, партийным организациям необходимо было не забывать прошлых ошибок, не допускать нарушений принципа добровольности в колхозном движении и учитывать разнообразные условия различных районов республики. Поэтому третий пленум Дагобкома ВКП(б) (декабрь 1930 г.), при рассмотрении вопросов колхозного движения на основе решений XVI партсъезда, указал, что в горных районах, при наличии малоземелья и террасных участков,

¹ «Красный Дагестан», 1931, 12 мая.

² Там же, 21 января.

³ Там же, 27 февраля.

основной формой колхозного движения должны быть товарищества по совместной обработке земли и совместному ведению скотоводческого и садоводческого хозяйства. В плоскостных и предгорных районах основной упор был взят на сельскохозяйственную артель с одновременным использованием также и низших форм колхозного движения.

Сплошная коллективизация имела ряд крупных преимуществ по сравнению с предыдущим этапом коллективизации. Она разрешила вопросы организации крупного социалистического сельскохозяйственного предприятия, позволила применять в массовом масштабе машинную технику и на этой основе поднять производительность общественного труда в сельском хозяйстве.

В Дагестане к этому времени (1931 г.) в колхозах и совхозах имелось уже 1115 тракторов (в переводе на десятичные) ¹. Однако тракторы, рассредоточенные по колхозам, из которых некоторые были недостаточно сильны в экономическом и культурном отношении, не всегда рационально использовались, зачастую не получали соответствующего ремонта и не были обеспечены запасными частями.

К этому времени относится создание в Дагестане государственных машинно-тракторных станций. Первая машинно-тракторная станция в СССР была создана весной 1928 г. на базе тракторной колонны в Одесской области и была названа «Межселенная машинно-тракторная станция». Этот опыт был поддержан партией. По примеру первой МТС возникли сотни и тысячи других. С организацией машинно-тракторных станций Советское государство взяло на себя создание технической базы для колхозного производства, обеспечивающей механизацию всех основных видов сельскохозяйственных работ в колхозах.

Весной 1931 года в Дагестане были организованы пять машинно-тракторных станций. Первыми МТС в республике были Ачикулакская, Кизлярская, Хасавюртовская, Буйнакская и Берикеевская. Осенью того же года были организованы Чирюртовская и Белиджинская МТС. В 1932 г. были созданы еще 4 МТС и 9 машинно-сенокосных станций. В этом году МТС обслужили 382 колхоза с 19559 хозяйствами, вспахав 74,4 процента всей пахотоспособной земли колхозов².

В годы сплошной коллективизации усилилось и строительство совхозов. В Дагестане уже в 1932 г. было 28 совхозов, в том числе 3 совхоза крупного рогатого скота, 4 — овцеводче-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 10, д. 22, л. 8. Материалы к докладу о советском, хозяйственном и культурном строительстве Дагестана за X лет автономии ДАССР.

² ДАССР, ф. 260-р, оп. 11, д. 37, л. 27. Итоги выполнения народно-хозяйственного плана ДАССР.

ских, 1—конеководческий, 5—виноградарских, 4—плодоовощных, 1—рисовый, 4—лукбных культур и 1—хлопковый. Характерно, что 23 совхоза были созданы в период массовой коллективизации сельского хозяйства.

Совхозы были объединены в республиканские и краевые тресты — Овцеводтрест, Скотоводтрест, Дагвинтрест, Рисотрест, Севкавлубтрест, Новохлопком, Коневодсовхозтрест, Союзплодоовощ. В распоряжении совхозов было 817,9 тыс. гектаров земли, 318 тракторов мощностью 4850 лошадиных сил. Овцеводческие и скотоводческие совхозы имели 201183 овец и коз, 9966 голов крупного рогатого скота, в том числе 4858 коров¹.

Рост числа машинно-тракторных станций и совхозов означал дальнейшее усиление процесса реконструкции сельского хозяйства, повышение удельного веса обобщественного сектора в сельскохозяйственном производстве. Увеличение числа МТС и совхозов способствовало дальнейшему росту колхозов. Коллективизация особенно успешно развевывалась в районах, где были организованы МТС и совхозы.

На 1 августа 1931 г. в Дагестане было коллективизировано: на плоскости — 39,9 процента всех хозяйств, по предгорью — 26,1, по горным районам — 7,1 процента, а в среднем по республике процент коллективизации достиг 19,1. Наибольшее распространение коллективизация получила в зерновых плоскостных и предгорных районах. Так, в Кизлярском районе было коллективизировано 47,1 процента крестьянских хозяйств, а с рыболовецкими хозяйствами — 67, Буйнакском — 53,8 процента.

Постановление Крайкома ВКП(б) «Об очередных задачах Дагестанской партийной организации» от 26 октября 1931 года, решения краевой и XIII областной партийных конференций и решения бюро Дагестанского обкома ВКП(б), исходившие из принципа дифференцированного подхода к коллективизации сельского хозяйства Дагестана, установили основной формой объединения крестьянских хозяйств в горах — простейшие производственные животноводческие и садоводческие объединения, а для предгорных районов — товарищества по совместной обработке земли.

На базе этих решений Наркомзем ДАССР и Дагколхозсоюз выработали примерные уставы простейших производственных объединений по крупному рогатому скоту, овцеводству, садоводству и примерный устав ТОЗ'а. Эти уставы, организационно укрепляя производственные объединения, одновременно помогали бороться с кулацкой пропагандой против них.

¹ «Статистико-экономический справочник по ДАССР». Изд. «Северный Кавказ», Ростов-на-Дону, 1933, стр. 94—95.

В отличие от артели, во всех производственных объединениях рабочий скот, транспортные средства, а также продуктивный скот, за исключением производителей и части приплода, не обобществляются; все это остается индивидуальной собственностью членов товарищества, объединяющихся для совместного содержания и выпаса скота, заготовки кормов, возведения общих построек для скота, а также для совместной переработки и сбыта продукции.

В связи с этим распределение доходов в производственном объединении происходило не только по вложенному труду (по трудодням), но и по количеству объединенного и обобществленного имущества и скота.

В производственном объединении по крупному рогатому скоту объединялись выпасы, луга, сенокосы и весь продуктивный скот; в личном пользовании оставалась одна корова. Не обобществлялись пахотнспособные и приусадебные земли, рабочий скот, ослы. Объединенных животных каждый хозяин метил своей меткой и за ним сохранялось право продажи своего скота с согласия правления.

Вступающее в объединение хозяйство платило вступительный взнос 25 руб., шедший в неделимый фонд, и паевой взнос 5 руб. с головы скота от 1 до 2 лет и 10 руб. с каждой головы свыше 2 лет. Паевые взносы при выходе из объединения возвращались.

Объединение в первую очередь выполняло все обязательства перед государством, затем выделяло 5 процентов дохода в неделимый фонд, 3 — в оборотные средства, 2 процента в культбытовой фонд. Остальная часть дохода распределялась следующим образом: половина — по трудодням членов объединения и по количеству использованного рабочего скота и вторая половина — пропорционально стоимости объединенного членами продуктивного скота.

По уставу овцеводческого производственного объединения все пастбища, луга и сенокосы подлежали объединению. Пахотнспособные земли, сады, огороды, а также рабочий скот и транспортные средства оставались в единоличном пользовании. За использование рабочего скота начислялись трудодни, а за сельскохозяйственный инвентарь платилось деньгами по нормам, утвержденным на собраниях членов объединения. Вступительные взносы уплачивались в размере от 3 до 10 руб., в зависимости от мощности хозяйства. Эти взносы зачислялись в неделимый фонд объединения. Паевой взнос взимался из расчета 1 руб. с каждой объединяемой овцы и вносился натурой на причитающуюся сумму (за исключением безовечных батрацких хозяйств, которые вносили пай деньгами).

Обобществлялись все бараны-производители; стоимость их заносилась в лицевой счет члена объединения.

Все поголовье овец объединялось для совместного ухода, содержания, стрижки и т. д. (в личном хозяйстве оставалось не более 10 овец). Овцы метились меткой хозяина. Из объединенного стада 10 процентов приплода обобществлялось, 40 — распределялось по трудодням и 60 процентов оставалось в стаде в распоряжении члена объединения.

Из доходов, получаемых от обобщественного стада, производственное объединение в первую очередь производило отчисления государству и в фонды: неделимый фонд — 5 процентов дохода, оборотные средства — 3, культурно-бытовой фонд — 2 процента. Чистый денежный и натуральный доходы после этого распределялись пропорционально стоимости обобщественного скота¹.

Обращение ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1 августа 1931 г. наметило дальнейшие пути подъема и реконструкции животноводства. Основными из них было развертывание совхозно-колхозных товарных ферм, а также инкубаторных птицеводческих станций. Именно они могли обеспечить высокую товарность, что имело особое значение для развития животноводства в Дагестане. Уже в 1931 г. товарность ряда хорошо организованных колхозных молочных ферм в ДАССР достигла 70 процентов по молоку и маслу, вместо 10—20 процентов, обычных для единоличных хозяйств.

На 1 октября 1932 г. в Дагестане имелось 359 товарных ферм. Их специализацию и поголовье иллюстрирует следующая таблица².

	Количество ферм	Поголовье
Молочные	101	5589
По выращиванию молодняка	45	2491
Овцеводческие	130	147143
Коневодческие	22	1190
Свиноводческие	19	784
Кролиководческие	5	555
Птицеводческие	28	10888

Животноводческие товарные фермы были сосредоточены, в основном, в плоскостных и предгорных районах.

В целях дальнейшего укрепления и развития общественного животноводства партия и правительство приняли ряд

¹ «Дагестанская правда», 1932, 23 октября.

² «Статистико-экономический справочник по ДАССР». Изд. «Северный Кавказ», Ростов-на-Дону, 1933, стр. 98—99.

постановлений, согласно которым при установлении норм мясопоставок учитывались особенности отдельных районов и, следовательно, создавались условия для быстрого подъема животноводства. Эти постановления стимулировали развитие социалистических форм животноводства (колхозных ферм), а для колхозников устанавливали льготные нормы в сравнении с нормами, установленными для единоличных хозяйств. Таким образом усиливалась заинтересованность колхозников в развитии общественного животноводства.

Повседневная работа партии и правительства по укреплению колхозов дала заметные результаты. Так, например, колхоз имени Семенова Дербентского района, организованный в марте 1929 года, к марту 1933 г. (т. е. за три года) совершенно изменил свой облик. Число хозяйств, вступивших в колхоз, увеличилось в четыре раза и составило 74 (в том числе батрацких — 37, бедняцких — 35 и середняцких — 2). Валовой доход колхоза и доход на трудодень росли из года в год, что видно из следующих цифр:

	Валовой доход	Доход на трудодень
1930 год	79 тыс. руб.	10 руб. 55 коп.
1931 год	97 тыс. руб.	16 руб. 25 коп.
1932 год	579 тыс. руб.	28 руб. 60 коп.

Колхоз имел общественную столовую, красный уголок, дом в городе, строил подвал на 15 тыс. декалитров вина. Весной 1931 года колхоз перешел на сдельщину¹.

Колхозы Буйнакского района также достигли значительных успехов в колхозном строительстве, проводившемся в ожесточенной классовой борьбе. По сравнению с 1930 годом, в 1932 году количество хозяйств, охваченных колхозами, увеличилось вдвое (с 3400 до 6800). В районе было организовано 14 МТФ (с поголовьем 1200 коров), 16 отар (18.000 овец), 5 коневодческих и 15 птицеводческих ферм. Посевная площадь увеличилась в 2,5 раза. Было создано 850 постоянных бригад.

Колхозы стали основными поставщиками сырья для фруктово-консервных заводов, оттесняя единоличника на второй план. Внедрялись технические и огородные культуры. Во всех отраслях сельскохозяйственных работ была введена сдельщина. Во всех колхозах имелись счетные работники. В 1931—32 году было подготовлено и переподготовлено свыше 4000 бригадиров, полеводов, трактористов, председателей колхозов. Почти все колхозы имели общественные столовые и ясли.

¹ «Дагестанская правда», 1933, 26 марта.

В 1932 г. при распределении аванса колхозники (в среднем по району) получили на трудодень по 6 кг хлеба, в то время как в 1930 г. — только по 1,2—1,6 кг¹.

Если в 1931 году в Буйнакском районе на один колхозный двор приходилось посевов всех культур 1,9 га, то в 1933 году — уже 2,7 га. В 1932 г. на одно колхозное хозяйство приходилось на трудодень от 400 г до 5 кг пшеницы, в 1933 г. — от 1 до 10 кг, а по кукурузе, соответственно, от 1 до 8 кг.

В обращении Чохского съезда колхозников горных районов (Гунибского, Хунзахского, Кахибского, Лакского, Левашинского и Чародинского) ко всем батракам, беднякам, середнякам, красным партизанам, колхозникам и членам производственных объединений горных аулов Дагестана от 27 апреля 1933 г. указывалось, что в ауле Чох, где было до 75 процентов бедняков и батраков, благодаря объединению последних в колхоз и коммуны, уровень благосостояния крестьян резко поднялся.

Чохский колхоз объединял 328 хозяйств, имевших 18000 обобщественных и 1139 необобщественных овец, 425 голов крупного скота, 224 лошади, один трактор и 441 гектар необобщественных посевов. На каждый колхозный двор в среднем приходилось 59 овец, около 4 голов крупного скота, по полторы головы тягла (волы, лошади).

В 1932 г. на каждый двор в этом колхозе приходилось валового дохода от обобщественного хозяйства 891 руб. На трудодень было выдано 3 руб. 84 коп., муки 450 граммов, мяса 300 граммов, масла 27,5 грамма, сыра овечьего 53,5 грамма и мануфактуры на 1 рубль. Всего было начислено колхозникам 38.092 трудодня, или в среднем, 117 трудодней на каждого трудоспособного. Бывший чабан-батрак с 15-летним стажем Джабраил Газали выработал за 1932 г. 450 трудодней и получил 12 пудов муки, 32 фунта масла, 1 пуд 20 фунтов овечьего сыра, 8 пудов 2 фунта мяса, обувь и бурку, мануфактуры на 460 руб. и 885 руб. деньгами. Абдулла Исланбеков, в прошлом бедняк, выработал 421 трудодень и получил на них 11 пудов 18 фунтов муки, 30 фунтов масла, 1 пуд 15 фунтов овечьего сыра, 8 пудов мяса, обувь, бурку, мануфактуры на 480 руб. и 808 руб. деньгами.

Помимо этих доходов колхозники также получили проценты на каждый рубль обобщественного имущества и имели необобщественные посевы и скот.

Чохский колхоз, говорилось в обращении, своевременно выполняет обязательства перед государством, улучшает животноводческое хозяйство, создает кормовую базу. Уже в 1932 г. было заложено 100 тонн силоса.

¹ «Дагестанская правда», 1933, 9 января.

Всех этих успехов чохский колхоз добился в борьбе с кулачеством и духовенством. В 1930 году на основе сплошной коллективизации кулачество аула было разгромлено. Отобранный скот стал собственностью колхоза¹.

Успехи, достигнутые в развитии общественного животноводства, можно видеть также на примере Дахадаевского района. В районе к 1 мая 1933 г. имелось 17 колхозов, которые объединили 650 хозяйств. 1053 хозяйства были кооперированы в 35 производственных объединениях со стадом в 1260 голов крупного скота и 3669 овец. Кроме того, имелось 7 животноводческих артелей с 312 хозяйствами и стадом в 3574 овцы и 420 голов крупного скота.

Однако всего этого было недостаточно, так как объединения и артели состояли преимущественно из бедняков. В кооперированных хозяйствах было сосредоточено лишь 4 процента поголовья крупного рогатого скота и около 11 процентов поголовья овец, имевшихся в районе.

Для подготовки кадров были организованы четырехмесячные курсы, выпустившие 250 производственников-активистов для объединений. 80 человек прошли районные курсы по подготовке секретарей и счетоводов².

Колхоз сел. Махи Курахского района, организованный в 1927 г., вскоре был развален кулаками. И только пять хозяйств продолжали работать сообща. Общественный посев пшеницы кулаки в 1930 г. сожгли. Но колхозники не сдались, и в 1931 г. число хозяйств в колхозе увеличилось до 31, а в 1932 году — до 55. В колхозе была введена сдельщина, работал сыроваренный завод. Колхозники получили на трудодень продуктов (в переводе на государственные цены) на 3 руб. 50 коп.³.

Садоводческий колхоз в сел. Голотль Кахибского района был организован в 1930 году. Тогда он объединял 20 хозяйств, а к концу 1933 г. уже 49. Площадь фруктовых садов колхоза увеличилась за эти годы с 3 до 13 гектаров, с новыми посадками на четырех гектарах. Валовой доход колхоза составил 20.000 руб., оплата трудодня возросла с 3 руб. в 1931 г. до 30 руб. в 1933 г.⁴.

Примером социалистической перестройки может служить Ахтынский район, расположенный в южной части Дагестана. До революции в районе была всего лишь одна школа (преподавание в ней велось на русском языке). В 1932 г. школы имелись во всех аулах района. Обучением было охвачено 93 процента детей школьного возраста. Имелся педкомбинат

1 «Дагестанская правда», 1933, 27 апреля.

2 Там же, 15 июня.

3 Там же, 26 марта.

4 Там же, 1934, 12 января.

с охватом 230 учащихся, школа колхозной молодежи, совпартшкола, стационарное кино и национальный театр. Районный центр был радиофицирован, количество радиоточек в районе достигало 200. В районе была построена больница на 30 коек, амбулатория, врачебный пункт в сел. Усух-чай и врачебный пункт, обслуживающий животноводов, кочующих со скотом.

В районе были организованы три ковровых артели, в которых работало 700 ковровщиц. 34 производственных товарищества объединяли 110 бедняцко-средняцких хозяйств с 30.000 овец. Среди них были такие крупные товарищества, как «Кизил Чабан» в сел. Куруш, в которое вступило 150 хозяйств с поголовьем 8500 овец. Кроме того, имелись три овцеводческих колхоза, объединявших 110 хозяйств с 8500 общественных овец.

Если в районе на 1 января 1932 г. в хозяйствах социалистического сектора было 2500 овец, то на 1 января 1934 г. — уже 38.000, что составляло 40 процентов поголовья овец в районе и 25 процентов поголовья овец хозяйств колхозно-кооперативного сектора всего Дагестана.

Тляртинская районная парторганизация, реализуя решение Северо-Кавказского крайкома и решение ДК ВКП(б) от 22 апреля 1932 г. об усилении работы в горах, добилась значительных успехов. Если на 1 января 1932 г. в районе было одно производственное объединение (63 хозяйства с поголовьем 1400 овец), то на 2 мая 1933 г. здесь имелось уже 23 производственных объединения, охватывавших 702 хозяйства с поголовьем 8119 овец. Улучшился и социальный состав производственных объединений. Батрацких хозяйств в них было 23, бедняцких — 446 и середняцких — 213¹.

Животноводческие производственные объединения в горах заметно выросли, однако социальный состав их оставался по-прежнему батрацко-бедняцким, процент середняков оставался очень низким. Поэтому задачей ближайшего будущего являлось вовлечение в объединения середняка, что должно было повысить рентабельность животноводческих производственных объединений и укрепить их. Кроме того, необходимо было добиться ликвидации бесскотности в горах. На 1 января 1933 года около 7,3 процента хозяйств с разными вариациями по разным аулам совершенно не имели скота².

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов вызвало бешеное сопротивление со стороны кулачества и других антисоветских элементов. Если в 1930—1931 гг. кулаки прибегали к открытому террору (убийства комсомольца — организатора колхоза в сел. Дургели, председателя колхоза в сел.

¹ «Дагестанская правда», 1933, 20 июня.

² Там же, 8 марта.

Кака-Шура и т. д.), то теперь они стремились пробраться в колхозы и развалить их изнутри. Так было, в частности, в аулах Паради, Черкей, Эрпели, Н. Дженгутай.

Классовый враг нанес сильный урон животноводству республики. Так, если в 1930 г. в Буйнакском районе было 131 тыс. овец, то в 1931 г. их осталось 82 тыс., а в 1932 году — 44 тыс.¹ Кулаки подкупали малосознательных бедняков, всячески добивались развала колхозов. В сел. Эрпели кулак «подарил» бедняку корову с тем, чтобы тот вышел из колхоза. Здесь же председатель колхоза раздал весь доход не по трудодням, а по жребию, не оставив ничего для семенных и других фондов. Кулаки распускали слухи о том, что весь скот будет изъят у крестьян и призывали к убою его. В селениях Кака-Шура и Дуранчи кулаки распространяли провокационные слухи о том, что трудовая книжка, выдаваемая колхознику, является «книжкой безбожника».

В некоторых колхозах кулацкие элементы уничтожали корма, воровали скот (селения Параул, Халимбекаул, Буглен, Дургели, Эрпели и др.)².

В экономически мощном садоводческом ауле Хаджал-Махи (Левашинский район) контрреволюционные кулацкие элементы, проникнув в ряды партии и захватив руководящие посты, творили произвол. Во главе местной парторганизации стоял Зейнал-Абид Гаджиев — сын кулака, председателем сельсовета был белобандит Иса Гасанов, председателем колхоза — также участник белой банды. Они освобождали кулаков от индивидуального обложения и расхищали колхозное имущество³. В Шелковском районе колхозами руководили 32 белобандита, кулака и бывших офицера⁴.

Кулачество и духовенство в аулах вели жесточайшую борьбу за влияние на женщину. Характерно, что часть духовенства пошла даже на извращение корана. Так, в ауле Хаджал-Махи было открыто 4 женских мечети, что кораном строго запрещалось.

В сел. Уллубиево женщины по наущению муллы избегали отдавать детей в детские комнаты, а в сел. Ухада — требовали закрытия пунктов ликбеза; в школах Бежтинского сельсовета при первом же призыве муллы на молитву ученики прерывали урок⁵. С целью срыва работы пунктов ликбеза врагами распространялись разговоры о том, что «женщина вместо того, чтобы работать дома, оставляет ребенка без надзора и уходит учиться», «женщина хочет стать кадием — ученым

1 «Дагестанская правда», 1934, 14 января.

2 Там же, 1933, 9 января.

3 Там же, 15 мая.

4 Там же, 10 января.

5 «Революция и горец», 1932, № 4, стр. 71.

человеком» и т. п. Имелись случаи избияния женщин за то, что они посещали ликпункты. Факты прямого террора наблюдались и в отношении культурмейцев¹.

Такие обычаи, как многоженство, выдача замуж малолетних, взимание калыма и кебинхака², низводившие женщину на положение рабыни, все еще бытовали в Дагестане. В целях ликвидации этих явлений народные суды с участием женотделов устраивали показательные суды, что положительно влияло на сознание отсталых слоев населения. Для окончательного раскрепощения женщин в Дагестане был издан широко обнародованный среди трудящихся декрет о защите прав женщин. Проект нового закона о браке, семье и опеке обсуждался на массовых собраниях рабочих и работниц, на делегатских собраниях горянок. Он был одобрен трудящимися всей республики и лишь в Лакском районе под воздействием мулл и их жен обсуждение проекта было сорвано.

Партийные организации вели большую разъяснительную работу среди женщин, вовлекая их в общественную жизнь. Наиболее эффективной формой этой работы были делегатские собрания работниц и крестьянок. Делегатские собрания — это массовые организации, с помощью которых удалось поднять активность женщин и вовлечь их в социалистическое строительство. Делегатки были активными борцами за улучшение жизни тружениц Дагестана. Они принимали живейшее участие в работе Советов, профсоюзов, кооперации, защищали права женщин.

Повседневная работа партии и правительства по раскрепощению горянок высоко подняла роль женщин в народном хозяйстве республики. Созванный в марте 1932 г. II Вседагестанский съезд трудящихся горянок был ярким свидетельством этого. На съезде присутствовало 400 делегаток — работниц, колхозниц, батрачек, беднячек, кустарей, которые активно участвовали в обсуждении вопроса о фактическом раскрепощении женщин-горянок. Съезд наметил мероприятия по вовлечению женщин во все отрасли народного хозяйства республики³.

Классовые враги, видя активную роль горянок в строительстве социализма, мстили им. Это видно хотя бы из того, что в 1931—1932 гг. в аулах республики было убито на этой почве 32 горянки-общественницы. Но месть злобствующего классового врага не останавливала горянок, боровшихся за социалистическую реконструкцию аула⁴.

¹ «Дагестанская правда», 1932, 5 мая.

² Кебинхак — материальная гарантия (обычно в денежной форме) на случай смерти мужа.

³ «Революция и горец», 1932, № 4, стр. 73.

⁴ «Дагестанская правда», 1933, 8 марта.

В 1932 г. только в пяти районах в качестве бригадиров работало 368 женщин, в двух районах 15 женщин работало заведующими молочно-товарными фермами. Кроме того, в различных советских и кооперативных организациях Дагестана на руководящей работе было 245 женщин.

Женщины-горянки вообще, а колхозницы в особенности, с каждым годом все лучше начинали понимать, что дала им Советская власть, что только колхозный строй даст им возможность стать на равную ногу с мужчиной. Поэтому они активно включались во все хозяйственные и политические мероприятия и не щадили своих сил для укрепления и защиты колхозного строя.

Кулацкий саботаж, сопротивление мероприятиям партии и правительства, выразившиеся в невыполнении заданий по хлебозаготовкам, срыве планов мобилизации средств и засылки семфондов, в известной степени являлись результатом недостаточной работы среди бедноты и батрачества. Поэтому объединенное заседание Дагестанского комитета ВКП(б) и Президиума ЦИК ДАССР 16 января 1933 г. приняло решение в месячный срок проверить работу батрацко-бедняцких групп и принять меры к улучшению их работы. Кроме того, было предложено создать батрацко-бедняцкие группы при сельсоветах, кресткомах, правлениях кооперативов, колхозах, простейших производственных объединениях, кустарно-промысловых артелях и других организациях, где они еще не были организованы. Для руководства работой этих групп к ним должны были быть прикреплены партийные ячейки, а там, где последние отсутствовали — отдельные члены партии, которые были обязаны периодически отчитываться на партийных собраниях и бюро партячеек о своей деятельности в данной области. Райкомы были обязаны раз в три месяца проводить районные конференции батрацко-бедняцких групп для обмена опытом работы и обсуждения важнейших задач социалистического строительства района.

Внимание батрацко-бедняцких групп должно было быть направлено на организационно-хозяйственное укрепление колхозов (на плоскости) и простейших производственных объединений (в горных районах), на борьбу с засоренностью всех организаций села чуждыми элементами, на активное участие в проведении хозяйственно-политических кампаний и других мероприятий¹.

Приведенные примеры роста экономической мощи колхозов по разным зонам Дагестана и борьбы за усиление классового самосознания крестьянства свидетельствуют о том, что коллективизации в республике были присущи общие для страны

¹ «Дагестанская правда», 1933, 20 января.

закономерности, и что она являлась органической частью процесса коллективизации всего сельского хозяйства СССР.

Однако, рассматривая динамику коллективизации по отдельным республикам, краям и областям Советского Союза, необходимо отметить, что темпы последней в них были различны. Это характеризуется следующими показателями (в % к общему числу хозяйств):¹

	1928 год	1929 год	1930 год	1931 год	1932 год
СССР	1,7	3,9	23,6	55,9	61,5
Средняя Азия	2,0	3,5	23,9	59,7	65,6
Узбекская ССР	2,6	3,6	35,0	62,5	72,6
Туркменская ССР	0,6	2,6	24,3	54,5	65,5
Таджикская ССР	0,1	1,4	13,3	27,5	38,5
Киргизская ССР	2,8	5,8	29,1	50,5	64,5
Кара-Калпакская АССР	—	—	—	35,5	56,3
Национальные области					
Сев.-Кавк. края	—	6,4	24,3	66,7	70,6
Дагестанская АССР	2,7	3,0	6,9	20,8	22,6

Вышеприведенные данные показывают, что коллективизация в Дагестане протекала более медленными темпами, нежели в других национальных областях, что явилось результатом специфических особенностей, присущих Дагестану.

Во-первых, Дагестан, получивший политическое и правовое равноправие наравне с другими республиками и областями Советского Союза, в силу своей отсталости в социально-экономическом отношении сохранил ряд особенностей от прежних исторических формаций. Наиболее значительными из этих особенностей были — нетрудовое землепользование (земли помещиков, кулаков, духовенства), участково-подворная форма землепользования (согласно которой земельные участки передавались из рода в род), моральное и экономическое влияние духовенства, тухумные связи, роль джамаата, купля и продажа частнособственнической земли — «мюльков», значение и тормозящая роль которых показаны выше. В правовом отношении Дагестан вплоть до 1927 года также имел свои особенности, выразившиеся в существовании «народных шариатских судов».

В «Положении о судах в Дагестане» имелся пункт об их правах: на всей территории Дагестана народные шариатские суды руководствуются положениями шариата. Во главе этих судов стояло духовенство. Естественно, что они не способство-

¹ «Революция и национальности», 1932, № 10, стр. 74; «Революция и горец», 1932, № 1, стр. 58.

вали социалистическому строительству, а тормозили перестройку сельского хозяйства республики.

Таким образом, переход многонационального населения Дагестана к социализму совершался в условиях наличия значительных феодально-патриархальных пережитков в экономике и быту, влиявших на темпы и формы колхозного движения.

Во-вторых, в то время, когда по всей стране период 1927—1929 г. был периодом завершения политической изоляции кулачества и нанесения удара по экономическим позициям сельских эксплуататоров, — в Дагестане кулачество сосредотачивало в своих руках значительное количество земель и скота, широко использовало аренду земли и средств производства, а также наем рабочей силы.

В-третьих, значительную специфику в темпы коллективизации вносило наличие в Дагестане различных природных условий. Известно, что вся территория республики делится на три зоны: плоскостную, предгорную и горный Дагестан. Специализация сельскохозяйственного производства этих зон и размещение в них производительных сил и населения были различны.

На плоскости плотность населения на 1 кв. км составляла 7 человек и пахотных земель на 1 хозяйство приходилось 28,8 га. В предгорье плотность населения достигала 20,4 человека на кв. км и пахотных земель приходилось 5,7 га на одно хозяйство. В горах плотность населения доходила до 37 человек и пахотных земель на одно хозяйство приходилось лишь 2,2 га.

В результате указанного и степень подготовленности к коллективизации была разная. Население плоскостной зоны, где преобладало полеводство и овощеводство, было охвачено коллективизацией почти на 50 процентов; предгорье — с плодово-животноводческим направлением было коллективизировано на 21 процент, а горная часть с $\frac{2}{3}$ всего населения республики, занимающаяся животноводством, главным образом овцеводством, основанном на отгонной системе ведения хозяйства, — на 12 процентов. Причем формы кооперирования в основном были самые низшие — товарищества по совместному выпасу скота, по совместной обработке почвы и другие.

В-четвертых, экономическая отсталость сопровождалась отсталостью культурной. Грамотность населения Дагестана к 1926 году составляла 12,2 процента, причем на долю женщин падало всего 1,1 процента, в то время как в европейской части РСФСР грамотность населения обоего пола составляла 44,1 процента¹.

¹ По данным переписи населения 1926 г.

В-пятых, следует иметь в виду, что ни одна из республик Советского Союза не имеет такого обилия различных национальностей как Дагестан. Наличие 32 национальностей, говорящих на различных языках и наречиях, серьезно затрудняло работу по проведению всех общественно-политических и хозяйственных мероприятий, и в частности, работы по коллективизации (подготовка кадров, массово-разъяснительная работа и др.).

В-шестых, необходимо учесть, что в силу большой изрезанности рельефа Дагестана, успешное развитие народного хозяйства республики в огромной степени зависело от состояния дорог и дорожного хозяйства. Фактическое же положение вещей говорило об обратном. Несмотря на большие капитальные вложения в дорожное строительство, в Дагестане в 1930 году на душу населения приходилось не свыше 0,012 км дорог, в значительной части представляющих собой грунтовые дороги и тропы, пригодные для использования лишь в хорошую погоду. Многие селения горного Дагестана в непогоду и зимнее время были отрезаны от районных центров и друг от друга. Подобная разобщенность затрудняла и замедляла темпы экономического развития и проведения коллективизации.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в Дагестане осложнялась и тем, что республика вступила в реконструктивный период тогда, когда сельское хозяйство еще не достигло довоенного уровня.

Помимо этого характерная в то время для всего Советского Союза засоренность советского и партийного аппарата, а также колхозов враждебными элементами, в Дагестане наблюдалась в более сильной степени.

Проводя политику сплошной коллективизации, партия и правительство учитывали разнообразие условий в различных республиках, краях и областях Советского Союза, неодинаковую степень подготовленности к коллективизации. ЦК ВКП(б) разделил области, края и республики СССР по темпам коллективизации на три группы; Дагестан был отнесен к третьей группе и мог растянуть сроки коллективизации до 1933 года.

Однако, как видно из вышеизложенного, коллективизация в Дагестане к этому времени завершена не была и продолжалась вплоть до 1939 года. На 1 июля 1939 года в плоскостной части республики было коллективизировано уже 96,3, а в горной — 94,2 процента крестьянских хозяйств.

Наличие указанных выше особенностей, осложнявших социалистическую перестройку сельского хозяйства и несколько замедлявших ликвидацию частнособственнических производственных отношений, не могло повернуть дагестанскую деревню к старым производственным отношениям.

Развернувшееся по всему Советскому Союзу наступление на капиталистические элементы явилось единственным средством преодоления трудностей социалистического строительства в национальных областях. Поставленная XVI съездом ВКП(б) задача наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации решалась в Дагестане, если учесть местные условия, успешно. В конце 1932 г. в республике уже было 840 колхозов, 7 коммун и 41 простейшее объединение, которые охватывали 46175 хозяйств, что составляло 22,6 процента всех хозяйств¹.

По отдельным зонам колхозы, коммуны и простейшие объединения распределялись следующим образом:

Зоны	Колхозы и коммуны			Простейшие объединения	
	количество	в них хозяйств	в среднем хозяйств на один колхоз	количество	в них хозяйств
Плоскость	415	19872	48	—	—
Предгорье	186	10802	58	—	—
Горы	246	10087	41	41	1251
Всего по республике	847	40761	48	41	1251

Успехи в деле социалистической перестройки сельского хозяйства, достигнутые в Дагестане к концу 1932 г., представляются более ощутимыми, если указать на создание к этому времени 28 совхозов различной специализации.

Укрепление колхозов и строительство совхозов на базе новой техники способствовали общему подъему сельского хозяйства, что нашло свое отражение в расширении посевных площадей всех сельскохозяйственных культур (составивших в 1932 г. 342,3 тыс. гектаров).

Рассматривая данные этой таблицы (См. таблицу на стр. 54), можно заключить, что в реорганизации сельского хозяйства в Дагестане к 1932 году были достигнуты значительные успехи; совхозы и колхозы в балансе посевных площадей с каждым годом повышали свой удельный вес и становились силой, способной решить судьбу всего сельского хозяйства.

¹ «Статистико-экономический справочник по ДАССР». Изд. «Северный Кавказ», Ростов-на-Дону, 1933, стр. 97.

ДИНАМИКА ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ ПО ДАССР

(в тыс. га)

	С о в х о з ы					К о л х о з ы					Едиоличные хозяйства				
						г о л ы									
	1928	1929	1930	1931	1932	1928	1929	1930	1931	1932	1928	1929	1930	1931	1932
Вся площадь	0,01	0,07	18,4	18,7	22,5	3,9	12,4	34,1	84,0	115,8	206,9	210,6	242,4	236,8	204,0
в том числе:															
зерновые	0,01	0,05	5,3	5,6	6,4	3,0	10,4	23,5	60,4	78,6	190,4	188,1	211,9	206,7	176,5
технические	—	0,01	9,6	8,4	8,6	0,5	1,5	7,2	16,4	20,4	3,6	6,0	15,4	15,3	10,9
корне-клубнеплоды	—	—	0,3	0,5	0,4	0,04	0,09	0,48	1,3	1,3	4,5	5,9	4,4	4,4	4,5
сеяные травы	—	—	1,8	0,4	4,5	0,05	0,07	0,5	1,0	7,7	1,3	2,1	2,4	1,6	2,9
овощи	—	—	1,1	3,1	1,9	0,06	0,08	0,7	1,6	2,9	1,8	2,4	2,3	2,2	3,1
бахчи	—	0,01	0,23	0,8	0,4	0,15	0,26	1,1	3,1	4,3	4,7	5,6	4,9	6,2	6,0
посевы на сенокос	—	—	—	—	0,27	—	—	—	0,2	0,49	—	—	—	0,1	0,013

С 1928 по 1932 г. посевные площади по социалистическому сектору увеличились в 33 раза и достигли 33 процентов всех посевных площадей республики (против 1,3 процента в 1928 г.). В плоскостных районах республики этот показатель достигал 60 процентов¹.

На фоне общего роста посевных площадей в указанный период имело место резкое повышение удельного веса технических и огородно-бахчевых культур. Увеличивались в обобщественном секторе и площади под садами и виноградниками, что видно из следующих данных (в га):²

Хозяйства	Сады		Виноградники	
	1928/29 год	на 15 VII 1932 г.	1928/29 год	на 15 VII 1932 г.
Совхозы	—	583	120	1686
Колхозы	60	1464	80	2273
Единоличники	5500	4608	7100	4230
ВСЕГО:	5560	6655	7300	8189

Если в области полеводства в годы коллективизации сельского хозяйства имело место непрерывное расширение производства, то этого нельзя сказать о животноводстве. Из-за вредительской деятельности кулачества, слабого организационно-хозяйственного состояния колхозов и других причин здесь наблюдалось сокращение поголовья скота.

Состояние животноводства Дагестана в годы первой пятилетки характеризуется следующими данными (в тыс. голов)³.

Хозяйство	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы и козы	
	1928	1932	1928	1932	1928	1932
Совхозы	—	2,42	0,1	10,50	34,4	173,72
Хозяйства государственных учреждений	—	1,37	—	2,09	—	4,28
Колхозы	0,1	15,92	0,5	42,81	0,3	246,69
Колхозники	—	4,78	—	46,07	—	34,91
Единоличники	53,5	54,08	512,5	415,46	1698,0	696,83
	53,6	78,57	513,1	516,93	1732,7	1156,43

¹ «Статистико-экономический справочник по ДАССР». Ростов-на-Дону, 1933, стр. 111

² Там же, стр. 127 и «10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР», Махачкала, 1931, стр. 71.

³ ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 17, л. 100, л. 15. Основные показатели развития народного хозяйства и культуры ДАССР; итоги сплошной переписи скота на 1 февраля 1932 г. народно-хозяйственного учета Дагестанской АССР.

В результате правильной политики Дагестанской парторганизации под руководством ЦК ВКП(б) и Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), животноводство в горах Дагестана, сильно пострадавшее в период 1930—31 гг. от кулацкого вредительства и разбазаривания стад, в 1932 г. пошло на подъем. За этот год прирост стада овец составил 17,8 процента и крупного рогатого скота — 15,5.

Значительную роль обобществленный сектор занял и в заготовках продуктов сельского хозяйства в республике. Так, например, в 1932 г. уже около половины всего заготавливаемого хлеба поступало от колхозов и совхозов, в то время как в 1928/30 году их доля в хлебозаготовках достигала лишь 11,2 процента.

Путем установления посевных планов, обязательных плановых заданий, доводимых до каждого колхоза и совхоза (а через сельсовет доводимых до единоличника), Советское государство все больше и больше переходило к плановому воздействию на сельское хозяйство. Экономическая смычка между городом и деревней приобретала производственный характер.

Характерной чертой сельского хозяйства Дагестана до сплошной коллективизации являлась раздробленность основных средств производства среди единоличных хозяйств с преобладанием простейших орудий и примитивной обработки почвы. Успешное проведение коллективизации позволило организовать крупные социалистические сельскохозяйственные предприятия, сосредоточившие в своих руках важнейшие средства производства. Так, на 1 ноября 1932 года размещение сельскохозяйственных средств производства характеризуется следующими данными:

	Совхозы	МТС	МСС	Колхозы	Единоличники	Всего
Тракторы	403	405	3	—	—	811
Сеялки рядовые	157	157	23	569	197	1103
Жатки-лобогрейки	142	143	659	1277	602	2823
Сенокосилки	286	12	447	1487	1141	3373
Конные грабли	103	20	267	925	694	2009
Механические молотилки	22	176	—	17	—	215
Конные молотилки	—	—	—	20	—	20
Автотранспорт	23	14	—	—	—	37
Силосные башни	3	—	—	10	—	13
Силосные ямы	13	—	—	109	—	122

Приведенная таблица наглядно иллюстрирует ведущую роль социалистического сектора сельского хозяйства, сосредоточившего 100 процентов тракторов и автомашин и свыше двух третей сельскохозяйственных машин. Эти средства про-

изводства обеспечивали крестьянину такой доход, при котором ему не было необходимости искать заработков на стороне.

Большую роль новые средства производства сыграли в перевоспитании крестьянина. Если до революции он не имел представления о сложных сельскохозяйственных машинах, то теперь крестьяне сами управляли тракторами и другими машинами.

Одновременно с механизацией сельского хозяйства шел и процесс индустриализации. В 1932 г. в сельской местности уже имелось 47 маслосыроваренных заводов и брынзоварок и 20 консервных заводов по переработке плодов.

1932 год явился переломным в деле улучшения состояния сельского хозяйства. Так, в 1933 году республика закончила весенний сев на 15 дней раньше, чем в предыдущем году. Осенний сев был проведен на 30 дней раньше планового задания. Планы хлебопоставок и натуроплаты были выполнены на 2,5 месяца раньше, чем в 1932 году. В сравнении с этим же годом ценность трудодня повысилась в 4—5 раз. В некоторых колхозах на трудодень было выдано по 16—20 килограммов лишь одной пшеницы.

Развернувшаяся коллективизация сельского хозяйства внесла существенные изменения и в социальную структуру сельского хозяйства республики. Резко меняется общественный облик крестьянина. Крестьянин-единоличник постепенно уступает место крестьянину-колхознику.

Большой интерес представляют данные о социальном составе одного из крупнейших селений Дагестана — аула Чох. До революции здесь было 14 помещиков (владельцев кутанов и пастбищ в горах), 11 кулаков-овцеводов (имевших свыше 3.000 голов скота каждый), один заводчик, хозяин двух типографий в Порт-Петровске и завода в Темир-Хан-Шуре, 13 торговцев, 60 царских офицеров (в том числе 9 полковников), 6 крупных чиновников, 20 представителей духовенства. Грамотность населения не превышала 15 процентов; больниц, медицинских пунктов, светских школ не было, зато имелось 7 мечетей и духовная школа.

Облик этого аула к концу первой пятилетки коренным образом изменился. Трудящиеся крестьяне Чоха одними из первых в республике организовали коммуны — 35 семей выделились из аула и поселились на новом месте, где создали образцовое садоводческое хозяйство. Кроме того, в Чохе был организован колхоз, который объединил 654 трудоспособных колхозников и колхозниц (среди них насчитывалось 98 коммунистов и 60 комсомольцев). Были построены средняя школа, больница, детский сад и ясли, создано сельское потребительское общество, сапожная и трикотажная артели. 14 урожен-

цев Чоха учились в вузах, 7 человек работали зоотехниками, 2 — врачами и значительное количество учителями¹.

Осуществление первого пятилетнего плана и проведение коллективизации в Дагестане создали материальную базу для ликвидации безработицы в городе и нищеты в деревне.

Это наглядно характеризуют данные о найме рабочей силы. Если в 1927—28 году в сельском хозяйстве республики в частном секторе работало по найму 29,8 тыс. человек, то в 1932 году это число сократилось до 2,2 тыс. человек.

Улучшение материально-бытовых условий послужило стимулом к росту населения республики. На 1 января 1933 г. население республики выросло, по сравнению с 1926 г., на 139,0 тыс. человек, или на 15,5 процента².

За первую пятилетку в республике, как и во всей стране, была ликвидирована безработица. В связи с повышением спроса на рабочую силу, вызванного широко развернувшимся промышленным строительством, государство перешло к организованному набору рабочих, что положило конец стихийности в воспроизводстве рабочей силы, а отходничество, вызываемое крайней нуждой, прекратилось.

Успехи колхозного строительства к концу первой пятилетки в Дагестане были достигнуты при повседневной бескорыстной помощи великого русского народа и других братских народов страны.

Закладка в первой пятилетке экономического фундамента социалистического общества является одной из величайших заслуг Коммунистической партии Советского Союза, ибо в результате этого Дагестан окончательно и бесповоротно стал на путь уничтожения былой хозяйственной и культурной отсталости.

Успехи, достигнутые в социалистической реконструкции всего народного хозяйства Советского Союза подготовили и обеспечили быстрое развитие народного хозяйства и культуры нашей республики в последующие годы. Благодаря повседневной отеческой заботе со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства развитие промышленности, сельского хозяйства и культурного строительства Дагестана в последующий период достигло небывалого расцвета.

¹ «Дагестанская правда», 1933, 27 апреля.

² «Статистико-экономический справочник по ДАССР». Изд. «Северный Кавказ», Ростов-на-Дону, 1933, стр. 27, 204.

К ИСТОРИИ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ

История профсоюзного движения в Дагестане изучается впервые. Кроме двух-трех статей, опубликованных в газете «Красный Дагестан», а также некоторых работ по истории Дагестана, в которых говорится об отдельных профсоюзах, никаких специальных исследований по истории дагестанских профсоюзов нет.

История профсоюзного движения в Дагестане берет свое начало, как и во всей России, со времени первой русской революции 1905—1907 гг. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года вызвала бурный подъем профсоюзного движения. Большинство профсоюзов возникло в стране именно в дни октябрьской стачки.

В эти дни в Дагестане возникла первая профсоюзная организация. 13 и 20—29 октября 1905 г.¹ состоялись делегатские собрания и съезды рабочих и служащих Владикавказской дороги. На этих собраниях и съездах было решено организовать «Союз служащих Владикавказской железной дороги». В Ростове-на-Дону был выработан устав союза. На всех станциях, где имелись паровозные депо, были организованы районные отделения союза. Такие отделения были созданы на станциях Баладжары, Дербент, Петровск, Грозный, Беслан, Минеральные воды, Кавказская, Тихорецкая, Ростов. Районными отделениями руководили выборные бюро. Ростовское-на-Дону бюро считалось «Центральным»².

Союз преследовал не только экономические, но и политические цели. Это видно из резолюции, принятой на общем собрании членов союза, которое состоялось 13 октября 1905

¹ Даты указаны по старому стилю.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, лл. 1—2.

года в Ростове-на-Дону. «Собрание служащих и рабочих Владикавказской железной дороги, ознакомившись с общими принципами железнодорожного союза (имеется в виду Всероссийский союз железнодорожников — И. К.), признало себя вполне солидарным с указанными принципами и выражает желание работать под флагом союза и реально поддерживать свою солидарность с союзом и бастующими под его руководством железными дорогами настоящей забастовкой»¹.

Союз добивался (согласно пунктам 7 и 9 общей программы) свободы собраний, сходок, организаций, слова, печати, неприкосновенности личности и жилища, созыва собрания народных представителей страны с законодательной властью, избранного всем населением, без различия пола, национальности и вероисповедания.

В своем «Воззвании» телеграфисты Дербентского телеграфного района писали: «Товарищи! Мы должны проявить свою деятельность, пользоваться свободой. Мы смело должны идти вперед и нигде не останавливаться. Мы должны откликнуться на призыв нашему общему профессиональному железнодорожному союзу. В единении — сила, а в силе смелость. Да здравствует свобода собраний и союзов!»².

Профсоюз железнодорожников поддерживал связь с профсоюзами, рабочими и служащими десятков городов и крупных узлов страны: Москвы, Харькова, Воронежа, Баку и др. В Дербенте была получена телеграмма из Воронежа, в которой говорилось об аресте членов районных комитетов союза, о репрессиях и насилии со стороны жандармов. Выслушав это сообщение, собрание служащих ст. Дербент «пришло в глубокое негодование» и выразило свой протест. «Просим всех товарищей — борцов России, — говорилось в решении собрания, грудью отстаивать права угнетенного народа. Напоминаем всем, что варварское правительство, испуская свой последний предсмертный вздох, личный раз доказывает свое желание утопить Россию в крови. В желанный час победы пролетариата, в решительный момент соединимся и дадим последнее сражение предателям — палачам и насильникам»³.

Большевики проводили огромную разъяснительную работу среди рабочих и железнодорожников, выступали на митингах, распространяли листовки, прокламации. Центральное бюро союза в Ростове-на-Дону работало под непосредственным руководством большевиков. 8 декабря 1905 года Центральное

1 Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, лл. 1—2.

2 ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 2, ед. хр. 12, л. 7.

3 Там же, л. 2.

бюро дало указание всем райотделениям примкнуть к забастовке.

Дербентское, а через четыре дня и Петровское отделение союза присоединились ко всеобщей декабрьской забастовке. Решением союза было прекращено движение поездов на участке Петровск—Хачмас, за исключением одной пары служебных поездов для своих нужд¹.

В течение нескольких дней руководство дорогой осуществлялось забастовочными комитетами, игравшими, по существу, роль Советов рабочих депутатов. Движение поездов было прекращено. Как об этом сообщали представители местных органов власти, забастовщики «прекратили правильную эксплуатацию дороги, захватили в свои руки ж. д. линию и телеграф Владикавказской дороги в районе Дербентского и Петровского отделений и распоряжались ими по собственному усмотрению»².

Однако, учитывая безвыходное положение населения окрестных районов, бюро союза разрешило с 13 декабря перевозку продуктов, а также прицеплять к отдельным составам пассажирские вагоны. Но билеты пассажирам не продавались — плата за перевозку взыскивалась по особым квитанциям, выдаваемым Союзом. Союз установил за выдачей квитанций строгий контроль, назначил своих кассиров и контролеров. Вырученные деньги бюро союза решило употребить на выдачу зарплаты мастерам и служащим отделения³.

Политическая забастовка железнодорожников в декабре 1905 года явилась высшей точкой революционных событий и в Дагестане. В силу ряда причин (недостаточная организованность, отсутствие прочной связи между железнодорожниками и рабочими других предприятий, недостаток большевистских сил в социал-демократических группах, раскольническая деятельность меньшевиков и эсеров) забастовка не переросла в вооруженное восстание. Но она сыграла огромную роль в развитии революционного движения в Дагестане.

Рабочее движение имело прямое влияние на крестьянские массы. В 1906 г. крестьянские волнения имели место в Аварском, Андийском, Темир-Хан-Шурином, Кайтаго-Табасаранском и других округах. Большевистским влиянием были охвачены и войска, дислоцированные в Дагестане. Ярким примером революционного выступления солдат является известное восстание Самурского полка в Дешлагаре летом 1906 года. В 1907 году происходит крупная забастовка каспийских моряков.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 2, ед. хр. 12, л. 6.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1381, л. 1.

³ ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 2, ед. хр. 12, л. 8.

Характерно отметить, что в Дагестане в период революции 1905—1907 гг. возник только один профсоюз железнодорожников с его отделениями в Порт-Петровске и Дербенте. Несмотря на то, что имелись довольно крупные предприятия (фабрика «Каспийская мануфактура», порт и др.), где насчитывалось большое число рабочих и служащих, профсоюзных организаций здесь создано не было.

Чем это объяснить?

Прежде всего необходимо иметь в виду, что развитие профессиональных союзов, как массовых организаций рабочего класса, происходит, главным образом, в период общего подъема рабочего движения и при наличии минимальных «политических свобод», выражающихся в праве коалиции, организации. Таким периодом явился октябрь 1905 года. Как известно, начало октябрьской политической стачке было положено на Московско-Казанской железной дороге, и пример своих московских собратьев по работе вдохновлял железнодорожников Дагестана. Это подчеркивает, что профсоюзное движение в Дагестане являлось неотъемлемой частью все-русского профессионального движения.

Следующим условием, позволившим дагестанским железнодорожникам создать свой профессиональный союз, явилась концентрация большого числа рабочих на станциях Петровск-Порт, Дербент и Петровск-Кавказский. Абсолютное большинство из них были русские рабочие, имевшие высокую квалификацию, опыт, в большинстве своем политически грамотные, пришедшие сюда из центральных губерний России и в значительной степени подвергшиеся революционному влиянию.

Не менее важной особенностью, характеризующей и несколько отличающей положение железнодорожников от положения рабочих других предприятий, являлось то, что железнодорожники располагали средствами связи, позволявшими им быть в курсе всех происходивших в стране событий. Дагестанские железнодорожники, как говорилось выше, держали постоянную связь с рабочими многих городов.

Положение это станет более понятным, если добавим еще одну особенность, характерную для профдвижения в Дагестане. Эта особенность заключалась в многонациональном составе дагестанского пролетариата. Квалифицированные рабочие, как уже отмечалось, были русские, а вся остальная масса была неквалифицированной и состояла из иранцев, тюрков и коренных жителей Дагестана. Это обстоятельство, безусловно, являлось тормозом для рабочего и профессионального движения, так как разница в уровне развития, классового самосознания и боевой закалки между квалифици-

рованными и неквалифицированными рабочими приводила временами к взаимному непониманию. С другой стороны, многонациональный состав дагестанских рабочих давал возможность национал-шовинистам всех мастей отвлекать рабочих от задач классовой борьбы, сеять между ними национальную рознь.

Ко всему сказанному надо еще прибавить два обстоятельства. Первое из них — это своеобразные условия, имевшиеся в Дагестане (экономическая отсталость, наличие пережитков патриархально-родовых отношений в быту, давление ислама на сознание масс, колониальная политика царского самодержавия), которые не могли не наложить своего отпечатка на развитие профессионального движения. Второе обстоятельство — это слабость местных социал-демократических организаций. Профдвижение в силу этого оказалось неподготовленным для руководства борьбой масс, как бы не поспевало за рабочим движением, а временами серьезно отставало от него.

Таковы некоторые особенности профессионального движения в Дагестане в период первой русской революции.

После поражения революции 1905—1907 гг. наступили мрачные дни столыпинской реакции. Большинство профсоюзов было распущено, центральное бюро профессиональных союзов ликвидировано. Царское правительство обрушилось жестокими репрессиями на большевистскую партию, на профсоюзы, на рабочие организации.

Победа Февральской буржуазно-демократической революции создала благоприятные условия для возрождения существовавших и создания новых профсоюзов по всей России, в том числе среди рабочих национальных окраин.

Одним из первых профсоюзов, возникших в Петровске после победы Февральской революции, был профсоюз бондарей. Организовался он в конце апреля 1917 года. Почти одновременно с профсоюзом бондарей организовался профсоюз металлистов. Союз этот объединял рабочих и служащих гвоздильного завода, канатной фабрики, электростанции, холодильника, пивоваренного завода. Общее количество членов союза доходило до 250 человек.

Период с мая по октябрь 1917 года характерен бурными темпами профсоюзного строительства в Дагестане. В этот период возникают профессиональные союзы работников печатного дела, водников и моряков, почтово-телеграфных служащих, текстильщиков и другие.

Бурный рост профессиональных союзов в этот период наблюдался и в другом промышленном центре Дагестана — Дербенте. Вся работа по организации профсоюза здесь шла под руководством большевистской группы. Среди рабочих проводилась разъяснительная работа о задачах профсоюзов,

о необходимости каждому рабочему состоять членом союза и бороться за защиту своих интересов. Так возник профессиональный союз всех профессиональностей, объединявший рабочих разных предприятий и отраслей промышленности. Вскоре состоялась первая организационная конференция союза. На конференции был принят устав союза, определены ближайшие задачи, избрано правление во главе с большевиком Дм. Пугиным.

Наряду с профессиональными союзами в Дагестане после свержения царизма возникли и фабрично-заводские комитеты. Большевики через фабзавкомы осуществляли руководство борьбой рабочих с предпринимателями, вели политическое воспитание рабочих. Деятельность большевиков способствовала освобождению профсоюзов от влияния меньшевиков, эсеров и националистов, сплачивала воедино профсоюзы и фабзавкомы, укрепляла организованность и единство рабочих.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции положение рабочего класса России коренным образом изменилось. Из угнетенного, эксплуатируемого класса он стал классом правящим, господствующим.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей власть эксплуататорских классов и положившей начало новому общественному экономическому строю, произошло коренное изменение в отношении профсоюзов к производству. В условиях, когда начали складываться новые производственные отношения и производство стало развиваться в интересах трудящихся масс, профсоюзы были кровно заинтересованы в быстром развитии производительных сил, в правильном их размещении, в непрерывном подъеме народного хозяйства.

С установлением Советской власти в Дагестане профессиональное движение получает большой размах. Создаются новые союзы, растет число членов профсоюза. К этому периоду относится создание в Дербенте профсоюза сотворгслужащих. В мае 1918 года по предложению Бакинского совпрофа оба дербентских союза — союз всех профессиональностей и союз сотворгслужащих — были объединены и был создан Совет профессиональных союзов (Совпроф) Дербентского района¹.

В Порт-Петровске создается Союз торгово-промышленных и финансовых служащих², число членов которого в июле 1918 года достигло 500 человек³. Важным событием в истории профсоюзного движения в Дагестане является организация

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 6, ед. хр. 32, л. 3.

² Несколько позже он стал называться Союзом сотворгслужащих.

³ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 6, ед. хр. 32, л. 4.

Совета профессиональных союзов в Темир-Хан-Шуре в 1918 году.

После временного падения Советской власти в Дагестане профсоюзная работа ослабла, а в отдельных случаях почти прекратилась. Многие союзы были закрыты или перешли на нелегальное положение. Наиболее активные профсоюзные работники были арестованы, некоторые ушли в партизанские отряды.

В 1919 году, в связи с созданием Дагестанского Обкома РКП(б) и подготовкой всеобщего восстания трудящихся против «горского правительства», вновь оживилась профсоюзная работа. Уже в марте-апреле 1919 года имелось 15 профсоюзов, которые объединяли более 2 тысяч членов¹. Союзы бондарей, металлистов, текстильщиков и другие насчитывали от 200 до 400 членов. В Порт-Петровске, Дербенте и Темир-Хан-Шуре были снова организованы Советы профессиональных союзов.

В конце апреля 1919 года в Баку собрался съезд профсоюзов Закавказья, Дагестана и Закаспия. Из Дагестана на съезде присутствовало 9 делегатов. Съезд подчеркнул важное значение оживления профессиональной работы в Дагестане.

Большевистская фракция съезда благодаря своей революционной позиции сумела привлечь на свою сторону большинство беспартийных делегатов и многие интернациональные группы, и образовала так называемый «левый сектор». На съезде громко прозвучал призыв к объединению не только на окраинах, но и трудящихся окраин с российским и мировым пролетариатом².

В этот период пролетариат Дагестана под руководством большевиков усиливает борьбу с предпринимателями за улучшение условий труда. Рабочие требовали установления 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, осуществления мероприятий по социальному страхованию и охране труда, добивались удаления отдельных представителей администрации, особенно рьяно защищавших хозяйские интересы. В этой борьбе наряду с профсоюзами важную роль играли фабрично-заводские комитеты.

По инициативе железнодорожников, а также профсоюзов бондарей и текстильщиков в Порт-Петровске в конце апреля 1919 года была объявлена всеобщая забастовка. Вскоре забастовка охватила рабочих и служащих Дербента и Темир-Хан-Шуры. Бастующие требовали улучшения экономического положения и условий труда. Так, например, текстильщики предъявили «горскому правительству» требование, состоящее

¹ «Красный Дагестан», 15 апреля 1924 г.

² С. Иткин. Очерки по истории профдвижения в Баку и его районах 1917—1920 гг. Баку, 1927, стр. 41.

из 14 пунктов¹. Однако, «горское правительство» отказало в удовлетворении требований рабочих, положение которых продолжало ухудшаться и становилось отчаянным. Тогда рабочие стали создавать стачечные комитеты и начали организованно бросать работу. В ходе политической и экономической забастовки был создан Центральный стачечный комитет (Центрстачком), в составе которого были представители различных профсоюзных организаций. В эти дни политическая власть в области по существу находилась в руках Центрстачкома².

С каждым днем росло влияние большевиков в народных массах. Так было не только в городах, но и в горных округах.

«Горское правительство» не могло и не желало удовлетворять требования трудящихся масс. Оно не хотело в чем-либо ущемлять интересы предпринимателей, продолжавших самым грубым образом нарушать коллективные договоры и поирать элементарные права рабочих. Правовые нормы труда систематически нарушались и отменялись. Центральный стачком в одном из своих обращений сообщал о «непринятии» горским правительством «реальных мер в смысле исполнения своего обещания»³.

Всеобщая забастовка, в которой активное участие принимали профсоюзы, продолжалась более двух недель. Затем она была подавлена. Несмотря на это забастовка имела большое значение. Она показала трудящимся, что есть один путь освобождения — вооруженная борьба. Важное значение забастовке придавал член бюро Кавказского Краевого и Бакинского комитетов РКП(б) А. И. Микоян. «Во время забастовки, — писал он, — фактической властью во многих местах пользовались исключительно стачкомы»⁴.

С вторжением деникинских войск начинается одна из самых тяжелых страниц в истории Дагестана. Деникинцы разгромили Областной Совет профессиональных союзов и профессиональные организации текстильщиков, металлистов, пищевиков и др.

Союз железнодорожников призывал рабочих-железнодорожников на борьбу с наступающей реакцией и пытался объединить силы пролетариата для отпора врагам. С этой целью союз созвал 22 мая в Дербенте делегатский съезд. Но вскоре союз был разгромлен, бывший стачечный комитет, переименованный в главный комитет, был разогнан.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 5, ед. хр. 41-а, л. 45.

² ЦГА ДАССР, ф. 621-р, ед. хр. 43, л. 13.

³ Архив Даг. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 8, оп. 3, ед. хр. I, л. 1.

⁴ Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1435, л. 9.

Таким образом профсоюзная работа, которая только что начала восстанавливаться, вновь прекратилась.

С окончательным установлением Советской власти начинается новая полоса в развитии профессионального движения в Дагестане.

IX съезд РКП(б), собравшийся в марте 1920 г., уделил большое внимание профессиональным союзам. В историческом постановлении съезда «По вопросу о профессиональных союзах и их организации» было раскрыто ленинское учение о профсоюзах как школе коммунизма. Съезд осудил анархо-синдикалистские взгляды врагов рабочего класса, сводящиеся к отрыву профсоюзов от партийного руководства, и в своем решении указал на необходимость существования в каждом профессиональном союзе дисциплинированной фракции коммунистов.

23 апреля 1920 года по инициативе штаба XI Армии и Северо-Кавказского ревкома было проведено совещание представителей профсоюзов Порт-Петровска¹. Совещание избрало Временное правление Совета профсоюзов в составе 7 членов и 3 кандидатов. Перед Временным правлением была поставлена важная задача — реорганизовать существующие союзы в производственные с тем, чтобы по окончании этой работы организовать постоянный Совет профсоюзов. Началась перестройка профессиональных союзов по производственному принципу.

Профсоюзы принимали активное участие в проведении коммунистических субботников и «Недели трудового фронта». Рабочие Дагестана горячо откликнулись на совместное обращение ЦК партии, ВЦИК и ВЦСПС с призывом встретить 1 Мая новыми трудовыми успехами в деле восстановления разрушенного хозяйства. Во всех союзах прошли митинги и собрания, посвященные обсуждению обращения. В резолюции, принятой на собрании членов союза советских служащих, говорилось: «Мы приветствуем такое благое дело, как организация трудовой недели и коммунистических субботников в целях восстановления разрушенного империалистической и гражданской войной народного хозяйства. Все на передовые позиции в борьбе с разрухой!»². По неполным данным в день 1 Мая 1920 года в субботнике приняло участие более 2000 человек.

В июне 1920 года в Порт-Петровске состоялась I-я конференция профсоюзов. К этому времени здесь было уже 13 вполне оформленных союзов, которые объединяли 1046 рабочих и служащих³. На конференции был избран Совет профес-

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 2, ед. хр. I, л. 1.

² Там же, ед. хр. 22, л. 3.

³ Там же, ед. хр. I, лл. 4—6.

спецнальных союзов (Совпроф), принят примерный устав союза, приняты решения по тарифному и ряду других важных вопросов.

Так было положено начало строительству советских профсоюзов в Дагестане.

Профсоюзное строительство в Дагестане происходило в очень трудной и сложной обстановке. Еще продолжалась гражданская война. Борьба с местной белогвардейско-националистической контрреволюцией, всемерно поддерживаемой англо-американскими и турецкими империалистами, была еще в разгаре.

Важной вехой в истории Дагестана явился Чрезвычайный съезд горцев, состоявшийся 13 ноября 1920 года, на котором И. В. Сталин от имени Советского правительства провозгласил декларацию о Советской автономии Дагестана.

К этому же времени относится и первый съезд профсоюзов Дагестана, состоявшийся в конце ноября 1920 года. Съезду предшествовало общее собрание правлений профсоюзов, на котором было решено распространить руководство Порт-Петровского Совпрофа на всю Дагестанскую область и образовать областные отделы профсоюзов. Съезд поддержал это решение и постановил впредь именовать Совпроф Дагестанским Советом профессиональных союзов (ДСПС).

Профсоюзы энергично взялись за выполнение решений съезда. На первом плане стояли вопросы снабжения рабочих продовольствием. При Дагсовпрофе был создан специальный Отдел снабжения, который вместе с Пролотделом занялся обеспечением рабочих продуктами и одеждой. Профессиональные организации приступили к созданию продовольственных отрядов для работы в пределах республики.

Помимо снабжения, перед профсоюзами вставали и другие сложные вопросы. Наиболее важным и трудным делом являлась национализация промышленных предприятий и переход к новым формам управления ими. Борьба за трудовую дисциплину, борьба с расхлябанностью стала занимать в работе профорганизаций одно из первых мест. Это было важно в связи с фактами саботажа и контрреволюционными выступлениями отдельных антисоветских элементов. Большое значение в борьбе против саботажа и за крепкую трудовую дисциплину имело создание товарищеских дисциплинарных судов.

Враги рабочего класса и Советской власти пытались использовать тяжелое положение страны. В конце 1920 года в партии началась дискуссия о профсоюзах. Извращая роль профсоюза, троцкисты вместо метода убеждения предлагали в работе профорганизаций применять методы принуждения и командования. Вслед за троцкистами выступили другие анти-

партийные группировки: «рабочая оппозиция», «демократические централисты», «левые коммунисты».

В. И. Ленин вскрыл истинный смысл лозунгов этих антипартийных групп и разъяснил, что требование «огосударствления профсоюзов» ведет к ликвидации профсоюзов как массовых организаций.

В марте 1921 года собрался X съезд партии. По предложению В. И. Ленина съезд принял историческое решение о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике. В числе других важнейших решений X съезд принял резолюцию «О роли и задачах профсоюзов».

Съезд отверг враждебные партии платформы и указал на необходимость немедленного роспуска всех фракционных групп. В результате проведенной дискуссии оппозиционеры потерпели полное поражение.

В январе—мае 1921 года происходили конференции почти всех профсоюзов Дагестана. В принятых решениях рабочие и служащие приветствовали призывы и решения X съезда Коммунистической партии¹.

В связи с переходом Советского государства к новой экономической политике началась перестройка работы профсоюзов.

Еще на IX съезде партии, принявшем историческое постановление «По вопросу о профессиональных союзах и их организации», указывалось, что в каждом профессиональном союзе должна существовать фракция коммунистов, подчиняющаяся партийной организации. Такая структура обеспечивала единство действий партийных и профсоюзных организаций, широкую и прочную связь партии с массами, руководство со стороны Коммунистической партии профсоюзами.

Коммунистические фракции были созданы и в дагестанских профсоюзах. Фракции РКП(б) проводили в жизнь директивы партии в области профессионального движения, укрепляли влияние партии внутри профсоюзов².

В «Известиях» Кавбюро ЦК РКП(б) был опубликован циркуляр «О взаимоотношениях между партийными и профсоюзными организациями». ДК РКП(б), руководствуясь указаниями Кавбюро ЦК РКП(б), разработал и разослал всем союзам «Инструкцию о работе фракции РКП(б) в профсоюзах»³. Эти партийные документы сыграли важную роль в деле развертывания профсоюзной работы в Дагестане.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 2, ед. хр. 15, лл. 1—5.

² Архив Даг. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 6, ед. хр. 121, лл. 44—45.

³ Там же.

Большое место в перестройке работы профсоюзов в условиях новой экономической политики принадлежит II съезду профсоюзов Дагестана. К своему II съезду, открывшемуся в Махачкале 12 сентября 1921 года, дагестанские профсоюзы пришли с серьезными успехами. Общее число членов профсоюзов достигло 27 тысяч человек. Важно было и то, что на втором съезде были представлены не только города, не только все отрасли производства, но и все округа.

Время проведения второго съезда профсоюзов Дагестана совпало с усилением голода в Поволжье и в некоторых других районах страны. Претворяя в жизнь решения съезда, при Дагсовпрофе была образована Чрезвычайная центральная комиссия помощи голодающим. В округах соответственно были созданы окружные комиссии, а в городах — городские комитеты.

В конце сентября 1921 года крестьяне сел. Н. Дженгутай обратились с призывом оказать посильную помощь голодающим Поволжья. Призыв крестьян был единодушно поддержан на всех предприятиях и в воинских частях. На заседании правления Союза кожевников г. Буйнакса было решено: «отчислить весь месячный паек за сентябрь месяц и 25 проц. месячного жалования в помощь голодающим Поволжья»¹.

Коммунистическая партия поставила перед профсоюзами задачу — вовлечь в профсоюзную и хозяйственную работу широчайшие слои рабочих и воспитать их в коммунистическом духе. В Дагестане это было особенно важно в связи с тяжелым наследием царизма — безграмотностью.

Дагестанская партийная конференция (1921 год), уделявшая большое внимание вопросам политико-просветительной работы среди широких масс трудящихся, указала в своей резолюции на чрезвычайную важность ликвидации неграмотности². Работа развернулась под лозунгом: «Долой неграмотность!». Особое внимание уделялось развитию профессионально-технического образования. При фабрике имени III Интернационала, на бондарном заводе и других предприятиях были организованы школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В Махачкале и Буйнакске открылись профтехнические школы с контингентом учащихся по 30 чел. в каждой.

В марте 1922 года собрался XI съезд Коммунистической партии. На нем были подведены итоги первого года новой экономической политики.

Съезд принял ряд важнейших постановлений, в том числе резолюцию «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 2, ед. хр. 20, л. 40.

² Первая Дагестанская конференция РКП(б). Даггосиздат, 1921 г.

экономической политики», написанную В. И. Лениным. «Профсоюзы, — указывал Ленин, — должны быть ближайшим и неперменным сотрудником госвласти, которую руководит во всей ее политической и хозяйственной работе сознательный авангард рабочего класса — компартия. Будучи школой коммунизма вообще, профсоюзы должны быть в частности школой управления социалистической промышленностью (а затем постепенно и земледелием) для всей массы рабочих, а затем и для всех трудящихся»¹.

Новая обстановка вносила много нового в характер работы профсоюзов. Перевод многих предприятий на хозяйственный расчет и борьба за их безубыточность требовала самого непосредственного участия профсоюзов в хозяйственной деятельности предприятий. Одной из важных задач профсоюзов являлась защита интересов рабочих от бюрократических извращений хозорганов, на что было особо указано на XI съезде партии.

Для Дагестана, помимо указанных выше задач, особенно большое значение имело уточнение тарифов и зарплаты, а также вопрос о возможности вступления в союз кустарей. Дагсовпрофом и Экономсоветом Дагестана была установлена на территории ДАССР тарифная сетка в 17 разрядов. Каждый разряд в зависимости от квалификации и занимаемой должности имел свою оплату. Одновременно был издан циркуляр о премировании совработников за аккуратное и добросовестное отношение к своим служебным обязанностям².

20—30 мая 1922 года состоялся III съезд профсоюзов Дагестана. Профсоюзы Дагестана к этому времени объединяли 18100 членов³. Уменьшение числа членов союза (по сравнению со II съездом) объясняется тем, что к этому времени произошла перерегистрация членов союза и ликвидация обязательного членства. Вместо обязательного членства вводилось добровольное членство, ибо обязательное членство становилось формальным. Перерегистрация освободила профсоюзы от многих чуждых элементов, пробравшихся в профсоюзы.

Съезд уделил большое внимание организационным вопросам. В горных округах окружные бюро профсоюзов были ликвидированы и вместо них созданы окружные комитеты. В городах Дербенте, Буйнакске и Хасавюрте назначались уполномоченные Дагсовпрофа.

Большую работу проводили профсоюзы в области подъема образовательного и культурного уровня трудящихся. По

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 164—165.

² ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 3, ед. хр. 6, л. 24.

³ Союз железнодорожников в то время был еще самостоятельным. Объединение его с ДСПС произошло несколько позже.

инициативе членов союза Работпрос каждый союз взял на себя обязательство ликвидировать неграмотность среди профсоюзной массы до 1 января 1923 года¹. Профсоюзы вели точный учет неграмотных. При непосредственной помощи Агитпропотдела ДК РКП(б) были открыты школы по ликвидации неграмотности.

В 1923 году в Дагестане начинается кооперативное движение на селе. В создании и организационном укреплении сельскохозяйственных кооперативов большую роль сыграли рабочие городов. Коллективы многих предприятий шефствовали над аулами и сельскохозяйственными кооперативами.

Наряду с сельским хозяйством восстанавливалась и развивалась промышленность Дагестана. К концу 1923 года фабрика имени III Интернационала довела выпуск продукции до 90 проц. довоенной выработки. Довоенной производительности достиг гвоздильный завод. Значительно увеличилась производительность консервной промышленности.

Профсоюзные организации производили обследования и инспектирование предприятий, принимали меры к ликвидации нарушений Кодекса законов о труде и техники безопасности, к улучшению санитарно-гигиенических условий. Гораздо оперативнее стали разбираться жалобы трудящихся.

После IV съезда профсоюза (август 1923 г.) работа профессиональных организаций Дагестана еще больше активизировалась. Решения съезда способствовали укреплению связи профорганизаций с массами, улучшению всей профсоюзной работы, а это в свою очередь привело к росту активности и творческой самодеятельности рабочих масс. Изю дня в день повышалась производительность труда. Значительно выросла валовая продукция промышленности республики. Так, на фабрике имени III Интернационала с 1923 г. производительность труда по сравнению с 1913 годом составила 112,4 проц². Такие же успехи имелись на гвоздильном заводе, канатной фабрике, кожевенном заводе (г. Буйнакск), кирпичном заводе (г. Хасавюрт), на предприятиях консервной и рыбной промышленности.

Появились новые формы производственно-экономической работы профсоюзных организаций, обеспечивающие активное участие рабочих в производственной жизни предприятия. Одной из таких форм, значение которой высоко оценивала Коммунистическая партия, явилось производственное совещание. Производственные совещания и делегатские собрания, возникшие несколько позже, сыграли важную роль в вовлечении

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 3, ед. хр. 21, лл. 61—63.

² Архив Даг. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 44, л. 227.

широких масс рабочего класса в активную борьбу за быстрое восстановление народного хозяйства¹.

Происходит дальнейшее укрепление фабрично-заводских и местных комитетов на предприятиях и в учреждениях. В горах решением ДК РКП(б) и Дагсовпрофа создаются объединенные окружные месткомы, вовлекаются в профсоюзы служащие советских учреждений и батраки, работающие у кулаков и богатых крестьян.

Центром культурно-воспитательной работы профсоюзов становился фабрично-заводской клуб. Профсоюзы Дагестана к 1924 году имели 24 клуба. В клубах было установлено твердое членство, организованы культкомиссии, различные кружки, в том числе кружки по профтехническому образованию. В них преподавались такие предметы, как история профдвижения, тарифная политика, Кодекс законов о труде, основы политэкономии, Конституция РСФСР, соцстрахование². Проводились различные месячники. Так, были проведены «Месячник помощи кооперации», «Месячник помощи красной милиции», «Месячник санитарии и гигиены», во время которого был открыт в Буйнакске Дом отдыха, «Декадник по размещению золотого выигрышного займа» (декабрь 1923 года). В Дагестане среди рабочих и служащих сумма подписки на заем составила в среднем 10 проц. зарплаты³.

К V съезду профсоюзов Дагестана (апрель 1924 г.) значительно увеличилось число членов профсоюза. В 16 союзах насчитывалось около 17 тысяч членов. Серьезные успехи были достигнуты в области проведения индивидуального членства в профсоюзах (89,9%)⁴.

На съезде обсуждался отчет Дагсовнархоза. Съезд с удовлетворением отметил тот факт, что многие крупные предприятия (фабрика имени III Интернационала, гвоздильный завод, завод «Дагестанские огни», консервные заводы, кожевенный комбинат и др.) значительно подняли выработку и улучшили качество выпускаемой продукции⁵.

В 1923 и особенно в 1924 году было осуществлено большое капитальное строительство. Рядом с ранее существовавшим стекольным заводом для ручной выработки стекла был сооружен новый завод «Дагестанские огни» с современным оборудованием. В 1923—24 гг. большая работа была проведена по

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7, ч. I, стр. 792—793.

² Архив Даг. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 44, л. 207.

³ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 5, ед. хр. 10, л. 64.

⁴ Там же, оп. 6, ед. хр. 1, л. 46.

⁵ Там же, л. 2—3.

переоборудованию гвоздильного завода. Серьезное внимание уделялось развитию нефтяной промышленности.

В результате принятых мер на многих предприятиях снизилась себестоимость продукции, повысилась заработная плата рабочих. Так, если в 1923 году себестоимость аршина бязи составляла 53,2 коп., то в 1924 году он стоил 31,8 коп., а в начале 1925 года 26,4 коп. В консервной промышленности себестоимость продукции снизилась почти на 30 проц.¹

Наряду с товариществами и объединениями кустарей профсоюзы несли ответственность за деятельность кооперации и должны были оказывать ей повседневную помощь. Не проходило ни одного съезда профсоюзов, где бы не обсуждался вопрос о кооперации, о торговле. Профсоюзы начали эту работу с вовлечения в кооперацию новых членов. Каждый член союза должен был вступить в кооператив.

В результате принятых мер к концу 1924 года дагестанская кооперация имела серьезные успехи. По утвержденному собранием уполномоченных плану к концу 1924 года кооперативная сеть Дагестана (по линии Дагсоюза) должна была состоять из 50 кооперативов и 100 лавок. В действительности же к 1 января 1925 года имелось 65 кооперативов и 130 лавок. Число членов-пайщиков выросло с 7827 человек на 1 января 1924 года до 20155 на 1 января 1925 года². Общий оборот всей кооперативной торговли (включая Дагсоюз) в 1923 году достиг 3 млн. рублей, а в 1924 году — около 5 млн. рублей. За один только 1924 год Дагестану был отпущен товарный кредит на сумму 1,3 млн. рублей³.

Восстановление промышленности Дагестана несмотря на огромные трудности шло быстрыми темпами. Так, консервная промышленность республики уже в 1925 году давала около 70 тысяч пудов разных консервов вместо 13 тысяч пудов в 1913 году⁴. Текстильная фабрика имени III Интернационала в 1925 году по числу действующих веретен перегнала уровень довоенного 1913 года⁵.

В 1925—1926 году промышленность Дагестана была не только восстановлена, но и давала значительно больше продукции (на 21,4 проц.), чем в 1913 году⁶. Успешно шло развитие торговли. Трудовое население Дагестана убеждалось

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 6, ед. хр. 1, л. 2—3.

² А. К. Фатеев. Потребительская кооперация Дагестанской республики. Махачкала, 1925, стр. 143.

³ ЦГА ДАССР, ф. 85-р, оп. 1, ед. хр. 1, л. 23.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 3, ед. хр. 10, л. 118.

⁵ Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов, 1927, стр. 23.

⁶ А. Алиев. Дагестан в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства 1921—1925 гг. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2117, л. 44.

в преимуществах кооперации перед частной торговлей. Число пайщиков к концу восстановительного периода увеличилось по сравнению с 1924 годом почти вдвое.

В 1925 году — последнем году восстановительного периода — число членов профсоюзов в Дагестане составляло около 20 тысяч человек. На 1 июля 1925 года в Дагестане было 10 губотделов, 1 участковый комитет профсоюза железнодорожников, 1 окротделение, 2 месткома на правах губотделов, 1 порткомвод, 5 губместкомов, 4 райпрофбюро и 9 объединенных месткомов нагорных округов¹. Фабрично-заводских комитетов, местных комитетов, уездных отделений было 315.

Основной работой профсоюзов по-прежнему оставалась организационная, тарифно-экономическая и культурно-просветительная работа. Особенно большое внимание было уделено правильному решению вопроса о тарифно-экономической работе профсоюзов, в частности вопроса об организации заработной платы на предприятиях.

В 1925 году Дагсовпрофом была проделана большая работа по рассмотрению и проверке производственных планов предприятий и смет на 1925—26 год, а также в составлении бюджета ДАССР. В основу тарифно-экономической работы было положено состояние ресурсов и возможности хозорганов и промышленных предприятий. Каждое решение по вопросам зарплаты, особенно связанное с ее повышением, а также по вопросам организации труда принималось с учетом этих возможностей.

Таким образом, рост заработной платы был неразрывно связан с ростом промышленности и с повышением производительности труда. В 1925 году средняя зарплата повысилась против 1924 года на 18 процентов².

В результате принятых мер по урегулированию зарплаты повысилась производительность труда на предприятиях. Общая выработка по всем предприятиям ДСНХ в 1925 году по сравнению с 1923 годом поднялась на 77 процентов³. Такой рост промышленного производства давал возможность параллельно поднимать заработную плату рабочих и служащих.

В то же время профсоюзы боролись с тенденциями общего завышения ставок и норм при заключении коллективных договоров и тарифных соглашений 1925 года. Это являлось важнейшим мероприятием в деятельности профсоюзов. На 1 октября 1925 года действующих коллективных договоров насчитывалось 123. Ими было охвачено 11450 чел., или 63,8 проц. общего числа членов союзов. Против 1924 года

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 7, ед. хр. 1, л. 84.

² «Красный Дагестан», 16 ноября 1925 г.

³ Там же, 23 ноября 1925 г.

количество заключенных коллективных договоров увеличилось на 39. Колдоговоры постепенно становились не только системой регулирования заработной платы, но и огромным организующим и воспитательным фактором в профсоюзной работе.

В ноябре 1925 года открылся VI съезд профсоюзов Дагестана. Съезд обсудил отчет ДСПС, доклад о перспективах профдвижения, доклады НКТруда, Дагстрахкассы, Дагсовнархоза, потребкооперации. Особое внимание было уделено тарифно-экономической работе и работе среди батрачества (отчет союза Рабземлес).

Основные моменты в тарифно-экономической политике, как указывалось в принятой на съезде резолюции, сводились: «1. К максимально-возможному подтягиванию зарплаты в отстающих отраслях производства. 2. К строгому соответствию повышения зарплаты с поднятием производительности труда. 3. К проведению прямой сдельщины и введению максимально-технически возможных норм выработки»¹.

Съезд дал указание Отделу охраны труда усилить работу по обследованию предприятий и привлекать к ответственности лиц, нарушающих Кодекс законов о труде. До конца года за грубое нарушение законов об охране труда было привлечено к суду или подвергнуто штрафу 346 человек, из них на государственных предприятиях 47, кооперативных — 21, частных — 278.

По инициативе профсоюзных организаций в 1925 году рабочим для индивидуального строительства или капитального ремонта жилья начали выдавать долгосрочные и краткосрочные кредиты (ссуды) в размере от 20 до 25 проц. месячного заработка. Значительно оживилась деятельность органов социального страхования и работа касс взаимопомощи. За счет средств Дагстрахкассы был открыт дом отдыха, недельные и однодневные санатории для больных туберкулезом, дом для инвалидов. Более 500 рабочих получили в 1925 году путевки в санатории и дома отдыха вне республики, многим рабочим была оказана единовременная помощь. До конца 1925 года число застрахованных составило около 15 тысяч человек².

К концу восстановительного периода дагестанские профсоюзы значительно окрепли организационно и выросли политически, что было отмечено в решениях VI съезда.

Однако в работе профорганизаций имело место много крупных недостатков. На это указало собрание партийного и профсоюзного актива, состоявшееся 24 ноября 1925 года.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 7, ед. хр. 1. Резолюции VI съезда профсоюзов Дагестана. Изд. Дагсовпрофа. Махачкала, 1925.

² ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 7, ед. хр. 1, лл. 144—146.

Собрание обсудило и одобрило резолюцию октябрьского Пленума ЦК РКП(б) «О работе профсоюзов» и обязало «всех партийных, профсоюзных и советских работников приложить все усилия к проведению в жизнь постановления о профсоюзах, принятого Пленумом¹.

Главные недостатки в профсоюзной работе заключались в оторванности профорганов от масс, имеющие еще место трения между профсоюзами и администрацией, слабая воспитательная работа среди рабочих, голое администрирование. Недостаточно использовались такие формы связи профсоюзов с массами, как производственные совещания, кружки, конференции.

В 1925 году дагестанский союз Рабземлес объединял 5 предприятий, 48 учреждений, 278 аулов, где было 112 сельских батрацких комитетов и 56 участковых батрацких комитетов. Всего учтенных батраков было 9286, из них трудовыми договорами было охвачено 220 батраков². Более 40 проц. из числа учтенных батраков были безработными.

Перед союзом Рабземлес стояли важные задачи. Основными из них являлись: а) укрепить союзные организации и создать участковые батрацкие комитеты; б) повсеместно провести учет батрачества; в) перевести все делопроизводство, устав союза, Кодекс законов о труде и другие документы, имеющие массовое значение, на местные языки и приблизить работу союза к широким массам; г) усилить работу по вовлечению батрачества в союз и добиваться повсеместного заключения трудов договоров; д) усилить культурно-воспитательную работу среди батрачества, ликвидировать неграмотность, добиваться улучшения материального положения батраков.

Для успешного решения всех этих задач необходимо было прежде всего укрепить и усилить партийную прослойку союза. Дагестанский комитет партии направил для работы в Рабземлес более 20 опытных партработников. Принимались все меры для увеличения числа членов партии и комсомольцев за счет лучших, преданных членов союза.

Совместно с сельскохозяйственной кооперацией союз Рабземлес провел большую работу по организации батрачества в трудовые коллективы и по созданию работоспособного аппарата на периферии. Для переработки сельскохозяйственных продуктов на местах были открыты маслобойные пункты, мельницы, консервные заводы. С целью приблизить агрономическую помощь к крестьянству были организованы опытные поля, виноградники, случные и зерноочистительные пункты³.

1 Архив Даг. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 6, ед. хр. 118, лл. 1—3.

2 Там же, ед. хр. 121, л. 128.

3 «Красный Дагестан», 1 июля 1925 года.

С учетом местных условий проводилась и тарифно-экономическая работа среди батрачества. Все коллективные договоры обсуждались на общих собраниях. При этом особое внимание уделялось улучшению условий труда, повышению заработной платы. Количество заключенных трудовых договоров и соглашений за период с 1 октября 1925 года по 1 января 1926 года увеличилось на 614.

Большая ответственность лежала на союзе Рабземлес в деле урегулирования взаимоотношений между батраками и хозяевами, разрешения конфликтов, возникавших между ними. Союз Рабземлес проводил также значительную работу среди специалистов сельского хозяйства.

В конце 1925 года на VII Дагестанской партконференции был заслушан доклад председателя Дагсовпрофа о работе профсоюзов в деревне. На конференции было принято решение о дальнейшем укреплении союза Рабземлес. Оставшиеся до сих пор объединенные месткомы в отдельных округах были расформированы и вместо них организованы окружные профсекретариаты. Существование самостоятельных рабочкомов из сезонных рабочих было признано нецелесообразным и обслуживание сезонных рабочих было возложено на союз Рабземлес. Мелкие профсоюзные организации в аулах с количеством членов менее 10 были объединены и укрупнены. При Дагсовпрофе была организована Комиссия по работе в селах и аулах, главной задачей которой являлось дальнейшее углубление работы с крестьянством и изучение новых форм профсоюзной работы в деревне¹.

Большое внимание профсоюзной работе уделил XIV съезд Коммунистической партии. На съезде была принята резолюция «О работе профсоюзов», в которой подчеркивалась возросшая роль профсоюзных организаций в государственной и общественной жизни страны, в повышении политической и производственной активности трудящихся. К съезду партии профсоюзы Дагестана пришли численно возросшими и организационно окрепшими. Вместе с увеличением числа рабочих и служащих, росло число членов профсоюзов. На 1 января 1926 года насчитывалось около 24 тысяч членов профсоюзов. Укрепился рабочий аппарат профсоюзов, в союзную работу были вовлечены широкие массы трудящихся, всемерно развивались активность и самостоятельность рабочих.

С развитием промышленности и ростом производительности труда росла заработная плата рабочих и служащих, снижались цены на предметы широкого потребления. В то время,

¹ Архив Даг. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 6, ед. хр. 121, лл. 65—74. Отчет Дагестанского Совета профессиональных союзов за время с I. XII. 1925 по I. I. 1926.

как в 1923—1924 г. среднемесячная зарплата одного рабочего по всем промышленным предприятиям республики составляла 24 рубля и в 1924—1925 г. — 33 руб., то в 1925—1926 хозяйственном году она составила уже 44 руб., т. е. увеличилась более чем на 80 проц. по сравнению с 1923—1924 г.¹ Из года в год улучшались жилищно-коммунальные условия рабочих, повышался их культурный уровень.

Известные успехи имелись и в области проведения в жизнь законодательных актов Советской власти о раскрепощении женщины, вовлечении ее в активную общественно-политическую и культурно-хозяйственную деятельность. В промышленности, особенно в текстильной и консервной, женщина становилась важной силой. Активизировалось участие женщин-горянок в культурно-просветительной работе. Более чем в два раза по сравнению с 1922 годом увеличилось число женщин — членов профсоюза. Много женщин было выдвинуто на руководящую профсоюзную и комсомольскую работу.

Таковы достижения в работе профессиональных союзов Дагестана к концу восстановительного периода.

---

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2117, лл. 45—46.

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДАГЕСТАНА ЗА РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

Правильное разрешение языкового вопроса в условиях многонационального государства составляет важнейшую задачу национальной политики Коммунистической партии. Наша партия еще в первой программе, принятой на II съезде РСДРП, выдвинула и в дальнейшем неоднократно подтверждала право населения получать образование на родном языке, право каждого гражданина объясняться на собраниях на родном языке, необходимость введения родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях.

В период разгула черносотенного национализма накануне первой мировой войны в резолюции Августовского совещания ЦК РСДРП с партийными работниками (1913 г.) партия вновь подтвердила, что она борется за полное равноправие всех наций и языков, против обязательного государственного языка, за обеспечение населению школ с преподаванием на всех местных языках¹. Разъясняя политику российской социал-демократии, В. И. Ленин не раз подчеркивал одно из краеугольных положений национальной программы партии, а именно: «ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка»², «полную свободу и равноправие языков»³.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти Коммунистическая партия на своем X съезде (1921 г.) определила конкретные практические задачи Советской власти по проведению в жизнь национальной программы партии, рассчитанные на то, чтобы ликвидировать фактическое неравенство между

1 «КПСС в резолюциях», ч. 1, 1953, стр. 315.

2 В. И. Ленин. Соч. т. 19, стр. 72.

3 Там же, стр. 499.

нациями и помочь трудящимся массам нерусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию. Среди этих задач одно из первых мест занимает вопрос о языке. Съезд дал директиву развить и укрепить в национальных районах действующие **на родном языке** администрацию, суд, органы хозяйства, органы власти, развить прессу, школу, культурно-просветительные учреждения **на родном языке**, развить широкую сеть курсов и школ **на родном языке** в первую очередь для наиболее отсталых восточных народов, в том числе для дагестанцев (подчеркнуто везде мною — А. Л.)¹.

Коммунистическая партия с самого своего возникновения последовательно проводит политику равноправия наций и языков, требует введения родного языка во всех государственных и общественных организациях, потому что, во-первых, только такая политика создает подлинное доверие и дружбу между народами, без чего немыслимо существование Советской власти, во-вторых, только на родном языке широким трудящимся массам становятся доступными и понятными великие идеи Коммунистической партии и Советской власти и лишь на родном языке можно успешно приобщить ранее отсталые народности к социалистическому строительству.

Одной из важнейших функций диктатуры пролетариата является перевоспитание членов общества, постепенное вовлечение трудящихся, а затем всего населения в строительство социалистического общества. Осуществление этой функции предполагает длительную борьбу с пережитками прошлого в сознании людей, ликвидацию неграмотности и невежества, распространение среди масс научных знаний, осуществление культурной революции. А для того, чтобы решить эту задачу, необходимо покрыть страну широкой сетью школ и других очагов просвещения и культуры, работающих на родном языке; нужно сделать близкими и родными аппараты управления, хозяйственных и общественных организаций не только по своему содержанию, что, конечно, важно прежде всего, но и по форме, по языку; надо для этого развернуть прессу, кино, театр и другие учреждения культуры на понятном массе родном языке, ибо только на родном языке широкие массы населения могут участвовать в деле хозяйственного и культурного строительства, а без такого участия масс нельзя говорить серьезно о строительстве социализма и коммунизма.

С первых же дней установления Советской власти в Дагестане перед партией встала трудная задача — выработать правильную линию в языковом вопросе в условиях чрезвычай-

¹ «КПСС в резолюциях», ч. 1, 1953 г., стр. 559.

пой национальной пестроты, многоязычия, отсутствия письменности. Тут нельзя было по шаблону применять общие принципы национальной политики партии по этому вопросу. При решении данного вопроса необходимо было учитывать реальные возможности и целесообразность развития всех мелких языков, не забывая в то же время, что только на родных языках можно приобщить отсталую горскую массу к советскому строительству.

По данным всесоюзной переписи 1926 года в Дагестане с населением менее 800 тысяч человек было зарегистрировано, кроме иностранцев, 83 народности, в том числе около 30 коренных народностей Дагестана¹.

Несмотря на многоязычие, Дагестан издавна представлял из себя одну страну, единое целое. В течение многих веков народы Дагестана жили обособленно, вели замкнутое натуральное хозяйство. Горные условия и бездорожье препятствовали развитию меновых отношений и вообще общению людей между собой. Вероятно, это обстоятельство и явилось основной причиной возникновения не только множества различных народностей со своими особыми языками, но также появление большого количества диалектов основных языков народностей Дагестана.

Касаясь причин многоязычия в Дагестане, Л. И. Лавров ссылается еще на одну причину, а именно на господствовавшую в Дагестане, в отличие от других мест горного Кавказа, эндогамию, когда брак между родственниками считался предпочтительной формой брака. Если брак в пределах родственных связей почему-либо не мог состояться, то бракосочетание осуществлялось, как правило, в пределах данного сельского общества и, таким образом, со стороны семейных отношений также почти исключалась возможность общения людей разных местностей. Это, естественно, мешало выработке общего языка на сравнительно больших территориях².

Вследствие указанных причин Дагестан в течение длительного времени не имел общего языка, понятного хотя бы небольшому кругу населения разных народностей. С вторжением в Дагестан арабов некоторое распространение получил арабский язык. Однако, ввиду того, что арабский язык по своей природе чужд дагестанским языкам, трудно усвоим и пасаждался силой, он не получил массового распространения.

После присоединения Дагестана к России усиливается общение народов Дагестана с Россией, и русский язык полу-

¹ «Красный Дагестан», 1927, 16 декабря.

² «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 203.

чает известное распространение. Было открыто несколько русских школ в городах и в некоторых окружных центрах.

Наряду с русским языком в Дагестане, особенно в начале XX века, стал распространяться тюркский язык, что явилось результатом усиления общения горцев как с соседним Азербайджаном, так и с населением плоскостных районов Дагестана, где проживают тюрки (азербайджанцы), кумыки и другие родственные им по языку народности. Тюркский язык постепенно становился языком общения различных народностей Дагестана, особенно в южных и северных округах, населенных лезгинами, табасаранцами и другими народностями.

Таким образом, к моменту установления Советской власти в Дагестане, наряду с родными языками, имели известное распространение, как языки официального письменоводства арабский, русский и тюркский языки. Но ни один из этих языков не мог заменить собой родные языки. Это видно из того, что, согласно переписи 1926 года, из 788.098 человек населения республики (без отходников) 776.297 человек, или 98,5%, признали своим родным языком язык своей народности и только у 11.801 человек (1,5%) родной язык не совпадал с языком своей народности, в том числе 2.799 человек признали своим родным языком тюркский язык и 2.903 человека — русский язык¹.

Дагестанская партийная организация в течение многих лет искала приемлемый путь решения проблемы языка. Вопрос о языке неоднократно обсуждался в высших партийных и советских инстанциях — на бюро и пленумах Обкома, на партийных конференциях, на съездах Советов, специальных совещаниях и т. д. Этим вопросом всесторонне занималась созданная Обкомом партии специальная комиссия. По поручению Обкома партии вопрос о языке и алфавите обсуждался также на пленумах и конференциях окружных и районных партийных организаций, на различных совещаниях, на съездах бедноты, на собраниях работников просвещения; об этом велась дискуссия на страницах газет и журналов. Вряд ли можно назвать какой-либо другой вопрос, разрешением которого в первое десятилетие Советской власти партийная организация занималась бы так долго, всесторонне и тщательно.

Вскоре после учредительного съезда Советов, на котором законодательно было завершено образование Дагестанской АССР, 20 декабря 1921 г. Обком РКП(б) в целях выяснения положения в округах направил партийным комитетом циркулярное письмо с просьбой ответить на следующие вопросы:

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 6, д. 27, л. 191.

На каких языках говорит население округа? Какие имеются культурно-просветительные учреждения, работающие на местных языках? Имеются ли библиотека, книги, газеты и на каких языках? Имеются ли партийные силы из местных народностей и насколько их можно использовать для агитпропработы? Возможна ли организация на местных языках курсов или школ политграмоты и есть ли кадры для руководства ими? Какой язык является наиболее распространенным в округе? и т. д. ¹.

Для иллюстрации, каково было положение в округах, приведем ответы секретарей некоторых окружкомов партии на поставленные вопросы. Так, Казикумухский окружной комитет сообщал, что родным языком в округе является казикумухский (лакский), часть населения владеет русским, а также тюркским языками. Действующих культпросветучреждений в округе нет; имеющиеся в отдельных организациях книги — преимущественно на русском языке. Организация курсов и школ политграмоты на местном языке невозможна из-за отсутствия кадров ².

На эти же вопросы секретарь Кюринского окружкома партии сообщил, что население округа читает и пишет на тюркском языке, а говорит на кюринском (лезгинском) языке. Литературы и периодической печати на родном языке нет. Для проведения агитационно-пропагандистской работы на родном языке кадров нет ³.

Секретарь Даргинского окружкома партии сообщил, что население округа говорит на даргинском, аварском и русском языках. Наиболее распространенным языком в округе является даргинский язык ⁴.

После предварительного изучения языкового вопроса пленум Обкома партии по докладу Наркомпроса в апреле 1922 года признал основными языками тюркский, аварский, даргинский и казикумухский ⁵.

Необходимость выделения нескольких основных языков вызывалась тем, что в условиях Дагестана не было возможности вести обучение в школах и делопроизводство в учреждениях почти на 30 языках хотя бы потому, что, во-первых, большинство этих языков не имеет письменности, во-вторых, отсутствовали кадры, владеющие данными языками, и, наконец, отсутствовала материальная база для издания на всех этих языках литературы, учебников, периодической печати и т. д.

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 3, д. 166, л. 10—11.

² Там же.

³ Там же, л. 22.

⁴ Там же, л. 8.

⁵ Там же, д. 3, л. 4.

Учитывая эти обстоятельства, а также и то, что многие бесписьменные народности частично владеют одним из языков более крупной национальности, к языковой группе которой они принадлежат, Обком партии и правительство республики определили основные языки, на которых следовало вести обучение в школах, делопроизводство в низовых организациях, издание периодической печати и литературы.

Эта установка Обкома партии в основном была правильна и соответствовала линии партии на развитие родных языков. Однако решение Обкома партии неудовлетворительно проводилось в жизнь. На местах делопроизводство велось, как правило, не на родном, а главным образом на русском языке, что было отмечено при обследованиях Дагпарторганизации Юго-Восточным Бюро ЦК РКП(б)¹ в 1923 году. Обсудив итоги проверок, Юго-Восточное Бюро ЦК в мае и июле 1923 г. приняло решения, обязывающие Дагестанский Обком партии издавать важнейшие декреты на всех основных языках Дагестана, вести переписку между аульскими ячейками и вышестоящими органами на родных языках, паладить на всех основных языках Дагестана издание газет и брошюр².

8 июля 1923 г. президиум Дагобкома РКП(б), заслушав доклад об итогах совещания в ЦК РКП(б) по национальному вопросу, признал необходимым срочное проведение в жизнь постановления совещания об изучении ответственными работниками одного из местных языков. Наркомпросу было предложено приступить к изданию марксистской литературы на местных языках³.

Во исполнение этого постановления совещание ответственных работников республики 21 июля 1923 г. обязало всех ответственных работников в течение шести месяцев по выбору изучить один из основных языков: кумыкский, тюркский, аварский, даргинский, лезгинский, лакский⁴.

Однако в дальнейшем Обком партии отступил от взятого им правильного курса на развитие родных языков народов Дагестана и встал на неверный, противоречащий установке партии путь создания в республике единого государственного языка, что нашло свое выражение в принятом пленумом Об-

¹ Решением ЦК РКП(б) 21 марта 1921 г. Кавбюро ЦК РКП(б) было разделено на два бюро: Кавбюро и Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б). В сферу деятельности нового Кавбюро входило все Закавказье, а также Горская и Дагестанская автономные республики. Остальные организации Северного Кавказа отошли к Юго-Восточному бюро с центром в Ростове н/Д. В конце 1921 года Горская и Дагестанская АССР перешли в сферу деятельности Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б).

² Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 27, л. 146 и 222.

³ Там же, ф. 1, оп. 4, д. 2, л. 59.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 4, д. 38, л. 39.

кома партии в ноябре 1923 г. решении «О языке и национализации советского аппарата» в Дагестане.

В решении пленума Наркомпросу предлагалось в своей деятельности «ориентироваться на создание единого языка в республике, отдавая преимущество тюркскому языку»¹. Решением предусматривалось школу 1-й ступени строить на основе родного языка с введением с третьего года обучения в качестве обязательного предмета одного из языков — тюркского или русского, причем вопрос о выборе того или иного языка должен был решить сельский Совет. Школу же 2-й ступени намечалось строить на основе тюркского языка. Что же касается русских школ 2-й ступени, то там в качестве обязательного предмета вводилось преподавание тюркского языка.

Постановление пленума Обкома партии предусматривало ведение делопроизводства в сельских Советах и участковых исполкомах на родных языках, а сношения их с высшими органами — на русском языке. Съезды, конференции и другие официальные собрания должны были проводиться на тюркском и русском языках, а также на аварском языке, ввиду большого процента населения, говорящего на этом языке².

Ошибочность этого решения Обкома партии заключалась не только и даже не столько в том, что оно ориентировало на введение в Дагестане тюркского языка, как обычно квалифицируют данное постановление. Нам кажется, что главное здесь не в том, какой язык был принят за общедагестанский — тюркский или какой-либо иной. Более того, другие дагестанские языки менее всего были бы пригодны в качестве межнационального языка, ввиду их неразвитости, трудности усвоения и очень слабой распространенности за пределами данной народности.

Что касается русского языка, то в тот период он был мало распространен среди коренного населения Дагестана. Так, из местных народностей на русском языке говорило лишь около 7 тыс. человек и вместе с русскими и другими недагестанскими народами число владеющих русским языком не превышало 15 процентов населения республики. При этом нельзя забывать, что в первый период Советской власти в Дагестане часть населения еще недоверчиво относилась к русским и к русскому языку, что явилось результатом многолетнего угнетения горцев царизмом.

При таком соотношении языков и взятом Обкомом партии курсе на создание единого языка в республике естественно было остановиться на тюркском языке.

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 1, л. 24.

² Там же.

Главная ошибка состояла в том, что Обком партии, взяв курс на искусственное создание в Дагестане единого государственного языка, принципиально отошел от основной установки партии по этому вопросу. Как говорилось выше, партия еще задолго до Октябрьской революции выступала против обязательного государственного языка, за развитие родных языков. Накануне Октября, в резолюции Апрельской партконференции (1917 г.) по национальному вопросу партия вновь выдвинула требование «отмены обязательного государственного языка»¹.

После установления Советской власти XII съезд партии и четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.) поставили перед партийными организациями национальных республик важнейшую задачу — коренизацию аппарата государственных и общественных органов, введение в делопроизводство местных языков, распространение грамотности и издание массовой партийной литературы и периодической печати на родных языках².

Эти решения партии нашли полное одобрение в партийных и советских органах Северного Кавказа. Созванные в июле 1923 года по решению Юго-Восточного Бюро ЦК РКП(б) совещания руководящих работников национальных республик и областей Северного Кавказа по оргпартработе и по вопросам просвещения горских народов (на этих совещаниях участвовали и представители от Дагестана), обсудившие вопросы, связанные с проведением в жизнь резолюций XII съезда партии и совещания ЦК РКП(б) по национальному вопросу, единодушно высказались за национализацию (коренизацию) горской школы путем введения преподавания на родных языках, за издание учебников и другой литературы на языках горских народностей³. Эту же линию на развитие родных языков горских народностей Северного Кавказа подтвердил в своих решениях пленум Юго-Восточного крайкома РКП(б) (1924 г.), который предложил «перейти в национальных областях и республиках на издание газет и литературы на родном языке националов»⁴.

Против обязательного государственного языка неоднократно выступал В. И. Ленин. В «Тезисах по национальному вопросу» (1913 г.) Ленин писал, что социал-демократия отвергает «государственный» язык¹. Позднее, в мае 1914 г.,

¹ «КПСС в резолюциях», ч. 1, 1953 г., стр. 346.

² Там же, стр. 716—718.

³ «Советский Юг», 1923, 5 июля и 21 июля.

⁴ Журнал «Коммунист» (Ростов н/Д), № 1—2, август 1924, стр. 55.

Ленин указывал, что принципом марксистов является «самое полное равноправие наций и языков вплоть до отрицания надобности в государственном языке...»². В брошюре «Материалы по пересмотру партийной программы» (июнь 1917 г.) Ленин выдвинул требование, чтобы конституция демократической республики России обеспечила «право населения получать образование на родном языке... право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях; отмену обязательного государственного языка»³.

После победы Октябрьской революции, когда выработанную партией национальную программу предстояло практически проводить в жизнь, Ленин особенно подчеркивал роль родных языков. В докладе на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока (ноябрь 1919 г.), говоря о своеобразии условий работы среди масс Востока, Ленин подчеркивал, что задачей коммунистов является проведение коммунистической пропаганды «на понятном для народа языке»⁴. В «Проекте резолюции ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине» В. И. Ленин требовал от членов РКП на территории Украины на деле проводить в жизнь право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, вести борьбу с русификаторскими попытками оттеснить украинский язык на второй план, принять меры к тому, чтобы все советские служащие умели объясняться на украинском языке⁵. И, наконец, в одном из своих последних писем «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (декабрь 1922 г.) В. И. Ленин, высказывая опасения, что после объединения советских республик в Союз ССР могут быть различные злоупотребления, требовал «вести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно»⁶.

В свете этих указаний В. И. Ленина и решений съездов партии о языке ошибочность взятого Обкомом партии курса на создание в Дагестане единого государственного языка становится совершенно очевидной.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 215.

² Там же, т. 20, стр. 267.

³ Там же, т. 24, стр. 434—435.

⁴ Там же, т. 30, стр. 140.

⁵ Там же, стр. 142—143.

⁶ Там же, т. 36, стр. 558.

Следует, однако, отметить, что линия Обкома партии в языковом вопросе была непоследовательной. С одной стороны постановление пленума Обкома ориентировало на введение в Дагестане единого государственного (тюркского) языка, а с другой стороны, оно требовало, чтобы занятия в начальной школе и делопроизводство в низовых (селение, участок) советских органах велись на родных языках. Эта непоследовательность, а также возражения ряда окружных партийных организаций против линии Обкома партии в языковом вопросе явились основной причиной того, что решение ноябрьского пленума Обкома партии 1923 года о введении в Дагестане в качестве единого государственного языка тюркского языка фактически не было проведено в жизнь. Тем не менее вопрос о введении тюркского языка в Дагестане в течение ряда последующих лет продолжал оставаться предметом дискуссий в партийных и советских организациях республики.

Четвертый Вседагестанский съезд Советов (апрель 1925 года) также не внес ясность в вопрос о языке обучения в школах Дагестана. В принятой съездом по отчетному докладу правительства резолюции говорилось, что «съезд принципиально считает необходимым введение в школах ДАССР родного и тюркского языков, как языков преподавания, и русского, как предмета, причем увязку и последовательность введения таковых поручает выработать правительству, в частности Наркомпросу»¹. Учитывая это, седьмая областная партийная конференция (декабрь 1925 г.) поручила Обкому партии «ускорить научное изучение вопроса государственного языка в Дагестане»².

В целях детального изучения языкового вопроса в Дагестане и подготовки обоснованных предложений Обкомом партии была создана специальная комиссия, перед которой была поставлена задача: изучить опыт разрешения языкового вопроса в национальных республиках и областях СССР, опыт Наркомпроса РСФСР и ДАССР по этому вопросу; изучить словарный фонд родных языков для установления сходства между родными языками и тюркским языком: выяснить степень распространенности среди населения каждого из основных языков народов Дагестана; выявить путем опроса отношение актива к различным языкам и т. д.

В результате работы комиссии, во-первых, была выяснена ведущая роль родных языков в жизни горцев. Абсолютное большинство населения всех округов (92—99 проц.) оказа-

¹ «Резолюции IV-го Вседагестанского съезда Советов», Махачкала, 1925 г., стр. 3.

² Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 6, д. 5, л. 232.

лось владеющим только одним родным языком. Исключение составляли Андийский и Самурский округа, населенные преимущественно мелкими народностями, где число владеющих только одним родным языком падало до 76—77 процентов. Остальное население, кроме своего родного языка, владело также аварским, лезгинским или тюркским языком.

Во-вторых, было установлено, что относительно большее распространение среди населения по сравнению с другими языками имел тюркский язык.

В-третьих, было зафиксировано, что в городах более быстро растет численность населения, говорящего на русском языке. В среднем 55% населения говорило на русском языке, 23% — на тюркском, 22% — на других дагестанских языках. В городах, как правило, в семье, на улице, на рынках преобладали тюркский и родные языки, а в учреждениях, организациях, школах — русский язык.

В-четвертых, была установлена тенденция к вытеснению из делопроизводства сельсоветов родных языков более сильными и культурными языками. Так, в южном Дагестане в большинстве сельсоветов тюркский язык стал занимать место лезгинского языка; в нагорном Дагестане в сельских Советах Андийского округа, населенного несколькими мелкими народностями, ведущую роль стал играть аварский язык; на севере Дагестана — кумыкский язык. Наряду с этим кооперативы, артели, кредитные товарищества, агропункты, фельдшерские пункты, находящиеся в сельской местности, в своем большинстве работали на русском языке. Имеющаяся на селе литература большей частью была на русском и тюркском языках¹.

Наконец, в-пятых, путем опроса комиссией было изучено отношение партийно-советского актива и интеллигенции к различным языкам. Из опрошенных 300 человек признали своим родным языком: кумыкский — 64 чел., погайский — 3, чеченский — 2, аварский — 66, боглихский — 4, андийский — 3, ахвахский — 2, каратинский — 2, арчинский — 1, даргинский — 39, кубачинский — 1, лакский — 24, лезгинский — 61, рутульский — 2, табасаранский — 2, агульский — 2, тюркский — 10, татский — 2, прочие — 10 человек. Получили образование с участием родного языка 31%, русского языка — 65,4%, тюркского — 27%.

Оказалось, что в семье большая часть актива говорит на родном языке, пятая часть — на русском и 15% — на тюркском (большинство двуязычны). На родном языке читали 22%, на русском — 68%, на тюркском — 11%. Далее подроб-

¹ Материалы по вопросу о языке и алфавите, принятые бюро ДК ВКП(б). Махачкала. 1927, стр. 8—10.

но было обследовано соотношение родных, тюркского и русского языков в сношениях актива с посетителями, на массовой работе, а также как языков, которыми пользуется ближайшее окружение актива (родственники, знакомые). При этом учитывалось не только существовавшее положение, но и пожелания актива в отношении различных языков.

Результат опроса показал, что актив отходит от родных языков, стремясь главным образом к овладению русским языком; часть актива предпочитала тюркский язык. Вместе с тем опрос показал, что в семейной и частной жизни на массовой работе большое место занимают родные языки¹.

В результате проделанной работы, комиссия признала, что в условиях Дагестана необходимо пользоваться тремя языками — родным, тюркским и русским.

Параллельно с языковым вопросом решался и вопрос об алфавите. Как известно, некоторые народности Дагестана (аварцы, лакцы и др.) еще до революции пользовались приспособленным арабским алфавитом, который не совсем отвечал языковым особенностям дагестанских народностей. Другие же вовсе не имели письменности. Поэтому наряду с вопросом о языке предстояло решить также вопрос об алфавите.

Вопрос о необходимости перехода на новый, латинизированный алфавит не вызывал особых возражений. Тем не менее решение вопроса о практическом переходе на этот алфавит затянулось на многие годы. По предложению ЦК РКП(б) вопрос о введении латинизированного алфавита впервые обсуждался на пленуме Обкома партии в октябре 1922 года. Однако пленум ограничился заслушиванием информации Д. Коркмасова по этому вопросу и никакого решения не принял².

Данный вопрос повторно обсуждался на объединенном заседании Обкома партии и Дагсовнаркома 14 октября 1922 г. Было принято решение, обязывающее соответствующие организации провести широкую агитацию среди населения за введение латинизированного алфавита. Наркомпросу было предложено разработать конкретные предложения и дать свое заключение по этому вопросу³.

Проблема создания письменности стояла и перед другими горскими народами Северного Кавказа. Поэтому она являлась предметом обсуждения на краевых совещаниях Северо-Кавказского края. Еще в октябре 1920 г. Краевое партийное совещание, в резолюции об очередных задачах партийной

---

¹ Материалы по вопросу о языке и алфавите, принятые бюро ДК ВКП(б). Махачкала. 1927, стр. 11—14.

² Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 3, д. 3, л. 12.

³ Там же, д. 5, л. 65.

работы на Кавказе, отметив, что одним из главных препятствий в партийной работе среди горских народов является отсутствие письменности на родных языках, поставило перед партийными организациями как неотложную задачу — «выработку для горских народов родных азбук» и начать планомерную борьбу с безграмотностью¹. Позднее 1-й краевой съезд женщин-горянок (ноябрь 1922 г.) и краевое совещание заведующих агитпропами (декабрь 1922 г.), признавая распространение грамотности среди горцев и горянок важнейшей и неотложной задачей Советской власти и предпосылкой для всей дальнейшей работы в автономных республиках и областях, высказались за необходимость срочно приступить к разработке письменности для горских народов Кавказа².

Для обсуждения вопросов, связанных с постановкой дела просвещения среди горских народов, по решению Юго-Восточного Бюро ЦК РКП(б), было создано краевое совещание руководящих работников просвещения автономных республик и областей Северного Кавказа и Дагестана. В циркулярном письме областкомам автономных республик и областей 22 октября 1922 г. Юго-Восточное Бюро ЦК РКП(б) указывало, что «основной задачей парторганизаций и Советской власти в автономных национальных республиках и областях является развитие дела просвещения и поднятие культурного уровня горских народных масс»³. В письме областкомам партии предлагалось к этому совещанию выяснить состояние просвещения среди каждой горской народности, подготовить предложения о мероприятиях по строительству национальной школы, созданию письменности и др.

Краевое совещание по просвещению горских народов состоялось в июле 1923 г. в Пятигорске. В совещании приняли участие наркомы просвещения Дагестанской и Горской автономных республик и руководящие работники просвещения автономных областей Северного Кавказа. Совещание обсудило и приняло специальную резолюцию по вопросу о горской письменности. В этой резолюции совещание отметило, что право выбора той или иной графики для национальной письменности всецело является делом каждой народности. Но вместе с тем совещание признало желательным принятие одной общей основы письменности для всех горских народов, приняв в качестве таковой латинский алфавит⁴.

Отмечая особую популярность арабского алфавита среди некоторых народностей (поскольку коран и другие религиоз-

¹ «Известия Кавбюро ЦК РКП(б)», № 2, 13 декабря 1920 г.

² «Известия Юго-Восточного Бюро ЦК РКП(б)», № 1/14, 1923, февраль, стр. 51, 60.

³ Там же, № 6/13, 1922, ноябрь, стр. 72.

⁴ «Советский Юг», 1923, 19 июля.

ные книги написаны на арабском языке) и то, что отход от арабского алфавита может быть истолкован этими народностями как отход от религии, совещание признало немедленное введение латинского алфавита для этих народностей несвоевременным, высказавшись в то же время за необходимость пропаганды латинского алфавита среди горских масс. Решение совещания о введении единой письменности для горских народов путем постепенного перехода на латинский алфавит было утверждено Юго-Восточным Бюро ЦК РКП(б) ¹.

В апреле 1924 г. Обкомом партии было созвано специальное совещание по вопросу о новом алфавите для дагестанских народностей. Совещание высказалось за целесообразность введения латинизированного алфавита. Было решено для руководства подготовкой реформы письменности образовать Дагестанский комитет нового алфавита (ДНА) ².

Состоявшаяся в конце апреля 1924 г. 5-ая областная партийная конференция предложила Обкому партии разработать и издать азбуку для народностей Дагестана, положив в основу новый тюркский алфавит на латинской основе ³.

На основании детального изучения вопроса о языке и письменности в июне 1927 года бюро Обкома партии приняло проект постановления пленума ДК ВКП(б) «По вопросу о языке и алфавите», который вместе с другими материалами по этому вопросу был разослан в окружные и районные партийные организации для предварительного обсуждения.

Проект постановления в отличие от предыдущих решений подчеркивал важное значение родных языков в деле приобщения дагестанских народов к социалистической культуре, сохраняя в то же время за тюркским языком роль международного общedaгестанского языка. Русский язык признавался необходимым для связи с федеративными и союзными органами и всеми братскими народами. В соответствии с этой установкой в школах 1-й ступени преподавание должно было вестись на родных языках с введением изучения тюркского и русского языков как обязательных предметов. Проект намечал ведение делопроизводства в низовых (сельских) организациях на родных языках, а в окружных и центральных органах — на русском языке. Что касается реформы письменности, то был признан необходимым переход на новый латинский алфавит для всех дагестанских языков ⁴.

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 116, л. 45.

² Там же, д. 118, л. 32.

³ Там же, оп. 5, д. 1, л. 40.

⁴ «Материалы по вопросу о языке и алфавите». Махачкала. 1927, стр. 17—18.

После большой подготовительной работы вопрос о языке и алфавите был поставлен в октябре 1927 года на обсуждение пленума ДК и ДКК ВКП(б). На пленуме по докладу Д. Коркмасова развернулась дискуссия, выявившая много различных точек зрения по языковому вопросу. Одни выступали в поддержку проекта бюро Обкома партии, другие считали его неприемлемым, поскольку изучение трех языков в школах затруднительно и затормозит подготовку национальных кадров; часть выступавших выдвигала на первый план русский язык, другая же часть — тюркский язык; многие выступали за сохранение и развитие родных языков. Некоторые участники пленума предлагали создать письменность для тех народностей, у которых еще нет письменности, другие же, наоборот, считали это нецелесообразным и предлагали вводить для таких народностей письменность той национальности, которая наиболее близка по языку к бесписьменной народности.

Ввиду того, что на пленуме имели место значительные разногласия, было принято решение о необходимости дополнительного изучения данного вопроса с привлечением к его обсуждению местных партийных организаций, а также широких партийных и беспартийных масс с тем, чтобы перенести вопрос на рассмотрение очередного пленума Обкома ВКП(б) ¹.

Состоявшаяся вслед за пленумом IX областная партийная конференция (ноябрь 1927 г.) одобрила осторожный подход Обкома к решению вопроса о языке. «Сложность этого вопроса, — говорилось в резолюции конференции, — побуждает нашу партийную организацию ко всестороннему и глубокому его изучению с привлечением к этой работе широких слоев трудящихся» ². Вместе с тем, конференция обратила внимание партийной организации на имеющую место недооценку родных языков и поставила перед Обкомом партии задачу о проведении всей работы на понятных массам родных языках. По вопросу о реформе письменности конференция предложила немедленно приступить к подготовке мероприятий для перехода печати на латинский алфавит ³.

На основании решений пленума Обкома РКП(б) и партийной конференции развернулось обсуждение вопроса о языке и алфавите во всех округах и районах — на пленумах и бюро партийных комитетов, на различных совещаниях, в отдельных первичных партийных организациях, на беспартийных крестьянских конференциях и т. д.

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 9, д. 5, л. 57.

² «Красный Дагестан», 1927, 21 ноября.

³ Там же.

Для иллюстрации отношения местных организаций к языковому вопросу приведем некоторые из решений по этому вопросу. Так, например, пленум Кайтаго-Табасаранского окружкома РКП(б), отметив, что отсутствие в Дагестане языка, обслуживающего широкие массы трудящихся, задерживает политическое и культурное развитие республики, постановил одобрить проект резолюции Обкома партии по вопросу о языке и алфавите, введение тюркского языка для всех народностей Дагестана, как межнационального языка, с переходом от арабского на латинский алфавит¹.

За основную установку проекта резолюции бюро обкома РКП(б) по языковому вопросу высказались также бюро Ачикулинского окружкома партии, совещание секретарей ячеек и комфракций Самурского округа, Маджалисская парторганизация и др.².

Лакская окружная партконференция, одоблив перевод делопроизводства в сельских организациях и обучения в школах 1-й ступени на родные языки, высказалась против введения в Дагестане в качестве межнационального тюркского языка, считая, что таким языком должен быть русский язык — «язык красной Москвы», «язык Ленина»³.

За введение русского языка в качестве государственного языка в Дагестане и против изучения тюркского языка в школах тех округов, где он не является родным, высказался также пленум Андийского окружкома партии⁴.

Пленум Самурского окружкома РКП(б) принял решение, одобряющее введение родного языка в сельское делопроизводство для всех народностей, имеющих свою письменность. Ввиду отсутствия лезгинской письменности пленум признал целесообразным вести преподавание в школах округа на тюркском языке с обязательным преподаванием русского языка в качестве предмета. Одновременно пленум просил Обком РКП(б) принять меры к созданию лезгинской письменности⁵.

Большинство партийных организаций ($\frac{2}{3}$) высказалось за основную линию проекта резолюции Обкома партии по вопросу о языке и алфавите и $\frac{1}{3}$ организаций выступила против введения тюркского языка в качестве межнационального. Что касается реформы письменности, то все местные партийные организации одобрили переход с арабского на латинский алфавит.

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 9, д. 229, л. 57.

² Там же.

³ Там же, л. 59.

⁴ Там же, л. 61—62.

⁵ Там же.

Обсуждение языкового вопроса в центральных и местных организациях выявило наличие нескольких различных точек зрения по этому вопросу. Одни выступали за введение в Дагестане единого государственного языка (тюркского или русского), другие за развитие родных языков с одновременным введением в школах одного из языков — тюркского или русского, а не обоих, как предусматривалось в проекте резолюции Обкома партии.

Наконец, были и такие, которые делали ставку на постепенное вымирание местных языков и предлагали перенести центр тяжести на тюркский язык, сохраняя одновременно и русский язык. Эта последняя точка зрения наиболее отчетливо была высказана в брошюре Н. Самурского «Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане», выпущенной накануне 10-летия Октябрьской революции. Касаясь языкового вопроса в Дагестане, автор пишет: «Нам надлежит выдвинуть, как разрешение языкового вопроса в Дагестане, — замену всех языков двумя — тюркским и русским, — с тенденцией на постепенное вымирание местных наречий»¹.

Практическое проведение в жизнь выдвинутого тезиса, по мнению автора, должно было быть осуществлено так: преподавание в школах 1-й ступени на первом году обучения должно вестись на родных языках, с изучением тюркского языка в качестве предмета. Со второго года обучения языком преподавания становится тюркский, а русский язык вводится, как предмет¹.

Естественно, что при столь различном подходе к решению проблемы языка в Дагестане обсуждение этого вопроса на пленуме ДК и ДКК ВКП(б) в феврале 1928 года вызвало продолжительную дискуссию. По докладу Д. Коркмасова выступило более 40 человек. Многие выступавшие ораторы критиковали проект резолюции Обкома партии за то, что он по существу принудительно навязывал населению Дагестана тюркский язык, исходя из неправильной посылки, что тюркский язык якобы является межплеменным языком для всего Дагестана, хотя фактически он распространен главным образом на юге и в плоскостной части республики².

Большинство участвовавших в обсуждении данного вопроса высказалось за обучение в школах на родных языках и изучение русского языка как предмета. Что касается тюркского языка, то его предлагали вводить только в тех районах и округах, для населения которых этот язык является родным.

¹ Н. Самурский. «Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане». Махачкала, 1927, стр. 32.

² Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 9, д. 3, лл. 116, 120, 125, 128.

После детального обсуждения, длившегося несколько дней, объединенный пленум ДК и ДКК ВКП(б) принял резолюцию «О языке и алфавите», существо которой сводилось к признанию необходимости сосуществования в Дагестане трех языков: родного, тюркского и русского. «В современной обстановке, — говорится в резолюции, — все три языка для дагестанских народов являются необходимыми, полезными и неизбежными. Каждый из них выполняет важную и нужную работу в своей области и не противопоставляется один другому: родные языки, как языки широких трудящихся масс, являются языками приобщения их к социалистическому строительству; тюркский язык — языком растущих межплеменных сношений и языком связи с советским Востоком; русский — языком связи трудящихся масс ДАССР с трудящимися СССР, языком приобщения нашего актива к социалистической культуре»¹.

В резолюции пленума подчеркивается, что на данном этапе преимущественное значение в жизни трудовых масс Дагестана имеет родной язык каждой народности. Исходя из этого, пленум в отмену своих прежних решений по языковому вопросу постановил, что дагестанские народности «должны быть приобщены к социалистической культуре на родных языках»². Однако в силу неизученности многих языков и отсутствия для них письменности пленум признал возможным немедленное проведение в жизнь этого решения в отношении аварского, даргинского, лакского, кумыкского, тюркского, лезгинского и татского языков. В отношении остальных языков было поручено изучить возможности осуществления данной реформы для каждого языка в отдельности.

В соответствии с этой основной установкой пленум признал необходимым всю работу низовых (аульских, станичных и сельских) партийных, советских, профсоюзных, кооперативных, культурно-просветительных и других организаций, а также переписку их с окружными и республиканскими организациями вести на родных языках. Окружным организациям предлагалось вести переписку с сельскими организациями и делопроизводство, как правило, также на родных языках, а сношения с республиканскими органами и делопроизводство в этой части оставить на русском языке, который был признан официальным языком центрального аппарата.

Пленум, как и в прежних своих решениях, отводя тюркскому языку роль межнационального языка, признал необходимым, чтобы сотрудники центральных партийных, советских и других общественных организаций, в целях лучшего обслу-

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 9, д. 3, л. 13.

² Там же.

живания широких масс, наряду с русским, в установленный срок овладели тюркским языком. Однако незнание тюркского языка и русского языков не должно было служить препятствием к выдвиганию в аппарат управления рабочих и крестьян всех народностей Дагестана¹.

Решение пленума предусматривало ведение обучения в школах 1-й ступени на родных языках с одновременным изучением русского и тюркского языков как предмета. Школы 2-й ступени, профессиональные, технические и другие курсы и школы повышенного типа предполагалось вести или на русском, или на тюркском или по возможности на любом из родных языков, соответственно потребностям и стремлениям населения данного района или округа, на территории которых функционируют эти учебные заведения. При этом имелось в виду, что, если учебное заведение будет работать на тюркском языке, то русский язык вводится как обязательный предмет, и наоборот. Если же оно работает на одном из родных языков, то вводится как обязательные предметы и русский и тюркский языки.

Всю культурно-просветительную, массовую и пропагандистскую работу, а также ликвидацию неграмотности среди населения предлагалось проводить на родных языках.

В части реформы письменности пленум одобрил создание Дагестанского комитета нового алфавита, перед которым была поставлена ближайшая задача — разработать и утвердить на основе латинского алфавита дополнительные знаки для дагестанских языков, организовать курсы по подготовке наборщиков и других работников печати на новом алфавите, ввести на всех созываемых курсах учителей и других работников изучение нового алфавита, позаботиться о подготовке на новом алфавите шрифта, букварей, учебников и других пособий для школ. Пленум предложил также приступить к постепенному переводу национальной печати на новый латинский алфавит.

Постановление пленума намечало проведение ряда мероприятий по популяризации среди масс нового дагестанского алфавита (НДА), создание добровольного общества содействия НДА, обязательное изучение нового алфавита коммунистами и комсомольцами, постепенный переход к ликвидации неграмотности среди населения на новом алфавите и т. д.².

На основании резолюции пленума ДК и ДКК ВКП(б) ЦИК и СНК ДАССР издали соответствующие постановления о языке и алфавите. Постановление «О реализации прав род-

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 9, д. 3, л. 15.

² Там же, л. 17.

ных языков» (от 29 июля 1928 г.)¹, отметив равноправие языков всех народностей ДАССР, устанавливало, что в округах с неоднородным нацсоставом язык народности, составляющей большинство данного округа, является преимущественным языком официальных сношений, а национальные меньшинства в своих внутренних делах и в сношениях с органами, исключительно их обслуживающими, пользуются родным языком. Постановлением «О введении нового дагестанского алфавита» (от 5 августа 1928 г.)² латинский алфавит был объявлен дагестанским алфавитом, сохранив в то же время старый арабский алфавит.

В октябре 1929 г. бюро обкома ВКП(б), обсудив ход выполнения постановления о языке и алфавите, наметило конкретные мероприятия для ускорения перехода на латинский алфавит. В частности, обком обязал руководящих работников в двухмесячный, а всех коммунистов в трехмесячный срок полностью овладеть латинской письменностью. Было намечено завершить переход всех организаций республики и национальной печати на новый алфавит не позднее 1-го октября 1930 года³.

В соответствии с решением обкома партии и в развитии ранее принятого ЦИК и СНК ДАССР решения о введении нового алфавита в ноябре 1929 года Сессия Центрального Исполнительного Комитета ДАССР приняла постановление «Об обязательном и окончательном переходе на новый латинизированный алфавит». Согласно этому постановлению, новый латинский алфавит для аварского, даргинского, лезгинского, лакского, кумыкского, тюркского и татского языков с 1-го октября 1930 года объявлялся единственным государственным алфавитом и всякую официальную переписку на арабском алфавите предлагалось прекратить. Для полного перехода на новый алфавит был установлен срок: для национальных газет 1 мая 1930 г., а для Госиздата и других ведомств, издающих литературу на местных языках — 1 декабря 1929 г.⁴

Постановление февральского пленума ДК и ДКК ВКП(б) 1928 года явилось шагом вперед в решении языкового вопроса в Дагестане. Однако пленум не сумел до конца исправить ошибку, допущенную при решении этого вопроса в 1923 году.

Если в постановлении пленума 1923 года недооценивалось значение родных языков, русскому языку отводилось третье-

¹ «Красный Дагестан», № 180, 8 августа 1928 г.

² Там же, № 186, 15 августа 1928 г.

³ Журнал «Звезда», 1929 г., № 9(23), стр. 55—56.

⁴ «Красный Дагестан», № 270, 24 ноября 1929 г.

степенное место, а тюркский язык объявлялся единым государственным языком, то пленум 1928 года, признав ведущую роль родных языков и отказавшись от ошибочной ставки на единый государственный (тюркский) язык, все же решил сохранить тюркский язык, наряду с русским, как обязательный общедагестанский язык. Это половинчатое решение вопроса явилось причиной тому, что и в дальнейшем проблема языка оставалась предметом дискуссии в партийной организации республики.

Обязательное изучение учащимися тюркского языка в школах нетюркских районов вызывало законное недовольство значительной части населения. Дело в том, что учащиеся вынуждены были изучать три языка (родной, тюркский, русский), два из которых (а для детей бесписьменных народностей все три) являлись не родными языками. Естественно, что это создавало перегруженность учебной программы, вызывало отсев учащихся по неуспеваемости и, как результат всего этого, отставание в культурном строительстве.

Как отметил пленум Обкома партии в феврале 1930 года, двухгодичный опыт изучения в школах, техникумах, рабфаках, курсах и т. д. тюркского языка, как обязательного предмета, показал ненормальность создавшегося положения. Удлинение сроков учебы при острой необходимости ускоренной подготовки национальных кадров не могло не сказаться на этом деле крайне отрицательно. Исходя из этого, пленум поручил бюро Обкома ВКП(б) на основе накопленного опыта заняться дальнейшим изучением языкового вопроса, привлекая к его решению низовые партийные организации¹.

Состоявшаяся вслед за этим XI Дагпартконференция, также признав сложившееся положение ненормальным, поручила Обкому ВКП(б) поставить на обсуждение и окончательное решение вопрос о языке в Дагестане.

Вопрос о языке снова обсуждался на ряде совещаний в республиканских организациях, в народном комиссариате просвещения среди работников народного образования и др. В результате этой работы были подготовлены соответствующие предложения.

Эти предложения и доклад Ю. Шовкринского «О мероприятиях по проведению в жизнь решения XI Дагпартконференции в вопросе о языке в Дагестане» обсуждались на пленуме Обкома партии в июле 1930 года. Пленум принял решение, признающее необходимым строить школу как первой, так и второй ступени на родных языках, с оговоркой, что полное осуществление этого решения для школ второй ступени пока не представляется возможным. В ходе дальнейшего

¹ Журнал «Звезда», 1930, № 1—2, стр. 27—28.

обсуждения вопроса было принято предложение меньшинства комиссии пленума, в котором предлагалась «ввести со второго года обучения в школах первой ступени изучение по выбору трудящихся масс каждой национальности Дагестана, в зависимости от экономических связей и практического удобства для дальнейшего овладения социалистической культурой, добавочного одного из двух (русского или тюркского) азербайджанского языков»¹.

В сентябре 1930 года V сессия ДагЦИК'а седьмого созыва приняла постановление «О языке и всеобщем обязательном начальном обучении». Постановление обязывало Наркомпрос с 1931/32 учебного года полностью перевести школы первой ступени на уже определившиеся родные языки народов Дагестана (аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский, тюркский, татский, ногайский, чеченский) с введением со второго года обучения по выбору населения преподавания русского или тюркского языка. Сессия предложила также решительно взять курс на перевод школ повышенного типа, курсов подготовки и переподготовки работников по всем отраслям народного хозяйства на родные языки. Наркомпросу было поручено провести необходимую подготовительную работу по созданию письменности, подготовке педагогических кадров, учебников и т. д. для перевода с 1932/33 учебного года школ с табасаранским населением на их родной язык, а также изучить совместно с Институтом Дагкультуры возможности создания для мелких горских народностей (агульцы, рутульцы, дидойцы) письменности и учебников на их родных языках. Наряду с этим сессия поручила Наркомпросу вести работу в направлении объединения различных диалектов и наречий в единые литературные языки основных народностей Дагестана².

Таким образом, во изменение своего прежнего решения (1928 года), пленум Обкома партии и сессия ЦИК ДАССР признал необходимым изучение в школах вместо двух одного языка (русского или тюркского) по выбору населения. Иначе говоря **обязательное** изучение тюркского языка, согласно этим решениям, заменялось **добровольным**, как и по отношению русского языка.

Однако, как показала практика, добровольный выбор одного из двух языков фактически превращался в обязательное изучение в школах многих районов одного тюркского языка, так как для преподавания русского языка не хватало кадров учителей, учебников и других пособий; кроме того, в ряде районов в силу традиции, а также влияния национа-

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 11, д. 30, л. 235—236.

² ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 175, л. 134.

листических элементов и духовенства при выборе языков, как правило, перевес оказывался на стороне тюркского языка. В отдельных местах имели место факты преследования учителей русского языка, что было проявлением враждебной деятельности и националистических элементов, которые стремились сорвать преподавание русского языка в национальных школах.

В этом сказалась на практике ошибочность решения Обкома партии и ЦИК ДАССР, недооценка им значения русского языка для народов Дагестана. Изучение русского языка в школах по существу было пущено на самотек. Неоднократно выражавшиеся местными партийными организациями и населением пожелания об изучении в школах русского языка на деле не осуществлялось, хотя во всех партийных решениях формально подчеркивалось значение русского языка для народов Дагестана. Это видно из того, что в 1935—36 учебном году 64 процента национальных школ республики не было обеспечено преподаванием русского языка¹. А в 1937 году, по данным 36 районов, из 950 начальных национальных школ русский язык преподавался лишь в 230 школах, что составляет 24,2 процента².

Незнание русского языка фактически лишало учащихся начальной школы возможности продолжать учебу в школах 2-й ступени, в специальных средних и высших учебных заведениях, работающих на русском языке, что тормозило подготовку национальных кадров интеллигенции. Вместе с тем незнание русского языка мешало широкому вовлечению молодежи в промышленность, т. е. мешало решению задачи создания национальных кадров рабочего класса.

Эта недооценка русского языка проявилась, с другой стороны, еще и в том, что Обком партии, а затем и ЦИК ДАССР, желая подчеркнуть значение родных языков, принял решение о переводе на родные языки школы второй ступени, не имея для этого реальных возможностей (кадры, материальная база и т. д.). В результате эти решения практически не проводились в жизнь, а там, где они и осуществлялись, учебные заведения работали на родных языках при отсутствии учебников и другой литературы на этих языках, как это имело место в педтехникумах³.

Только со второй половины тридцатых годов началось исправление допущенных ранее ошибок в решении языкового вопроса. Было признано излишним изучение тюркского языка в школах нетюркских районов. Особое внимание стали уде-

¹ Журнал «Революция и национальность», 1937, № 1(83), январь, стр. 84.

² Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 19, д. 9, л. 6.

³ Там же, оп. 16, д. 20, л. 449.

лять овладению русским языком как межнациональным языком не только дагестанских народов, но и всех народов СССР.

Этому вопросу было уделено серьезное внимание на ноябрьском пленуме Обкома партии 1935 года и особенно на пленуме в марте 1938 года, специально обсудившем вопрос об изучении русского языка в национальных школах ДАССР. Пленум отметил, что в условиях многонациональной республики знание русского языка явится мощным средством связи и общения между народами ДАССР и СССР, даст возможность народам Дагестана подготовить из своей среды квалифицированных специалистов, а также изучить богатую культуру, представленную на русском языке.

Пленум постановил ввести с 1 сентября 1938 года обязательное преподавание русского языка как предмета во всех национальных школах ДАССР и предложил ДагЦИК'у издать соответствующий закон по этому вопросу. В решении пленума предлагалось приступить к подготовке русско-национальных словарей, намечались мероприятия по улучшению подготовки учителей и постановки преподавания русского языка во всех учебных заведениях республики.

Учитывая отсутствие учебников, учебно-наглядных пособий и разработанной научной терминологии на родных языках и недостаток преподавателей соответствующей квалификации, владеющих местными языками, пленум, в отмену решения 1930 года, признал необходимым вести преподавание всех предметов на русском языке в семилетних и средних школах, начиная с 5 класса, а также в педагогических училищах ДАССР¹.

Таким образом, после многократных дискуссий и обсуждений, длившихся более 15 лет, языковый вопрос, наконец, получил в основном правильное разрешение. Во-первых, была признана несостоятельной и искусственной идея создания единого государственного языка, призванного обслуживать все народности Дагестана. В этом на практике нашло свое подтверждение правильность и мудрость лепинской национальной политики Коммунистической партии, которой чужда идея необходимости обязательного государственного языка. Говоря о принципах организации Российской федерации, И. В. Сталин указывал в 1918 году в беседе с сотрудником газеты «Правда»: «Никакого обязательного «государственного» языка — ни в судопроизводстве, ни в школе. Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и боль-

¹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 19, д. 9, л. 7—10.

щинств во всех общественных и политических установлениях»¹.

Во-вторых, было установлено, что попытки введения тюркского языка в качестве государственного языка в Дагестане являются необоснованными и ошибочными. Известно, что В. И. Ленин не раз выступал против обязательного государственного языка. Имея в виду русский язык в качестве такого «государственного» языка, в «Тезисах по национальному вопросу» Ленин писал, что «в России таковой особенно излишен, ибо свыше семи десятых населения России принадлежит к родственным славянским племенам, которые при свободной школе в свободном государстве легко достигли бы, в силу требований экономического оборота, возможности сталкиваться без всяких «государственных» привилегий одному из языков»².

С тем большим основанием можно утверждать, что тюркский язык как государственный язык в Дагестане был совершенно излишен и ненужен. Ибо, как показала практика, тюркский язык не нашел применения в качестве орудия межнационального общения в Дагестане. Напротив, в силу объективных условий развития, он постепенно потерял свою роль и в тех районах Дагестана, где он раньше служил в качестве межнационального языка, уступив место русскому языку, который теперь становится вторым родным языком всех народностей и успешно выполняет функцию межнационального языка для всего Дагестана.

В-третьих, была признана ведущая роль родных языков в деле приобщения народов Дагестана к социалистическому строительству. Учитывая, однако, что Дагестан населен множеством мелких бесписьменных народностей, в большинстве своем насчитывающих лишь по несколько тысяч человек, и не имея реальной возможности создавать письменность, школы и другие институты на всех языках, в качестве официальных языков, кроме русского, были приняты родные языки 9 наиболее крупных народностей Дагестана. Согласно Конституции ДАССР 1937 года этими языками являются: аварский, кумыкский, даргинский, лезгинский, тюркский, погайский, лакский, татский и табасаранский, на которых ведутся дело-производство в низовых организациях, судопроизводство, издается периодическая печать, работают начальные школы, культурно-просветительные учреждения, проводятся общественно-политические и массовые мероприятия и т. д. Что касается остальных народностей, то они пользуются одним из названных выше языков, в зависимости от экономических связей и близости их к языку соответствующих народностей.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 70 (Подчеркнуто мною — А. Л.).

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 215.

В-четвертых, наряду с родными языками, было признано особо важное значение русского языка, как языка связи между различными народностями Дагестана, как средства приобщения дагестанских народов к русской культуре и культуре других братских народов Советского Союза. Учитывая эту его роль, в соответствии с пожеланиями населения, было установлено обучение на русском языке в семилетних и средних школах (начиная с 5 класса), сохраняя на весь период обучения в школе соответствующий родной язык в качестве предмета преподавания.

В-пятых, после установления Советской власти в 1920 году имевшаяся у отдельных народностей (аварцы, лакцы, кумыки) арабская письменность была реформирована с целью приспособления ее к языковым особенностям дагестанских народов. Но это не давало и не могло дать желаемых результатов. После длительных обсуждений был признан целесообразным перевод письменности с арабского на латинский алфавит. Однако, несмотря на очевидное преимущество латинского алфавита по сравнению со сложной архаической арабской письменностью, переход на новый латинский алфавит затянулся до 1929—1930 годов, тогда как многие соседние народности (азербайджанцы, кабардинцы, осетины, ингуши и др.) значительно раньше осуществили переход на новый алфавит. В этом, как и в факте выдвижения на первый план тюркского языка, сказались ошибки националистического характера, допущенные отдельными руководителями республики.

Наряду с переходом с арабского на латинский алфавит была создана письменность и для некоторых бесписьменных народностей Дагестана (лезгинцы, даргинцы, табасаранцы, таты и др.). В 1938 году латинский алфавит был заменен новым алфавитом на основе русской графики. Единый русский алфавит сыграл важную роль в успешном освоении народами Дагестана, как и всего Советского Союза, русского языка и передовой русской культуры.

* *
*

В связи с проблемой языка следует остановиться на одном вопросе, который, по нашему мнению, еще не нашел окончательного разрешения. Вопрос этот касается языка бесписьменных народностей, которых насчитывается в Дагестане свыше 15 с общим числом более 60 тысяч человек (по переписи 1926 года). К таким народностям относятся агулы, андийцы, каратины, рутульцы, тиндалы, чамалалы, кайтаги, цахурцы, кубачинцы и др.

После установления Советской власти в Дагестане перед партийной организацией республики, естественно, возник вопрос — как быть с языками малых народностей, следует ли создавать для них письменность, развивать эти языки, или, напротив, целесообразно взять курс на постепенное изживание многоязычия путем консолидации мелких народностей вокруг более крупных?

Партийная организация Дагестана встала на второй путь решения языковой проблемы, выделив 9 наиболее распространенных языков, на которых говорит подавляющее большинство населения республики, и взяла курс на их развитие. Такое решение, как отмечено выше, было вызвано тем, что создавать письменность, школы, развивать литературу, искусство, вести делопроизводство, готовить кадры и т. д. на 25—30 языках не было возможности. К тому же, почти все бесписьменные языки бытуют лишь в пределах нескольких аулов, не составляющих даже одного административного района.

Каково же настоящее положение этих бесписьменных народностей и каковы их перспективы в будущем? До недавнего времени все бесписьменные народности пользовались в школах, печати, учреждениях и т. д. одним из языков основных народностей Дагестана. К таким бесписьменным народностям относятся агулы, андийцы, ботлихцы, кубачинцы и другие, пользующиеся лезгинским или аварским, или даргинским языком.

В соответствии с пожеланиями населения преподавание в школах, начиная с 1-го класса, для агульцев, ругульцев и цахурцев три года тому назад было переведено на русский язык. Вопрос о языке обучения остальных бесписьменных народностей остается без изменений.

В настоящее время положение бесписьменных народностей таково: в быту, в семейной жизни, в общении между собою они говорят на своем родном языке, читают, пишут на втором, не родном языке, а за пределами данного района или группы районов, в общении с другими народностями пользуются третьим — русским языком. Что касается детей, то они в семье говорят на родном языке, в школе в 1—4 классах обучаются на другом, не родном языке, а с пятого класса — на русском языке, на котором ведется преподавание в семилетних и средних школах.

Вопрос о языке обучения детей бесписьменных народностей требует дополнительного специального изучения и окончательного решения с учетом опыта работы агульских, ругульских и цахурских школ, переведенных на русский язык, а также опыта работы школ остальных бесписьменных народностей, где преподавание в начальных школах ведется на одном из родственных дагестанских языков.

Из анализа деятельности областной партийной организации по разрешению языкового вопроса в Дагестане можно сделать следующие выводы:

1. Единственно правильным решением вопроса о языке в условиях многонационального государства, как показывает опыт ДАССР, может быть только неуклонное проведение в жизнь одного из основных требований ленинской национальной политики — признание ведущей роли родных языков в деле успешного преодоления культурной отсталости ранее угнетенных национальностей.

2. В местностях со множеством мелких народностей со своими различными языками, диалектами и наречиями, как это имеет место в Дагестане, осуществление ленинской национальной политики, в частности в вопросе о языке, требует не механического ее проведения, а учета конкретных условий, возможности и целесообразности с точки зрения перспектив дальнейшего развития с тем, чтобы правильно определить основное звено в решении языкового вопроса. Этим основным звеном в условиях Дагестана явилось выделение из множества языков группы главных языков, на которых говорит большинство населения, и отказ от культивирования всех мелких языков, диалектов и наречий.

3. Решение вопроса о языке мелких бесписьменных народностей, исходя из конкретных условий Дагестана, может быть двоякое: или признание официальным письменным языком для них одного из родственных языков, или постепенный переход, по желанию населения, на введение сначала в школах, а затем в делопроизводство и т. д. русского языка.

Третий путь — создание для таких народностей письменности, школ, печати и т. д. на родных языках — мы считаем нереальным и нецелесообразным.

К ВОПРОСУ О ПРОВАЛЕ ДАГЕСТАНСКОЙ КАМПАНИИ ШАХА НАДИРА (1741—1743 гг.)

Дагестанская кампания 1741—1743 гг., являвшаяся одним из крупнейших военных предприятий шаха Надир — «грозы вселенной»¹, продиктованных интересами иранских феодалов, кончилась позорным провалом. Последствия длительных, по тщетным усилиям шаха сломить сопротивление дагестанцев оказались для шаха и Ирана столь губительными, что современники отмечали, что в Дагестане он «разорил только свое войско»², «затмил свою славу завоевателя»³, «истомил иранский народ»⁴ и «подорвал свое государство»⁵.

Этот подвиг дагестанцев составляет одну из знаменательных страниц героического прошлого народов СССР. Он поучителен как победа одухотворенной любовью к Родине небольшой массы населения над громадной захватнической армией и имеет важное значение в деле воспитания советских людей в духе патриотизма. Это событие является одним из важных вопросов истории Ирана и Дагестана. Разработка его важна для понимания ряда проблем истории соседних стран, в частности, восстаний 40-х годов XVIII века в Азербайджане, Грузии и в некоторых других владениях шаха Надир. Вне связи с этим вопросом, по существу, нельзя разобратся в причинах распада его монархии, а также в русско-иранско-турецких отношениях и в ряде вопросов международной дипломатии того времени.

¹ Так называли шаха Надир современники за его военные успехи в Индии и в других странах Востока.

² И. Лерх. Путешествия 1745—1747 г.г. в Персию. «Новые ежемесячные сочинения», изд. АН, Спб. 1790, стр. 87.

³ Там же.

⁴ Братищев. Имеются в виду его письма из Дербента, опубликованные в извлечениях, в статье П. А. Юдина «Персия в конце 1742 года». «Русский архив», 1889, № 3, стр. 374—381.

⁵ Там же.

Надо отдать должное исследователям общих или смежных проблем истории и этнографии Ирана, России, Турции и Кавказа, что они уделяли освещению вопроса дагестанской кампании 1741 года значительное внимание и проделали немалую работу по выявлению и изучению фактического материала; многие из трудов этих ученых содержат ценные данные и выводы¹. Сейчас обнаружены дополнительные архивные, летописные, фольклорные и другие материалы, которые создают благоприятные условия для обстоятельного изучения этого вопроса. Тем не менее он еще не был предметом специального исследования и не нашел до сего времени своего удовлетворительного разрешения.

В рамках настоящей статьи автору хотелось бы заострить внимание на вопросе о провале дагестанской кампании 1741—1743 гг.

Дагестан занимал чрезвычайно выгодное и важное стратегическое положение. Здесь проходили торговые пути. Поэтому он издавна служил объектом агрессий соседних государств.

С середины XVI века Дагестан становится яблоком раздора между Ираном, Турцией и Россией. Эти державы интересовало также не столько богатства страны, сколько ее важное значение для осуществления их политических и экономических интересов на Кавказе и за его пределами. К XVIII веку русское государство сумело расширить сферу своего влияния до р. Сулак. Остальные же районы Дагестана сохранились за сефевидами. Лишь в 20-х годах XVIII века, когда, в связи с афганским нашествием, в истории Ирана наступил роковой момент, дагестанские владения сефевидов в числе многих других были оккупированы Россией и Турцией.

¹ С. Соловьев, История России. Спб. изд. «Общественная польза»; П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа..., Спб., 1896; В. Левиатов. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948; М. Иванов. Очерки истории Ирана, Москва, 1952; Hammet. «Geschichte des osmanischen Reiches», 1831;

«أحمد راسم، عثمانلى تاريخى»

(Ахмед Расим. Османская история), Истамбул, 1933; И. Петрушевский. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Ленинград, 1949; Б. Заходер. История восточного средневековья, Москва, 1944; L. Lockhart. Nader shah. London, 1938; «تورالله لارودى، زندگانی نادر شاه»

(Н. Ларуди. Жизнь Надир шаха). Тегеран, 1940; «مينور سكي

«تاريخچه نادر شاه» (В. Минорский. Краткая история Надиршаха), Тегеран, 1913 и другие.

Надир продолжал в отношении Дагестана агрессивную политику сефевидов. С первых же дней после изгнания афганцев из Ирана, когда Надир стал фактическим правителем страны и выступил за возвращение Ирану и остальных сефевидских владений, он прилагал все усилия к восстановлению иранского владычества и в Дагестане. В итоге длительных переговоров с Россией (1735 г.¹) и борьбы с Турцией (1736 г.) Надир добился, в частности, возвращения Ирану и владения его в Дагестане.

Больше того, воспользовавшись раздробленностью Дагестана, Надир сумел навязать свою власть местному населению, нежелавшему вновь попасть под иго Ирана.

Накануне борьбы против Надира Дагестан с пестрым этническим составом (кумыки, даргинцы, аварцы, лакцы, лезгины и другие этнические группы), — всего около 400 тысяч человек — был раздроблен на ряд небольших феодальных образований — Тарковское, Мехтулинское, Эндирейское, Кайтагское, Дербентское, Казикумухское и Аварское ханства, со значительной ролью общинного землевладения и выраженным натуральным хозяйством, которые особенно бросались в глаза в наиболее отсталых районах. Среди феодалов-ханов, беков и первостепенных узденей не прекращались распри и междоусобицы². Обострены были в ханствах и классовые противоречия и между феодалами и крестьянами (крепостные чагары, раяты, лаги а также лично свободные или полусвободные простые уздени)³. Все это сильно затрудняло создание организованного, объединенного и активного отпора армии Надира. Поэтому неудивительно, что Надиру удалось было (1736 г.), хотя и ценой серьезных потерь, подавить разрозненные очаги сопротивления в Дагестане, и он мнил себя властелином страны.

Но не успел Надир, возвращаясь в Иран, переправиться через реку Аракс, как дагестанцы взяли за оружие и вновь начали борьбу за свою свободу и независимость сообщая с

---

¹ В силу ряда причин русским двором было решено вернуть Ирану прикаспийские завоевания Петра I еще в первые годы после его смерти. Лишь неустойчивость положения в Иране и возможность захвата этих территорий Турцией удерживали Россию от такого шага. Районы южнее р. Куры были уступлены в 1732 году, после изгнания афганцев из Ирана и шла упорная борьба с Турцией. Переговоры о возвращении остальных районов затягивались по той причине, что в условиях складывавшейся на западе антирусской коалиции, в которую предполагалось вовлечь Турцию и Иран, русское правительство стремилось использовать эту уступку в целях усиления антагонизма между ними и тем отвлечь их от европейских дел.

² А. Бакиханов, Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, стр. 182; Броневский, Новейшие географ. и истор. известия о Кавказе, М., 1823, стр. 24.

³ ЦГАДА, Персидск. дела, 1721 г., д. 2, л. 7.

азербайджанцами из соседних районов¹. Они выступали против назначенных шахом правителей, нападали на правительственные отряды, вторгались в соседние азербайджанские и грузинские владения шаха и подымали местное население против Ирана².

Борьба происходила под руководством ханов и беков. Особую активность проявлял Сурхай-Хан Казикумухский со своими сыновьями. Изгнанный Надиром из Ширвана, где он был утвержден правителем турецкими оккупантами, Сурхай-Хан был ярким противником Ирана. Не подлежит, однако, сомнению, что в этой борьбе основную роль сыграли крестьяне, главным образом, в лице полусвободного простого узденства, которое составляло подавляющее большинство населения ханств.

Говоря о дагестанцах, как о самоотверженных и непобедимых борцах против иранского владычества, одухотворенных любовью к родине, современник английский автор Ханвай³ должно быть имел в виду именно крестьянство, пришедшее в движение под давлением все возрастающих повинностей, налогового грабежа и массовых репрессий, которые повсеместно практиковались в монархии шаха Надира⁴.

В начале правителю Азербайджана Ибрагим-хану, родному брату Надира, улыбнулась была удача. Он вел успешную борьбу против восставших, предавал смерти неповинующихся, разорял селения и уводил жителей в плен. Но в 1739 году около горы Джаник он со своим войском попал в засаду и был разгромлен. Ибрагим-хан и многие его военачальники пали в этой битве⁵.

После этого борьба с захватчиками приняла широкий размах. Восставшие осаждали города Ахсу, Шабран, Ниязабад, Мускур, Шемаху, Баку и Дербент⁶. Отдельные из этих

¹ Астраханский областной госуд. архив, ф. 394, д. 591, л. 8; «Хроника войн джара в XVIII веке», перев. П. Джузе (в дальнейшем «хроника») Баку, 1931., стр. 27.

² Братищев. Указ. соч., стр. 385; Бакиханов. Указ. соч., стр. 120; История о персидском шахе Тахмас-Кули-хане (перевод с французского на русский язык Решетовым), Спб. 1790, стр. 205—206; «Хроника». Указ. изд., стр. 27—28.

³ У. Ханвай. An historical account of the british trade aver the Caspian sea..., London, 1753, (в дальнейшем Ханвай), т. II, стр. 408—411.

4. «تاریخ عالم آرای نادری» محمد کاظم (Мухаммед Казим, История мироукрашателя Надира), рукопись Института востоковед. АН СССР, д. 430; т. II, л. л. 150, 318; т. III, л. л. 46, 100, 165, 169. См. И. Петрушевский, указ. соч., стр. 41—42.

⁵ Мухаммед-Казим. Указ. соч., т. II, лл. 173—178, 337—357; «Сборник русск. истор. общества», т. 80, № 242, стр. 490.

⁶ Архив внешней политики России (в дальнейшем — АВПР), фонд «Сношения России с Персией», 1739 г., д. 5, лл. 32, 37—39, 48, 100—101; «Хроника», стр. 31.

городов оказывались в руках восставших¹. Посылаемые шахом полководцы не достигали в борьбе с повстанцами эффективных результатов. Вместе с тем в неравной борьбе с войсками шахских полководцев дагестанцы стремились заручиться поддержкой русского государства².

* * *

Восстание в Дагестане и тяготение повстанцев к России показали шаху непрочность его положения в этом крае. Между тем, крепость его монархии, удержание Закавказья в шахских руках, а также далеко идущие замыслы шаха на западе и на севере настойчиво требовали, чтобы он стал в Дагестане твердой ногой.

В данный момент, когда шах решил напасть на Россию, Дагестан его интересовал почти исключительно как наиболее удобный плацдарм и близкий путь для удара по ее жизненно-важным районам.

Успех восточной кампании вскружил голову шаху. Он заявлял, что «стоило мне лягнуть одной ногой, вся Индия разрушилась... и если я лягну обеими ногами, то весь свет обращу в пепел»³, что все государи земного шара трепещут от одного упоминания его имени⁴, что «один бог на небе, а он единый государь на земле»⁵. Сопровождавшие шаха в дагестанской кампании 1741 года Калужкин, а за ним и Братищев писали из Дагестана в Петербург, что «шах со всем светом дело иметь хочет... Однако виды и приготовления наглавнейшие против Российской империи устремляют»⁶, что он «хочет делать с Россией то, что он делал с Индией»⁷ и предупреждали свое правительство о враждебных намерениях шаха Надира⁸.

Антирусская направленность кампании 1741 года с наибольшей наглядностью отражена в переписке турецкого и шахского дворов. Шах Надир и его приближенные в своих письмах турецкому султану из Дагестана открыто заявляли, что стоятидесятидесятитысячная армия сосредоточена в Дагестане

¹ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1739 г., д. 5, л. 108, 1740 г., д. 6, лл. 555—566, 575; «Хроника», стр. 33.

² С. Кишмишев. Походы шаха-Надира в Герат, Гаудагар, Индию, Тифлис, 1889, стр. 214—215.

³ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741 г., д. 7, лл. 226—227.

⁴ Там же, л. 285.

⁵ Там же.

⁶ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743 г., д. 3, т. 13.

⁷ Там же, 1741 г., д. 3, л. 113, д. 7, л. 228.

⁸ Там же, 1740, д. 3, лл. 13, 177, 225—226, 348—331, 435, 1741 г., д. 7, л. 229—231.

для того, чтобы напасть на неверных русских, и старались склонить султана к совместной войне с Россией¹. О том, что поход 1741 года был направлен не против одного Дагестана говорит и его размах (в Дагестане была сосредоточна армия куда бльшая, чем в восточную кампанию)

Таким образом, не подлежит сомнению, что, направляясь в 1741 году в Дагестан, шах шел против России. Лишь в силу обстоятельства эта кампания стала «дагестанской».

Решив использовать Дагестан для войны с Россией, шах должен был прежде всего заняться укреплением там своего положения, что оказалось далеко не легкой задачей. Шах Надир хотел молниеносно покончить с дагестанцами². При этом ради использования страны в качестве плацдарма для нападения на Россию шах готов был не только изгнать дагестанцев из их родных земель или переселить в Иран, но даже их истребить. Калужкин пишет, что шах намеревался переселить дагестанцев в Иран или их истребить, оставив лишь 20 тысяч человек для пополнения своей армии³. Это подтверждается и другим современником И. Лерхом. Он писал, что шах намеревался «истребить дагестанцев или выгнать их из гор»⁴. Шаху захотелось, говорит лакский эпос, поставить горы на колени или сравнять их с землей⁵.

В 1741 году Надир шах во главе громадной армии, набранной из многих покоренных им народов Востока — афганцев, туркмен, индусов, курдов, узбеков, грузин, иранцев и других начал поход в Дагестан⁶. По подсчетам ряда авторов численность этой армии достигала 100—150 тысяч человек⁷. «Весь Иран, — говорится в предании, — на нас поднялся, все равнины на предгорьях затопили орды злые»⁸. Если учесть потери шаха в этой кампании пушками и другими видами оружия (см. ниже), то не приходится сомневаться в серьезном для того времени оснащении его армии, располагавшей притом воинскими частями различного рода оружия.

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742 г., д. 5, лл. 643—646, 654—655, 690.

² АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 286.

³ Там же, лл. 223, 287, 298, 318—319.

⁴ И. Лерх. Указ. соч., стр. 82.

⁵ Лакский эпос «Хан Муртазали». Литература (Хрестоматия). Махачкала, 1947, стр. 13.

⁶ АВПР, ф. «Снош. России с Персией». 1742 г., д. 5, л. 654; аварский эпос (перевод М. Саидова на кумыкский язык), Махачкала, 1942, стр. 1; «Покоренный Кавказ», изд. «Родина», 1904 г., стр. 158.

⁷ АВПР, ф. «Снош. России с Турцией». 1742 г., д. 5, лл. 646—648, 654—655—690; Л. Локхарт. Указ. соч., стр. 201; Бутков. Указ. соч., стр. 211.

⁸ «Покоренный Кавказ», стр. 158.

Но большинство воинов шаха не было обучено строю. В армии шаха не знали разведывательной службы¹.

Прибыв в Шемаху, шах Надир отправил Гайдарбека с десятитысячным отрядом через прибрежные районы в тыл дагестанцев. Отряд этот должен был пропикнуть на территорию Мехтулинского ханства и ожидать дальнейших приказаний шаха в Аймакинском ущелье². Основная же часть армии во главе с Надиром направилась через Шах-даг и Хосрек в Казикумух (резиденцию казикумухского хана) и Хунзах (резиденцию аварского хана) по трудно проходимым ущельям³. Шах намеревался сжать дагестанцев клещами и одним ударом разрешить стоявшую перед ним задачу. Объединенные волей выдающегося полководца, охваченные победами, шахские отряды двигались вперед, преодолевая сопротивление дагестанцев и опустошая все на своем пути⁴.

Как воины, дагестанцы не уступали воинам шаха, наоборот, имеющиеся данные позволяют утверждать, что дагестанцы даже превосходили их по своим боевым качествам. Путешественник середины XVII века Эвлия Челеби⁵, а за ним и авторы XVIII века И. Гербер⁶, Д. Ханвай⁷, Калушкин⁸ и другие отмечали, что дагестанцы отличались исключительным мужеством и были непобедимы.

Дагестанцы пользовались славой грозных воинов даже в самом Иране⁹. Они были прирожденными бойцами, выросшими в суровых условиях, в борьбе с арабами, персами, турками и другими. Вооружены они были неплохо. Дагестанские мастера делали хорошие винтовки, сабли и панцыри. Кубачинцы лили даже пушки¹⁰.

Несмотря на все это малочисленному населению Дагестана было трудно остановить продвижение огромной, подчинен-

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 411; Братищев. Указ. соч., стр. 382.

² «تاریخ شامی، شاکر، صبحی و عزى» (история Сами, Шакир, Субхи и Иззи) в дальнейшем — «Тарих». Истамбул, 1198 хиджри, л. 219 (на тур. яз.).

³ Бакиханов. Указ. соч., стр. 121; V. Minorsky. Esgisse d'un Histoire de Nader chah, Paris, 1934, стр. 26.

⁴ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., л. 281.

⁵ «سياحت نامه» (Эвлия-Челеби, путешествия), Истамбул. 1158 хиджри (на тур. яз.), стр. 786.

⁶ И. Гербер. Известия о находившихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Соч. и переводы к пользе и увесел. служащих». СПб, 1762, июль, стр. 33—34, август, стр. 102—103, 111, 113, 115.

⁷ Ханвай. Указ. соч., т. II, стр. 408, 411.

⁸ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1743 г., д. 4, л. 41.

⁹ Ханвай. Указ., соч. стр. 408, 416.

¹⁰ Гербер. Указ. соч., стр. 47.

ной единому командованию армии Надира. Сказывалась и раздробленность страны¹. Дагестанские феодалы не смогли договориться между собой о борьбе против общего врага. К тому же Надиру удавалось подкупать отдельных феодалов подарками, расширением их прав и т. д. Шамхал² Хас-Булат, например, стал орудием захватнических планов Надира.

Оказывая отрядам Надира отпор, дагестанцы в основном отступали в глубь своей страны, в недоступные высокогорные районы и непроходимые ущелья. Оставшаяся же часть населения, укрываясь в горах со своим имуществом, совершала оттуда неожиданные нападения на позиции врага и ночные пабеги на его тылы, организовывала засады против проходящих воинских частей противника и захватывала обозы³.

Дагестанцы надеялись нанести шаху поражение в высокогорных районах страны⁴. Это был испытанный дагестанцами прием борьбы против крупных агрессивных сил. Он заключается в том, что вражеские отряды ослаблялись в ряде предварительных стычек, заманивались в глубь высокогорных районов, а затем на них обрушивались все силы дагестанцев. При этом, производя непрерывные нападения, они держали тыл противника в постоянной тревоге и напряжении. Этот прием борьбы представляет собой разновидность скифской тактики применительно к условиям гор.

Гайдар-беку вначале удалось преодолеть сопротивление дагестанцев в районе Табасарана. Но на территории Кайтагского ханства он был остановлен. Сопротивление кайтагцев удалось преодолеть ценой серьезных потерь, лишь с помощью посланного шахом 20-тысячного отряда Лютф-Алихана⁵. Затем эти отряды направились через владения Хас-Булата Тарковского в пределы Мехтулинского ханства и после небольшой стычки остановились в Аймакинском ущелье.

Что касается основной части экспедиционной армии, то и здесь военные операции заканчивались в пользу шаха. Дагестанцы, заняв горные проходы, дважды пытались остановить движение шахских войск⁶. Судя по лакскому эпосу, одна из этих попыток была сделана на реке Самур на территории лезгинских обществ, а другое столкновение между горцами и шахским отрядом произошло недалеко от сел. Кумух в районе сел. Шовкра⁷. Но оба раза дагестанцы были рассеяны,

¹ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, лл. 281, 287.

² Ш а м х а л — титул тарковских ханов.

³ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, лл. 217, 331, 376, 378.

⁴ Там же, л. 311.

⁵ «Тарих», л. 219.

⁶ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 281—287.

⁷ Эпос «Хан Муртазали», стр. 14, 18.

как правильно объясняет Калущкин, из-за отсутствия согласованности¹. Мало того, когда шахская армия вошла в Казикумухское ханство, Сурхай-хан, понесший уже в прежние годы ряд поражений и ненадевшийся на успех и теперь, прибегнув к посредничеству афганского Гани-хана, явился 8 августа 1741 г. в лагерь шаха с повинной².

После этого лакцы не сумели организовать отпор врагу, тем более, что Сурхай-хан старался препятствовать этому. Однако многие жители Казикумуха и соседних аулов ушли в горные ущелья с тем, чтобы вести борьбу против захватчиков. В частности, сыновья Сурхай-хана, не желавшие последовать позорному примеру отца, отступили со своими приверженцами в Аварское ханство³.

Заняв 14 августа Казикумух, Надир направил часть своих войск на помощь шамхалу Хас-Булату и вывел его из окружения (место окружения неизвестно)⁴. После этого шах занялся ликвидацией очага сопротивления в селении Кубачи. Кайтагский уцмий⁵ Ахмед-хан, вытесненный из плоскостных районов своих владений войсками Лютф-Али-хана и Гайдарбека, засел с отрядом в этой природной крепости. Вместе с кубачинцами он в течение трех недель оказывал героическое сопротивление 24 тысячному войску Ата-хана афганского, Мухаммед-яр-хана и Халил-хана, располагавшему 17 пушками⁶. Однако при посредстве Сурхай-хана Надиру удалось все же расстроить защиту Кубачи, заманив к себе Ахмед-хана⁷. Надир пытался привлечь на свою сторону также сына Сурхай-хана, Мухамеда, которого шамхал Хас-Булат уговаривал в своем письме придти в лагерь шаха, обещая безопасность.

В Казикумухе шах приступил к реализации своего замысла о переселении дагестанцев в Иран и пополнении ими своей армии. Но он безуспешно пытался обещаниями вернуть бежавшее в горы население⁸. Надир посылал отряды в различные населенные пункты, жители которых не покинули их, с тем чтобы выслать этих жителей в Иран. Но отряды шаха встречали в аулах решительный отпор. Например, посланный шахом в один из аулов (название неизвестно) отряд в тече-

¹ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 281—287.

² Там же, л. 287; Ханвай. Указ. соч., т. II, стр. 408; Минорский. Указ. соч., стр. 26.

³ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, лл. 287—301; «Хроника», стр. 34—35.

⁴ «Хроника», стр. 34—35.

⁵ Уцмий — титул кайтагских ханов.

⁶ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 319; «Тарих», указ. изд., л. 220.

⁷ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 318—319, 398; Минорский. Указ. соч., стр. 26; «Тарих», л. 219—220.

⁸ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 298.

ние 10 дней не мог овладеть им даже после прибытия семитысячного подкрепления. Жители этого аула оказывали упорное сопротивление врагу и устраивали смелые вылазки, в которых участвовали и женщины. В одной из таких вылазок было убито свыше трехсот осаждающих. В конце концов горцы вырвались из осады и с семьями, имуществом и скотом ушли по узкой тропе в горы. Шахский отряд вернулся с большими потерями¹.

Между отрядами шаха и населением не прекращались схватки. Шаху удалось отправить в Иран лишь 200 человек стариков и женщин. Людей же, попавших в плен в сражениях, истребляли поголовно².

Таким образом, осуществление плана переселения натолкнулось на неодолимые трудности. Такие же препятствия шах встретил и в деле пополнения своей армии³.

Следует сказать, что попытки реализовать эти замыслы Надира вызвали в Дагестане большое негодование, что несомненно сыграло важную роль в неудаче его дальнейших военных операций. Этим же объясняется отход Ахмед-хана кайтагского от Надира; посланный шахом в Кайтаг для набора воинов и переселения местных жителей, он порвал связи с Надиром, а впоследствии восстал против него⁴.

Занятый ликвидацией отдельных очагов сопротивления и осуществлением плана переселения дагестанцев в Иран, НаDIR не спешил с дальнейшим продвижением своей армии, ожидая прибытия аварского нуцала⁵ Мухаммед-хана на поклон. Естественно, что после того, как НаDIR одерживал «победу за победой», когда популярный на восточном Кавказе Сурхай-хан, а за ним Ахмед-хан перешли на его сторону и когда Дагестан в основном оказался почти покоренным, шах имел, казалось бы, основания не спешить с походом в Аварию. Именно поэтому явилось совершенно неожиданным для шаха сообщение вернувшегося из своих владений, пограничных с Аварией, Сурхай-хана, куда он был послан для вербовки воинов, о том, что местные жители, находясь под влиянием аварского хана, не подчинились Сурхай-хану. Разъяренный шах приказал войскам немедленно перебраться через Казикумухский мост и направиться в Аварию⁶.

12 сентября НаDIR проник на территорию Андалаяль, но не встретив здесь благоприятного отношения к себе жите-

¹ Там же, л. 316.

² Там же, лл. 298, 315.

³ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 378.

⁴ Там же, л. 420; Мехди-хан Астрабади, Тарих-и-Надир (использован франц. перевод В. Джонса). Лондон, 1770 г., стр. 125.

⁵ Нуцал — титул аварских ханов.

⁶ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 328.

лей, остановился лагерем в районе сел. Чох. Войска заняли выгодные позиции вблизи сел. Согратль, Уриб, Могеб, Обох, Бухтиб и других¹.

С началом сражения в Андалаэле, по планам Надира, должен был сопасть удар по аварцам со стороны отрядов Лютф-Али-хана и Гайдар-бека через Аймакинское ущелье. Шамхал Хас-Булат со своими ополченцами должен был отвлечь силы дагестанцев, сосредоточенные в Аварии².

В свою очередь шла усиленная подготовка к бою и в Аварии. Старики совещались. Гонцы спешили из аула в аул, призывая своих земляков к защите родных земель. Со всех концов Аварии вооруженные всадники — гидатлинцы, карахцы, чамалаяльцы, багуляльцы, койсубоюнцы и другие, толпами стекались на территорию Андалаэля³. С тыла противника пробирались в Андалаэль лакцы, лезгины, а также джарские аварцы⁴. Усиленно готовились к бою также жители Мехтулинского и Кайтагского ханств и другие.

В ходе борьбы против захватнической армии шаха Надира среди дагестанцев росло сознание преимущества согласованных и объединенных усилий. Особенно это стало заметным тогда, когда дагестанцы очутились перед смертельной опасностью⁵. Наблюдались случаи, когда ранее враждовавшие общества, отбросив свои распри, заключали договоры и спешили в Андалаэль⁶. Туда прибыл и аварский хан со своими отрядами⁷. Прибывшие из разных концов страны люди объединились вокруг сыновей Сурхай-хана. Руководство военными операциями принадлежало Ахмед-хану Мехтулинскому. Даже уцмий, находившийся в тылу противника, согласовывал с Ахмед-ханом свои планы действия против Надира⁸.

Готовясь к бою, дагестанцы вместе с тем попытались предотвратить кровопролитие. В письме к шаху они с досто-

---

¹ А. Каяев. Материалы истории лаков. Рук. фонд ИЯЛ, л. 1642 (на лакском языке), стр. 174.

² АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 355.

³ Там же; Аварский эпос, стр. 3.

⁴ «Хроника», стр. 36.

⁵ «Как родники в низовьях, — говорится в лакском эпосе, — превращаются в реки, как из ливня получается бурный поток, дагестанцы различных районов от злости к врагу, от кипучей мести в груди разлились потоком. Они клялись биться за родную землю до последней капли крови, не повернуть спины к врагу, если даже реки начнут течь вверх. Либо смерть, либо победа, — решили питомцы гор. (Эпос «Хан-Муртазали», стр. 16—19).

⁶ «Хроника», стр. 35—36.

⁷ Аварский эпос, стр. 4.

⁸ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 220; «Тарих», стр. 220.

инством спрашивали его, с какой целью он явился в их страну, и ультимативно требовали его ухода из Дагестана¹.

Битва началась нападением Ахмед-хана Мехтулинского на отряд Лютф-Али-хана в Аймакинском ущелье. Большая часть 20-тысячного его войска была истреблена. Лишь самому хану с несколькими сотнями своих воинов удалось выбраться живым². Такой же участи подвергся и отряд Гайдар-бека в той же местности. От четырех тысяч воинов осталось всего 500³. Почти всех своих воинов (5000 человек) потерял и Джалал-бек, который, по-видимому, входил в Аймакинскую группировку шахской армии. Он спасся бегством с 600 воинами. Весь обоз, 19 пушек, много боеприпасов оказались в руках победителей⁴.

После этого была одержана победа в местности Койлю-дере (местонахождение неизвестно) над отрядами Ата-хана, Мухаммед-Яр-хана и Джалил хана⁵. Среди убитых был найден и труп Джалил-хана. Остальные ханы спаслись бегством с незначительной частью своих войск. Победителями были захвачены в плен более тысячи человек, много пушек, боеприпасов и других трофеев⁶. В этот же день кайтагцами была захвачена огромная сумма денег, присланная шаху из Индии в сопровождении специального отряда⁷. Спустя некоторое время недалеко от резиденции шамхала Тарковского была захвачена еще некоторая сумма шахских денег⁸.

Военные действия на территории Андалаяль начались одновременным нападением шахских отрядов на селение Согратль, Могёб, Обох и Чох⁹. Ахмед-ханом Мехтулинским были приняты необходимые для их обороны меры¹⁰. С ранним рассветом завязалась решительная битва¹¹. Прекрасно знавшие

---

1 А. Каяев. Указ. соч., стр. 169.

2 «Тарих», л. 220.

3 АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 375.

4 Там же, лл. 375—376.

5 «Тарих», л. 220.

6 Там же.

7 АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 387; Лерх. Указ. соч., стр. 82—85.

8 АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 378.

9 «Тарих», л. 220.

10 Там же.

11 Лакский эпос так описывает эту битву: «Громом огласились горные долины. Казалось небо валится на землю. То не гром гремел, низвергая ливень, а герои-горцы метали пули на вражескую рать, обрушиваясь на них свинцом. Крепко держа длинные пики, мчась на быстроногих скакунах и развевая по ветру индийские бурки, как орлы двинулись на врага отряды горцев. Цудахарский кремль сыпал огненные искры, как огонь лился на врага горячий свинец. От грохота глохли уши, от яркого пламени ослеплялись глаза, как будто ад извергал огненное пламя. Разгоралась кровавая битва, как будто небо сражалось с землей». (Эпос «Хан-Муртазали», стр. 19—20).

местность, дагестанцы то тут, то там истребляли шахские отряды, захватывали людей, обозы и лошадей¹, организовывали внезапные нападения на позиции врага, его аванпосты и даже совершали почные набеги на ставку самого шаха².

Со склонов гор в долины летели большие камни и разили насмерть скопления врагов. На каждой горе, на каждом холме, под склонами и под камнями, в долинах и ущельях, — всюду встречала смерть врага³. Положение экспедиционной армии Надира, находившейся в незнакомой местности, в окружении враждебного населения, становилось все более тяжелым⁴. Шахские отряды один за другим терпели поражение в селениях Согратль, Могоб, Обох и других местностях. На территории Андалаяль шах Надир одержал победу лишь в одном ауле (название этого аула не упоминается в документах), потеряв при этом две тысячи воинов. В осаде этого аула участвовал сам Надир, по приказу которого взятые в плен 200 человек, были тут же казнены⁵. Битва продолжалась на территории Андалаяль 5 дней. Наконец, Ахмед-хан, увидев, что шах пустил в бой все резервы, выступил во главе всех своих сил против него⁶.

Решающее значение имело для дагестанцев сражение при сел. Чох.

Вначале защитники его очутились в трудном положении из-за отсутствия пополнений. Но при помощи прибывшего подкрепления была одержана победа и здесь⁷. Как пишет Калушкин, Надир-шах потерял надежду выиграть войну еще тогда, когда он увидел, что в одном только Согратле он потерял огромное множество воинов. В Чохе же он окончательно убедился в том, что ему более нельзя оставаться на территории Андалаяля.

---

1 АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 355.

2 Там же.

3 «Покоренный Кавказ», 1905, стр. 158.

4 С. Кишмишев. Указ. соч., стр. 15.

5 АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, лл. 376—378.

6 «Тарих», л. 220.

7 «Из-за отсутствия пополнения, — говорится в горской легенде, — стали слабеть у горцев позиции. Надир в диком восторге предвкушал победу. Но вдруг он увидел, что к последним бойцам подоспели свежие силы. Это были их сестры, жены, матери и дочери, переодетые в мужские одежды. Они рука об руку со своими родными сломили силу напора врага. Вражеские войска разбежались беспорядочно, как испуганное стадо: позорно побежали закованные в железо афганцы, понеслись быстрее ланей силачи-мазандаранцы, покатались за ними курды, лазы, туркмены. — Шах-Надир не верил своим глазам и никак не мог распознать, злые духи или еще кто другой пришел на помощь дагестанцам. Он узнал, кто они, когда вслед позорно бегущим его воинам понесся радостный и звонкий хохот победивших горянок». («Покоренный Кавказ», стр. 158).

28 сентября 1741 года Надир ночью отправился из Аварии в обратный путь¹. Отступление было столь поспешно, что очевидцы совершенно справедливо называют его бегством. Отступавшие не успели захватить с собой даже свои богатства. Многие нагруженные верблюды и мулы, принадлежавшие самому шаху, были брошены².

Победители преследовали бегущую армию по пятам, настигая и заставляя ее обороняться на каждом шагу³. После каждой схватки в руках дагестанцев оказывались сотни пленных и огромная добыча. Нередко им удавалось вывозить своих земляков из шахского плена⁴. Особенные бедствия претерпели бегущие в одном узком и длинном проходе, название которого осталось нам неизвестным. Здесь дагестанцы едва не захватили самого шаха и его гарем⁵. Отступавшие шахские войска подвергались нападениям и со стороны населения покоренных районов, через которые они проходили. Так, например, в ущелье Капкай кайтагцы разбили отряд захватчиков не без участия уцмий Ахмед-хана⁶.

Калушкин называет поход в Аварию «бездельной потерей войск»⁷. Лишь в одном ауле Согратль шах потерял 5000 человек⁸. «Нигде, — писал Калушкин в своем донесении в Петербург, — не слышано потери стольких людей, богатств и оружия»⁹. Касаясь андалаяльского похода, Братищев писал, что шах здесь был «несчастно разбит»¹⁰. Даже личный секретарь шаха Мехди-хан Астрабади назвал андалаяльскую землю «областью несчастий», куда солдаты Надир-шаха пришли «в добычу врагам»¹¹. Автор хроники войны Джара писал, что шах вернулся с половиной своего войска, лишившись казны, имущества и почти всех вьючных животных¹². «Поражение, — писал своему двору Маркиз де-ла Шетарди из Петербурга, — было тем более значительно, что Кули-хан (Надир-шах) дал заманить себя в ловушку и попал в ущелье, где скрытые с двух сторон войска произвели ужасную резню над большею частью его армии»¹³.

1 Мехди-хан-Астрабади. Указ. соч., стр. 124—125.

2 АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 390.

3 Там же, л. 391—411; «Тарих», л. 221.

4 Там же, д. 7, л. 391.

5 Там же, л. 411—412.

6 Бакиханов. Указ. соч., стр. 121.

7 АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 329.

8 «Тарих», л. 220.

9 АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 413.

10 Братищев. Известия о происходивших между шахом Надиром и старшим его сыном печальных происшестввах в 1741—1742 гг. СПб, 1763 г., стр. 35.

11 Мехди-хан-Астрабади. Указ. соч., ч. II, стр. 126.

12 «Хроника». Указ. соч., стр. 36.

13 «Сборник император. русского исторического общества», т. 85, Петербург, 1893, стр. 579—580.

По подсчету Калущкина (на основании рапортов командиров отрядов шаху) близ Дербента число захваченных в плен, убитых и раненых, совершенно вышедших из строя людей, в армии шаха доходило до 42278 человек. Было потеряно пушек малых и больших — 79, верблюдов, мулов и лошадей 33280. Кроме всего этого, дагестанцам досталось огромное количество золотых, серебряных вещей и денег¹. Шах плакал от злости и бранил бога. Особенно он негодовал, когда получил с гор письмо, полное иронии и издевательств².

Весть об этой победе молниеносно распространилась среди народов Дагестана. Для них эта победа имела важное значение. Она укрепила их моральное состояние, воодушевила и породила уверенность в успехе борьбы. Не удивительно, что после этого произошло восстание и во многих других районах Дагестана, которые считались «покоренными» шахом. Всюду повстанцы нападали на гарнизоны вражеских укреплений, истребляли отряды, захватывали иранских чиновников и их местных пособников.

Таким образом, самонадеянный план шаха одним ударом покорить Дагестан и использовать его в качестве плацдарма для осуществления своих авантюристических замыслов против России потерпел полный крах.

Это понудило шаха отказаться от первоначальной тактики и перейти к тактике затяжной войны, преследующей цель поражения Дагестана методом постепенного измора и истощения.

---

¹ АВВР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, лл. 415—416.

² «Ты упрекаешь меня, — писал аварский хан шаху, — в том, что я не явился к тебе на поклон. Я воздержался от этого потому, что ожидал твоего прибытия к себе, чтобы принять и проводить тебя по нашему дикому горскому обычаю. Я слышал, что между тобою и нашими пастухами произошла драка (имеется в виду сражение на территории Андалая — А. Т.). Уверяю тебя, что наши добрые воины не участвовали в этом, и я не мог бы допустить этого, ибо драться с пастушьим сыном подобает лишь пастухам (намекается на незнатность происхождения шаха — по некоторым данным его отец был пастухом — А. Т.). Именно поэтому, увидев, что в руках наших пастухов огромное количество персидских баб, пленных верблюдов, мул, лошадей и драгоценностей, наши добрые воины обвиняют меня в том, что им ничего не досталось. Для чего ты пришел к нам в горы и оставил здесь столько богатства? Не мы же имели дело с твоим братом (речь идет об Ибрагим-хане, о судьбе которого было сказано в начале статьи — А. Т.), его убили джарфы. Он был человек такой же бешеный, как ты, и потерял свою голову в горах. Я советую тебе, иди скорее назад в Иран и больше не приходи к нам, а то мы тебя пошлем в пекло, чтобы ты мог там найти своего брата. Правда, мы слышали о твоих великих делах и в начале опасались тебя. Но твоя слава миновала. Теперь тебе самому видно, что ты не такой страшный человек, чтобы нельзя было справиться с тобой» (приводится с некоторыми сокращениями). АВВР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 410.

Отступив в район Дербента и готовясь к затяжной войне, Надир занялся возведением укреплений и сторожевых постов вдоль предгорья. Для своей ставки он построил к северу от Дербента во владениях уцмья кайтагского большую крепость с высокими валами и башнями¹, назвав ее в знак своей решимости или завоевать Дагестан или погубить Иран — «Иран-хараб» (Разрушение Ирана). Здесь он сосредотачивал запасы провианта из многих районов своей монархии². Сюда же стекались рекруты, набираемые им в различных провинциях³. Шахом были разосланы в провинциальные города указы, предписывавшие гарнизонам находиться наготове с тем, чтобы направиться в Дагестан⁴. Он распорядился собрать в его владениях 9 миллионов рублей⁵. Как свидетельствуют современники, шаху удалось пополнить свою армию, и в его лагере всего было в изобилии⁶.

Из своих укреплений шахские отряды совершали неожиданные разбойничьи набеги на Табасаран, Кайтаг, Аварию, на даргинские, лезгинские и кумыкские аулы⁷. В этих набегах они пытались не столько уничтожить посеы, сады, разрушать жилища и угонять скот, сколько истреблять местное население. Шах намеревался всем этим разрушить экономику страны, чтобы тем самым сломить, наконец, сопротивление дагестанцев.

Ободренные одержанными успехами, дагестанцы оказывали шахским отрядам все возрастающее сопротивление. В первые же дни после отступления шаха из гор 5 тысяч табасаранцев атаковали крепость Кабир и истребили 2000 человек из восьмитысячного гарнизона, а остальных вынудили бежать⁸. В другом месте 5000 дагестанцев взяли верх над 14-тысячным шахским отрядом и захватили тысячи пленных⁹. Постоянным набегом подвергали дагестанцы окрестности Дербента, угоняли скот и захватывали людей¹⁰. Все более чувствительными становились налеты кайтагцев. На лагерь шаха совершали лихие набеги даже эндирейские и аксайские

¹ Братищев. «Русский архив», 1889, № 3, стр. 43; «Тарих», стр. 221; Лерх. Указ. соч., стр. 82.

² Мехди-хан Астрабади. Указ. соч., ч. II, стр. 127.

³ «Хроника», стр. 37.

⁴ АВГР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., л. 7, л. 410.

⁵ С. Соловьев. Указ. соч. к V, ст. 83.

⁶ Мехди-хан Астрабади. Указ. соч., ч. II, стр. 129.

⁷ Алкадарн. Асари Дагестан, Махачкала, 1929, стр. 72; Минорский. Указ. соч., стр. 28.

⁸ АВГР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., л. 7, л. 433.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 335.

кумыки¹. Дагестанцы постоянно тревожили гарнизоны крепостей, истребляли проходящие отряды врага, захватывали провиант и лошадей².

Жаркие схватки почти всегда кончались неудачей для шаха. В конце октября 1741 г. шах послал в один аул, окруженный лесом, большой отряд. Жители впустили неприятеля в аул без сопротивления. При этом большинство жителей отступило в лес. Когда же враги занялись грабежом, забыв поставить охрану, и уже приступили к навьючиванию пограбленного добра, жители аула разрушили мост и ударили по грабителям. Грабители, бросив навьюченных лошадей и мулов, кинулись бежать, но были встречены огнем поджидавших их жителей около разрушенного моста. Лишь немногим грабителям удалось спастись, часть из них утонула³. Посланный шахом карательный отряд был уничтожен жителями этого аула в лесу. Только одного солдата отпустили для извещения шаха о полном уничтожении этого второго отряда. Жителями того же аула был полностью уничтожен и третий отряд захватчиков⁴.

В мае 1742 года Надир во главе 30-тысячного войска трижды обрушивался на Табасаран, но каждый раз отступал с большим уроном⁵. В том же году шах со своей армией двинулся на север и, достигнув района Тарки, разделил ее на два отряда. Один отряд под командой самого шаха пошел в Аварию. Второй отряд был направлен против засулакских кумыков. Но, поскольку районы, где жили эти кумыки, входили в состав русского государства и поскольку русское правительство твердо напомнило шаху, что согласно договору 1735 года река Сулак признана границей русского и иранского государства, этому отряду пришлось отказаться от своих намерений⁶. Без всякого успеха вернулся и другой отряд из Аварии.

В августе Надир вновь отправил в Аварию шеститысячный отряд, которому удалось было пробраться в аварские горы, но в конце концов и этот отряд оказался изгнанным «с немалым уроном»⁷.

¹ Братищев. Указ. соч., стр. 387.

² АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 477; «Тарих», л. 221; И. Лерх. Указ. соч., стр. 46—48.

³ АВПР, ф. «Снош. России с Персией». 1741 г., д. 7, л. 452.

⁴ Там же, л. 464.

⁵ Мехди-хан Астрабади. Указ. соч., ч. II, стр. 134; Бакниханов. Указ. соч., стр. 122; Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 213.

⁶ Мехди-хан Астрабади. Указ. соч., стр. 186; Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 214.

⁷ П. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 215.

В сентябре сам шах с войском, снабженным топорами, отправился в Аварию. Однако, и эта операция не принесла ему успеха¹. В ноябре того же года в верховьях реки Дарбах шах был снова разбит и вернулся с тяжелыми потерями².

Единственный успех шаха за время его пребывания на плоскости заключался в овладении им укрепления Кала-и-Курейш. Однажды он вместе с Сурхай-ханом и Шамхалом Хас-Булатом направился против этого укрепления и осадил его. Но кайтагцы оказывали превосходящим силам шаха героический отпор. В течение нескольких недель осаждающие упорно пытались овладеть крепостью. Но попытки эти не увенчались успехом. Шах вынужден был отбросить свое обычное высокомерие и начать переговоры с защитниками крепости, стараясь «ласково уговорить их на добровольную сдачу крепости». Он «милостиво» обещал им не требовать у них хлебных запасов, не переселять их в Иран и не налагать на них никаких податей. Шах требовал лишь в знак подданства аманатов (заложников)³. Кайтагцы не хотели и слушать посланцев шаха, но, в конце концов, по уговору старшин все же приняли условия, предложенные шахом.

В остальных случаях шах Надир терпел поражение за поражением. Калушкин не без иронии писал, что сабли шаха заржавели от влажного воздуха Дагестана⁴.

В ходе изнурительной борьбы дагестанцы не раз пытались заручиться поддержкой России. «Мы, — писали дагестанцы в Кизляр, — посылаем наших выбранных от имени всего народа, умоляя... чтобы ее императорское величество приняла нас под свое могучее покровительство»⁵. В 1742—1743 гг. Братыщев и Долгорукий писали в Петербург, что дагестанские владельцы и старшины твердо намерены стать верными подданными России и с нетерпением ждут того дня, когда русские войска придут в движение против шахской армии, с тем, чтобы совместными усилиями изгнать ее из своих земель⁶.

Однако в тогдашней международной обстановке не в интересах России было нарушение условий договора 1735 года с Ираном. Провоцировавшая войну Швеции с Россией французская дипломатия, в целях отвлечения части русской армии, прилагала усилия для того, чтобы натравить Иран против

¹ П. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 215.

² Мехди-хан-Астрабади. Указ. соч., ч. III, стр. 127; Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 217—218.

³ Братыщев. Указ. соч., стр. 370; Минорский. Указ. соч., стр. 28.

⁴ АВПР. ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, лл. 454—455.

⁵ ЦГАДА, ф. 15, д. 65, л. 3—4; Братыщев. Указ. соч., стр. 363.

⁶ Бутков. Указ. соч., стр. 379; Ханвай. Указ. соч., стр. 411; Братышев. Указ. соч., стр. 383.

русского государства¹. Она старалась убедить шаха в том, что восстание 1737 г. в Дагестане — результат козней русского двора. При этом французы и шведы усиливали и при турецком дворе антирусскую интригу². Они надеялись объединить Турцию с Ираном против России³.

С другой стороны, агент английской торговой компании Эльтон не без санкции английского двора старался убедить шаха в легкости расправы с русскими и строил для шаха на Каспийском море корабли, первой обязанностью которых он считал «переброску войск на русскую сторону»⁴.

В таких условиях в интересах России было остаться верной договору 1735 года, тем более, что Иран, держа Турцию под угрозой с востока, лишил ее возможностей вмешательства в европейские дела. Как сказано выше, русское правительство было хорошо информировано относительно основной цели кампании 1741 года. Тем не менее оно надеялось избежать войну с Ираном и использовать шаха в интересах русского государства против Турции. Вы должны, — писали из Петербурга Калушкину, — стараться всеми средствами войти в кредит у шаха Надира⁵.

Приняв необходимые меры предосторожности на границах⁶, русское правительство не спешило с помощью дагестанцам даже тогда, когда обнаружились явные признаки вероломства шаха в отношении России⁷. Россия могла остаться верной этой своей политике, тем более, что Надир-шах терпел в Дагестане поражение за поражением.

Неудачи в борьбе с дагестанцами выводили из себя Надир-шаха. Озлобленный шах, по словам Калушкина, иногда заставлял остатки своих же отрядов, возвращающихся без успеха из набегов сражаться между собою и истреблять друг друга до последнего солдата⁸. «Хотя счастье и покидает меня, —

¹ Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 211.

² АВПР, ф. «Снош. России с Турцией», 1742 г., д. 5, л. 356.

³ Сильно обеспокоенные усилением шаха Надира, турки, готовясь к войне 1743 г. (договор 1736 г. не был ратифицирован), с интересом и сочувствием следили за героической борьбой дагестанцев против Надира и оказывали им возможную денежную помощь (АВПР, ф. «Снош. России с Турцией», 1741 г., д. 7, л. 77, 364—365; д. 5, л. 116; Ахмед-Рахим. Указ. соч., т. II, стр. 432; Акты Кавказ. археограф. комиссии, т. II, допол. к I тому, № 8, стр. 1081—1082, см. и № 7, стр. 1080; Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 228—230).

⁴ С. Соловьев. Указ. соч., кн. V, стр. 202.

⁵ Там же, стр. 84.

⁶ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», д. 3, л. 22; С. Соловьев. Указ. соч., кн. V, стр. 200—202; Бутков. Указ. соч., стр. 212, 222—225.

⁷ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 285; Санкт-Петербургские ведомости, 1743, № 22.

⁸ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, л. 467.

кричал он, — но я, вопреки судьбе овладею Дагестаном»¹. В другой раз он заявлял, что или сам пропадет и погубит свое войско, или же добьется того, что весь Дагестан будет превращен в пепел. Шах прилагал все усилия к тому, чтобы поддержать свою славу завоевателя. Однако все его последующие операции проходили под знаком постоянных поражений. Однажды в Табасаране сам Надир-шах чуть не поплатился жизнью. Лишь спустившись в ров, он спасся от меткой пули дагестанского воина².

Наступила суровая зима, начался голод. Среди воинов шахской армии свирепствовали различные болезни³. Надир не мог прокормить свою армию за счет бедных местных ресурсов. Этого не допускали и сами хозяева страны.

Надиру нельзя было рассчитывать на обеспечение своей армии продовольствием за счет своих разоренных владений⁴. Нелегко было и перебрасывать продовольствие в Дагестан из Ирана. В то же время попытки шаха палатить снабжение своей армии при помощи России, также не дали положительных результатов⁵. Солдаты шахской армии питались трупами лошадей, верблюдов и мулов. Наблюдались даже факты людоедства⁶. В лагере шаха люди падали от голода, холода, от пуль и кинжалов дагестанцев.

Дисциплина падала в армии шаха с каждым днем. Надир приказывал выкалывать глаза участникам «беспорядков». По Дагестану и Азербайджану толпами бродили ослепленные иранские воины⁷.

Но самым страшным для Надира было дезертирство солдат из его армии, их переход на сторону дагестанцев. «Ни единый человек, — свидетельствует Братищев, — не имеет ревности упражняться в войне». Даже «ближайшие его (шаха) фавориты, военные командиры, статские люди и служивые персияне... только вид верности шаху отдают, а внутренне все ему гибели желают...»⁸. Внимательно следившие за ходом борьбы шаха Надира с дагестанцами русские резиденты Калушкин и Братищев предсказывали, что он «потеряет свое войско, и сам пропадет, нежели покорит дагестанцев»⁹.

В конце концов самонадеянный шах Надир, желавший одним ударом поставить дагестанцев на колени и тем разре-

¹ С. Соловьев. Указ. соч., кн. V, стр. 86—87.

² Бутков. Указ. соч., ч. 1, стр. 213.

³ Там же, стр. 226—227.

⁴ Ханвай. Указ. соч., стр. 409; Бутков. Указ. соч., стр. 375.

⁵ Братищев. Указ. соч., стр. 387; Бутков. Указ. соч., ч. 1, стр. 221.

⁶ Бутков. Указ. соч., ч. 1, стр. 226—227.

⁷ Н. Лерх. Указ. соч., стр. 92.

⁸ Братищев. Указ. соч., стр. 381.

⁹ АВПР, ф. «Снош. России с Персией», 1741 г., д. 7, лл. 318, 456.

шить свои задачи в Дагестане, на горьком опыте убедился в тщетности своих усилий. Испытанный им в Индии, Афганистане и других странах метод террора, жестокой карательной политики, на дагестанской почве оказался недейственным. Как пишет Д. Ханвай, шах встретил в Дагестане народ сильный, крепкий, закаленный и непобедимый¹. Пытаясь сломить дух сопротивления дагестанцев, шах лишь вызвал их ожесточение, ярость и тем самым усилил их отпор. Опьяненный своими прежними военными удачами, Надир недооценивал силу сопротивления народов Дагестана. Рассчитывая на легкость расправы с малочисленным и разрозненным населением Дагестана, он повторил ошибку ряда прежних завосвателей.

В октябре 1742 года шах прекратил военные действия в Дагестане. «Понеже, — писал Братищев, — шах в Дагестан более входить не хочет и токмо ищет дачею денег и кафтанами уронить дело с лезгинцами (дагестанцами)»². Теперь шах старался привлечь дагестанцев на свою сторону путем применения «коротких, ласкательных» средств³. Им был выделен специальный фонд для подкупа старшин общества и феодалов.

Надир посылал специальных людей в различные районы Дагестана для агитации среди главарей обществ и феодалов с целью их привлечения на сторону Ирана. Подкупая их, раздавал титулы, кафтаны, деньги, халаты. В частности, Ахмедхану Кайтагскому было предложено принять на себя главенство над всеми дагестанскими феодалами. Как уже отмечалось выше, подобным методом шаху в свое время удалось «покорить» крепость Кала — и — Курейш, чего он не был в состоянии добиться силою оружия.

Именно подобный прием приобретает теперь широкое распространение и становится характерным для политики шаха Надира в отношении дагестанцев. Он требовал от дагестанцев лишь аманатов. Шах уже отказался от дани и не требовал людей для пополнения своей армии⁴. Также не думал он теперь о переселении кого-либо из дагестанцев в Иран⁵. Мало того, он примирился с отказом поставлять хлеб даже со стороны жителей тех аулов, которые считались его верными подданными.

Характерно отношение шаха к жителям сел. Тарки, резиденции шамхала Хас-Булата. Шах несколько раз посылал к тарковцам сборщиков хлебных запасов, но тарковцы со дня

¹ Ханвай. Указ. соч., стр. 380—381.

² Братищев. Указ. соч., стр. 380—381.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 381.

⁵ Там же.

на день откладывали выполнение этого требования, ссылаясь на то, что «на них оно много наложено» и, что «от недо-родов хлебов столько поставлять не в состоянии»¹. Но не по-могло и сокращение паложенной на них дани². В конце кон-цов тарковцы отправили сборщика палогов в шахский лагерь с прямым отказом, мотивируя его тем, что «им самим себя прокормить не без трудности»³. Такие случаи прямого отказа и «ослушания» оставались теперь не только безнаказанными со стороны шаха, но и обходились молчанием, как недостой-ные внимания, в то время как армия Надира испытывала острый недостаток в провианте.

Все это говорит о том, что шах Надир в силу обстоя-тельств вынужден был переменить прежнюю тактику насиль-ственных мер и перейти к политике прежних шахов: не вмешиваясь во внутренние дела Дагестана и отпуская из го-сударственной казны отдельным феодалам и старшинам обществ денежные средства, привлекать их на свою сторону, ставить их хотя бы в формальную от себя зависимость и использовать Дагестан в своих интересах.

Удалось ли шаху Надиру разрешить в Дагестане хотя бы такую скромную задачу? Разумеется нет. Даже те из даге-станцев, которые переходили на сторону шаха, «льстясь на его кафтаны и деньги» оказывали ему лишь явно притворное послушание. При первой же возможности они истребляли иранцев⁴. Теперь оказывали шаху Надиру лишь показную верность даже такие его ярые сторонники, как например, шамхал Хас-Булат. Тайно связавшись с кизлярским комен-дантом, он с «жадностью добивался» принятия его в русское подданство⁵.

Кампания шаха Надира 1741—1743 гг. потерпела в Даге-стане позорный провал. Ему не удалось достигнуть не только своих сумасбродных целей, но и даже того, чего достигали его предшественники. В такой обстановке, когда шаху Нади-ру не удалось не только укрепить свое положение в Дагеста-не, но и привести местные народы хотя бы к формальной зависимости от Ирана, и когда оказалось, что его армия пришла к распаду, — уже не могло быть и речи о вторжении в Россию. Не удивительно, что на военном совете шаха было решено, что, пока дагестанцы не покорены, воздержаться от вторжения в пределы русского государства. Таким образом, лишь в силу обстоятельств кампания 1741 года стала только дагестанской.

¹ Там же, стр. 371.

² Там же.

³ Б р а т и щ е в. Указ. соч., стр. 371.

⁴ Там же, стр. 380.

⁵ ЦГАДА, разр. 15, д. 64, л. 3—4.

«Довольно показуется, — пишет Братищев, — гнилые плоды действий его (шаха), что через два года ничего в дагестанской стороне достигнуть не мог, кроме что государство свое подорвал, народ (иранский) истомил, войска растерял и остальное крайне изнурил»¹. «Через долговременное свое пребывание на Кавказе, — говорит Лерх, — ничего он (шах) не учинил, но разорил только свое войско, да и через то славу, приобретенную им через завоевание монгольского царства (Индии), довольно затмил»². В результате многих бесплодных попыток..., — говорит Ханвай, — Надир, этот могущественный завоеватель, оказался в таком плохом состоянии, что остатки его расстроенного войска... должны были дезертировать или погибнуть»³. Даже наследный принц Риза-кули-Мирза перед казнью назвал отца безумцем, который «растерял и истребил и крайне изнурил свою армию в Дагестане и ничего не мог достигнуть»⁴. О масштабах бедствий, постигших шаха в Дагестане, говорит и тот факт, что место, где завершился провал дагестанского нашествия 1741—1743 годов стал называться «Иран-хараб», т. е. «гибель Ирана».

Несмотря на все это, готовясь к отступлению из Дагестана, шах заявлял в кругу своих военачальников, что «в Дагестане более дела нет», ибо-де «дагестанцы истреблены, а которые остались, то от опустошения их жилищ, скитаясь по горам, от голода сами погибнут»⁵. Ту же самую мысль услужливо отражал в своей «истории» и соратник шаха, Мехди-хан-Астрабади. Он писал, что все ущелье Дагестана истоптаны скаковыми лошадьми завоевателей и что доблестные герои наказали дагестанцев и страна приведена в состояние порядка и покорности⁶. На самом же деле за шахом числился в Дагестане лишь город Дербент с прилегающей территорией.

15 февраля 1743 года шах ухватился за представившийся ему случай начать менее трудную войну, которая могла бы поддержать его престиж завоевателя. С уцелевшим воинством он отправился на юг⁷, чтобы разрешить якобы более важную задачу в борьбе с Турцией, где он лишь еще раз продемонстрировал падение своей мощи.

Значение битв 1741—1743 годов в Дагестане было велико и выходит за пределы истории страны. Успешная борьба народов Дагестана ослабила военную машину шаха, облегчила

1 Братищев. Указ. соч., стр. 374—381.

2 Лерх. Указ. соч., стр. 87.

3 Ханвай. Указ. соч., стр. 210.

4 Братищев. Указ. соч., стр. 389.

5 Там же, стр. 378.

6 Мехди-хан-Астрабади. Указ. соч., стр. 134.

7 ЦГАДА, разр. 15, д. 65, л. 2; Бутков. Указ. соч., ч. 1, стр. 226.

борьбу поработанных им народов и показала им, что «грозу вселенной» можно победить. Участвовавшие восстания в его владениях — в Грузии, Хорезме, Туркмении, Азербайджане, Форсе и в других районах говорит о том, как был воспринят здесь успех дагестанцев. В Петербурге и в Константинополе живо следили за ходом этой борьбы, интересовались ею также в Стокгольме и Париже. Из этого можно заключить, что борьба народов Дагестана имела широкое международное значение.

* *

*

В достижении успеха в борьбе малочисленных и разрозненных дагестанцев с громадной армией шаха Надира важное значение имели возросшее среди них сознание преимущества объединенных усилий, их храбрость и отвага, умелое использование ими природных особенностей своей страны, своеобразная тактика войны. Наибольшее значение в провале дагестанской кампании шаха Надира 1741—1743 гг. имела любовь дагестанцев к свободе и родине и их глубокая убежденность в справедливости своей борьбы.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОБ ОДНОМ ПАМЯТНИКЕ ПО ИСТОРИИ АВАРИИ XVII ВЕКА

Научная разработка вопросов обычного права народов Дагестана имеет первостепенное значение для изучения истории и этнографии Дагестана, в частности для раскрытия специфики феодальных отношений. В связи с малочисленностью письменных источников по истории Дагестана адаты приобретают значение важнейших исторических источников.

Особенно ценны для исследователя наиболее древние адаты, изучение которых может пролить свет на освещение ряда важных вопросов периода становления и развития феодализма в Дагестане.

Большинство адатов, действовавших в Дагестане, было собрано и опубликовано в XIX в. Публикация дагестанских адатов производилась и советскими учеными. В частности, следует отметить работу, проделанную доктором исторических наук Х. О. Хашаевым по выявлению и публикации рукописей адатов, запись которых осуществлена еще в XVI—XVII вв. Кроме кодекса Умма-хана, который служит объектом нашего изучения, Х. О. Хашаев совместно с М. С. Саидовым перевел и издал адаты Гидатлинского «вольного» общества.

В советской исторической литературе работ, посвященных исследованию указанного памятника, нет, если не считать одну из глав «Очерков истории Дагестана», в которой дается краткий анализ отдельных статей кодекса.

Для полноты анализа кодекса Умма-хана необходимо кратко охарактеризовать социально-экономическую и политическую обстановку в Аварии в период возникновения этого историко-правового памятника.

В XVI—XVII вв., в противовес феодальной раздробленности, которая в соседнем Казикумухском шамхальстве разви-

валась все больше и больше, в Аварии наблюдается процесс централизации и укрепления политической власти хана. Аварские ханы, в период захватнических нашествий Турции и Персии на Дагестан, сумели не только сохранить независимость своих владений, но и распространить свое влияние на другие общества. Ослабление шамхальства дало аварским ханам возможность расширить свои владения не только в Аварии, но и за ее пределами. Воспользовавшись убийством ханами Эндери гумбетовского и аргунского беков, аварские владельцы захватили нижнюю часть Мичигича, Чечен-шали, Герменчук-шали, Атагу и другие населенные пункты¹.

Вместе с джаро-белоканцами аварские ханы предпринимали военные походы, что способствовало накоплению богатств в их руках. Усиление аварского ханства привело к тому, что соседние грузинские цари стали искать пути сближения сего правителями. Необходимость такого сближения была вызвана экономическими и политическими соображениями. В связи с налаживанием торговых отношений с Россией перед грузинскими царями встал вопрос о наиболее безопасном и близком торговом пути из Грузии в Россию. Самым удобным путем грузины считали путь, пролегающий по территории Аварии².

Паряду с усилением власти и могущества аварских ханов, происходят сдвиги и в социальном строе аварского ханства. С ростом феодальной собственности на землю наблюдается интенсификация феодальной эксплуатации свободного и зависимого крестьянства. Аварские ханы все больше и больше стремятся узурпировать традиционные права и свободы аварских общин.

На этой почве происходит усиление классовых противоречий. Сельские общества стремятся не только отстоять свои земли от захвата феодалами, но и восстановить былые адаты. В свою очередь феодальные владельцы также добиваются утверждения установившихся к этому времени феодальных порядков. Это и явилось одной из главных причин, вызвавших необходимость кодификации правовых обычаев и установления некоторых новых адатов, отвечающих интересам феодальной политической власти. Сборник, в котором записаны эти правовые обычаи, получил название кодекса Умма-хана Аварского.

В настоящей статье делается попытка дать историко-правовую характеристику этого замечательного памятника истории Аварии.

Кодекс законов Умма-хана Аварского издан в 1948 г. Х. О. Хашаевым. Составление кодекса Х. О. Хашаев относит

¹ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 90.

² Русские писатели о Грузии. М., 1948, стр. 20.

к концу XVI или началу XVII века, так как в найденном экземпляре, написанном на арабском языке, имеется указание, что составитель его Умма-хан умер в 1634 г.

О существовании кодекса Умма-хана было известно еще в XIX в. русским ученым А. В. Комарову, Ф. И. Леонтовичу и М. М. Ковалевскому, о чем имеются упоминания в их трудах. М. М. Ковалевский писал: «Гораздо раньше его (сборника Рустем-хана — авт.) возник не дошедший до нас сборник адатов аварского народа, рукописи которого, по словам генерала Комарова, ходили еще по рукам во времена Шамиля. Предание приписывает его составление Омар-хану Аварскому, умершему в 1082 г»¹.

Х. О. Хашаев считает вероятным, что дата смерти Умма-хана, названная учеными арабистами приблизительно по хиджри, была воспринята М. М. Ковалевским как дата христианского летоисчисления. Нужно иметь в виду, что данная дата хронологически не совпадает с датой смерти Умма-хана (1634 г.), т. к. в переводе ее на христианское летоисчисление получается 1671—1672 гг.

Обнаруженная рукопись на арабском языке не имела деления на главы и статьи. Х. О. Хашаев для удобства пользования кодексом расположил текст по статьям, сохранив при этом порядок изложения материала.

Публикация имеет и некоторые недостатки. К статьям кодекса не даны необходимые примечания и комментарии. Seriously затрудняет работу над источником не всегда удачный перевод местных терминов на русский язык. В частности, во многих статьях кодекса указывается, что часть штрафов по уголовным преступлениям и гражданским правонарушениям должна поступать в пользу «воеводства». Остается непонятным, какие органы власти следует подразумевать под термином «воеводство» — центральную власть или общинную администрацию.

Тем не менее, учитывая крайнюю недостаточность письменных источников по истории Дагестана этого периода, нельзя не признать важность и ценность издания кодекса Умма-хана и с отмеченными нами пробелами.

Как и всякий ранний памятник права, кодекс Умма-хана включает в себя разновременные пласты правовых норм. Правильно отмечал М. М. Ковалевский, что «древнейшие своды не дошли до нас в их первоначальной редакции. Множество разновременных вставок, глосс, толкований и извращений постепенно были внесены в дошедшие до нас тексты под влиянием и по мере юридического развития народа. Вы-

¹ М. Ковалевский. Историко-сравнительный метод в юриспруденции. М., 1880, стр. 62.

делить эти позднейшие вставки путем не одной лишь внешней критики (критики самого текста), но и путем критики внутренней (критики заключающегося в тексте содержания) — такова первая задача всякого мало-мальски научного изучения древнейших памятников законодательства»¹.

Первые тридцать статей кодекса Умма-хана регламентируют наказания за членовредительство. Предусматриваются наказания за нанесение ранений и увечий многочисленных видов. Размер взысканий определен в зависимости от тяжести нанесенного увечья. При этом размеры композиций исключительно высоки. Так, например, за отрубание пальца было установлено взыскание 15 овец, за выбитие зуба — 10 овец.

При нанесении ранения размер взысканий определялся в зависимости от длины и ширины раны. Рана при этом измерялась, как указано в тексте, пальцами средней толщины. В ст. 18 установлено: «Если кто-либо нанес кому-либо колотое несквозное ранение, то рана измеряется пальцами средней толщины в ширину, и за каждый палец ширины раны с виновного взыскивается по одной овце. Чем больше количество пальцев требуется для измерения раны, тем больше число овец, подлежащих взысканию».

Штраф уплачивается потерпевшему, но большинство других норм кодекса предусматривают штраф в пользу общества или центральной власти.

В предисловии к кодексу Х. О. Хашаев пишет: «Высокие штрафы объясняются тем, что они выплачивались не отдельным лицом, а коллективом, родовой или сельской общиной. Узы родства в период Умма-хана были чрезвычайно сильны, круговая порука не только тухума, но и сельской общины была непреложным законом. Родственники должны были отвечать за своих сородичей»².

Автору следовало бы подчеркнуть, что узы родства и круговая порука в период Умма-хана действовали в такой степени не потому, что существовали соответствующие экономические предпосылки. К этому времени, как свидетельствуют источники, экономическое единство тухума было подорвано. Тухум перестал быть родовой ячейкой, характерной для первобытно-общинного строя. Наличие в обществе этих порядков основывалось на силе традиции, проявлявшейся заметнее всего в пережиточных формах бывшего идеологического единства тухума. Несомненно, что в период правления Умма-хана характер ответственности за увечья и ранения подвергся

¹ М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 62.

² Кодекс законов Умма-хана Аварского (Справедливого). М., 1948, стр. 5.

существенным изменениям, прежде всего по линии уменьшения размера штрафов с виновного, так как с ослаблением родственных связей шел процесс все большей индивидуализации ответственности. Имущественный вред возмещался уже не родовыми коллективами, а значительно меньшим кругом близких родственников, составляющих патриархальную семью и подчиненных отцовской власти главы семьи.

Это положение находит свое подтверждение в кодексе Умма-хана. Поэтому мы полагаем, что первые тридцать статей кодекса о членовредительных деликтах являются древнейшими адатами аварцев. Сопоставление этих статей и, особенно, их санкций, с другими нормами кодекса позволяет предполагать, что указанные первые тридцать статей кодекса в период Умма-хана предусматривали штраф не таких крупных размеров, как это указано в тексте.

Процесс индивидуализации, тесно связанный с распадением большой патриархальной семьи, отразился и на регулировании кровной мести. В кодексе Умма-хана сделаны попытки в известной мере ограничить ее применение. Месть могла быть заменена выкупом, родственники убийцы должны были вносить определенное вознаграждение, называемое, как и в мусульманском праве, диятом¹. Размер дията в кодексе не указан.

Характерно, что в кодексе запрещено очное примирение по убийству до истечения 10 дней. Убийца был обязан на 10 дней уйти из аула. В отсутствие убийцы принимались меры к примирению кровников. Если стороны приходили к соглашению, виновный мог возвратиться в аул для совершения обряда очного примирения.

Кодекс Умма-хана устанавливал определенный срок уплаты дията, при нарушении которого за каждый просроченный день с виновного взыскивалось по одной овце. Дият принимался лицами, назначенными администрацией джамаата. В ст. 39 говорится: «Дият принимают 6 справедливых человек, назначенных воеводством».

Далее, кодекс Умма-хана устанавливает ответственность родственников убитого, если кровник будет убит ими после того, как ему разрешили жить в своем ауле.

Кровная месть в Аварии могла быть применена лишь к самому убийце. Мести не подлежали подстрекатели и пособники. Кроме того, родственники убитого не могли по своему усмотрению признавать убийцей кого-либо из участвовавших

---

¹ Дият — арабское слово, означающее плату за кровь, выкуп за убитого.

в драке. Важным изменением являлось также и то обстоятельство, что в канлы назначался только один убийца (см. статьи 37, 41, 42, 43).

Таким образом, самоуправство по кровным делам ограничивалось предписаниями, направленными на регулирование кровной мести. Определенная регламентация обычая кровной мести в отношении убийцы и его родственников говорит о том, что в Аварии в XVII веке центральная власть достаточно окрепла и могла противодействовать самоуправству тухумов в применении кровной мести. Эта же тенденция проявляется и в применении другого института патриархального строя — т. н. ишкиля — обычая самоуправного захвата имущества ответчика.

Применение ишкиля по кодексу Умма-хана было в значительной мере ограничено, в частности, запрещался самоуправный захват имущества из дома ответчика. В ст. 59 кодекса говорится: «Если кто самоуправно, насильственно войдет в дом другого и возьмет что-нибудь, то с виновного взыскивается то, что он забрал и, кроме того, штраф для воеводства хана — одна овца, а если же он ничего не забрал, а только вошел в дом, то взыскивается только штраф — одна овца. Если в этом принимали участие многие, то с каждого участника также взыскивается по одной овце штрафа, ежедневно окончания спора». Характерно, что взятое имущество рассматривалось как залог до разрешения тяжбы и поэтому захват его должен был быть санкционирован администрацией.

Следует отметить, что в кодексе Умма-хана предусмотрена пеня за невозврат долга до применения ишкиля. «Если должник не возвращает долг в установленный срок до применения к нему ишкиля, то на него возлагается пени, так, например, если один ратал¹ чего-либо в течение года просрочил, то должен вернуть полтора ратала, если къали², то полтора къали, если 20 копеек (абас), то вернуть абас и 1 драхм³ (30 копеек)».

В отношении взятия ишкиля у должника из «другого края» (так сказано в тексте) прямо предусмотрено, что истец должен сперва обратиться к своей администрации, и если она направила его в другой край за долгом, то там также обратиться к администрации. Лишь после отказа в удовлетворении иска он имел право держать ишкиль.

В кодексе специально установлено, что в случае самоуправного ишкиля у лица из другого края, местная администрация после обращения к ней заинтересованного лица обязана

¹ Ратал — мера веса, равная 6½ фунтам.

² Къали — мера измерения, равная приблизительно 18 кг.

³ Драхм — десятикопеечная монета.

была взыскать стоимость насильственно захваченного имущества и, кроме того, подвергнуть виновного штрафу в один ратал меди¹. В одной из статей указано: «Если кто продает что-либо человеку, у которого нет никакого имущества, то запрещается взыскивать его долг с его родственников».

Существование этой нормы с несомненной очевидностью свидетельствует о том, что во многих аварских обществах в рассматриваемый период налицо было экономическое и социальное неравенство населения, что и вызвало появление института долговой кабалы. К сожалению, кодекс не дает нам указаний о том, как возмещался долг, если должник не был в состоянии уплатить его. Из документов последующего времени можно установить, что если должник оказывался не состоятельным, то все его имущество делилось между его кредиторами пропорционально долговой сумме и затем кредиторам предоставлялось право секвестровать имущество должника. А если имущества должника не хватало для возмещения, то он обязан был погашать долг разнообразными работами в хозяйстве кредитора.

Таким образом, можно установить что применение ишкиля потеряла свой первоначальный характер и стало одним из институтов, регулируемых органами власти. Этот институт, как и другие институты патриархально-родового строя, уже был приспособлен к новым общественным отношениям и обслуживал интересы феодального класса. Имушчим классам этот порядок создавал условия для дополнительной охраны своей собственности, поскольку вопрос о взятии имущества в залог решался общинной администрацией, состоящей в основном из феодализирующей знати.

Имушественные преступления в кодексе Умма-хана, как и в других памятниках периода становления и развития феодальных отношений, занимают сравнительно небольшое место. Кодексу известно только понятие воровства. Следствием воровства было, как правило, трехкратное возмещение ущерба и внесение штрафа в пользу администрации хана, общины или собственника имущества. Например, одна из статей предписывает: если «кто отрежет хвост или ухо коню, кобылице или мулу¹ с виновного взыскивается штраф — один бык, и владельцу — 10 голов овец. Если же хвост отрезан с захватом репицы, то по выбору хозяина надо вернуть или коня, или кобылицу, или мула». В тех случаях, когда вор призна-

¹ В Аварии медь являлась дефицитным металлом. В кодексе в одних случаях говорится о взыскании меди, в других о взыскании медных котлов.

² Отрезание уха или хвоста животного считалось оскорблением чести семьи.

вался в краже, с него взыскивалась только стоимость похищенного и штраф.

В случае воровства потерпевший должен был обратиться к местной власти, причем, если жалоба, хотя бы и справедливая, была принесена спустя год после совершения кражи, то жалоба оставалась без последствий.

Обычным средством доказательства факта воровства оставалась присяга. «Кто украдет овцу другого, — говорится в кодексе, — а вор не признает, то он может быть оправдан, если даст присягу с одним соприсягателем, названным владельцем овцы. Если свидетель откажется от присяги, вор обязан возместить ущерб в трехкратном размере».

В кодексе Умма-хана присяжничество уже утратило черты, которые были присущи этому институту в эпоху патриархально-родового строя. Во-первых, число присягателей значительно уменьшилось. Количество необходимых соприсяжников определялось в зависимости от величины похищенного. За исключением одного случая, когда требовалась присяга 50 соприсяжников, в кодексе Умма-хана, как правило, по наиболее важным тяжбам устанавливалось принятие присяги 6 соприсягателями.

В кодексе Умма-хана предусматривается принятие присяги и меньшим числом лиц. Так, например: «Если спор касается другого скота, то число соприсягателей определяется: за кражу быка — 4 соприсягателя, за кражу коровы — 3 соприсягателя, за кражу нетели — 2 соприсягателя, за кражу теленка — 1 соприсягатель. Если они не могут дать присягу, то виновный должен возместить стоимость краденого, установленную тремя справедливыми лицами из аула».

В качестве присяжников, согласно кодексу, выступали не только родственники, но и односельчане. В отдельных случаях соприсягателей указывал потерпевший.

Эти изменения были вызваны дальнейшим ослаблением единства тухума и кровно-родственных связей. Как известно, присяжничество в своем первоначальном виде допускало соприсяжничество исключительно для круга родственников. Впоследствии характер соприсяжничества резко меняется, все более приближаясь к свидетельским показаниям. Отметим, что кодекс Умма-хана допускает доказывание факта и свидетельскими показаниями. Но для разрешения тяжбы по существу требовалось, чтобы свидетельские показания были признаны муфтием правильными.

Касаясь возмещения причиненного ущерба, кодекс позволяет местной администрации обязывать жителей аула давать присягу, причем указывалось, что количество соприсягателей

не могло быть более 10 человек, независимо от величины ущерба.

Следует особо отметить, что в статье приводятся условия, предъявляемые к соприсяжникам: «К присяге не привлекаются юноши и девушки, не состоящие в браке, также нельзя привлечь к присяге **двух лиц из одного хозяйства** (подчеркнуто нами — авт.), вовсе не допускается к присяге раб, если он даже отпущен».

О бесправном положении рабов можно судить по нескольким другим статьям кодекса. Убивший раба не подлежал кровной мести со стороны его хозяина или его родственников, убийца лишь оплачивал дият хозяину раба. А если раб убьет узденя, то с владельца раба взыскивался дият и раб изгонялся на три года в канлы.

Из кодекса не видно, какое значение имело рабство в общей системе феодальной эксплуатации. Но бесспорно то, что в аварском ханстве рабство носило патриархальный характер. Иначе ничем нельзя объяснить малочисленность статей о правах и обязанностях рабов в хозяйстве частных собственников.

Переходя к рассмотрению норм кодекса, касающихся вопросов гражданского права, в частности семейного и наследственного, необходимо отметить, что в ранних правовых памятниках, а также в различных публикациях материалов по обычному праву цародов Дагестана весьма незначительно количество норм, регулирующих эти вопросы. Незначительно число таких норм и в кодексе Умма-хана.

Одна из статей кодекса посвящена договору купли-продажи. В ней говорится: «Если кто продал что другому лицу, а потом через продолжительное время скажет, что проданное принадлежит не ему, а его жене, и поэтому просит расторгнуть сделку, то такое заявление во внимание не принимается».

Как известно, гражданско-правовые вопросы в Дагестане разрешались на основе шариата. Ко времени проникновения ислама в Дагестан в обычном праве горцев еще не было сколько-нибудь сложившейся системы адатов, регулирующих гражданско-правовые отношения: куплю-продажу, наследование, займы, дарения и т. д. Поэтому мусульманское законодательство, регламентирующее разрешение гражданско-правовых вопросов, отвечало потребностям практики и несколько задерживало выработку местных адатов в этих отраслях права.

Иное положение характерно для уголовного права. К этому времени у горцев Дагестана сложились многие адаты, касающиеся разрешения уголовно-правовых тяжб. Обычай по уголовным делам, переходившие от поколения к поколению, с зарождением классового общества принимают характер об-

щеобязательных норм, применение которых обеспечивалось властью, сложившейся в обществе.

Обычай эти не были кодифицированы или записаны, тем не менее они были действующим источником, поскольку в памяти горцев адаты сохранялись как справедливые решения, которыми руководствовались их предки. Поэтому в правосознании жителей Дагестана с понятиями адата были связаны не только понятие справедливости, но и сила традиции.

Постепенно, с развитием правовых взглядов общества, обычаи изменялись, обычаями становились решения джамаата, маслагатские решения. Тем не менее адаты в правосознании народа все еще продолжали сохранять демократический характер, несмотря на серьезные изменения, происшедшие в них в результате приспособления адатов к защите интересов господствующего класса. В силу этих причин жители Дагестана упорно не желали отказываться от стародавних обычно-правовых норм, когда дело касалось разбора тяжб уголовного характера.

В кодексе Умма-хана влияние шариата заметно и в нормах уголовного права, но в целом они основаны на правовых воззрениях, издавна сложившихся в Дагестане.

Кодекс Умма-хана показывает, что уголовное право в Аварии достигло довольно высокой ступени развития. Отсутствие в кодексе отдельных институтов, известных развитым системам права, не исключает их фактического существования в обычном праве.

Остановимся на рассмотрении некоторых адатов кодекса Умма-хана, касающихся административно-правовых вопросов.

В одной из статей кодекса говорится, что без надлежащего разрешения администрации воеводства, т. е. общины, нельзя назначать ни сельских судей, ни глашатаев. Сельские судьи назначались сроком на 1 год. Судья перед вступлением в должность должен был дать присягу в том, что он будет взыскивать штрафы со всех виновных. В случае отказа от такой присяги, с него взыскивался штраф, — одна овца и на должность судьи назначалось другое лицо.

Наряду с сельским судом, разбиравшим дела по адатам, был также кадий для решения споров по шариату. При этом в кодексе предусматривается право обжалования решения муфтию хашской администрации. Если муфтию давался отвод, мотивированный его родственными узами с одной стороной, для разрешения спора приглашали другого шариатского судью. Споры между аулами рассматривались местной администрацией. Если аул не присылал своего представителя, то с аула взыскивался штраф — 10 овец в пользу администрации хана.

Местная общинная администрация в Аварском обществе XVII века еще обладала, как видно из кодекса, широким кругом прав и полномочий. В ст. 70 предписано: «Если кто-либо медлит или отклоняется пойти для выполнения поручения администрации воеводства или вместо себя пошлет другое лицо, то с него взыскивается штраф 1¼ ратала меди. Если кто по тревоге воеводства не выйдет без уважительных причин, то взыскивать по одной овце с каждого невышедшего». Далее в статье указаны уважительные причины: болезнь, преклонный возраст, несовершеннолетие и наличие вражды с кем-либо.

Администрация сельского общества должна была разбирать все жалобы жителей. Обратиться с жалобами непосредственно к хану можно было лишь после соответствующего разрешения местного «начальства» (так в переводе). Судя по санкции за нарушение этого запрета (штраф 30 овец), такое нарушение рассматривалось как одно из серьезных преступлений.

Обычай так ревниво охраняли вековые права общины, что члену общества строго запрещалось обращаться к хану без ведома общины и общинной администрации. Аварские сельские общества, находясь территориально близко друг от друга, должны были обеспечивать охрану своих пастбищных полевых угодий и свою собственную безопасность. Они были своего рода «объединениями против внешнего мира». Постоянная готовность общины к вооруженному столкновению, выражаясь словами К. Маркса, «была одним из условий ее существования в качестве собственности»¹.

В ряде случаев соседние аулы должны были выступать на защиту аула, на который совершено нападение. Так, в ст. 91 предписывалось: «Если жители одного аула самоуправно захватят луга и пивы другого аула, при этом нарушив обычай края и законы кодекса, то соседние аулы должны заступиться и дать отпор нападающим. Если они этого не сделают, то с каждого аула взыскивается по 10 голов овец».

В одной из статей кодекса (100) говорится, что в случае нападения аула на другой аул с напавшего аула взыскивается 30 овец; если на аул папали несколько человек с них взыскивается по 5 овец и они лишаются доли в горных пастбищах.

В кодексе в нескольких случаях предусмотрена совместная ответственность жителей аула. «Если какой-либо аул, — сказано в ст. 87, — нарушает установленный порядок, в течение

---

¹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, стр. 12.

месяца, то с этого аула взыскивается ежедневно по одной овце до укрепления в этом ауле порядка».

На отдельные аулы также возлагалось (на определенный срок) выполнение тех или иных обязанностей. Так, в ст. 89 указано: «Если администрация воеводства захочет собрать ученых (представителей общинной знати — авт.) своего воеводства, то жители аула, до которых дошла очередь, обязаны собрать этих ученых, начиная с Гимри до Итля. Если они не соберут или по зову их кто не явится, то в обоих случаях взыскивается по 10 голов овец с тех, кто не явился или с того, кто поленился вызвать».

По одной овце ежедневно взыскивалось с аула также, если аул в течение одного месяца находился без дебира. В таких случаях взыскиваемые штрафы поступали в пользу ханской администрации.

В ст. 92 кодекса Умма-хана устанавливается весьма характерное запрещение: «Если жители одного аула пойдут в другой аул по случаю смерти кого-либо для соболезнования, то с каждого, кто ходил, взыскивается по одной овце, при этом безразлично, мужчины это или женщины, при условии, если умерший не является родственником не ниже троюродного брата, или не было с ним брачной связи, или он не является кунаком».

Цель установления подобной нормы, по нашему мнению, заключается в том, чтобы жители аула не могли ссылаться на свое отсутствие в случае необходимости отражения нападения, участия в походе и т. д. Можно предполагать, что эта норма возникла ранее XVII века и была направлена к тому, чтобы жители аула без достаточных оснований не покидали аул, так как в период постоянных междуусобных войн наличие всех жителей аула для отражения нападения было крайне необходимо. Выйти на войну считалось обязанностью каждого человека. Свод Умма-хана гласит: «Если кто по тревоге не выйдет без уважительных причин, то взыскивается по одной овце с каждого не вышедшего: уважительными причинами являются болезнь, преклонный возраст, несовершеннолетие (недостижение 20 лет) и наличие вражды с кем-либо».

Аварский хан не имел в то время постоянной армии, если не считать небольшой отряд нукеров, который находился при его дворе. В случае войны ханы созывали беков или общинную знать, которые приводили с собой отряды. Каждая община должна была выставлять на войну определенное количество людей. Обычай этот возник еще в период патриархально-родового строя, но и в классовом обществе им пользовались очень часто для осуществления внешне-политических задач. Он применялся и в случаях стихийных бедствий и т. д.

В результате краткого анализа кодекса Умма-хана можно сделать следующие выводы:

1. Кодекс Умма-хана является памятником, возникшим в XVII веке. Наряду с предписаниями Умма-хана, в рукопись включен ряд адатов, издавна сложившихся в обычном праве аварцев.

2. В кодексе Умма-хана находит отражение процесс индивидуализации ответственности, являющейся следствием ослабления кровно-родственных связей. Ряд норм кодекса свидетельствует о господстве в аварских джамаатах малой индивидуальной семьи и о дальнейшем укреплении частной собственности. Различались не только бедные и богатые тухумы, но и внутри тухума произошла имущественная дифференциация, которая в условиях дальнейшего развития феодальных отношений в Аварском ханстве вела к зарождению классов в сельской общине.

3. Наличие в сельской общине идеологического единства тухума определялось тем, что административный аппарат ханства на местах был еще не развит. Но ханская власть все больше и больше проникала в общину. Об этом свидетельствует установленная в кодексе система штрафов за совершение тех или иных действий. Штрафы в ряде случаев поступали в пользу администрации хана.

4. Развитие уголовно-правовых и процессуальных институтов, насколько об этом можно судить по кодексу Умма-хана, говорит о сдвигах, происшедших в обычном праве, которое в Аварском ханстве XVII в. складывается как право феодального типа.

5. Институты патриархально-родового строя, кровная месть, ишкиль, родовая солидарность, присяжничество и т. д., несмотря на значительное распространение в период составления кодекса Умма-хана, являлись институтами отживающими. В кодексе Умма-хана они фигурируют в преобразованном виде, утратив многие архаические черты. Наличие в кодексе многих патриархальных форм объясняется тем, что они были выгодны для господствующего класса феодалов в целях эксплуатации населения.

В заключение авторы статьи считают нужным отметить, что кодекс Умма-хана потребует дальнейшего сравнительного исследования при обнаружении новых правовых памятников Аварии.

**К ВОПРОСУ О ОСВОБОЖДЕНИИ
ФЕОДАЛЬНО-ЗАВИСИМЫХ КРЕСТЬЯН ДАГЕСТАНА
В ХОДЕ БОРЬБЫ ГОРСКИХ НАРОДОВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА в 20—50 гг. XIX в.**

Движение горских народов северо-восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. всегда изучалось с неослабевающим вниманием. Со времени возникновения и до наших дней вокруг движения и личности Шамиля не умолкали споры и разногласия. Продолжавшийся более полвека спор между приверженцами Шамиля, восхищавшимися грандиозностью замыслов и широтой мероприятий, проводимых им, и противниками, представляющими Шамиля «атаманом разбойничьей шайки», деспотом, фанатиком и изувером, «низвергшим законных правителей», не мог быть объективным. Поскольку дореволюционные историки видели в Шамиле начало зла и добра, всем им присуща одинаковая пристрастность и идеализация личности третьего имама.

Подлинно научное изучение движения горских народов северо-восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. началось только после Великой Октябрьской социалистической революции. Советские историки, руководствуясь единственно правильной теорией — марксизмом-ленинизмом, решительно отвергли антинаучную версию об агентурном характере движения горцев и установили, что оно представляет собой антифеодальную и антиколониальную борьбу горских народов северо-восточного Кавказа¹. Однако отдельные весьма важные вопросы еще не изучены. В частности не разработан вопрос об

¹ См. решение, принятое на совещании советских историков для обсуждения вопроса о характере движения горских народов северо-восточного Кавказа. Москва, 1957 г.

освобождении рабов и зависимых узденей в ходе долголетней борьбы горцев XIX в. В работах, посвященных изучению движения в целом, мало уделялось внимания интересующей нас проблеме. Кроме того, высказанные положения не подкреплялись анализом фактического материала, недостаточно освещались объективно исторические последствия освобождения рабов и зависимых узденей и, наконец, освобождение крестьян приписывалось Шамилю.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающее освещение поставленной проблемы. Она является лишь первой попыткой анализа документальных материалов, извлеченных из архивохранилищ Москвы (ЦГВИА), Тбилиси (ЦГИА Груз. ССР), Махачкалы (ЦГА ДАССР) и рукописного фонда Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Даг. филиала АН СССР.

Накануне возникновения движения горцев Дагестан не представлял единого целого. Характерной чертой его была раздробленность на мелкие и мельчайшие феодально-политические единицы, неравномерность социально-экономического развития и этническая пестрота. Дореволюционные и часть советских историков утверждали, что в Дагестане господствовали родо-племенные отношения. За последние годы историки Дагестана доказали научную несостоятельность этой теории. Было установлено, что, несмотря на различия между отдельными частями, в Дагестане фактически господствовали феодальные отношения со значительными пережитками родо-племенного строя¹.

В плоскостной и предгорной части Дагестана земельные угодья находились в основном в собственности феодалов при сохранении в незначительной части общинного землевладения. Здесь налицо были два резко очерченных антагонистических класса: феодалы (шамхалы, ханы, князья, уцмии, беки-салауздени) и феодально-зависимые (уздени, догерек-уздени, азаты, чагары, райяты, кулы). Феодально-зависимые крестьяне платили владельцам земли высокую ренту. Господствующей была продуктовая рента.

В нагорном Дагестане наряду с такими крупными политическими объединениями, как ханства Аварское, Казикумух-

¹ Х. - М. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в., Махачкала, 1954. Х. - М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. (автореферат докторской диссертации). Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII, начале XIX веков, Махачкала, 1957 г.

ское, были и так называемые «вольные» общества. «Владения казикумухского хана, — пишет Р. М. Магомедов, — были самыми крупными по пастбищам и пахотным землям и по обширности стад скота. Число зависимых от хана крестьян непрерывно увеличивалось за счет населения захваченных и присоединенных к казикумухскому владению даргинских, лезгинских, аварских и табасаранских земель. В первой четверти XVIII в. хан казикумухский одновременно являлся и ханом Ширванским»¹.

В первой половине XIX в. Магомед Мирза хан казикумухский, кроме пахотных земель, владел 41 горным пастбищем. Пастбища арендовались жителями ханства и так называемыми «вольными» обществами. За пользование пастбищами казикумухский хан взимал ежегодно от 2405 до 2600 овец. Этих овец хан распределял по селениям казикумухского ханства, а старшины сел принуждали сельчан получать овец за установленную цену. Собранные таким путем деньги доставлялись хану². Значительными пастбищами и пахотными землями владели беки и чанки казикумухского ханства. Наибольшего могущества Аварское ханство достигло в конце XVIII в. при Умма-хане, который подчинил себе джаро-белоканские общества и принудил «платить дань грузинского царя Ираклия; ханов дербентского, кубинского, бакинского, ширванского, шекинского и пашу Ахалцихского»³.

Умма-хан являлся самым крупным землевладельцем, его земельные угодья были разбросаны по всей Аварии. Мы не располагаем данными, позволяющими точно установить размеры земель, принадлежавших ханам Аварии. Исследователи отмечают, что они владели землями вокруг Хунзаха и в сел. Цалкита, Местерух, Куани, Муцула, Тукита, Ках, Амишта, Голотль, Хиниб, Цельмес, Тлох, Гоцатль, Заиб и многих др.⁴. Из документа, найденного в 1956 г. Н. Нурмагомедовым в сел. Харадерик, видно, что в конце XVIII в. от ханов Аварии были зависимы не только жители ханства, но и «вольные» общества, а также ряд пограничных с Дагестаном селений Чечни. Этим документом подтверждается, что ханы Аварии взимали с зависимых обществ подати в виде продуктов скотоводства, земледелия и садоводства. Характер податей и их размеры определялись в зависимости от основного занятия населения и экономической возможности данного общества.

¹ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 367.

² Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1679, л. 85. Материалы по истории Дагестана, собранные Али Каяевым (на лакском яз.).

³ Неверовский. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан. СПб, 1848, стр. 34.

⁴ Р. Магомедов. Указ. соч., стр. 92; Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 32—34.

Села, где возделывались зерновые культуры, вносили от 32 до 264 мерок пшеницы, проса, от 30 до 132 мерок, ячменя, кукурузы и магара. С обществ, занимающихся скотоводством, взималось до 600 и более голов овец и коз, а также шерсть, шали, паласы и др. предметы кустарных промыслов. Селения, занимающиеся садоводством и огородничеством вносили от 25 до 100 корзин винограда, от 25 до 40 мерок виноградного сока, по мерке чеснока, лука и др. огородных и садовых культур. С отдельных обществ взималось по 90 и более мерок соли, несколько фунтов железа. Данники выполняли также разные полевые и домашние работы: вспашка, жатва, обмолот, доставка сельскохозяйственных и скотоводческих продуктов. Кроме податей и повинностей, налагаемых на целые общества, ханы Аварии взимали феодальную ренту с каждого крестьянского дыма¹.

В начале XIX в. после смерти Умма-хана Аварское ханство «начало приходить в упадок. Когда же султан Ахмед хан, преследуемый за измену ген. Ермоловым, умер»², ханство Аварское было разделено на две части. В одной из них ханом был утвержден Абу-Султан-Нуцал-хан, а в другой, меньшей части, — сын Гебека — чанка Сурхай-хан. Из записки, составленной русской экспедицией, побывавшей в Хунзахе, видно, что в Аварии имелось 37 селений с 5895 дворами свободных и 160 селений с 14843 дворами «дающих подать Нуцал-хану»³. По данным же А. Г. Берже «в том же 1828 г. 164 деревни или 120.000 душ составляли данники хана Аварии»⁴. По свидетельству командира Моздокского казачьего полка подполк. Скалона, ханы Аварии получали «прежде ясак или подати» с отданных Сурхай-хану «нашим правительством деревень»⁵.

«Селения Диргиль, Фераваль, Урела, половины дер. Алпаль, 6-ти загородов и 8-ми гор», находящихся во владении Сурхай-хана, — отмечает Абу-Султан Нуцал-хан в прошении, поданном ген. Паскевичу, — входили в мое наследственное имение. Кроме того, продолжает он, — «мне принадлежала галла⁶ с деревень Тушь и Мусуль, состоящая из 6-ти мулов, 12 быков и красного бурмета с каждой деревни, для того, кто

¹ Полный текст док. см. Г.-А. Д. Даниялов. К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля. «Ученые записки» ИИЯЛ, т. I, Махачкала, 1956, стр. 126—131.

² АКАК, т. VIII, стр. 567.

³ Материалы по истории Дагестана и Чечни 1801—1839 гг. Махачкала, 1940, стр. 192—195, док. 87, в дальнейшем «Материалы...»

⁴ А. Г. Берже. Материалы для описания нагорного Дагестана. Кавказский календарь на 1859 г., Тифлис, 1858, стр. 164.

⁵ Материалы..., стр. 127—128.

⁶ Галла, гала — хлеб, зерно, а также продуктовая рента.

будет послан мною для собирания означенной галлы и ясака»¹.

От ханов Аварии зависим был и ряд «вольных» обществ. На это указывали еще дореволюционные авторы Н. Данилевский, Неверовский, Костильзон, Костецкий и др.² «Авария, — писал Я. Костецкий в 40 г. XIX в., — владела многими, уже от нее независимыми обществами»³.

Вслед за ханами крупными землевладельцами являлись беки и чанка-беки. Беки и чанка-беки жили в Хунзахе, Гоцатле, Сиухе, Голотле, Гоцо, Киди, Соситле, Моксохе, Тукита, Ингердахе, Данухе, Мехельта, Гонода, Урада, Тидибиде, Ахалчи, Ругуджа, Чада-Коло и многих других селениях Аварии. Беки и чанка-беки обладали всеми привилегиями феодалов. Владели феодально-зависимыми крестьянами. Мюльками с правом отчуждения владело и лично свободное узденство. Следует, однако, сказать, что в описываемое нами время узденство Аварии, как и всего Дагестана, не было однородным. В то время как выделявшаяся из общей массы узденская верхушка сосредоточила в своих руках значительные земельные угодья и скот, мюльки большинства узденей постоянно сокращались, они все более и более попадали в феодальную зависимость. Крестьяне, потерявшие право собственности на землю, считались райятами. В Аварии наряду с райятскими селениями Амишта, Тукито, Мушул, Хин, Чандатль, Учло, Тлайлух и др., имелись села, где райяты жили смешанно с узденями. «Эксплуатация райят осуществлялась двумя путями. Крестьяне райятских аулов непосредственно эксплуатировались в феодальном хозяйстве с применением барщинного труда. Райяты же, жившие разбросанно, обязаны были почти содержать ханский скот или же отбывать ренту продуктами»⁴.

В ханско-бекских хозяйствах использовался также труд рабов. Селения Аварии, Ках, Хиниб, Куаниб, Тлайлух и др. были населены рабами⁵. Владельцами рабов «как пленников, так и приобретаемых покупкой» являлись и уздени⁶.

Итак, в нагорном Дагестане, где основной отраслью хозяйства было скотоводство, феодалы являлись собственниками горных пастбищ и скота. Это ставило в зависимое положение не только лично свободных узденей, но и так называемые

¹ Материалы..., стр. 132.

² Данилевский. Кавказ и его горские жители, М., 1846; Неверовский. «Истребление аварских ханов. Письма виконта Кастельона к Гиза «Историк-марксист» № 5, 1936.

³ Я. Костецкий. Записки об аварской экспедиции на Кавказе, 1837, стр. 58.

⁴ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 106.

⁵ Руновский. Взгляд на сословное и поземельное право в Дагестане, «Военный сборник», № 8, 1862, стр. 391.

⁶ Русская старина, 1863, VIII, стр. 292.

«вольные» общества. По требованию хана «вольные» общества выставляли воинов, оказывали «уважение» (преносили подарки). Их зависимость выражалась и во внешне-политических вопросах. Кроме того, одни «вольные» общества были зависимы от других¹.

Вместе с тем внутри «вольных» обществ существовало земельное и имущественное неравенство. В обществах имелись чанка-беки «богатые», «зажиточные», «родовитая знать», в собственности которых были рабы, 100 и более голов рогатого скота, 1000 и более голов овец². На этой основе складывались зависимые отношения членов общества к родовитой знати, богатеям и мусульманскому духовенству.

Эксплуатация непосредственного производителя была прикрыта пережитками патриархально-родовых отношений, идилическими обычаями и псевдородственными связями. Зависимые бедняки отдавали прибавочный продукт феодалам под видом «гвай» (родственной взаимопомощи) «дарений», «приношений» и т. д. Классовая сущность этих обычаев хорошо раскрыта советскими историками.

Таким образом в нагорном Дагестане общество также распадалось на два антагонистических класса: феодалов — ханы, беки, чанка-беки — богатеи, родовитая знать и зависимые — уздени, райяты, рабы-лаги. Следует, однако, сказать, что классы эти в нагорном Дагестане были менее четко выражены, чем на плоскости, не было резкой классовой дифференциации, масса крестьянства еще не была окончательно закрепощена.

Мы не располагаем данными, позволяющими определить точно численность феодально-зависимых крестьян, но известно, что в первой четверти XIX в. в системе производственных сил Аварии райяты и рабы не играли особой роли. Их численность была невелика. Следовательно, основной контингент «данников хана» составляли зависимые уздени.

В Аварии так же, как и во всем Дагестане, не утихала классовая борьба, временами принимавшая ожесточенную форму. Обычно выступления крестьян жестоко подавлялись, но иногда они приводили к отпадению от ханства целых аулов. «Особенно ярко этот процесс сказывается в ханстве Аварском, которое еще в конце XVIII в. владело всем нагорным Дагестаном, а к концу первой четверти XIX в. ограничилось уже пределами аварского плоскогорья»³.

¹ См. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 163, X. - М. Хашаев. Указ. соч., стр. 76.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. II (топографическая). Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 198; Н. Дубровин. История войн и владычества русских на Кавказе, т. I, стр. 500.

³ История-марксист, № 2(36), 1934 г., стр. 34.

На рубеже 30-х гг. XIX в. в чрезвычайно сложных классовых и национальных противоречиях возникло под флагом мюридизма антифеодальное и антиколониальное движение горских народов северо-восточного Кавказа.

В начале, как совершенно справедливо отмечает проф. Н. А. Смирнов, «с большой силой борьба развернулась в Дагестане, особенно в Аварии, где истребление феодальной верхушки приняло повсеместный характер, в то время, как, например, в Чечне на первое место выдвинулась борьба против колониального режима»¹. «Гази-Магомед, провозглашенный в 1829 г. имамом Дагестана и Чечни, — говорится в официальном документе, — действовал против власти князей и дворянства и более 30 влиятельных беков лишил жизни»². В 1834 г. Гамзат-бек, овладев Хунзахом, уничтожил весь род аварских ханов, оставив в живых только малолетнего Булач-хана³; убил Сурхай-хана, истребил около 50 феодалов Султаналиевых в Ругуджа⁴. В период имамства Шамиля, по словам Тахира-ал Карахи «был истреблен последний из того народа, который угнетал»⁵ (казнен Булач-хан). Были уничтожены беки Гоцатля и сел. Эрпели, истреблены феодалы сел. Китиб, Тилитль и многих селений. «Наиб Шамиля Кибит-Магома, — подчеркивает полк. Рыдоловский, — встав во главе духовно-демократической партии своего общества... истребил всех беков как в Гидатле, так и в части Андалала»⁶. Истреблены были беки и «преступная знать» других селений.

Характеризуя создавшееся в имамате положение после истребления феодалов, Руновский писал: «Шамиль, отняв у них (беков — В. Г.) все права, отеснил их самих в общую массу и тем самым стер с лица земли это звание на целых 25 лет»⁷. Другой известный исследователь Кавказа Р. А. Фадеев замечает, что «владельцы дворяне, где они были, наследственные старшины, люди уважаемых родов или просто уважаемые лично до появления мюридизма, были вырезаны один за другим и в горах устроилось совершенное равенство»⁸.

¹ Н. А. Смирнов. Характерные черты мюридизма. М., 1956, стр. 1.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6550, л. 10.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6294, л. 25, лл. 31—32. ЦГАДА, ф. «Ермоловых», д. 306; Неверовский. «Истребление аварских ханов в 1834 г.», СПб, 1848, стр. 16.

⁴ ЦГА ДАССР, оп. 2, д. 3, л. 15—16; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6294, ч. II, л. 11; Кавказский сборник, т. XV, стр. 271—272.

⁵ Хроника Мухаммеда Тахира-ал Карахи, М.—Л., 1941, стр. 63, 67.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19264, ч. I, л. 126.

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1293, л. 128; АКАК, т. XII, стр. 271—272.

⁸ Р. А. Фадеев. Соч., т. I, стр. 21.

Установившееся, на время, в горах Дагестана «равенство» Гасан Алкадари изобразил следующим образом: «Уже, — писал он, — не было таких вещей как ханские порядки, чтобы подчиненный перед начальством снимал шапку и все время стоял, а обращением при встрече стало только ассаламу-алейкум и алейкуму-салам»¹. Из вышесказанного видно, что в период долголетней борьбы горцев в Аварии было истреблено значительное число феодалов, и уничтожены ханско-бекские привилегии.

Что же произошло с феодально-зависимыми крестьянами? На этот вопрос наиболее полный ответ дал Руновский. «Шамиль, — писал он, — объявил безусловно свободными тех, из принадлежащих им (феодалам — В. Г.) крестьян, которые составляли исключительное население какой-либо местности... Таким образом, жители четырех деревень: Ках, Хиниб, Кгуаниб и Тхлялюб первые получили свободу и тотчас подчинены общим правилам, действовавшим во всем крае. Вместо прежних условий крепостного быта, по которым весь труд крестьянина принадлежал помещику, распорядившемуся в его доме, как в своем собственном, освобожденные рабы были обложены такой же точно податью в пользу общественной казны, какую платило население целого края!»². Понятно, что здесь речь идет об освобождении рабов и прежде всего тех, которые были поселены целыми селениями и принадлежали ханам и бекам.

Коснулась ли эта «реформа» рабов, принадлежащих узденской верхушке?

Имеющийся материал свидетельствует о том, что рабы, принадлежавшие узденям, не были освобождены³. Только «владельцам рабов Шамиль вменил в обязанность снабжать своих людей всем необходимым и обращаться с ними человеколюбиво»⁴.

Таким образом «реформа» коснулась только части рабов.

Что же касается освобождения раят и зависимых узденей в исторической литературе прямых указаний нет. Большинство источников, в том числе и местных, говорят о антифеодальной направленности политики Шамиля. «Шамиль, — читаем в официальном документе, — начал проповедывать всеобщее равенство, истребление ханов и всякой наследственной власти». В работе «1843 год на Кавказе» А. Юров пишет, что при

¹ Гасан-Алкадари. «Авари Дагестан», Махачкала, 1926, стр. 135.

² Военный сборник, № 7, т. XXVII, СПб, 1862, стр. 392.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1293, ч. II, л. 68; д. 6528, л. 83; д. 6589, л. 36.

⁴ Там же, л. 72; АКАК, т. XII, стр. 1487.

Шамиле «зажиточные горцы страдали более всех, они обыкновенно считались людьми подозрительными и на них налагались штрафы, а часть их имений подвергалась секвестру»¹. В таком же духе пишут Р. А. Фадеев, А. Романовский, Окольныйий, Мухаммед-Тагир-ал Карахи, Гасан-Алкадари и многие другие².

Получили ли освобождение феодально-зависимые райяты и уздени? В делах сословно-поземельной комиссии, созданной после подавления движения горских народов северо-восточного Кавказа специально «для разбора личных и поземельных прав туземцев», в фондах архивохранилищ Москвы, Тбилиси и в рукописном фонде ИИЯЛ имеются документы, которые могут помочь разобраться в интересующей нас проблеме. Большая часть этих документов позднего происхождения, исходит от феодалов и, естественно, отражают их классовые позиции. Однако, если сравнивать их с другими документами (сообщениями современников, прошениями и жалобами крестьян и др.), то не остается никакого сомнения в достоверности данных, изложенных в указанных документах.

Сословно-поземельная комиссия после многочисленных опросов современников, тщательного анализа собранных материалов подготовила проект положения о поземельном устройстве Дагестанской области.

В пояснительной записке к проекту положения говорится о том, что в 1834 г. после истребления Гамзат-беком и Шамилем аварских ханов «были прекращены все повинности, отбывавшиеся жителями членам этого рода»³.

Проверим каждый из этих моментов. Поголовное истребление ханов Аварии — общеизвестный факт. После истребления ханов, Аварией управлял Хаджи-Мурат. Когда же он перешел на сторону Шамиля, управление было поручено родственнику Абу-Нуцал-хана Ахмед-хану мехтулинскому, а после его смерти — князю Орбелиани. Но так как Авария была театром военных действий и входила в состав военно-теократического государства — имамата, правители, поставленные царским правительством, были лишены возможности взимать с населения подати и повинности.

Документами подтверждается, что «древний род аварских ханов» почти весь был истреблен, а на их место других не поставили. Уцелевших ханов приравнивали к узденям, их же

¹ Кавказский сборник, т. VI, стр. 43.

² Р. А. Фадеев. Соч., т. I, стр. 21; АКАК, т. XII, стр. 1487; Военный сборник 1859г., № 2; «Хроника...», стр. 63—67; Асари Дагестан, стр. 134—135.

³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 19. Ученые записки ИИЯЛ, т. II. Махачкала, 1957, стр. 286.

земельные угодья передали в байтул-мал (государственную казну)¹ и провели освобождение рабов.

Вправе ли мы не верить этому документу? Думается, что нет. Тем более, что в прошениях потомков ханов Аварии указывается на то, что они «во времена Шамиля» лишились доходов с принадлежавших им аулов², так что факт освобождения от податей и повинностей жителей 160 или 164 селений «данников Нуцал-хана» и Сурхай-хана может быть признан несомненным.

Вместе с истреблением беков и чанка-беков и с ликвидацией их привилегий, проводилось и освобождение зависимых от них крестьян. Чтобы не быть голословным, сошлемся на факты. Беки и чанки сел. Тилитля, Гонода, Ругуджа, Ури, Зиури, Голотля и др. в августе 1884 г., в присутствии члена сословно-поземельной комиссии подполк. Симонова, показали, что предки их происходят из казикумухских ханов, некогда переселившихся в Аварию. В период борьбы горцев у беков и чанка-беков Тилитля и Ури «были отобраны Шамилем родовые земли, а у ругуджинцев — Гамзат-беком». Предки их были истреблены, а оставшиеся в живых приравнены к остальному населению узденей, тогда как «в прежнее время до Шамиля при всех взысканиях при столкновениях джанков с узденями, уздени отвечали вдвойне и с них взыскивали вдвое больше штрафа... В старину до Шамиля, если после узденя не оставалось наследников мужского пола, то из его имени на 8 сах земли брали беки, или джанки в свою пользу».

Далее читаем в документе: «Предки тилитлинских джанков, четыре брата жили сначала в Голотле, Аварии, но переселившись оттуда 3 брата в разные селения (Тилитль, Голотль, Гонода), обязали каждый по 12 домов в Голотле платить им за земли свои, которые оставили в Голотле в их пользование. Плату от 12 домов, следовавшему нашему предку получали мы (потомки) до появления Шамиля в Дагестане и он лишил нас платы». До Шамиля старший бек Тилитлинский с узденем Голотля получил «со двора две сабы джабы (напиток — В. Г.), по сабе всяких плодов и с каждого дома приходил рабочий в Тилитль на 3 дня для обработки бекской земли. Для старшего же бека в те же времена и тилитлинские уздени работали 3 дня в году по дню: для распашки, косьбы и жатвы». Кроме того до Шамиля Чопан старший бек Тилитлинский получал с «боцадинской горы от бочадинского общества в год 4-х баранов», для сборщика «один бурмет для бушмета... одну ляжку скотины» быка с важных

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45, лл. 501, 518, 544 и др.

² Там же, л. 5, 38.

преступников и десятую часть штрафов, поступавших обществу. «Урийским джанкам так же работали урийские уздены». Кроме того до возникновения движения «урийским чанкам» сел. Ингерда Аварии, вносили все общество 12 баранов в год»¹.

Поверенные беков сел. Орода, Тинди, Гинти и др. обратились в 1885 году с прошением к главнокомандующему гражданской частью на Кавказе. В прошении указывалось, что до возникновения движения в 20—50 гг. XIX в. «предки и их потомки получали доход от селений Косад, Тлох, Ахвах. Эти последние были наши подданные... Шамиль уничтожил наших главных предков и прекратил нам пользоваться от означенных селений сбором»².

К царскому правительству обращались и другие беки и чанка-беки. Они просили вернуть принадлежавшие им земли, восстановить потерянное право «пользоваться доходом» с подвластных им аулов.

Потомки беков сел. Киди, например, пишут, что «Шамиль и его наибы убили наших отцов, братьев и родственников, достигших совершеннолетия, и отобрали наше движимое и недвижимое имущество, выгнали нас из наших домов и разрушили их». Просили вернуть принадлежавшие им пастбищные горы, с которых «ничто не платит подати»³. Кудияв Магомед квалинский писал: «Мои предки Сулейман, Тудилав и Кудияв Магомед, еще со времени Умма-хана, Ахмед-хана и Паху-бике владели пахотными и сенокосными участками. После падения их власти — в период шариата — ими распоряжался Шамиль»⁴.

Достоверность данных, встречающихся в показаниях и прошениях феодалов, подтверждается письмами и прошениями крестьян. Жители Анди, например, просят оставить находящиеся «со времен» Шамиля в их пользовании пастбища. Тумагарцы — сохранить за ними землю под названием «Бекул-бак». Жители сел. Квани, Квалхидатль, Ансалта — оставить за ними пахотный и пастбищный участок. Сиухцы — сохранить за ними пахотный участок и пастбища, за которые они платили 60 фунтов масла и 90 мер молока. Ингердахцы обратились с просьбой оставить в их пользовании местность «Хурадамул-бак», жители сел. Голотль просят освободить их от уплаты податей, которые они ранее платили⁵. С аналогич-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 85, л. 1—3.

² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 5, лл. 3—4. «Ученые записки» ИИЯЛ, Махачкала, 1957, т. II, стр. 268, док. 14.

³ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 402.

⁴ Там же, л. 430.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45, лл. 354, 396, 422, 435, 444.

ными просьбами обращаются и жители селений Гоцо, Моксох, Шотода, Зибирхали, Годобери, Местерух и многие другие¹.

В период борьбы горских народов северо-восточного Кавказ в 20—50 гг. XIX в. «преступная знать» была истреблена и в других местах Аварии. Их имущества были конфискованы, а уцелевшие приравнены к узденям.

Можно ли утверждать, что в связи с этим были освобождены феодально-зависимые крестьяне? Очевидно да. Делая такой вывод, мы не рискуем впасть в ошибку хотя бы потому, что подвергнутые анализу выше приведенные идентичные факты подтвердились. А то, что произошло в одних обществах, могло, при одинаковых условиях, произойти и в других.

Документы, которыми мы располагаем, свидетельствуют также об освобождении в ходе борьбы горцев под водительством Шамиля крестьян, зависимых от кумыкских и казикумукских феодалов. Общеизвестно, что 10 селений или 1600 душ² Салатавии находились в зависимости от кумыкских князей. Известно также, что салатавцы неоднократно отказывались платить подати и нести повинности, поднимаясь на борьбу против своих угнетателей. Так было в 1821 г., когда салатавский аул Қостала отказался платить ясак кн. Хасаю и Муртазали Аджиевым. В 1824—1825 гг. салатавцы восстали вместе с чеченцами и кумыками, «но были остановлены ген. Ермоловым». В 1831 г. салатавцы приняли деятельное участие в борьбе, возглавленной Гази-Магомедом, и только после поражения горцев под Чир-юртом их принудили платить ясак князьям. Так было до 1840 г. «В 1840 г. в период всеобщего восстания в Чечне и Дагестане, говорится в официальном документе, «все салатавцы (кроме аулов Бавтугай, Зурамет и Миатли — В. Г.) отложились и таким образом зависимость их от князей кумыкских прекратилась под влиянием мюридизма, а князья лишились ясака и доходов»³.

«Кумыкские князья, — говорится в другом документе, — получали ясак: с Чечни, Карабулака, Качалыка, Ауха и Салатавии». С 1840 г. «со времени всеобщего восстания горских племен», с ауховцев, также как и с салатавцев, кумыкские князья «перестали получать» ясак⁴.

До возникновения движения горских народов северо-восточного Кавказа жители селений Арчи, Кучур, Шали, Мухар, Ури, Камахи, Бѣхти были зависимы от казикумукских ханов и беков. Они платили подати и отбывали следующие повинности: жители сел. Арчи обязаны были ежегодно отдавать 130

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45, лл. 410, 426, 518, 522; Х. - М. Хашаев. Указ. соч., стр. 33.

² Кавказский календарь на 1859 г., Тифлис, 1858, стр. 280.

³ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 4, лл. 20—22.

⁴ Там же, лл. 40—45.

овец Абдулла-паче, 60 овец братьям Аслан-хана казикумухского, Тагиру и Омару 1 быка, бекам 3 и чанкам 2 коровы; жители сел. Кучур — 210 дачу¹ зерна (из них 130 хану, 80 Абдулла-паче). Кроме того они выставляли 50 ослов для перевозки зерна.

Жители сел. Шали за пользование пастбищами платили бекам Тагиру и Омару с дыма по 3 дачу зерна, 3 ратала² сыра и по 1 раталу масла, от 10 ягнят одного и от всего общества — 10 овец, жители сел. Читта, Чукна, Мугра, Кусруда, Чада — по 1 дачу зерна; жители сел. Мукар, Ури, Камахи, Бёхти — по 15 вьюков дров. Кроме того некоторые хозяйства аула Бёхти обязаны были платить по 30 овец, из них 20 отдавали Пата-Али-Магомеду и 10 Ашма мир-Магомеду.

В 1842 г. Шамиль занял Казикумух и магалы Дусрарат и Мукарарат. «С этого времени, — пишет исследователь истории лаков Али Каюев, — вышеуказанные селения «кроме аула Арчи, были освобождены от уплаты податей и повинностей «ханам и бекам». «В чем провинились арчинцы трудно установить, известно только, что Шамиль передал на 1 год право взимать подати с арчинцев бежавшему к нему Абдул Варису, сыну Абдулла-паче»³. Достоверность этого сообщения подтверждается и документами царских правительственных органов. В ведомости прошений, поданных на высочайшее имя упоминается прошение Абдул-Вариса сына Абдулла-пача, с которым он обратился к царю, проезжавшему в 1871 г. по Кавказу. В графе ведомости «Объяснение местного начальства» указывается, что право на взимание повинностей с селений и пользование землями «дарованы Сурхай-ханом Казикумухским отцу просителя Абдулла-паче, который доводится братом хану, но происходил от крепостной; около 30 лет назад некоторые селения ...отложились к непокорным горцам и избавились от отбывания податей»⁴.

В пояснительной записке к проекту «О положении помещельного устройства» отмечается, что 16 селений «отбывали казикумухским ханам, бекам, джанка-бекам повинности произведением земли и работой», во время долголетней борьбы горцев «некоторые из них передавшись на сторону Шамиля, освободились от повинностей»⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех вышеприведенных документах освобождение крестьян ставится в зависимость от участия их в движении горских народов северо-восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. Это становится понятным, если иметь в виду,

¹ Дачу — около 1 пуда.

² Ратал — около 2; 2,5 кг.

³ Рукописный фонд ИИЯЛ, д. №42, л. 57.

⁴ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, лл. 2, 4 об. 5, 14.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 19.

что широкие народные массы, вступая в борьбу под флагом мюридизма, своеобразного течения реакционного ислама, преследовали «очень деятельные мирские интересы» (Ф. Энгельс), боролись за социальное и национальное освобождение.

Основываясь на тех же документах, можно считать установленным факт освобождения зависимых крестьян Аварии, Салатавии и др. «вольных» обществ, а также крестьян ряда сел, находившихся в зависимости от кумыкских и казикумухских феодалов.

Мы не располагаем статистическими данными, позволяющими точно установить количество крестьян, получивших освобождение. Тем не менее, не боясь впасть в грубую ошибку, можно вполне определенно утверждать, что численность добившихся освобождения рабов, раят и зависимых узденей была весьма значительной. Однако, говоря об освобождении зависимых крестьян в ходе антиколониальной и антифеодальной борьбы горских народов XIX в., следует особо подчеркнуть, что освобождение происходило постепенно, по мере включения в движение того или иного общества или ряда обществ, а не единым актом, постановлением или реформой сверху. Шамиль же закреплял положение добившихся освобождения крестьян. В этой связи особый интерес приобретает замечание Руновского. «Шамиль, — писал он, — всегда признавал необходимым освободить людей от безотчетной зависимости их единоплеменников»¹. Что же касается первых двух имамов Дагестана и Чечни — Гази-Магомеда и Гамзат-бека, то они видимо иначе относились к освобождению крестьян от феодальной зависимости. Это видно хотя бы из того, что «крестьянские массы, ненавидевшие шамхала Тарковского, крупнейшего владельца северного Дагестана, сначала отозвались на призыв Гази-Магомеда, но затем быстро разочаровались к нем, поскольку он даже не попытался отменить тяжелые феодальные повинности и освободить крестьян от господства феодальных эксплуататоров»².

Говоря об освобождении крестьян, в ходе долголетней борьбы горцев, было бы неправильным полагать, что в военно-теократическом государстве — имамате было осуществлено всеобщее равенство, покончено с эксплуатацией. В тех конкретно-исторических условиях не могло быть и речи о ликвидации эксплуатации и социальном равенстве... Жители имамата обязаны были вносить в созданную Шамилем государственную казну (байтул-мал) налоги на общее дело борьбы. Размеры этих налогов изменялись в зависимости от успехов и

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1298, ч. II, л. 68.

² А. В. Фадеев. Антиколониальное движение народов Северного Кавказа. Журн. «Преподавание истории в школе», № 6, 1957, стр. 41.

поражения движения. Первоначально крестьяне районов, охваченных движением, платили только пятую часть с военной добычи, а когда борьба приняла огромные размеры, созданы большая армия и государственный аппарат, стала ощущаться необходимость экономического напряжения, Шамиль стал вводить новую налоговую систему.

Согласно показаниям бывшего в плену у горцев кн. Орбелиани население «имамата» должно было вносить «закат или десятую часть со всех произведений земли, от скотоводства по одному барану с 50-ти, а у кого меньшее стадо, тот ничего не платит, от денежного имущества по 50 коп. сер. с 10 руб. сер.; хумс — пятая часть со всей добычи...»¹.

По данным секретаря Шамиля Гаджи-Али в государственную казну вносили: «1. Закат (узаконенный шариатом сбор): а) с хлеба ... (имеющий пятьдесят и более мер вносил) с каждых пятидесяти мер по шести; б) с овец... (со ста овец взымалась одна овца); в) с денег ... (имеющий 40 руб. и более ежегодно вносил с каждых 10 руб. по 20 копеек). 2. Харадж (подать) с горных кутанов (пастбищных)»².

В связи с изнурительной войной, кроме перечисленных постоянных обложений, вводились чрезвычайные сборы. «Шамиль, — пишет Ржевусский, — сначала покупал хлеб по вольной цене, потом назначил таксу, невыгодную для чеченцев, и, наконец, стал собирать хлеб без платы с каждого двора в виде подати»³.

Кроме того, аульская верхушка старалась закрепить за собой право на эксплуатацию крестьянской массы. Но в чрезвычайно сложных внутренних и внешних условиях она не могла не считаться с чаяниями крестьян. Добившаяся в ходе борьбы горцев XIX в. освобождения, узденская масса не хотела заменять одних эксплуататоров другими. Понимая все это, аульская верхушка шла к своей заветной цели окольным путем, стремилась прибрать к своим рукам административный аппарат, занять в нем командные посты, чтобы, пользуясь своей властью, эксплуатировать узденские массы. И действительно, наибы, кадии и др. лица администрации имамата, встав у «кормила власти», сосредоточили в своих руках крупные состояния, используя введенную в имамате налоговую систему в целях личного обогащения. «Доходы наиба, — свидетельствует Хаджи-Мурт, — состоят в помощи рук

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6478, л. 70.

² Гаджи-Али. «Сказание очевидца о Шамиле». ССФКГ, вып. 7, Тифлис, 1873, стр. 74.

³ Кавказский сборник, Тифлис, 1882, т. VI, стр. 409.

вверенного ему края»¹. А по словам Гаджи-Мухаммеда Ас-Согратли, наибои уподоблялись «волкам над стадом»².

Стремление аульской верхушки использовать борьбу горцев, произвол и беззаконие наибои и мюридов обостряли социально-экономические противоречия, которые подспудно существовали с самого начала движения. Нарастающие противоречия приводили к внутреннему разложению имамата, а, следовательно, ослабляли и сопротивляемость самодержавию. В итоге, в 1859 году под ударами царских войск государство Шамиля рухнуло.

Имеющийся фактический материал свидетельствует о том, что и после подавления движения горских народов северо-восточного Кавказа царизм, восстанавливая в правах ханов и беков, вынужден был считаться с интересами освободившихся в ходе борьбы горцев, крестьянских масс. Притязания Андреевских, Аксаевских князей, обратившихся с просьбами о восстановлении прежних отношений, кавказское командование отклонило на том основании, «что прежние права князей над Салатавией приобретены были оружием и точно таким же образом утрачены. Новое же покорение племен, плативших ясак князьям кумыкским, было делом правительства русского, а не князей кумыкских, которые если и оставались владельцами кумыкской плоскости, то и этим обязаны своевременному занятию плоскости нашими войсками»³. Не восстановлены были и прежние отношения кумыкских князей над ауховцами⁴, было отказано в просьбе также казикумухским бекам⁵.

В Аварии и в других частях Дагестана царское правительство установило жалование потомкам ханов, истребленных в ходе борьбы горцев.

Однако царское правительство не освободило крестьян от феодальной зависимости. Напротив, после подавления движения Шамиля, самодержавие превратило Дагестан в колониальный придаток России. Крестьянские массы Дагестана, как и других национальных окраин России, подвергались двойному гнету.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда разбила цепи национального рабства, освободила народы Кавказа от национального и социального гнета, ввела народы Дагестана, как равноправные, в дружную братскую семью народов СССР, открыла широкую дорогу к светлому будущему — коммунизму.

¹ АКАК, т. VIII, стр. 527.

² Хроника..., стр. 270.

³ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, лл. 20—22.

⁴ Там же, л. 44—45.

⁵ ЦГВИА, ф. 40, д. 45, л. 2—4.

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ РЯТ И ЗАВИСИМЫХ УЗДЕНЕЙ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Научная разработка истории крестьянства, прошедшего длительный и сложный путь борьбы от стихийных бунтов до сознательного участия в Великой Октябрьской социалистической революции, является весьма актуальной задачей советской исторической науки. История крестьянских движений в Дагестане составляет часть этой общей проблемы. Между тем история крестьянских движений в Дагестане, в частности, борьба раят и зависимых узденей, слабо отражена в исторической литературе.

Автор настоящей статьи не претендует на исчерпывающее изложение истории крестьянских движений в Дагестане, а ставит своей целью сделать попытку раскрыть некоторые вопросы, связанные с борьбой зависимых крестьян за ликвидацию крепостнических отношений.

* *

*

Крестьянская реформа 60-х годов XIX века в Дагестане не коснулась раят и части феодально-зависимых узденей в количестве около 60 тыс. человек. Зависимые отношения крестьянства этих категорий не только не были упразднены, напротив, они были юридически оформлены и признаны царским правительством. Это юридическое оформление и признание выразилось в составлении со слов беков «инструкций» и «ведомостей», в которых перечислялись подати и повинности крестьян бекам. Причем виды и размер отдельных податей и повинностей не всегда точно определялись.

Вопрос же о подготовке отмены зависимых отношений крестьян был передан в сословно-поземельную комиссию, 11. Зак. 1477

состоящую исключительно из представителей царской администрации. Преднамеренная волокита в деле подготовки реформы тянулась десятки лет, вплоть до 1913 года.

Таким образом, раяты и часть зависимых узденей, говоря словами той же сословно-поземельной комиссии, были «предоставлены полному, бесконтрольному усмотрению беков», которые проявили при взыскании податей и повинностей «недостаточную умеренность и произвол, не сообразуясь ни с условиями времени, ни с экономическим положением раят»¹.

Под влиянием развивавшихся товарно-денежных отношений, в результате развития русского капитализма вширь расшатывались старые устои общественно-экономической жизни дагестанских народов. «Русский капитализм, — писал В. И. Ленин, — втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик»².

В изменившейся обстановке феодальное хозяйство не могло быстро приобщиться к новым условиям рынка, и беки это старались компенсировать усилением угнетения крестьян. В погоне за деньгами беки расширяли барскую запашку, увеличивали площади пастбищных земель. Бекам было выгоднее отдавать землю в аренду промышленникам, купцам и сельским обществам, независимым от беков, чем оставлять ее в пользовании раят. Поэтому беки стали отбирать земли у крестьян.

В документах содержится большой фактический материал, показывающий многообразные формы проявления неприкрытого произвола беков и представителей царской администрации в Дагестане. Приведем некоторые из этих фактов.

В 1871 г. крестьяне сел. Буркихан Кюринского округа в жалобе царю указывали, что беки «обременяют их повинностями, отнимают пастбищные и другие необходимые для них земли»³. Царские власти в 1872 г. решили отобрать в казну 500 дес. земли раят сел. Берикей Кайтаго-Табасаранского округа⁴. В конце 70-х и начале 80-х годов XIX в. Бейбалабек Гимейдинский захватил у раят сел. Зидиан несколько участков пахотной и пастбищной земли в местности «Каласувар», часть которой продал, а другую часть отдал в аренду⁵. Крестьяне сел. Кумторкала Темир-Хан-Шуринского округа писали о том, что беки Мирзоевы, основываясь на решении дагестанского «народного» суда, захватили в 1885 г. в местности «Кокрек» половину принадлежащей крестьянам земли

¹ «Красный Архив», 1936, № 6(79), стр. 117.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

³ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 242.

⁴ Там же, л. 578.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 18, л. 9.

«пространством в несколько тысяч десятин», а другой бек Тарковский отобрал 3861 десятин¹.

Случаи захвата крестьянских земель беками участились в конце XIX в. и начале XX в., в период бурного развития товарно-денежных отношений в Дагестане. Так, в Кайтаго-Табасаранском округе захват крестьянских земель беками принял настолько широкий размах, что в 1899 г. туда вынужден был отправиться помощник военного губернатора Дагестана. Он собрал крестьянских поверенных, опросил их и о результатах опроса донес рапортом военному губернатору. Из этого рапорта видно, что бек Уцмиев отобрал у раят сел. Селик 200 саб посева, а участок земли («Шабан-Кутан») размером 200 дес. продал бывшему председателю областного суда Грисенко; у крестьян сел. Хан-Мамед-Кала бек захватил участок под названием «Кафари-Арх», у крестьян сел. Татляр отнял участки пахотных земель «Карби-Дибиди», «Касан-Лий» и «Куба-Араси»².

В 1901 г. бек захватил у раят сел. Джемикент 600 дес. земли³. В 1902 г. беки запретили крестьянам сел. Рукель производить распашки и пасти скот на кутанах «Кинеиль», «Шиш-Тафа», «Гарубу-Сирит» и «Чохур-паласа» и отдали их в аренду другим лицам⁴. В 1906 г. бек Тарковский захватил у крестьян сел. Муслим-аул Темир-Хан-Шуринского округа участок земли под названием «Адербеджань»⁵.

Отобранные у крестьян земли беки либо продавали, либо сдавали в аренду барановодам, купцам, промышленникам, получая большие доходы:

Необходимо отметить, что беки, отбирая у крестьян земли, заставляли их нести подати и повинности в прежних размерах, так как размеры феодальной ренты не находились в соответствии с размерами крестьянских наделов. Для подтверждения сказанного сошлемся на признание сословно-поземельной комиссии, которую никоим образом нельзя заподозрить в защите интересов крестьян. В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», составленной в конце 70-х годов XIX в., говорится, что «лет 8 тому назад некоторые беки стали отбирать участки из общественной земли, оставляя поселян (раят — Х. Р.) при прежних повинностях»⁶. А вот другое признание этой же комиссии, относящееся к 1910 г.: «Поселянские повинности в Дагестане не имеют прямого отношения ни к трудоспособности отдельной податной единицы, ни к ее

1 ЦГИА Гр. ССР, ф. 12, оп. 7, д. 3792, лл. 2—3.

2 ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, лл. 83—86.

3 Там же, ф. 2, оп. 3, д. 142 «Г», л. 42.

4 Там же, д. 142 «Б», л. 224.

5 Там же, оп. 2, д. 42, л. 36.

6 Там же, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 19.

состоятельности, ни к земельной обеспеченности: как бы различно ни было количество земли у отдельных поселян, они все вносят повинности бекам в одинаковом размере»¹.

Беки не только захватывали лучшие участки крестьянских земель, оставляя их при прежних повинностях, но и увеличивали размеры существовавших повинностей, а также вводили множество повинностей, ранее крестьянам неизвестных.

Приведем факты, взятые нами из многочисленных прошений крестьян. Поверенные крестьян сел. Митаги Кайтаго-Табасаранского округа жаловались в 1882 г. на произвольное увеличение беками размера существовавших повинностей:

1. Крестьяне по обычаю должны были обрабатывать бекские поля 1 день, а с них бек требует 3 дня.

2. Вместо одного дня жатвы требуют 3 дня.

3. Очистка бекских земель от сорных трав и кустарников ранее лежала на крестьянах, не имеющих рабочего скота, а теперь бек заставляет выполнять эти работы всех крестьян без различия.

4. Вместо одного дня кошения сена бек требует 3 дня.

5. Ранее каждый крестьянский дым перевозил на гумно бека по одной арбе снопов, а теперь бек требует перевозки всего сжатого хлеба.

6. Вместо двух арб с дыма бек заставляет привозить по 5 арб дров.

7. Выжигание угля не входило в обязанности крестьян, но теперь бек заставляет нести и эту повинность и т. д.²

В 1895 г. помощник военного губернатора Тиханов был командирован в Кайтаго-Табасаранский округ в связи с отказом крестьян этого округа от выполнения повинностей в пользу беков. Он собрал крестьян ряда селений, чтобы они объяснили причину их «упорного уклонения от правильного отбывания бекских повинностей». Из его донесения видно, что крестьяне селений Марага, Рукель, Митаги, Кемах, Зидиан и Бильгады заявили: «Отбывание казенных, земских и бекских повинностей в последнее время сделалось для них непосильным, ввиду их обеднения и, кроме того беки стали требовать от них такие повинности, которые раньше не существовали. Так например: взимают плату за вывозимые из леса для продажи в город Дербент дрова и угли, за арбу первых по 50 копеек, а вторых — по 1 рублю; отбирают в свою пользу недвижимое имущество раят, не оставивших после своей

¹ О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелеладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения Дагестанской области и Закатальского округа. «Красный Архив», 1936, № 6(79), стр. 136.

² ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 18, л. 2.

смерти детей мужского пола, и наконец, при выходе раятской девушки замуж берут по 10 рублей»¹.

Поверенные от крестьян 25 селений Кайтаго-Табасаранского округа, отправившиеся тайком от беков в Тифлис для подачи прошения главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, указывали, что беки «произвольно, по своему усмотрению назначают налоги на кур, на яйца, на дрова, на уголь, даже с каждого молодого, который думает жениться, берут по 10 рублей»².

В 1896 г. крестьяне 9 селений Кайтаго-Табасаранского округа в жалобе министру внутренних дел указывали, что беки запретили им вывозить из леса дрова и уголь, в три раза увеличили размер барщинных дней, заставляют бедного раята при женитьбе платить 10 рублей, а «богатого» раята 25 рублей, а пока раяты не выплатят указанную сумму, запрещают им вступать в брак³.

Тяжелое положение раят и зависимых узденей усугубляется еще тем, что на практике довольно часто бек — получатель феодальной ренты оказывался одновременно царским должностным лицом, к которому должны были обращаться крестьяне с жалобами на злоупотребления беков и их сборщиков.

Размер ежегодно отбываемых податей и повинностей крестьян не находился в соответствии с количеством земли, находившейся в их пользовании, а определялся количеством дворов в селении и степенью обеспеченности раят рабочим скотом. Беки при разделе между сонаследниками прав на взимание феодальной ренты исходили не из количества земли раят данного селения, а из числа дворов⁴.

Следовательно, с ростом количества крестьянских дворов за счет выделения вновь образующихся семейств росли повинности крестьян бекам и в то же время уменьшалось количество земли, находившейся в пользовании крестьянского двора, так как при семейных разделах происходило дробление наделов, которые в конечном счете доходили до ничтожных размеров.

С другой стороны, подворная система обложения приводила к неравномерному распределению феодальной ренты внутри зависимого крестьянства. Чем беднее были раяты и зависимые уздени, тем большую долю продукта их труда составляла феодальная рента, и наоборот.

Тяжесть гнета беков была настолько сильной, что крестьяне, оставляя родные места, были готовы переселиться куда

1 Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1294, стр. 94.

2 Там же, стр. 88, 90.

3 Там же, д. 1383, стр. 76.

4 «Красный Архив», 1936, № 6(79), стр. 110.

угодно и нередко просили об этом у царских властей. В 1871 г. райаты аула Буркихан Кюринского округа наивно просили царя избавить их от гнета бека или же переселить в другую местность¹. Райаты сел. Фиргиль Кайтаго-Табасаранского округа в прошении на имя главноначальствующего гражданской части на Кавказе писали: «Мы рады оставить родину, переселиться в другое место сего государства, если укажут нам, ибо нет больше терпения... просим распоряжения об избавлении нас от притеснения беков»².

Райаты и зависимые уздени, так же как и все крестьяне Дагестана, подвергались гнету со стороны должностных лиц сельского управления, торговцев и ростовщиков. Так, старшина райатского сел. Ерси Саид Амирхан-оглы самовольно взыскал с крестьян штрафы в размере от 5 до 10 рублей, а также отобрал ковры, домашнюю посуду³. Крестьяне сел. Султан-Янги-Юрт в жалобе указывали, что старшина захватил участок общинной земли и отдал его под охоту начальнику округа за 80 рублей, распахал другой участок общинной земли, берет взятки и т. д.⁴.

Духовенство эксплуатировало крестьян, взимая всевозможные поборы за отправление обрядов религиозного культа.

Райаты и зависимые уздени несли на своих плечах всю тяжесть государственных налогов и отбывали многочисленные трудовые повинности. Они платили поземельный налог или оброчную подать, земские сборы и воинский налог. За неуплату налогов и неотбывание повинностей крестьян избивали, у них отнимали имущество. Несмотря на жестокие меры царских властей, за райатами и зависимыми узденями числились из года в год увеличивающиеся недоимки. Кроме того, существовало много косвенных налогов на предметы потребления, которые тяжело сказывались на жизни крестьян.

Исключительно тяжелое положение райат и зависимых узденей усугублялось их политическим угнетением. Крестьяне по-прежнему оставались низшим сословием. Они были подчинены бекам в лице представителей так называемого «военно-народного управления».

Сословно-поземельная комиссия, при всей ее тенденциозности, вынуждена была открыто писать, что крестьянское движение в Дагестане «прежде всего имеет... экономический характер. Отбывавшиеся бекам Дагестана повинности являлись обременительными для поселян, так как последние кроме них должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подымную подать, а после 1900 г. государствен-

1 ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 242.

2 Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1383, стр. 82.

3 Там же, д. 1294, л. 129.

4 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 10, л. 4.

ный поземельный налог или оброчную подать. Естественно, что поселяне тяготятся таким **двойным обложением** (подчеркнуто нами — Х. Р.), принимающим довольно чувствительные размеры»¹.

Таким образом, тяжелое экономическое положение и полнейшее бесправие толкали раят и зависимых узденей на борьбу против двойного гнета. Борьба раят и зависимых узденей за ликвидацию крепостнических отношений, принимавшая многообразные формы, на протяжении всего пореформенного периода, не прекращалась.

Распространенной формой крестьянского недовольства была апелляция крестьян к органам царского административного аппарата. Подача жалоб и прошений имела определенный мотив социального протеста. Крестьяне десятилетиями неотступно добивались освобождения от гнета беков. Сущность почти всех жалоб и прошений сводилась к одному и тому же — захвату беками крестьянских земель, увеличению тяжести феодальных повинностей. Как правило, жалобы и прошения заканчивались просьбой об освобождении от произвола беков, причем жалобщики нередко ссылались на крестьянскую реформу в России и на ее окраинах.

Отличительными особенностями крестьянских жалоб рассматриваемого периода являлись: упорство, настойчивость, и коллективный характер. Нередко крестьяне десятков селений подавали совместные жалобы. Так, крестьяне 22 селений северного Табасарана подали совместную жалобу военному губернатору Дагестана. Крестьяне 25 селений Кайтаго-Табасаранского округа за два года подали 11 совместных жалоб, из которых 5 — главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, 1 — сословно-поземельной комиссии и 5 — военному губернатору Дагестана. Крестьяне сел. Буркихан Кюринского округа, только по данным, обнаруженным нами в архивах, за 42 года (1871—1913 гг.) подали 9 жалоб. Эти жалобы подавались в следующие инстанции: в 1871 г. — Александру II, в 1885 г. — главноначальствующему на Кавказе, в 1905 г. — сословно-поземельной комиссии и наместнику царя на Кавказе, в 1907 г. — военному губернатору Дагестана и председателю Совета Министров, в 1913 г. — военному губернатору Дагестана.

Однако попытки крестьян добиться правосудия через органы административного аппарата царизма оказывались тщетными, потому что официальные власти относились к крестьянским жалобам крайне равнодушно. Царское правительство обманывало крестьян, давая почти на все их жалобы

¹ «Красный Архив», 1936, № 6(79), стр. 116.

один ответ, смысл которого заключался в том, что сословно-поземельная комиссия скоро разрешит вопрос об освобождении крестьян.

Царским властям не нравилась даже и эта, так сказать, законная форма крестьянской борьбы. Местные власти и беки часто запрещали крестьянам писать прошения и жалобы, преследования за них доходили до арестов. Так, крестьянин сел. Джемикент Абуталиб Нугом в 1903 г. был арестован на семь суток за подачу прошения об освобождении крестьян селения от повинностей беку Уцмиеву¹. Подобных фактов можно привести много.

В крестьянских жалобах заметны и монархические иллюзии. Крестьяне иногда наивно просили назначить для разбора жалоб «справедливого и беспристрастного чиновника», называли царя «человеколюбивым монархом», и себя «его верно-подданными». Однако, чем дальше, тем больше крестьяне на собственном опыте убеждались в том, что справедливости в царских органах власти нет, что царь стоит за беков.

Убедившись в невозможности добиться освобождения от крепостнической кабалы путем подачи прошений, крестьяне переходили к более зрелым формам борьбы. Все чаще наблюдались случаи самочинного захвата крестьянами бекских земель и скота, потравы их хлебов, покосов и лугов, самовольных порубок бекских лесов, а также поджогов бекских имений, нападений на беков, многие из которых бежали в города, под защиту царских властей, массовых отказов выполнять повинности бекам.

В 1883 г. крестьяне селения Ялах Самурского округа отказались отбывать бекские повинности и оказали старшине и ахтыпаринскому наibu «явное неповиновение». Затем 63 крестьянина этого селения пришли в Ахты и заявили начальнику Самурского округа, что они не будут нести повинности бекам и не будут подчиняться приказаниям правительства в этом деле, а если будут применять насильственные меры, то они силой воспротивятся этому. Перепуганный начальник округа срочно донес о действиях ялахцев военному губернатору Дагестана, который 20 августа 1883 года издал приказ, полный угроз по адресу крестьян. «Я полагаю, — писал военный губернатор, — что с течением времени вы образуметесь и поймете всю незаконность своего поступка и раскаянием можете заслужить прощение поступков. Помните, что упорство ваше может причинить вам только несчастье... Предлагаю вам вернуться к законному порядку и отбывать... повинности в пользу беков»².

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 94, л. 2.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1294, стр. 22.

Для объявления этого приказа и отобрания от крестьян подписки, что они знакомы с ним, в селение отправился начальник округа. Но крестьяне и на этот раз отказались подчиниться распоряжениям царских властей. Из вторичного рапорта начальника Самурского округа военному губернатору от 14 сентября 1883 г. выясняется, что, выслушав со вниманием приказ военного губернатора, «все ялахское общество наотрез объявило, что приказа этого не принимает, изложенным в нем распоряжениям повиноваться не желает и отбывать бекам повинности ни в коем случае не будет»¹. Крестьянская сходка вынесла постановление: «Требование начальства, изложенное в приказе, не исполнять»² и вручила его начальнику округа. Волнения крестьян сел. Ялах были подавлены силой оружия и крестьян заставили вернуться к «законному порядку».

Широкой волной прокатилось движение раят в Кайтаго-Табасаранском округе. Почти все райты округа прекратили отбывание повинностей. В конце XIX в. в этом округе было налицо крупное аграрное движение. Участились открытые столкновения райт с беками, а также захваты ими бекских земель.

Табасаранские беки с тревогой писали председателю Государственного Совета, что в 1895 г. райты «открыто восстали против нас» и что «даже жизнь наша в настоящее время не в безопасности»³. Из донесения Казанов-бека Табасаранского военному губернатору видно, что с «1897 года все райты Кайтаго-Табасаранского округа сообща стали враждовать с нами, уклоняются от своих повинностей и всячески стараются обижать нас и принести материальные убытки нам, потравляя наши сады, посевы, покосы и ятаги, увозя наших лошадей и скотину, поджигая саман, лыки, сено, истребляя леса для продажи в Дербенте и выжигая угли для той же цели. Некоторые захватили силой наши земли... Так мои райты—жители сел. Мугатыр и Митаги с 1897 года уклонялись нести мне повинности... и исполнять сельскохозяйственные работы. Райты потравляют каждый год мои посевы, покосы и ятаги, увели... моих лошадей — 5, коров — 6, буйволов — 6 и одного буйвола закололи кинжалом»⁴.

Сословно-поземельная комиссия указывала: «В 1895 г. в райтских селениях Кайтаго-Табасаранского округа возникли волнения, причем райты отказались отбывать своим бекам установленные обычаем повинности. Эти волнения повторились

1 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 28, л. 14.

2 Там же.

3 Там же, ф. 90, оп. 2, д. 28, л. 18.

4 Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1294, л. 151—152.

в начале текущего 1898 года. Хотя вследствие принятых строгих мер, раяты и успокоились, но это успокоение надо признать временным, впредь до возникновения нового серьезного повода к столкновению между раятами и беками»¹.

Из донесения военного губернатора от 1899 года также видно, что «почти все раяты северного Табасарана отказались выполнить лежащие на них натуральные повинности для беков»².

Крестьяне нередко оказывали противодействие и представителям местных властей. Раяты сел. Рукель отказались выйти на работу для бека. Когда местные власти попытались принудить раят выйти на поля бека, то они через своего односельчанина Гаджи-Ахмед Ага Рагим-оглы заявили старшине, «чтобы он более не присылал чауша (аульского глашатая — Х. Р.) с приказанием выходить на бекские работы, иначе общество побьет чауша» и старшину³. За это заявление крестьянин Гаджи-Ахмед Ага Рагим-оглы был арестован помощником военного губернатора и отправлен в Дербентскую тюрьму.

Царская администрация неизменно выступала в защиту беков, жестоко подавляла волнения раят и силой вынуждала их исполнять феодальные повинности. В случае упорства власти отбирали у раят скот и домашнюю утварь, возмещающая бекам стоимость повинностей.

Главкомандующий на Кавказе 31 июля 1903 г. категорически требовал «обязать раят впредь уплачивать подати и отбывать повинности бекам исправно. При неисполнении раятами сего, взysкивать подати и повинности в административном порядке»⁴. В 1904 г. начальник Северо-Табасаранского участка согласно этому распоряжению отобрал у раят сел. Марага несколько штук медной посуды, продав которую, деньги вручил местному беку.

Характерно отметить, что в крестьянских выступлениях, по сравнению с предшествующим периодом, элементы организованности и сознательности были несравненно сильнее. Большую работу среди крестьян проводили выделявшиеся в ходе крестьянской стихийной борьбы организаторы и руководители, или, как их именовали официальные власти, «подстрекатели», «зачинщики».

Они, разъезжая по аулам, призывали крестьян захватить бекские земли и скот, потравить их посевы и луга, не платить

¹ Журнал заседания комиссии для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края военно-народного управления. 23, 30 ноября и 7 декабря 1898 г. № 16, ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 4.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1294, л. 140.

³ Там же, л. 98.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 231, д. 322, л. 1.

бекам подати и повинности, нападать на бекские имения, не поддерживать с беками никаких связей. Во многих местах раяты перестали принимать участие в бекских свадьбах и похоронах, что было по местным обычаям высшей формой проявления ненависти.

Крестьяне-вожаки нередко прибегали и к такому методу, как преднамеренное распространение слухов, которые отвечали крестьянским чаяниям. «Подстрекатели, — писал начальник Қайтаго-Табасаранского округа, — распустили слух, что в высших правительственных сферах решен уже вопрос об окончательном освобождении раят от зависимости беков, что теперь они уже не должны исполнять никаких повинностей, что высшее начальство сочувствует их горестному положению и что за неисполнение требований беков и приказаний местного окружного начальства их не станут наказывать и проч.»¹. Естественно, что слухи, распускаемые крестьянскими вожаками, обостряли и без того натянутые отношения между раятами и беками; они, как метко сказано в официальном документе, «мутили» общества раятских селений².

Разумеется, царские опричники принимали все меры к скорейшему выявлению и наказанию «подстрекателей» и «зачинщиков», в лице которых они видели опасных государственных преступников. На них организовывали настоящую охоту. Так, из рапорта наиба северного Табасарана от 1899 года выясняется, что по произведенному им расследованию выявлено 30 зачинщиков беспорядков³. Исполняющий должность начальника Қайтаго-Табасаранского округа подполковник Шосте доносил, что ему удалось выявить 21 подстрекателя⁴. В этих документах приведены были фамилии «самых главных подстрекателей» по каждому селению в отдельности: по селению **Гимейды** Бурган Гусейн оглы, Базай Ахмед оглы, Ага-Мирза Исмаил оглы и Гуль-Ахмед Ших-Али-Мамед оглы; по селению **Зидиан** Шабан Ибрагим оглы, Баба Агаси оглы, Дашти Орудж Магомед оглы и Аслан Навруз Али оглы; по сел. **Бильгады** Каябек Рагим-хан оглы и Бедер Агарда оглы; по селению **Мугатыр** Бедых Қичихан оглы; по селению **Марага** Сулейман Айдум оглы, Али-Мурад Гаджи-Мурад оглы и Магомед-Керим Абдул-Керим оглы и т. д.⁵.

Отдельные крестьянские вожаки не ограничивались рамками своего родного аула, а переходя в другие аулы, поднимали крестьян на борьбу против беков. Подполк. Шосте писал: «по произведенному мною расследованию» раяты

1 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 43, л. 2.

2 Там же, д. 767, л. 24.

3 Там же, л. 13.

4 Там же, д. 43, лл. 1—2.

5 Там же, д. 767, л. 13; оп. 4, д. 43, лл. 1—3.

селения Марага Сулейман Айдум оглы и Али-Мурад Гаджи-Мурад оглы «являются главными агитаторами не только среди своих односельчан, но вообще среди всех раятских селений», что они «как с начальствующими лицами, так и на суде держат себя дерзко и неприлично»¹.

Колониальные власти жестоко расправлялись с вожаками крестьянской борьбы против беков. Крестьяне Сулейман Айдум оглы и Али-Мурад Гаджи-Мурад оглы в 1900 г. были арестованы и отправлены в Воронежскую губернию, как «виновники в подстрекательстве» раят к борьбе против беков². Другой раят Абдурахман Гасан-Али оглы из сел. Марага «за возбуждение раятского населения против беков» также был арестован военным губернатором³.

Из приведенных выше документов видно, что количество крестьянских вожаков достигало сравнительно большого числа. Это объясняется, на наш взгляд, теми изменениями, которые произошли в общественно-экономической жизни Дагестана в пореформенный период. Дагестан все больше стал вовлекаться в орбиту капиталистического развития России.

Одним из важных сдвигов в рассматриваемый период являлось резкое увеличение количества отходников. В начале XX века количество отходников, уходивших на заработки за пределы Дагестана, составляло более половины трудоспособного мужского населения аула (83 тыс. человек). Крестьяне-отходники, работавшие в крупных промышленных центрах (Баку, Новороссийск, Тбилиси, Владикавказ), безусловно испытывали на себе влияние революционной борьбы рабочего класса. Общий кругозор отходников расширялся. Возвращаясь в родные аулы, они видели сохранившиеся здесь крепостнические отношения, которых в других частях страны уже не было. Неслучайно в крестьянских жалобах и прошениях, в отличие от предшествующего периода, все больше встречались ссылки на крестьянскую реформу, давно уже проведенную в России и на ее окраинах.

Следует указать, что беки жестоко преследовали семьи крестьян, ушедших на заработки в города. В частности, беки захватывали их земли. Кроме того, крестьянин-отходник, возвратившись в аул, вынужден был отдавать беку часть своего скудного заработка в счет числящихся за ним податей и повинностей. Все это способствовало тому, что подавляющее большинство крестьянских вожаков были крестьяне-отходники.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 43, л. 3.

² Там же, л. 31.

³ Там же, д. 67, л. 17.

Несмотря на принятые царским правительством жестокие меры, борьба крестьян против беков стала охватывать все большее число селений, участков и округов.

В ряде селений Темир-Хан-Шуринского округа имели место открытые столкновения крестьян с беками. В 1900 г. произошла вооруженная схватка крестьян сел. Кадар с беком Узун-Хаджи. Причиной этого столкновения явился захват беком лучших крестьянских земель и отказ крестьян нести бекские повинности. В 1903 г. крестьяне сел. Кафыр-Кумух выступили против помещика Тарковского и бека Бахтиар-Хаджи, которые захватили участки крестьянских общинных земель.

В 1904 г. раяты селений Марага и Рукель категорически отказались повиноваться бекам и прекратили уплату податей. На этой почве произошло столкновение крестьян с царскими властями, прибывшими для подавления крестьянского выступления. У раят сел. Марага насильственно отобрали 15 голов рогатого скота в пользу беков. 15 раят были арестованы и отправлены в Маджалис. В тюрьме раяты вынуждены были дать «обещание» впредь исправно нести бекские повинности, после чего их освободили. Однако раяты, выйдя из тюрьмы, не выполнили своего «обещания». Тогда в селение явился начальник округа с милицией с тем, чтобы заставить крестьян выплатить повинности бекам, но он встретил упорное сопротивление всего сельского общества, заявившего, что «распоряжение об уплате повинностей оно не исполнит и добровольно этому не подчинится»¹. Такое же неподчинение распоряжению начальства было проявлено жителями сел. Рукель².

Царские власти не смогли преодолеть упорное сопротивление крестьян. Как сообщается в рапорте военного губернатора, «не имея достаточно людей, начальник участка вынужден был прекратить взыскание повинностей»³ с крестьян селений Марага и Рукель.

Борьба раят и зависимых узденей за ликвидацию крепостнических отношений значительно активизировалась в ходе революции 1905—1907 гг. Под влиянием стачек, забастовок и демонстрации рабочих Дагестана против самодержавия и буржуазии борьба раят и зависимых узденей принимает широкий размах.

«Аграрный вопрос, — писал В. И. Ленин, — составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальную особенность этой революции.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139, л. 193.

² Там же.

³ Там же.

Сущность этого вопроса составляет борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее»¹.

Это ленинское положение целиком и полностью относится и к Дагестану, где крепостнические отношения сохранились в ряде округов без изменений, где львиная доля удобной земли находилась в руках помещиков, мечетей и казны, а крестьяне испытывали острое малоземелье и даже безземелье.

В материалах сословно-поземельной комиссии говорится, что движение раят и зависимых узденей «стало охватывать все больший район, проявившись с новой силой в последние годы (в годы революции 1905—1907 гг. — X. P.), быть может не без связи с аналогичными явлениями в других частях края и во внутренних губерниях империи»².

В 1905 г. крестьяне селений Ялах и Луткун Самурского округа пришли в канцелярию начальника округа и заявили ему, что не будут больше отбывать повинностей бекам³. В том же году крестьяне сел. Тарки самовольно вырубали деревья в бекском лесу и вывезли около тысячи подвод древесины⁴.

Беки селений Гимейды, Зидиан и Бильгады доносили в 1906 г. военному губернатору, что раяты не отбывают повинностей, «не платят арендной платы за производимые ими посевы на принадлежащих нам землях, произвольно действуют, засевая наши земли... обрубая наш лес и вывозят для продажи в гор. Дербент, препятствуют нам при сдаче наших кутанов в аренду под пастьбу, крадут наш скот, словом в последнее время издевались над нами, что мы, как единичная личность, не можем удержаться против такой массы народа, подвергают нас самым недопустимым унижениям»⁵.

В 1906 г. раяты сел. Марага с оружием в руках прогнали арендаторов с зимних пастбищ бека Мамерзабека Табасаранского и приступили к строительству там жилищ. Насмерть напуганный бек телеграфировал военному губернатору: «Положение безвыходное. Прошу скорейшего распоряжения об ограждении жизни и имущества от надвигающихся опасностей, кровопролития»⁶. Царские власти, конечно, не замедлили

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 386.

² «Красный Архив», 1936, № 6(79), стр. 116.

³ ЦГА ДАССР ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 236.

⁴ Там же, оп. 3, д. 22, л. 224.

⁵ Там же, д. 24, л. 15.

⁶ Сборник документов. Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.), Махачкала, 1956, стр. 189.

оказать помощь беку; прибывшие войска разрушили крестьянские жилища, силой удалили раят с бекских земель¹.

Из рапорта военного губернатора Дагестана от 22 августа 1906 г. выясняется, что крестьяне сел. Ялах снова отказались нести повинности какинским бекам². Дело о неоднократных отказах крестьян селений Луткун и Ялах нести повинности бекам разбирал помощник военного губернатора области Кривенко, который подтвердил, что «указания местной администрации на подстрекательства со стороны неблагонадежных элементов из Баку беспорочно» имеет место.

В годы революции 1905—1907 гг. и в послереволюционный период большую работу среди крестьян проводили известные дагестанские революционеры М. Дахадаев, Д. Коркмасов, К. Агасиев, И. Малыгин и др. Так, например, в 1906 г. М. Дахадаев был арестован за распространение в селениях революционных прокламаций, за «возбуждение к аграрным беспорядкам», а также за призыв крестьян не платить подати и захватить казенные земли³.

Революционные события 1905—1907 гг. настолько напугали царские власти, что они заговорили о необходимости ликвидации зависимости крестьян от беков. В этом отношении интересно признание царского наместника Воронцова-Дашкова, который писал, что немедленная отмена зависимых отношений «может создать почву для успокоения в местностях, охваченных крестьянскими волнениями, и предупредить возникновение таковых же волнений в прочих частях Кавказа»⁴.

Небезинтересно отметить, что Совет Министров также признал «настоятельно необходимым упразднение зависимых отношений» крестьян к бекам, «тем более, что развивающаяся в крае революционная пропаганда нашла в пережитках крепостного права обильную пищу для возбуждения крестьян, местами совершенно прекративших уплату лежащих на них повинностей, которые приходится взыскивать силою при помощи войск»⁵. На журнале Совета Министров Николай II собственноручно написал: «Надеюсь, что возбужденные наместником вопросы (о ликвидации зависимых отношений — Х. Р.) получат скорое разрешение»⁶.

¹ Там же, л. 6.

² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 251.

³ Сборник документов. Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.). Махачкала, 1956, стр. 174, 175, 177.

⁴ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, Тифлис, 1907, стр. 40.

⁵ Особый журнал Совета Министров от 10, 17 июля 1907 г., ЦГИА Гр. ССР, ф. 13, д. 475, л. 88.

⁶ Там же.

Приведенные факты свидетельствуют о силе и размахе борьбы крестьян, заставившей представителей самодержавного строя признать необходимость ликвидации зависимых отношений крестьян.

В 1905—1907 гг. царская администрация приступила к принудительному сбору повинностей с крестьян, вызвавшему в некоторых селениях вооруженное сопротивление раят¹. В 1907 г. происходит крупное столкновение крестьян сел. Агач-аул с беками, которые сдали в аренду часть земли в местности «Тарнаир», находившейся в пользовании крестьян. Крестьяне прогнали скот арендаторов, разрушили и сожгли загоны².

Революция 1905—1907 гг. была потоплена в крови рабочих и крестьян. В стране установилась жестокая столыпинская реакция. Однако, несмотря на жестокие репрессии, крестьяне Дагестана продолжали борьбу за ликвидацию крепостнических отношений. Более того, эта борьба обострилась.

В 1908 г. генерал-майор Уцмиев писал военному губернатору, что раяты с оружием в руках напали на его имение и что он, «опасаясь дальнейших осложнений с раятами, переехал из имения Карадаглы в Дербент»³. Крестьяне селений Верхнее Казанище и Кумторкала Темир-Хан-Шуринского округа отказались от исполнения повинностей бекам. В том же году крестьяне селений Великент и Деличобан разрушили в местности «Рамазан» ряд построек и «учинили насилие против» откупщика Гайдарова. Причиной этого столкновения явилась отдача в 1907 г. беком Уцмиевым и царской казной названному откупщику земли, принадлежавшей жителям Кара-Кайтагского и Нижне-Кайтагского участков, откуда они добывали соль. Выступления крестьян было подавлено. Как указано в рапорте военного губернатора Дагестана, «главные виновники были подвергнуты наказанию»⁴.

В 1909 г. жители Карадаглы самовольно распахали земля бека Уцмиева⁵. Крестьяне сел. Дургели самовольно произвели порубку леса на Кафтар-Кутане на большом пространстве⁶.

В Кайтаго-Табасаранском округе произошли столкновения крестьян с царскими властями. В отношении военного губернатора в канцелярию наместника Кавказа говорится: «7 ноября 1909 г. в сел. Рукель прибыл начальник Северо-Табасаранского участка, собрав сельский сход и должностных лиц,

¹ Сборник документов. Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.). Махачкала, 1956, стр. 214.

² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 25, л. 180.

³ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 31, л. 21.

⁴ Там же, оп. 3, д. 25, лл. 3—4.

⁵ Там же, оп. 5, д. 31, л. 21.

⁶ Там же, оп. 2, д. 67, л. 30.

предложил им собрать повинности рукульскому беку Магомеду. Сельское общество категорически заявило, что оно добровольно платить повиности не будет. После долгих увещеваний, оказавшихся безуспешными, начальник участка вынужден был приступить к принудительному взысканию, но только он с сельскими должностными лицами, четырьмя всадниками милиции и в сопровождении бека Магомеда вошел во двор раята Хан-Магомед Нур Магомед-оглы, как на них бросилось все сельское общество с дубинками и силою вытеснило со двора; причем двое из жителей сел. Рукуль... с обнаженными кинжалами напали на бека Магомеда, который спасся лишь тем, что успел скрыться в своем доме. Окруженный со всех сторон возбужденной толпой, начальник участка с всадниками и должностными лицами едва мог выбраться из толпы и, считая бесполезными дальнейшие переговоры с обществом, уехал не взыскав повинностей». 5 августа в селение прибыл начальник участка, но раяты заявили ему, что «общество не только не исполнит этого добровольно, но не допустит и принудительного взыскания повинностей, пока будет жив хоть один человек в селении». Тогда в селение прибыл начальник округа, который дважды приказал раятам нести бекские повинности, но оба раза крестьяне отказались выполнить приказ. Когда приступили к насильственному взысканию повинностей, «по всему селению поднялся шум и крик», и дом раята, в котором находился начальник округа «немедленно был окружен со всех сторон местными жителями, которые с криком и бранью заявили, что не позволят никому взыскивать повинности»¹.

27 июля 1909 г. в селение Зиль прибыли царские опричники вместе с местными беками для взыскания с раят повинностей. К приезду начальника участка в селении не оказалось мужского населения, а все дома были найдены запертыми и забаррикадированными арбами, земледельческими орудиями и прочими предметами... Жители, узнав о предстоящем приезде его (начальника участка — Х. Р.) и не желая подчиняться требованию властей об уплате бекских повинностей, ушли из селения неизвестно куда... Начальник участка решил приступить к описи имущества жителей для обращения его на уплату повинностей, но лишь только он в сопровождении находившихся при нем лиц подошел к дому жителя сел. Зиль Рамадана Тагир-оглы, двор которого был заложен 4 арбами, как из соседних садов выбежала с криком и плачем толпа женщин и детей в числе 200 и бросилась на него, всадников и старшин с палками в руках. Когда всадники и старшины попробовали оттеснить толпу назад, женщины стали наносить им удары палками, а дети бросать

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187 «а», лл. 2—11.

камями, так что почти все всадники и некоторые из старшин получили ушибы». Начальник участка, видя, что ничего не получается, «приказал арестовать 4-х наиболее отличившихся азартом предводительниц толпы». Выступление раят этого селения было подавлено превосходящими силами.

Подобные выступления раят происходили и в других селениях Кайтаго-Табасаранского округа (Марага, Падар, Деличобан, Татляр, Гимейды) ¹. Местные власти оказались не в состоянии подавить крестьянское движение в округе. В 1909 г. туда приехал военный губернатор, который вооруженной силой подавил крестьянские волнения. Однако борьба раят и зависимых узденей продолжалась. Об этом свидетельствует признание директора канцелярии наместника царя на Кавказе, который писал в 1910 г., что «движение среди поселян Дагестана продолжается» ².

Следует отметить, что в конце XIX и начале XX вв. крестьяне ряда селений освободились от зависимых отношений к бекам, царской казне и другим сельским обществам. Это частичное освобождение крестьян безусловно следует расценивать как непосредственный результат упорной борьбы крестьян за ликвидацию крепостнических отношений.

Крестьяне сел. Ишкарты Темир-Хан-Шуринского округа в 1900 г. выкупили свои повинности по соглашению с беком ³. Крестьяне сел. Кафыр-Кумух того же округа неоднократно самовольно прекращали отбывание повинностей беку Тарковскому. Наконец, в 1906 г. бек вынужден был признать факт освобождения крестьян указанного селения без всякого выкупа ⁴. Аналогичным образом совершилось освобождение от феодальных повинностей крестьян селений Махмуд-кент, Бар-Бар-кент и Имам-Кули-кент Кюринского округа, Хулиса, Бурши, Чаравалю, Сумбат и Кулушац Казикумухского округа и Цалкита Аварского округа.

3 июля 1900 г. Совет главноначальствующего по гражданской части на Кавказе вынес решение об освобождении крестьян девяти селений Улусского магала Кюринского округа от феодальных повинностей в пользу царской казны и о закреплении за ними земель, находившихся в их фактическом пользовании. С 1901 г. крестьяне этих селений (Куллар, Нюгды, Салик, Азад-оглы, Белиджи, Малла-Халил, Джалган, Арабляр и Малла-кент) взамен натуральных повинностей облагались поземельным налогом наравне с другими жителями Дагестана ⁵.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187 «а», лл. 2—11.

² «Красный Архив», 1936 № 6(79), стр. 116.

³ ЦГИА Груз. ССР. ф. 231, д. 370, л. 2.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 140 «а», л. 36.

Жители селений Шара, Курхи и Убра Казикумухского округа подали прошение об освобождении их от повинностей в пользу сел. Казикумух. В 1883 г. кавказская администрация дала указание о прекращении зависимых отношений названных селений от сел. Казикумух.

Жалоба, поданная жителями селений Нита, Накитль и Датун в 1882 г. об освобождении их от зависимости сел. Хунзах обошла почти все инстанции бюрократического административного аппарата царизма на Кавказе. Только 2 мая 1900 г. дагестанский «народный» суд решил удовлетворить просьбу жителей названных селений и закрепил за ними принадлежавшую им землю¹.

В 1903 г. жители Эчеды Андийского округа освободились от зависимости селению Шинды путем выкупа в размере 6 тыс. рублей при посредничестве окружного словесного суда.

По нашим подсчетам, с 1883 г. по 1907 г. крестьяне 27 селений в количестве около 10 тыс. человек в той или иной степени освободились от зависимых отношений к бекам, царской казне и другим сельским обществам.

Наконец, борьба крестьян заставила царское правительство в 1913 г. произвести отмену феодальных повинностей крестьян. В 1913 г. крестьяне 95 селений в количестве 70 тыс. человек освободились от отбывания феодальных повинностей бекам.

Таким образом, с 1883 по 1914 гг. крестьяне 122 селений в количестве около 80 тыс. человек освободились от зависимых отношений. Причем после реформы 1913 г. крестьян заставили платить выкуп бекам в сумме 300 тыс. рублей.

Реформа 1913 года не удовлетворила чаяний крестьянских масс. «Освобожденные» крестьяне остались в экономической и политической зависимости от царизма и местных беков.

Крестьяне Дагестана продолжали борьбу за свое освобождение. В союзе с рабочим классом, под руководством Коммунистической партии, они активно участвовали в Октябрьской социалистической революции, принесшей им, так же как и всем трудящимся, подлинное освобождение.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 14, л. 135.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ТЮРКО-ЯЗЫЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА В НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

До последнего времени социально-политические термины тюрко-монгольских документов эпохи феодализма изучались без привлечения языков народов северо-восточного Кавказа. Между тем в этих языках сохранились интересные данные, расширяющие наши представления о значении таких тюрко-монгольских и других социально-политических терминов эпохи феодализма, как тархан, букаул и другие.

Следы термина «тархан» встречаются в современных фамилиях «Тарханов», «Тархан-Моуравов», «Тархнишвили», «Устарханов» и других. Из истории России известно, что «тарханные» грамоты освобождали от налогов и «от ответственности за 9 совершенных проступков». В частности, этими льготами пользовались мастера кустарного производства.

Этим обстоятельством можно объяснить то, что в монгольском языке слово «дархан» означает «неприкосновенный», «лицо, свободное от повинности» и «мастер». Видимо, и имя собственное «Устархан» следует читать как «уста» (мастер) + «тархан» (освобожденный от повинности). В современном чувашском языке «турхан» — привилегированный класс.

Покровительством кагана, видимо, пользовались не только мастера и князья, но и отдельные города. К числу таких городов мы относим Туматархан и Астрахань. Не случайно ногайцы город Астрахань называют Ас (тархан), кумыки — Аш (тархан); в переписке шамхалов XVII века — Аш (тархан) и Хаджи (тархан). Последнее обстоятельство не оставляет сомнения в том, что Хаджитархан арабских письменных источников и русских летописей и Астрахань тождественны. Не исключена возможность, что Хаджи (тархан) является

мусульманским вариантом более древнего (хазаро-еврейского) названия Аш(тархан) по типу Аш-киязи.

Характерно, что в лакском языке «тархъан», в аварском «тархан» означают «освобожденный», «свободный», а аварский глагол «тархизе» — «освобождать».

В «Исторических песнях кумыков», опубликованных М. Османовым, есть фраза «дертленген юреклени таркъаны»¹, в которой слово таркъан приобретает значение: «опора (покровитель) сердец, наполненных обидой (томлением)». Все это дает основание полагать, что тарханские грамоты играли роль охранных грамот, которые давались высокопоставленными лицами представителям покоренных или зависимых народов или социальных слоев.

В свете этих фактов нельзя признать правильным перевод термина «таркъан» древнетюркских надписей как имя собственное, «хан», «начальник», ибо хан сам выдавал тарханские грамоты и лично в этом не нуждался. Так, например, перевод конца фразы «...огланым, бірікі огушым будунум, біріјә шад-апыт бәгләр, јырај таркат буј рук бәгләр»² как «...начальники: тарханы и приказные...»³ на наш взгляд ошибочен, ибо в ней беги (беки) делятся на соплеменных (своих) и на тех, которые находятся под покровительством тарханских приказов (кагана).

Конец фразы «...удар сән, уи кәлти ...курыја кун-батсыкдакы Собд, Бәрчә-кәр, Букарак улыс будунта Нән, сән, уи Обул таркан кәлти»⁴; переведен как «...пришли Нен, Сен, гун и Огул-Тархан»⁵. На наш взгляд, его следовало бы перевести как «...пришел в качестве таркана (подзащитного) сын Нент Сенгюна».

И в остальных случаях исследователи древних надписей не учитывают того, что тарканом назывался тот, кто пользовался покровительством (льготами) или освобождался от повинностей. Поэтому сам каган не мог считаться тарканом (тарханом)⁶.

Следует учесть, что в древне-тюркских надписях глава централизованного государства называется каганом (qajаn), в средневековых документах — ханом; князья — бегами, беками, беями и биями. Малые народы, входящие в состав

¹ М. Османов. Ногайские и кумыкские тексты С.-Петербург, 1883, стр. 137.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, Л.-М., 1951, стр. 27

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 43.

⁶ В «Тарханских ярлыках Токтамыша, Тимура-Кутлука и Саадет Герая», опубликованных Н. Березиным (Казань, 1851, стр. 4—5) встречается: آذد تراخان و تراخانلق

объединенного государства, имели своего князя (бег, бек, бей, бий), подчиненного кагану, позднее хану. Ввиду этого в преданиях малых народностей хан иноязычен и нуждается в переводчике.

Еще венецианские путешественники обратили внимание на то, что команы во время свадьбы выбирали «руководителя». Современные кумыки и другие народы Дагестана и поныне во время свадьбы выделяют «хана» (северные кумыки), «шаха» (южные кумыки), «тамаду» и др. «Хан» назначает «чауча», который имеет право наносить палочные удары всякому, кто медленно выполняет приказание «хана»; последний может оштрафовать, «обложить данью» ближайших родственников хозяина в пользу гостей (дополнительное угощение вином и т. д.). Самое же главное в том, что «хан» выделяет «переводчика», несмотря на то, что «хан», «переводчик» и все гости говорят только по-кумыкски.

Видимо, в далеком прошлом хан действительно нуждался в переводе его приказаний. «Хан» свадьбы обращается к «переводчику» по-кумыкски: передайте этому «холопу» то-то и то-то. Слова «хана» переводчик «передает» с соответствующими комментариями и остротами. «Холоп» подходит к «хану» снимает с поклоном шапку и спрашивает, «можно ли говорить?» Получив разрешение, он просит «переводчика» передать «хану» то-то и то-то и на остроты «переводчика» отвечает остротами. При этом «хан» старается быть похожим на самых свирепых ханов и ведет себя как ничем неограниченный монах. «Хан» ходит под охраной нөгөрөв, которые, подняв вверх обнаженные кинжалы, с песнями сопровождают его до места назначения.

Так еще сравнительно недавно забавлялись кумыки на свадьбах, вспоминая далекое прошлое. Выделение «переводчика» дает основание для предположения, что в далеком прошлом ханы говорили с кумыками только через переводчиков, что в глазах кумыка хан был чужеземцем.

Кроме того, в кумыкском языке монгольское слово «нөгөр» употребляется в сочетании со словом «хан», а «къзазакъ» со словом «бий» (князь): «ханны нөгөри» (телохранитель хана) и «бийни къзазакъы» (телохранитель князя). Девушки, сопровождающие ханшу, назывались «нөгөр къызлар». В других случаях слово нөгөр в кумыкском и других языках Дагестана, видимо, не употреблялось. Так, в аварском языке нукар, как и в кумыкском, означает телохранитель (хана). В самом монгольском языке слово «нөхөр» означает «друг», в персидском «ноукәр» — «слуга».

Венгерский ученый Ю. Немет в своей статье «Странствования монгольского слова пөкiч «товарищ»¹ рассказывает

¹ «Acta Orientalia». Budapest, 1953, т. III, в. 1—2, стр. 1—23.

о проникновении этого слова в языки Западной Европы. Характерно, что слово «къатун» или «хатун» в ярлыках употребляется в значении «ханши», в современном иранском языке «хатун» означает «госпожа», в монгольском «хатан» — «царица», в кумыкском и других языках Дагестана — «жена».

Несколько слов о термине «оглан» (улан). Слово «оглан» золотоордынских документов и по сей день переводят как «принц» (царевич). Начало этому положил проф. И. Н. Березин. Так, например, он писал: «углан или улан, происходящее от *اوغلى* ... по преимуществу означало ханских родственников, принцев крови...»¹.

Проф. Казем-Бек также необоснованно писал: «*اولان* что из татарского перешло в польский и русский языки: уланами назывались отдельные отряды или эскадры из детей монгольских князей состоявших»². Под татарским языком проф. Казем-Бек мог подразумевать язык казанских татар или азербайджанцев, а в этих языках слово «улан» произносится иначе: в татарском — «ул» (сын), в азербайджанском «огул» (сын), «оглан» (парень). Лишь в кумыкском, киргизском языках и в тюркско-арабском словаре 1245 года имеется «улан» (сын, парень).

Характерно, что сам проф. И. Н. Березин³ фразу из ярлыка Тимур-Кутлука *محمد نينک اوغلانلاری* перевел: «сыновья Мухаммеда». Тем самым он показал, что нельзя было слово оглан безоговорочно переводить как принц, царевич. Больше того, сыновья Мухаммеда объявляются свободными тарханами *اذد ترخان بولسون*

Несколько шире трактует значение слова оглан один из соавторов «Истории Казахской ССР с древнейших времен»: «Опорой власти кагана была дружина, члены которой назывались огланами. Огланы состояли из родичей кагана и лиц, добровольно вставших под его покровительство»⁴. В данном случае принципы дополнены «добровольцами» искусственно, ввиду невозможности из одних царевичей создать целые полки.

Из истории известно, что род, племя, класс основную тяжесть вооруженной борьбы за свои интересы возлагали на

¹ И. Н. Березин. Ярлык хана Золотой орды к польскому королю Ягайлу (1392—1393 гг.). Казань, 1850, стр. 59.

² А. Казем-Бек. Учебное пособие для временного курса турецкого языка С.-Петербург, 1854, 5 лист.

³ И. Н. Березин. Тарханные ярлыки Токтамыша, Тимура-Кутлука и Саадет Герая, Казань, 1851, стр. 5.

⁴ История Казахской ССР с древнейших времен, Алма-Ата, 1949, том I, стр. 85.

молодежь и воспитывали в них необходимые для этого моральные и физические качества. При этом не случайно слово «оглан» и его варианты представлены почти во всех тюркских языках, но ни в одном из них «оглан» или его варианты непосредственно (без добавления хан) не означает «принц», ибо золотоордынские ханы не дошли до образования специального термина «принц» и поэтому обходились тюркским словом «оглан», прибавляя к нему слово «хан» (ханна ула-ны) примерно так же, как в Турции и Иране: шах-заде (сын шаха, т. е. принц).

В подтверждение нашего тезиса отметим, что действительные царевичи (считанные единицы, а не целые полки), т. е. царевичи чингисханиды, следуя старинному обычаю монголов, носили головные уборы с перьями, называемые «өрбелге». По-кумыкски «өрбелги»: верх-метка (символ), т. е. знак величия: белги — метка, белгили — известный; в аварском — белгилияб известный человек. Видимо, не случайно и В. Даль значение слова «улан» не связывал с понятием «принц крови» и объяснял его следующим образом: «Улан м. (татарск. сын?) конный воин, в обтяжной одежде особого покроя, с копьем, на котором значек, флюгарка. Ниж. род десятника, на горных или на рудных заводах. Ханские чиновники в татарщину (конвой, нукеры?)¹.

М. Османовым зафиксирована древняя поговорка кумыков «уланы ёкъны къызы черювге барыр»² (у кого нет сына, у того дочь в армию пойдет), свидетельствующая о существовании в далеком прошлом обязательной воинской повинности «уланов», а не «принцев».

Махмуд Кашгарский (XI в.) также слово «оглан» не связывал со значением принц.

В памятниках русской лексикографии³ слово «углан» переведено как «дитя», рядом с названием сословий «улу бий», «улу бийке» (великая княгиня), «алпаут» (боярин), «ногер» (слуга), «куль» (холоп) и вполне определенно сказано: «углан» (дитя), «ата» (отец), «ана» (мать). В тюркско-арабском словаре 1245 года слова «улан» и «углан» означают «сын». В «Кодексе» 1303 года император — «хан», барон — «бей», принц — «бег», но не «оглан».

Таким образом, вышеприведенные факты не дают основания слово «оглан» золотоордынских ярлыков безоговорочно переводить как «принц». С нашей точки зрения, уланы явля-

¹ В. Даль. Толковый словарь, 1882. Т. IV, стр. 287.

² М. Османов. Ногайские и кумыкские тексты, С.-Петербург, 1883, стр. 108.

³ Павел Симоин. Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XVII—XVIII в. Половецкие и татарские словарики С.-Петербург, 1908, стр. 9.

лись родоплеменным ополчением, военные традиции которого были использованы ханами.

В ярлыках золотоордынских ханов встречается слово «Букавул». Проф. И. Н. Березин полагал, что он обнаружил новый вариант этого слова в виде «Букавул Тамгачи». Н. Веселовский в своей статье «Мнимая должность...»¹ возражал против «соединения этих двух обязанностей в одном лице». Однако при этом остается несомненным тот исторический факт, что должность букавула в Золотой Орде существовала. Наша проверка показала, что в Бухаре, в Грузии, среди кумыков, балкарцев и других народов **بوکاول** (букавул) существовал даже в начале XX века, а местами и в 1917—1922 гг. Так, например, северные кумыки еще в первые годы Советской власти в Дагестане имели своего бегеула, который выполнял все указания «старшины»: штрафовал, арестовывал, раздавал повестки. В случае отсутствия платного бегеула его обязанности по очереди исполняли крестьяне. В аварском языке бигавул—старшина. В «Кодексе» 1303 г. богавул (бокавул) означает: судебный исполнитель и следует после слова яргучы (судья)². В ярлыках встречаются: **بوکاول توقتاؤل لارينا**

Таким образом, значение этого слова принципиально не менялось до 1917 года. Ныне слово бегаул вышло из употребления.

Наряду со словом «букавул» в золотоордынских документах встречаются еще и «каравул», «туткавул», «чапавул»³, гъаравул⁴ трактуемые проф. И. Н. Березиным как тюркские, а проф. Б. Я. Владимирцевым как монгольские слова. В кумыкском языке представлены къаравул (караул); бегевул; булгъавул (хаос, суматоха, беспорядок); кыставул (притеснение, срочная необходимость); чырмавул (путаница); токътавул (стабилизация, успокоение); татавул (канал); в монгольском: татаалус — водопровод. В Русско-азербайджанском, Русско-татарском и Русско-киргизском словарях слово татавул не встречается. Нет сомнения в том, что во всех случаях вторая половина этих сложных слов означает «авул»: бег-авул, кара-авул, чап-авул, тата-авул и т. д., т. е. совпадает с современным словом «аул». Что же могло означать в прошлом слово авул (искаженно: аул)?

¹ «Записки Вост. отд. русск. арх. Об-ва», в. XXIV, 1—4, стр. 201—204, С.-Петербург. 1917.

² «Codex sinaiticus». Copenhagen, 1942, стр. 33.

³ В персидском языке чаповол (грабeж), а чаповолчы (грабитель), йалгар (набег), йацдаул (боковое охранение).

⁴ Гъаравул — авангард. В кумыкском языке «гъарал» — сигнал к одновременному наступлению, приступу и т. д. «Вайгъарай» — сигнал тревоги.

До революции более или менее крупное селение состояло из нескольких аулов, а в ауле проживало сто и больше семейств, объединенных общностью земли (аул-йер или эль-йер). Эль — общество аулов, живущих в мире, т. е. коллектив земледельцев или скотоводов.

В более отдаленное время аул, с нашей точки зрения, означал коллектив охотников — «гъавул» (в тюркских языках звук гъ в начале слова выпадает: арба вместо гъарба, армуг вместо гъармут и т. д.). Кумыкское слово «авлак», означающее «поле», исторически звучало как «гъавлак» и означало «место охоты». Для такого утверждения послужили основанием следующие данные: монгольское слово «авлах» означает «устраивать облаву»; в османском (турецком) языке «авлак» — «место охоты», «долина», «канал»; «авламак» — «ловить рыбу», «удить», а «ав» — «охота» и «невод». В языке астраханских туркмен «авчы» — «рыболов». В кумыкском языке «ав» — «невод», а «гъав» — «охота» и «лай» (звукоподражание — гав.). Таким образом, значение таких слов, как «гъав», «ав», «авламак», «авлак» в основном совпадает. В кумыкском языке сохранилось и слово «гъавул», означающее время: «бир гъавул» — «в одно время». Первоначально слово «гъавул» могло означать время охоты и коллектив охотников или рыболовов.

Следует добавить, что и слово *كشيكه* и *كزيكه* проф. И. Н. Березин перевел как «ханская стража или гвардейский караул, милость, счастье»¹. Однако *كزيكه* в кумыкском и киргизском языках означает — «очередь»; в кумыкском: «очередь пасти скот, караулить», а *كزما* «прогуливаться». Видимо, речь шла об обязанностях, исполняемых по очереди (охрана, стража по установленной очереди).

Необходимо отметить, что судебно-административные термины «тургъак», «айягъак», «тюсев» и другие вышли из употребления значительно раньше, чем «бегеул». Слова «къартлар» и «тамазалар» (тамадалар) потеряли свое былое значение и употребляются в смысле — «старики». Иногда употребляется старое выражение «барамта тутмак» (поговорка: «тутса барамта, тутмаса шаранта»), имеющее большое значение для изучения обычного права. По рассказам стариков, так говорили, когда отбирали имущество в качестве залога; точно так же киргизы заложников и заложниц называли «баши барамтага кармалган киши». В монгольском языке это слово употребляется в качестве юридического термина: «баримт» — «довод», «доказательство», «основание», «удостоверение», а «баримтлах» — «руководствоваться».

¹ И. Н. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. С.-Петербург. 1863, стр. 44.

В свете этого факта становится понятным почему холм, на котором представители различных селений кумыков вырабатывали и принимали адаты, назывался «барамга тобе».

Ясакъ, туякъ гьякъ и булкъя¹ — отработочная, натуральная и денежная формы феодальной эксплуатации крестьян. К тому, что писалось об этих формах эксплуатации следует добавить, что булкъя являлась не только формой работы на феодала всем миром (мирщина), но и служила формой взаимопомощи, коллективной работы крестьян. Даже в настоящее время отделка избы, очистка шерсти, очистка кукурузы (юн булкъя, гьябижай булкъя) производятся девушками в порядке взаимопомощи.

В татском языке слово булка означало сборище, помощь. В даргинском языке билка — родовая помощь. В современном болгарском языке булка — свадьба. Следует отметить, что и у кумыков булкъя сопровождается и завершается весельем: девушки работают, а парни их забавляют. Следы феодальной эксплуатации крестьян, с нашей точки зрения, сохранились и в названиях Дörгöли, Пара-аул и Мычыгыш. Современные народы Дагестана забыли историческое значение этих названий, но они вполне определенно связаны с феодальными формами эксплуатации крестьян. Так, например, значение названия кумыкского сел. Дörгöли, аула селения Таргъу «Дörгöли-аул» и народа даргъылар расшифровывается в системе монгольского языка. В монгольском языке «даргалах» означает «председательствовать», «возглавлять»; «дарга» — «старшина», «начальник», «председатель», «правитель», «наместник», «командир».

В селении Дörгöли, видимо, жил сам Дörгö (начальник) или селение облагалось данью в пользу Дörгö. Основанием для второго предположения послужили данные доклада Сословно-поземельной комиссии царского правительства от 7 июля 1913 г. Согласно этому докладу сравнительно недавно муголы Закатальского округа, помимо уплаты малжагата (малджагат — известная доля урожая зерна) и кесамата (определенного количества хлеба, вносимого ежегодно независимо от урожая), платили еще даргалуг с каждого дыма или сохи в пользу бекского управляющего, отмеривающего малджахат². Следовательно, в Закаталах крестьяне со своим беком общались через посредство этого дарга + лык, по типу бий + лик.

Аул селения Таргъу мог называться Дörгöлю-аул (аул, имеющий дörгö) из-за того, что в нем жил даргъы (дörгö).

¹ «Бурук» Х. Казвини, видимо, и есть булкъя. См. «Известия АН СССР», 1937, стр. 84 (статья И. П. Петрушевского) «Хамдаллах Казвини как источник по социально-экон. истории восточного Закавказья».

² «Красный архив», 1936, № 6, стр. 115.

Об этом свидетельствуют исторические факты. Один из них имеет исключительно большое значение и до сих пор не был известен в научной литературе. Аулы селения Таргъу расположены на склоне возвышенности в следующем порядке¹: на самом верху — двор шамхала, ниже — Чагъар-авул, т. е. аул крепостных крестьян шамхала. Ниже чагъаров и выше остальных аулов был расположен аул, называемый Дöргö-ли-аул. Нам кажется, что расположение Дöргö-ли-аула выше всех остальных аулов и ниже двора шамхала и его чагъаров говорит о том, что до переезда шамхалов и их чагъаров в XVI в. из Казии-Кумуха селением Таргъу управлял дарга (даргу или дöргö) золотоордынского периода, а после переезда шамхалов и их чагъаров дöргö (даргу) играл подчиненную роль, роль сборщика дани и надсмотрщика над аулами, расположенными ниже Чагъар-аула шамхала.

Такое предположение подтверждается еще тем, что известный путешественник Адам Олеарий рассказывает, что после визита к шамхалу «вскоре затем пришел даруга (или начальник) из города Тарку»².

Разумеется, даргалык и малжагъат существовали и в других районах. Так, например, С. П. Зелинский в своей работе писал: «Дарга, даруга — у монголов смотритель или начальник города, области, провинции. В Карабаге этим именем татары называют сборщика повинности с урожая (бахры, малджагъат). Даргалык — хозяину пять, а сборщику — один»³.

Слово чыгъыш в научной литературе известно как термин ярлыков золотоордынских ханов. Проф. И. Н. Березин чыгъыш ставил рядом со словом хардж и переводил как «расходы»⁴.

Однако оказалось, что это не совсем так. Рассказывая об историческом прошлом некоторых зависимых селений, южные кумыки называют их: райат халкъ, чыгъыш берген халкъ. В данном случае слово чыгъыш употребляется не просто как расход, а как оплата расходов князя, т. е. дань, выплачиваемая во всех торжественных и траурных случаях жизни князя

¹ Название и некоторых других аулов селения Таргъу представляют известный интерес: Маңчар-аул, Аляжй-аул и др.

² Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию. С-Петербург, 1905, стр. 502. Видимо существовали «даруга» различных степеней. Так, в «Тарханных ярлыках...» сказано: بشليغ داروغا (главствующий даруга).

³ С. П. Зелинский: Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, Тифлис, 1889, стр. 64.

⁴ И. Н. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева С.-Петербург, 1863, стр. 90. «Джучуев» ср. с дагестанскими именами собственными: Жожу, Джожу, Джучу и др.

и его близких. Характерно, что историческое значение кумыкского слова и слова ханских ярлыков чыгыш полностью соответствует русскому слову выход (дань). Северные кумыки, хотя и забыли слово чыгыш бермек, но и они его употребляли в виде малчыгыш, как и малжахат.

В связи с этим следует пересмотреть существующее уже около ста лет объяснение названия мычыгыш. В 1858 г. А. Д. Ж. Берже¹ писал, что слово мычыгыш произошло от названия реки Мичи + гиши (человек, живущий на реке Мичи). Такое объяснение казалось удовлетворительным, ибо яхсаевских кумыков и мычыгышцев до 1825 года отделяла река Мичи. Однако Дубровин отмечал, что «мычыгышцам» кумыки дали название, выражающее их зависимое положение. Это обстоятельство заставило нас отказаться от трактовки А. Д. Берже, ибо его объяснение не выражало зависимого положения, а другого названия кумыки не знают. Следовательно, следы их зависимого положения оставалось искать в иной трактовке этого слова. То, что кумыкские князья помимо кумыков имели еще своих данников, называемых мычыгыш известно еще со времени Мухаммеда Рафи. Так, например, он писал про шамхала: «Весь Мычыгыш... был его собственностью»².

При исследовании этимологического значения слова мычыгыш мы исходили из того, что если чыгыш означает дань, то ее конкретная форма должна соответствовать специфической особенности хозяйственной деятельности крестьян, плативших дань натурой. Группа, платившая дань исключительно скотом (мал), могла быть названа мал + чыгыш и исказиться до мычыгыш.

Помимо заявления Мухаммеда Рафи и Дубровина, мы исходили еще из того, что Мычыгыш-аул встречается не только в селении Костек, где дань в основном платили рыбой, но Мычыгыш аул мы обнаружили и на противоположной стороне Сулака: в Асолтан-Янгы-юрте, Къарабудакъгенте и в селении Отемише³.

Все это нас привело к мысли, что название этого незначительного притока не могло распространиться на Мычыгыш, Ичкери-Мычыгыш, Мычыгыш — аул Костека, Асолтан-Янгы-юрта, Отемиша и Къарабудакъгента. К тому же на берегу этой речки до 1828 года никто не жил. Греков доносил ген. Сталю 10 марта 1821 г.: «Обязываюсь доложить, что река Мичик протекает по пологому ущелью, покрытому

¹ «Кавказский календарь на 1858 год», Тифлис, 1857, стр. 297.

² Алиханов-Аварский. Тарихи. Дербенд-Наме. Тифлис, 1898. стр. 177.

³ В селении Отемише жителей Янгы-аула называют «мычыгышлар» и считают их выходцами из селения Бугулена.

толстым лесом. От Аксая к Гудермесу и на всем протяжении оно не было никаких полян природных»¹.

Кроме того, И. А. Гильденштедт отмечает, что миндшегис называют их черкесы, татары и андийцы. Перечисляя кистицские племена (галла, ангушт и т. д.), Гильденштедт пишет, что «они были подвластны, то яхзайским, то кабардинским князьям... округ (Качылык) Эндре и Яхсай, составляют, собственно, так называемую Миндшегис. Поелику жители ее сами себя так именуют. Они лежат между речками Сунджою и Аксаем, или Яхсаем, отчасти вдоль небольшого хребта передовых гор»². Слово чыгыш представлено во всех тюркских языках, но лишь южные кумыки сохранили его историческое значение: дань, выход.

Не исключена возможность, что и название одного из районов досоветской Якутии Мальжегар означало Мал + жигар (скот + выход) и население этого района платило дань скотом.

Все эти факты дают основание полагать, что название мычыгыш означало «мал чыгыш» и давалось разноязычным группам, платившим эндреевским и яхсаевским князьям дань овцами³. В частности, еще в начале XIX века целый ряд селений (Исси-сув, Бачи-юрт, Кади-юрт, Герзели-аул, Битли-аул, Бота-юрт и другие) принадлежали кумыкским князьям и назывались Качылык (провинция), в русских источниках — «Качкалыкский округ». В них жили тюркоязычные и чеченоязычные группы, платившие дань князьям овцами.

В 1818—1825 годах генерал Ермолов по тактическим соображениям переселил жителей Яхсая и его Качылыка, т. е. мычыгыша (Исси-Сув и другие) на плоскость, а чеченцев, живших за пределами мычыгыша (Качылыка), заставил поселиться в Исси-Суве и других селениях, оставленных мычыгышами Качылыка. При этом старые названия селений и мычыгыша остались⁴.

Видимо, ввиду преобладания чеченцев в числе старых и новых мычыгышов и изменения характера их зависимости кумыки мычыгышами стали называть всех говорящих чеченски.

Все это дало нам основание утверждать, что «мичкизы» письменных источников XVI—XVIII веков относились не ко всем чеченцам, а к кумыкам и чеченцам, арендовавшим земли

¹ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Тифлис, 1866, том II, стр. 756.

² К. Герман. Географ. и стат. описание Грузии и Кавказа. С.-Петербурга, 1809, стр. 78, 83.

³ «Мал» означает овцы, скот и товары

⁴ Современные селения Бата-юрт, Хамагат-юрт (Хан-Магьамат юрт) находились в районе Мычыгыш арана.

князей Эндрея и Яхсая в районе «Качылыка», т. е. хребта, называемого «Мычыгыш аракъ» (от реки Яхсая до Сулжы).

Наше утверждение совпадает с приведенным выше сообщением Гильденштедта, посетившего эти края в 1773—1775 годах: «Округа (Качилик) Эндре и Яхсай, составляют, собственно так называемую Миндшегис, поелику жители ея сами себя так именуют. Они лежат между речками Суиджожю и Аксаем или Яхсаем отчасти вдоль по небольшому хребту передовых гор. Не случайно: «Грузинцы же не все Миндшегисские округи причисляют к Кистинским (чеченским — А. С.), и обратно Татары не все Кистинские к Миндшегисским»¹.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

---

¹ К. Герман. Геогр. и стат. описание Грузии и Кавказа. СПб, 1809, стр. 78, 83.

ЛИТЕРАТУРА

ПОЭМА А. А. ШИШКОВА «ДАГЕСТАНСКАЯ УЗНИЦА»

(из истории русско-дагестанских литературных связей)

Принципы художественного показа русской литературой жизни народов Дагестана зарождались под воздействием поэзии Пушкина, в эпоху общественно-политического подъема 20-х годов XIX века. Ода Г. Р. Державина «На покорение Дербента», послание В. А. Жуковского «К Воейкову», стихотворение И. И. Дмитриева «К Волге» были отдельными произведениями, в которых так или иначе отразилась действительность Дагестана. Большой интерес вызвало у читателей своими сведениями о событиях в Дагестане 1818—1819 годов «Письмо к издателю. «Сына Отечества» А. С. Грибоедова (1819).

Поэма А. А. Шишкова «Дагестанская узница» — первое крупное произведение русской литературы, в котором изображалась жизнь народов Дагестана. Это произведение было опубликовано в 1824 году в сборнике стихотворений поэта «Восточная лютня». Поэма «Дагестанская узница» представляет несомненный интерес своими страничками из жизни и истории Дагестана.

Александр Ардальонович Шишков (1799—1832) — поэт-романтик. Сведения о жизни поэта скудны. Он воспитывался в доме своего дяди, адмирала А. С. Шишкова. Среди офицеров А. А. Шишков выделялся незаурядным умом, широкой образованностью, прекрасным знанием иностранных языков (французский, немецкий, итальянский, польский и др.) и романтическим складом характера.

Друг Пушкина Шишков вырос и сформировался как гражданин и поэт в среде декабристов. Особенно близко стоял он к кругу Пестеля. И как поэт — он был поэтом декабристом. В своих стихах он обличал самодержавие и крепостничество.

Судьба поэта сложилась трагически. В глазах монархии он всегда оставался дерзким и несправимым вольнодумцем. Всю жизнь Шишков подвергался преследованиям и провел ее в ссылках. В мае 1818 года Шишков был сослан на Кавказ. В этой «теплой Сибири» он пробыл до конца 1821 года. Шишков побывал и в Дагестане.

После восстания 14 декабря 1825 года Шишков вместе с Кюхельбекером — узник Динабургской крепости.

Смерть поэта также связана с обстоятельствами политического характера. «Судьба наша, кажется, одинакова, и родились мы, видно, под единым созвездием», — так пророчески писал А. С. Пушкин А. А. Шишкову.

Литературная судьба поэта сложилась столь же несчастливо, как и его жизнь. Полевой¹ и Шевырев² объявляют А. А. Шишкова подражателем Пушкина и, отдавая должное таланту поэта, отказывают его поэзии в сколько-нибудь серьезном содержании. Эта концепция получает свое законченное выражение в 80-х годах XIX века, в статье Д. Д. Рябинина «Александр Ардальонович Шишков 2-й»³. Ссылаясь на «Записки» Н. Н. Муравьева-Карского⁴ и «Воспоминания» С. Т. Аксакова⁵, ложно зачисленного им в свои единомышленники, Д. Д. Рябинин окончательно закрепляет основные положения реакционно-монархической версии о жизни и творчестве А. А. Шишкова.

Этой концепции с начала 20—30-х годов XIX в. противостоит русская прогрессивная критика в лице ее самых выдающихся представителей. Передовая критика 30—40-х годов отводила А. А. Шишкову значительное место в русском романтизме.

А. С. Пушкин высоко оценил лирику Шишкова в своем послании «К Шишкову» (1816) и в письмах к нему. В теплом письме из одесской ссылки, напоминая собрату по искусству о сходстве их судеб, Пушкин спрашивал: «Что стихи? Куда

¹ Н. А. Полевой. Обзор русской литературы в 1824 году. — «Московский телеграф», 1825, ч. I.

² «Московский вестник», 1828, № 16. Мнение о подражательном характере поэзии Шишкова высказывала и «Полярная звезда» (А. А. Бестужев. «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 г.» Втор. полн. собр. соч. А. Марлинского. Изд. 4-ое, 1847, т. IV, ч. XI).

³ «Исторический Вестник», 1899, т. XXXVIII.

⁴ Записки Н. Н. Муравьева-Карского, «Русский Архив», 1886, кн. 3, стр. 444—445, кн. 1, стр. 74.

⁵ С. Т. Аксаков. Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове. Собр. соч., т. II, М., 1955. См. также С. Машинский, комментарий к «Воспоминаниям» С. Аксакова. Там же, стр. 486.

зарыл ты свой золотой талант? Под снега ли Эльбруса, под тифлисскими ли виноградниками?»¹.

Восторженно отзывался Пушкин о переводе А. А. Шишковым драматической сказки Л. Тика «Фортунат»². О Шишкове — талантливом переводчике, тонко и верно улавливающим дух оригинала, писал В. К. Кюхельбекер, возражая против отзыва Н. Полевого на «Избранный немецкий театр»³. В 1838 г. В. Г. Белинский в «Литературном объяснении» отметил прекрасные шишковские переводы из Шиллера⁴.

В последней четверти XIX века в критической литературе под воздействием реакционных тенденций устанавливаются канонические представления о Шишкове как о поэте, не нашедшем себя и не сумевшем воспитать свой замечательный талант.

Первая попытка преодолеть утвердившийся канон принадлежит П. Е. Щеголеву. В 1903 г. в статье «А. Ард. Шишков»⁵ П. Е. Щеголев впервые указал на связи Шишкова с «Южным обществом» декабристов и на подлинный источник несчастий поэта — жестокую российскую действительность. Однако историко-прогрессивная школа русской критики, представителем которой был П. Е. Щеголев, не сумела показать широкие идейные связи А. А. Шишкова с декабризмом и раскрыть своеобразие его поэзии.

Подлинная оценка шишковского творчества стала возможной на основе марксистско-ленинского метода в литературоведении. В работах советских литературоведов (М. И. Мальцев, В. Шадури, В. И. Орлов) подвергнуты критическому анализу воспоминания современников, свидетельства биографов, показаны широкие идейные и личные связи А. А. Шишкова с движением декабристов. Столетие спустя мы вновь встретились с Шишковым, поэтом, прозаиком и драматургом, непримиримым противником самодержавия, до конца разделившим «скорбный труд» первых русских революционеров из дворян, а его поэзия ожила перед нами как светлый образ революционной лирики декабристов.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. АН СССР, т. XIII, 1937, стр. 75—76.

² А. С. Пушкин. Письмо к М. П. Погодину от 11 июля 1832 г. Полн. собр. соч. АН СССР, т. XV, 1948, стр. 27.

³ В. К. Кюхельбекер. Письмо А. С. Пушкину от 20 октября 1830 г. «Русский Архив» 1881, кн. 1, стр. 137—138. «Дневник» В. К. Кюхельбекера, 1929, стр. 180. Ср. также «Летопись Государственного Лит. музея», кн. III, стр. 171—174.

⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II, М., 1953, стр. 382.

⁵ П. Е. Щеголев. «А. Ард. Шишков». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 78, 1903. См. также А. С. Пушкин. Соч., ред. С. А. Венгерова, т. I, 1907.

Но и здесь еще не изжиты все предубеждения. Так, В. Шадури в своем интересном исследовании «Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии» приходит к мысли, что роман «Кетевана» стоит на первой линии русской исторической прозы 1830-х годов, а ее автор — передовой талантливый писатель, который после 14 декабря 1825 г. еще больше «радикализировался»¹; М. И. Мальцев придерживается того взгляда, что Шишков «остался в плену романтической эстетики в течение всей своей поэтической деятельности»².

В. Н. Орлов в VI томе «Истории русской литературы»³, говоря о Шишкове-поэте, не упоминает о Шишкове-драматурге переводчике, авторе реалистического романа. Это помешало ему увидеть ту печать индивидуальности поэтического духа, которая, несомненно, лежит на произведениях поэта.

* *

*

Поэму «Дагестанская узница» воспринимали с внешней стороны; ее метафорический стиль, декоративная экзотика совершенно заслонили идейное содержание. В «Дагестанской узнице» находили подражание «Бахчисарайскому фонтану», «Кавказскому пленнику», отмечали в ней признаки формы, свойственные байронической поэме⁴.

Свою задачу исследователь видел в отыскании сходных сюжетных и композиционных мотивов. Центральная тема поэмы определялась по аналогии с «Бахчисарайским фонтаном» как «любовь хана к гаремной красавице»⁵. Все это приводило к одному убеждению: «Дагестанская узница» должна быть причислена к той массовой продукции эпигонов-романтиков, чьи произведения наводнили литературный рынок 20—30 годов XIX века.

На самом деле вопрос гораздо сложнее. Мы не можем проходить мимо того факта, что «Дагестанская узница» писалась в кипучей атмосфере бурного подъема движения декабристов. Это были годы общения Шишкова с А. С. Пушкиным, А. С. Грибоедовым, декабристами Ф. Н. Глинкой, В. М. Бакуниным, П. Н. Семеновым.

¹ В. Шадури. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951, стр. 131.

² М. И. Мальцев. А. А. Шишков и А. С. Пушкин. — «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. XX, вып. фил., 1948.

³ «История русской литературы», т. VI, М.—Л., 1953. В. Н. Орлов. Поэзия 20—30 годов, гл. X.

⁴ В. Жирмунский. Байрон и Пушкин. Л., 1924.

⁵ М. И. Мальцев. Указ. соч., стр. 128.

Трудно вообразить, чтобы Шишков, уже известный поэт в кругах дерзких вольнодумцев, намеревался просто повторить популярный сюжет о романтической любви восточного хана к пленнице. Нет, поэта волновал иной замысел. В поэме есть напряженный драматический конфликт и подтекст, который связывает ее с эпохой, с передовыми философскими, этическими концепциями того времени.

В поэмах Шишкова нет совпадения между внутренним замыслом и его выражением. По замыслу, по идейному содержанию поэмы Шишкова всегда связаны с декабристской традицией, а по воплощению, по самовыражению в них художника далеки от того, что ему хотелось сказать. В этом внутреннее противоречие поэм Шишкова и его драма как художника.

«Дагестанская узница» примыкает к прогрессивной декабристской традиции в массовой романтической поэме¹. Используя известный сюжет, Шишков звал к борьбе, внушал высокое представление о моральном долге человека, о родине, о борьбе между чувством и долгом. Современникам Шишкова эта переключка с реальностью была ясна. Они видели в поэме больше объективного содержания, больше действительности, чем это ощущаем мы теперь.

Наша задача восстановить эту утраченную современность, вернуть ее поэме. Но это нельзя сделать иначе, как только внимательно рассмотрев, какие социально-политические и философские проблемы легли в основу изображения действительности, каков тот художественный способ, при помощи которого писатель пытался выразить эти проблемы. С последним вопросом связана и другая, не менее важная задача статьи, а именно: мы должны уяснить, в какой степени дагестанская действительность отразилась в поэме Шишкова. В связи с этим мы поставлены перед необходимостью ответить на вопрос: могли ли проблемы отражения национальной действительности Дагестана решаться на основе той разновидности стилистического направления в романтизме, представителем которой заявил себя поэт в «Дагестанской узнице».

Вхождение дагестанской тематики в русскую литературу тесно связано с особенностями эпохи декабристов. В 20-е годы XIX в. Дагестан привлек к себе внимание передовых кругов русского общества — он становился ареной героической борьбы горцев.

В идеологии декабризма гордый, непокорный Кавказ являлся символом свободы и независимости. Кавказские произведения Пушкина с непревзойденной силой поэзии оформили

---

¹ Это отметил А. Н. Соколов в своих «Очерках по истории русской поэмы XVIII и первой четверти XIX века». М. 1955.

в сознании поколения противопоставление Кавказа мрачной действительности феодально-крепостнического строя. Кавказу посвящают свои произведения А. С. Грибоедов, А. И. Одоевский, В. К. Кюхельбекер, В. Н. Григорьев и др.

Осуществление широких планов политического и экономического овладения Кавказом вызывает к жизни многочисленные очерки, статьи, описания путешественников.

В 1801—1809 г. в Москве печатается семитомный «Географический словарь Российского государства» Л. М. Максимовича и А. Щекатова, содержащий различные статьи об отдельных народностях Кавказа и сверх того общий этнографический обзор «Кавказские народы». В 1809 г. в Петербурге издается «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа» И. А. Гильденштедта.

19 июня 1816 г. Н. С. Мордвинов читал свое «Мнение о способах, коими России удобно можно привязать к себе постепенно кавказских жителей»¹. Выдающийся русский естествоиспытатель, профессор Э. И. Эйхвальд, позже, в 1825 г., посетивший Тарки и Дербент, поместил в «Отечественных записках» (1821 г. ч. 6, № 14) очерк «Кавказская дорога». И. Т. Радожицкий в письмах «Прогулка к кавказским минеральным водам» рассказал о своих впечатлениях о кавказской природе, жизни его народов в «Отечественных записках» в 1823—1824 гг. Издатель «Отечественных записок» П. Свинын в 1825 г. напечатал очерки «Празднование Байрама в черкесском ауле» и «Кавказские воды» (ч. XXIII). Свое отношение к проблеме Кавказа определяют и декабристы в политических проектах и программах («Пункты преподаваемого во внутреннем ордене учения» 1814 — программа «Ордена русских рыцарей»³, проект конституции Н. Муравьева⁴, «Русская Правда» П. И. Пестеля⁵).

Описания быта и нравов горских народов, воспринятые сквозь призму теории естественного права и романтической историографии, играли различными социально-политическими ответами в философских и морально-этических теориях декабризма. Общественное движение 20-х годов вполне сознательно сочувствовало многим сторонам уклада и национального характера горцев. Навеванный образами Кавказа круг политических и философских раздумий определяла тема

¹ «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», кн. 4. Москва, 1858.

² Н. М. Дружинин. Программа северных декабристов — «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. VIII, № 1, 1951.

³ «Очерки из истории движения декабристов». Сб. ст. под ред. Н. М. Дружинина и Сыроечковского. М. 1954. М. В. Нечкина. Движение декабристов, тт. I, II. М.—Л., 1955.

⁴ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. II, М., 1951.

свободы и вольности. Народовластие, так внезапно открывшееся во многих «горских республиках», казалось осуществлением в жизни того демократического правления, которое грезилось в образах древнего Новгорода и Пскова с их народными вече. Все это отвечало идейным устремлениям эпохи, вызывало пристальный интерес у передового современника, восторженно влюбленного в абстрактный идеал политической свободы.

От блистательно образованного декабриста не укрылись и язвы «патриархального состояния». Гармония «естественного состояния» — эта иллюзия руссоизма была развенчана реальными картинами быта горских народов. Поэтизация горской вольности сопровождалась критикой «естественного состояния». В свете этих типических представлений эпохи воспринимались описания Дагестана и жизни его народов.

В 1821 и 1823 гг. издается книга С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», где характеризуется «народное правление», «федеративные республики Анди, Цудахара, Ахты, Рутул, Акушинские общества», «республика Кубечинская», Дидо, Унзо и т. д.

На страницах «Отечественных записок» сведения С. Броневского подтверждали статьи И. Дебу «Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии» (1821), «О начальном установлении и распространении Кавказской линии» (1823 и 1824 г.).

Интересные сведения о жизни дагестанских народов читатель находил в отрывке из «Путешествия к Кавказским водам по Кубанской линии и в Тамань» Геракова, напечатанном в «Северном Архиве» за 1823 г. ч. V, а также в «Журнале путешествия по земле донских казаков к Кавказу и в Астрахань», Стевена, помещенном в «Северном Архиве» за 1824 и 1825 гг. В «Вестнике Европы» в сентябре 1826 г. под названием «О нынешнем состоянии земель кавказских» было помещено извлечение из *Ptécis de la Geographie universelle* Малте-Брюна, содержащее описание лезгин, «аваров», «кайдаков».

Революционная ситуация 1818—1819 гг. создала условия, в которых писатель-романтик, обращаясь к теме Кавказа, мог с максимальной пронизательностью выявить значительные проблемы нового времени.

Центральной темой раздумий для оказавшейся на Кавказе молодежи продолжает оставаться тема родины, гражданского и патриотического долга с ее жаждой действия, гордым осознанием себя как личности, любовью к идеалам политической свободы, гуманным отношением к иным народам и глубоко прочувствованной мыслью о служении «отчизне».

Романтические поэмы Пушкина, произведения декабристов о Кавказе раскрывали одну из сторон идеологии молодой России, — они утверждали гордое возвышение новой этики —

этики активного «деяния» над пассивной этикой дворянского сентиментализма Карамзина и романтизма Жуковского.

Именно в плане широкой историко-литературной перспективы должен рассматриваться круг идей поэмы «Дагестанская узница». Та типизация проблематики, которую мы находим в поэме Шишкова, выявляет точки тесного соприкосновения поэмы с эпохой 20-х годов.

Конечно, не любовь хана к пленной красавице — центральная тема поэмы, а популярные среди декабристов идеи борьбы между чувством и человеческим долгом, между страстями и моральной обязанностью, любовью к родине и т. д. Герои «Дагестанской узницы» преодолевают идеальные препятствия, которые возникают в их душе. Сюжет поэмы рассказывает о любви пленницы-христианки к сыну владельца Дагестана Гирею. Она была похищена во время набега и увезена в горы. Романтические черты характера — разочарование, печаль, одиночество, преданность мечтам соединяются в ней с такими традиционными качествами как покорность, искренность, самоотверженность и способность к всепоглощающей страсти. Но христианка не может быть супругой Гирея. Пленница должна переменить веру. Коллизия поэмы навеяна не только литературными источниками («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан»), но, несомненно, и живыми впечатлениями от пребывания поэта на Кавказе и в Дагестане.

В сюжете поэмы отразились некоторые противоречивые явления действительности того времени, связанные с эпопеей кавказской войны. Биографии современников, знакомых из офицерского круга были овеяны романтикой приключений. На Кавказе поэт слышал немало историй о пережитом в плену у горцев, о борьбе противоречивых чувств, в которой подвергался серьезным испытаниям весь привычный комплекс моральных понятий. У передового романтического героя эпохи это могла быть борьба между приверженностью идеалам свободы и сочувствия горцам и понятиями долга, верности, воинской чести, родины и т. д.

Нередко сообщения о пленении того или иного офицера появлялись на страницах журналов. Организовались общественные сборы средств для выкупа. Так, в 1816 году, в «Сыне Отечества» было опубликовано «Письмо к издателю», в котором сообщалось, что: «Грузинского гренадерского полку майор и разных орденов кавалер Павел Васильевич Швецов, ехавший из Грузии чрез Кавказскую линию в Россию для свидания с престарелою своею матерью, захвачен черкесами, и страдает там в оковах, томим голодом и мучим тяжкими работами»¹.

¹ «Сын Отечества», XXXIX, 1816, стр. 38—39.

Интересны с этой стороны записки Н. Н. Муравьева-Карского в той части, которая записана в 1822 г., следовательно, под свежим впечатлением происшествия.

2-го июля 1822 года Н. Н. Муравьев записал в своем дневнике: «Акушинцы привели ко мне двух русских, которых они уже десять лет содержали».

5-го июля в дневнике появляется еще одна запись, рассказывающая о приводе акушинцами пленного, «которому хотелось возвратиться к ним». «Акушинцы привели мне еще одного пленного, который у них уже 27 лет содержался»¹.

В «Северном Архиве» за 1824 год в № 20, 21, 22 Х. Х. Стевен рассказывал историю пребывания в плену у чеченцев генерала Дель Поццо в бытность его полковником.

Типичность коллизии «Дагестанской узницы» подтверждает и «Воспоминание о Кавказе и Грузии» Н. Торнау, относящееся, правда, к несколько более поздней эпохе кавказской войны².

С точки зрения нашего сюжета наибольший интерес представляют детали «Воспоминания», которые рассказывают о попытках обратить пленного в новую веру.

Пленному предлагают взять в жены красавицу, но с условием, что он переменит веру, обещают вернуть свободу, оружие, если он согласится сражаться против русских.

Это предложение, должное послужить ценою свободы, наталкивается на стойкое сопротивление. Пленник остается верным своему воинскому и патриотическому долгу.

Следует решительный отказ: «Все готов для нее сделать кроме одного... не могу ни менять веры, ни драться против моих братьев русских»³.

Типичной эта коллизия продолжает оставаться и для 30—40-х годов XIX века. На материалы жизни опирается известный «Рассказ офицера бывшего в плену у горцев» А. А. Бестужева. В 40-е годы широко печатаются рассказы так называемых «пленников». «Отечественные записки», 1841 г., 12 публикуют рассказ Л. Екельна «Из записок русского, бывшего в плену у черкесов», в 1848 г. «Библиотека для чтения», т. 88—89 печатает «Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев». С. Беляева. В газете «Кавказ», 1849, 1—5 появляется «Рассказ офицера, бывшего в плену

¹ Н. Н. Муравьев-Карский. «Записки». «Русский Архив», М., 1888, № 7, стр. 318.

² Торнау. Воспоминания о Кавказе и Грузии. «Русский вестник», т. 79, Москва, 1869, № 1—4.

³ См. «Русский вестник», т. 59, Москва, 1864, стр. 79.

у Шамиля». Автор его — князь И. Орбелиани, попавший в плен к Шамилю¹.

Острая борьба противоречивых чувств происходит и в душе героини Шишкова — пленницы-христианки. Видя мучения возлюбленного, она, наконец, соглашается на условия отца Гирея. Преступив «закон отцов», она готова переменить веру.

Испытание страстями достигает кульминации, когда случайно встретившийся пленный старик, оказавшийся отцом героини, предлагает ей бежать из плена на родину. Монолог узницы передает борьбу противоречивых чувств в ее душе. Здесь и любовь к Гирею, и горькое сетование на встречу с отцом, и на жестокость выбора, перед которым ее поставила жизнь, и укоры себе самой, недостойной дочери, и, как реакция на собственную слабость, страстные уверения в дочерних чувствах. В сложной внутренней борьбе сознание долга все же берет верх. Мотивируется это решение морально-этическими соображениями.

Первоначальное решение не возвращаться на родину осознается самой героиней как прямое отступничество от всего святого, как забвение «закона», родины. Возвращая крест пленному старцу, «узница» говорит:

Она в горах забыла стыд,
Тебя, закон, страну отчизны...¹

Образы-понятия «закон», «стыд», «отчизна» выступают здесь в роли слов-символов, заключающих в себе идейно-политическое содержание.

Самый конфликт поэмы и его разрешение: победа в конечном свете чувства долга, чувства родины над личным частным началом — любовью выступает как типичная черта идеологии передовых кругов русского общества, утверждающих этику активного деяния, человеческого долга в реальной жизни, в отличие от этики пассивного романтизма, ищущей этическую реализацию в потустороннем мире. В этом существенное отличие поэмы «Дагестанская узница», произведения прогрессивной традиции, от поэмы «Беглец» Ал. Вельтмана, напечатанной в «Сыне Отечества» (1825, III), «Пленник» П. Радивановского (1832), «Московский пленник»

¹ Е. А. Вердеревский. «Кавказские пленницы или плен у Шамиля». «Отечественные записки», 1856, т. 104—106; отд. изд. «Плен у Шамиля», СПб, 1856 г., См. также И. Клиггер. Рассказ офицера, бывшего в плену у чеченцев с 24 июля 1847 по 1 янв. 1850 г. «Кавказ», 1856, 86, 88, 90—92. Аналогичная ситуация и в повести И. Подольского-Кавказского «Две пленницы». Кавказская повесть. 1830, «Колосья», 1889, № 6.

² Соч. и переводы кап. А. А. Шишкова в 4-х томах, т. I, СПб. 1834, стр. 107.

Ф. Соловьёва (1829) ¹ или написанного в духе слезливого романа «Сетования Киргиз-Кайсацкого пленника» П. Кудряшова с характерным началом «Ах! Что со мной! В очах слеза!» («Вестник Европы» № 4, 1828, стр. 278).

Заблуждение, как и всякое этическое прегрешение, рассматривалось прогрессивным романтизмом декабристов, особенно в южных поэмах Пушкина, как такой отрицательный момент, который может быть преодолен. В этом убеждал русское общество опыт Кавказского пленника и Алеко. Их судьба подсказывала более глубокое понимание этической истины, заставляла передовые круги искать новые пути этической реализации своих идеалов, утверждало новое понимание взаимоотношения личности и общества.

Разочарованность романтического героя эпохи, его индивидуализм, эгоизм все более осознавались как качества отрицательные и осуждались. Судьба Пленника, крах Алеко рождали в обществе еще более сильный порыв к осуществлению новых моральных ценностей.

Отголоски этой романтической концепции есть и в «Дагестанской узнице». Осознание героиней тяжести своего проступка рождает еще более сильное чувство любви к далекой, малознакомой родине: приходит непоколебимое решение бежать из плена.

Однако слабые стороны поэмы «Дагестанская узница» — ее художественное претворение — трафаретный сюжет и вялая обрисовка характеров — не позволили Шишкову осуществить замысел, художественно разрешить противоречие.

Застигнутая в пути героиня гибнет от руки возлюбленного. В этой банальной развязке получает свое завершение конфликт.

Точки соприкосновения «Дагестанской узницы» с современностью, выявляют и образы-понятия «отчизна», «край родной», «свободный», «закон», «раб» и т. д. Они имели в сознании широкого читателя устойчивую стилистическую окраску и закреплённый круг ассоциаций, свой подтекст. В идеологии революционной России они являлись агитационно-политическими лозунгами, входили в систему мировоззрения декабристов, формировали национальное сознание. Эти понятия открыто противостояли феодально-крепостному строю, отстаивали свободу личности, новую мораль.

Это как раз те корни, которыми поэма уходит в эпоху, то, что имело в глазах современников вес, ощущалось ими как современность.

¹ См. отзывы современной критики: «Пленник Турчин». Поэма Д. Д. Комиссарова, «Московский телеграф», 1830, ч. XXXVI, № 22; Л. Брайт, «Пленник». Сочинение Радивановского, «Северная пчела», 21 июля 1832 г., «Московский пленник», Соч. Ф. С-ва. «Атеней», 1829, № 21.

Стих «Она в горах забыла стыд» напоминает о нравственном «законе», который обязывает сына отечества любить родину, быть верным ей. Признание вольности и свободы человеческой личности, а также неотъемлемых, «естественных прав» человека основывалось в идеологии декабризма на строгом соблюдении гражданских законов. Любовь к родине рассматривалась как незыблемый и естественный закон, нарушение которого вело к тягостным моральным последствиям. Всякое отступление от закона квалифицировалось как преступление против природы человека, как «стыд природы». У Пушкина в оде «Вольность» самовластие характеризуется как «стыд природы»¹. Шишков решение не возвращаться в отчизну также называет «стыдом», проступком против закона. В поэме часто звучит тема тоски по родине. Этот мотив близок к сознанию эпохи, он перекликался с раздумиями особенно той части передовой молодежи, которая оказалась вдали от родины, на Кавказе или в путешествии по Западной Европе. С этой стороны интересен рассказ старика, особенно его первые строки:

«Взгляни, как вид туманен гор:
Но их хребет собой скрывает
Моей отчизны край родной»².

Эти стихи не могли не вызывать в памяти читателя другие, пушкинские строки из «Кавказского пленника». По ассоциации возникало настроение, навеянное стихами Пушкина— «В Россию дальний путь ведет»³.

У Шишкова тот же образ: горы, за которыми где-то там лежит далекая родина. С образом родины связываются воспоминания об утраченной свободе, о бурной молодости. В этой же эмоциональной сфере вращаются часто повторяемые в поэме слова-образы «край родной», «страна родная», «родимый кров». Иногда они выступают в прямой связи с понятием свобода.

Тогда свободный и счастливый
К твоим друзьям, к стране родной...⁴

В других случаях свобода прямо не называется, но она лирически подразумевается.

В поэме «Дагестанская узница» звучит голос ссыльного поэта; здесь и его личные переживания, и его тоска по ро-

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., АН СССР, т. II, 1947, стр. 47.

² Соч. А. А. Шишкова, т. I, СПб, 1834, стр. 104.

³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., АН СССР, т. IV, 1937, стр. 95.

⁴ Соч. А. А. Шишкова, т. I, СПб, 1834, стр. 106.

дине, по друзьям-единомышленникам, оставленным далеко в Петербурге и в Москве. Рассказ старика — это в какой-то мере и признания поэта.

«С тех пор как тень брожу в горах,
Несусь мечтой к родному краю,
И землю чуждую в цепях
Слезами горько орошаю»¹.

В подтекст «Дагестанской узницы», в ее символику должны быть включены и такие словесные образы, как «чужбина», «цепи», «счастливый», которые также заключают в себе романтическое содержание, связанное с философско-романтическим мышлением эпохи.

Весь этот круг образов близок самому Шишкову, сосланному на Кавказ. Особенно явственно тема тоски по родине звучит в начале эпилога. Первые строки овеваются грустными раздумьями. Образы подбираются так, что они создают настроение умиротворенной печали. Из далеких стран поэт мысленно переносится в родные края.

«Прошли года. — Судьбой гонимый,
Я видел южный Дагестан;
Но мыслью из далеких стран
Перелетал к стране любимой...»²

За образом лирического «я» легко угадывается сам поэт. Серия образов, рисует жизнь поэта в Дагестане. Он любил красу природы дикой, «и храбрых горцев дух великой, дивил-ся прошлым их делам»³.

Соприкосновение с эпохой показывает и та романтическая концепция человеческих страстей, которая лежит в основе изображения любви в «Дагестанской узнице». Однако изображение страсти в поэме Шишкова вновь выявляет ее противоречия. Сложная многообразная гамма человеческого чувства движется в поэме всегда в одинаковой экспрессивной тональности — унылой, элегической грусти. Мотив сентиментальной романтики звучит и в образах эпилога. Неупорядоченному миру человеческих тревог и страстей здесь противопоставляется образ «бедной хижины», «приюта беспечной тишины», олицетворяющей простую жизнь в гармонии с природой.

В экзотичности обстановки действия, в «высокой» проблематике сказывается еще одна характерная черта этики про-

¹ Соч. А. А. Шишкова, ч. I, СПб. 1834, стр. 105.

² Там же, стр. 109.

³ Там же.

грессивного романтизма — стремление к возвышению над действительностью. Утверждая новое отношение к действительности, романтизм Шишкова в поэме «Дагестанская узница» еще не преодолел такие восходящие к Канту представления идеалистической этики, как метафизическое противопоставление зла — добру, добродетели — пороку, долга — чувству. Вместе с тем ригоризм Канта уже преодолевался в лучших произведениях романтизма.

* *
*

Декабристы не мыслили национальное искусство вне духа и образов поэзии родного народа, без описания нравов и обычаев, вне так называемого «местного колорита». Поэзия прогрессивного романтизма привлекла внимание русского общества к национальной жизни народов, населяющих окраины России. В поэмах и стихах Пушкина, Грибоедова, Рылеева, Баратынского, Ф. Глинки в русскую литературу вошли Юг России, Украина, Крым, Север, Сибирь, Кавказ.

В поэме «Дагестанская узница» есть и отголоски реальных исторических событий, происходивших в Дагестане в 1818—1819 годах XIX века. Прибыв в мае 1818 года в станицу Червленную, Шишков был зачислен в Кабардинский полк. Он участвовал в заложении крепости Грозной и в многочисленных стычках с горцами. «Отряд наш, — писал Шишков, — под чеченскими пулями окончил крепость Грозную на берегу Сунжи»¹. Окончание постройки Грозной совпало с восстанием в Дагестане. 25 октября 1818 года Ермолов выступил из Грозной в Дагестан. Огнем и мечом прошелся он по дагестанским горам. В письме к Мустафа-хану Ширванскому от 2 января Ермолов так описывал свою экспедицию: «... простил я всех тех, кои пришли в покорность и просили пощады, истребил только две деревни Дженгутайские, в коих осмелились они поднять оружие против нас, и вместе с оными предал я огню все дома и имения, состоящие в прочих деревнях... оных изменников никогда не будет на той земле и вечно скитаться они будут в горах»...

По свидетельству того же Ермолова: «С другой же стороны пошел ген.-м. Пестель с своим храбрым отрядом в г. Башлы... и совершенно истребил гнездо разбойничье, — одним словом в Башлах не осталось камня на камне и следы основания его совершенно изглажены»².

¹ Соч. А. А. Шишкова, т. I, СПб, 1834, стр. 127.

² АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875, стр. 25—26; там же, см. письмо Ермолова от 22 ноября 1818 г., стр. 37—38.

Шишков выступил в поход с Кабардинским полком. Отряд войск, — писал поэт, — «пришлось сделать небольшую прогулку в Северный Дагестан для приведения к покорству взбунтовавшихся жителей»¹.

Весь горный Дагестан был охвачен огнем, царские войска жгли аулы, вырубали сады, изгоняли жителей. Колонны войск оставляли позади себя пепелища. Шишков был свидетелем этих грозных событий. Посвящение поэмы рисует трагический образ горного Дагестана, — он встает перед нами весь в зареве пожарищ, с дымящимися аулами и героическим сопротивлением горцев. Картина нарисована глазами очевидца:

Когда над горным Дагестаном
Носились мщенье, смерть и страх,
И Кенты в зареве багряном
Вокруг дымились на горах;
А хищник дерзкий и упорный
Стоял с улыбкой непокорной
На неприступных высотах.

В последних строках, вероятно, описывается позиция восставших горцев, занявших вершины крутого хребта Аскорай. 11 ноября вечером, отряд Ермолова остановился перед хребтом Аскорай, за которым начинались владения Мехтулинского ханства. В полночь батальон Кабардинского полка по неприступным кручам взобрался на вершину. Это решило исход сражения. На следующий день пала резиденция Мехтулинского хана Большой Дженгутай. Упоминания о личном участии Шишкова в походах встречаются и в посвящении «Дагестанской узницы» и в поэме «Лонской». В посвящении поэт изображает себя в образе «ратника юного» (Шишкову тогда было девятнадцать лет), трепетно внимающего рассказам «старого воина» о «походах, битвах и громе побед».

Из романтического принципа живописности и местного колорита рождался реалистический принцип национально-исторического изображения жизни, признающий своеобразие исторического развития каждой нации.

И Шишков в «Дагестанской узнице» исходит из тезиса о важности фольклорного и этнографического материала. И тем не менее подлинного Дагестана, правды национально-го характера, нравов и обычаев его народов в поэме недостает.

Жизнь дагестанских народов описывается в ложно-романтическом свете, как некая дикая вольница, как цивилизация, построенная на воинском ремесле, главном и обыкновенном

¹ Соч. А. А. Шишкова, т. I, СПб, 1834, стр. 127.

занятии жителей. Внутренний уклад горских народов в показе Шишкова — состояние вечной войны, а сами горцы — это люди, не ведающие иных интересов, кроме забот о походах, набегах и шумных пиршествах.

Там каждый носит меч кровавый
Не раз зазубренный в боях¹.

В этом же плане изображались массовой романтической поэмой и другие народы России. В № 9 «Вестника Европы» за 1826 г. был помещен отрывок из стихотворной повести П. Кудряшева «Воинские игры башкирцев», в котором последние изображались как питомцы вольных степей, «батыри», искусные в воинском ремесле и «счастливые простотой» дети природы.

Какая смелость в удалцах!
Им камни, ямы — все дорога:
Нет трепета в молодых сердцах!
Летят джигиты... полосую
За ними следом пыль летит².

Для Н. Муравьева в «Киргизском пленнике» Казахстан представлялся в виде дикой вольницы, с ее постоянными набегами. В «Киргизской песне» казахи сами называют себя «отважными питомцами счастливой свободы», «демонами природы», «страхом соседей»³.

С первозданной природой и суровыми нравами горской вольницы неразделимо связан абстрактный образ некоей свободы. Он лирически господствует над этнографическими описаниями Дагестана.

Кто видел тучные луга,
Жилище дикое свободы?
Там Каспия седого воды
Кропят туманные берега⁴.

В некоторых чертах характера горцев отразилось декабристское, пушкинское гуманное отношение к горским народам.

¹ Соч. А. А. Шишкова. т. I, СПб, 1834, стр. 91.

² П. Кудряшев. «Воинские игры башкирцев» (отрывок из повести Абдурахман). «Вестник Европы», № 9, 1826, стр. 8.

³ Н. Муравьев. «Киргизский пленник», повесть в стихах, М. 1828, стр. 16. См. отзыв современников: «Северная пчела», 1828, № 94, 7 авг. См. также М. И. Фетисов. Литературные связи России и Казахстана, М. 1956, стр. 47.

⁴ Соч. А. А. Шишкова, т. I, СПб. 1834, стр. 91.

Шишков восхищается героизмом, мужеством и силой горцев. «И храбрых горцев дух великой», «храбрых горцев поколенья», «дивился прошлым их делам», — все эти формулы, как и эпитет «гордый» к названию Дагестан, раскрывают восхищение автора свободолюбием и независимостью характера горцев, их вольной жизнью, полной опасностей и удивительно смелых подвигов. И все же войны, жители аула, которых изображает Шишков, по внешнему облику, и по нравам мало походят на представителей дагестанских народов.

В шишковском изображении Дагестана ясно прослеживаются элементы синкритизма некоторых характерных представлений эпохи. С одной стороны это представления об идеализированной свободе гор — демократическая форма общественного устройства — «вольное общество», «республика», которую еще в свое время для менее развитых горских народов Кавказа открыл С. М. Броневский.

С другой стороны, тенденциозный подход представителей царской администрации обнаруживал в общественном строе горских народов Кавказа отношения, сходные с феодализмом удельной Руси или Европы раннего Средневековья с их кровавыми междоусобиями¹. Все народы Кавказа воюют друг с другом — таково одно из самых типичных представлений официальной литературы. В особенности отмечалась воинственность «лезгинцев». Даже С. Броневский писал: «Трудно найти на земном шаре народов, кои бы с большим упорством защищали себя и посягали на своих соседей, как жители Кавказских гор... некоторые племена приобрели славу завоевателей как то кабардинцы и лезгины; прочие все без изъятия ведут войну со своими соседями: Черкесы с Абхазами, Кабардинцы с Осетинами и Чеченцами; Осетины с Кистами, Чеченцы почти со всеми окружающими их коленами; лезгинцы с Грузиею и Ширваном». «Одним словом, — заключал Броневский, — война есть обычное состояние и образ жизни сих народов»².

Внутренний уклад горской общины изображался как состояние вечной вражды и войны. Междоусобия, хищные набеги на соседей, необузданные страсти и кровопролитие — вот ее неотъемлемые признаки.

«Внутри общины между тем не погасает дух раздора; кровопролитие, грабежи беспрерывно продолжаются»³.

¹ См. А. Фадеев. Вопрос о социальном строе кавказских горцев, «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 131.

² С. Броневский. «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». С. Петербург, 1823, стр. 34.

³ Там же.

В свете такой характеристики свобода горцев рисовалась как неограниченная анархическая свобода, «более подобная своевольству»¹. Этот образ горской демократии, воплощающий необузданное стихийное начало, прочно живет в сознании 20-х годов XIX в.

В поэме Шишкова крупным планом выступили последние черты. Они заслонили собой идеи и понятия, связанные с наиболее прогрессивной позицией в общественном движении 20-х годов.

Характеры героев «Дагестанской узницы» — молодого хана Гирея, Гасана, его отца, владельца Дагестана, надуманы, лишены художественной выразительности². Это типичные герои в духе сентиментальной романтики того времени. Шишков, используя обветшалые образы, так характеризует Гирея:

Из стран далеких возвратясь
С душою пылкой, с думой страстной
Гасана сын, Гирей прекрасной³,

Стремясь к этнографической точности Шишков вводит в поэму этнографические детали из местного быта, нравов, верований, обычаев, снабженные лаконичным авторским пояснением. Таковы слова «мангал», «башлык», «мечеть», «мулла» «джяур» (гяур): «Мангал глиняный сосуд, наполняемый жаром, около которого азиатцы греются в холодное время». Чрезвычайно кратким комментарием сопровождаются слова «уздень», и «чабан»: «Уздень. Дворянин, служащий другому сильнейшему дворянину или князю». «Чабан. Пастух».

В поэме есть отдельные сведения по географии, встречаются названия рек, гор и обозначения, села и животных («Там Терек шумный протекает». «Как ты из дальних Черных гор», «аул», «кент», «шакал», «джейран»).

В литературе уже отмечалось, что стремление к крайней экзотичности тяготеет над всем пейзажем «Дагестанской узницы». И на самом деле, в поэме много описаний природы, но ни в одной картине нет подлинного Дагестана, нет национального пейзажа со всем своеобразием его географического ландшафта. Дагестан предстает перед нами в «Дагестанской

---

¹ С. Броневский. «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». С. Петербург, 1823, стр. 3.

² Возможно, что имена героев Гирея и Гасана также не вымышлены автором. В Дагестане 20 годов XIX в. это были реальные лица: Хассан-хан — брат аварского хана Султан Ахмед-хана, Гирей — также брат Султан-Ахмед-хана, в экспедиции против которого Шишков принимал участие.

³ Соч. А. А. Шишкова, т. I, СПб, 1834, стр. 94.

Узнице» в виде некоей экзотической страны, кавказского края вообще.

В условном, стилизованном пейзаже соблюдены все эксцессы романтической живописи: и мрак, и туман, и горы, и полыхание молний, и традиционный образ орла, взирающего с высоты своего полета на бушующие внизу стихии.

Неспокойная, мятущаяся природа является лирическим фоном, на котором изображаются переживания героев. Рев бури, свист ветра, раскаты грома часто заглушают слова героев. Шишков широко пользуется известным романтическим мотивом: соотносением человека и скалы. Угрюмая скала — молчаливый свидетель затаенных страданий героев («Он молча подошел к скале»). Унылая и бледная луна во вкусе Жуковского — также обычная деталь пейзажа «Дагестанской узницы».

То художественное выражение, которое Шишков дал поэме «Дагестанская узница», создало глубокий разрыв между замыслом и его претворением. Воссоздание национально-исторических особенностей дагестанской действительности 20-х годов — одно из основных заданий поэмы — осталось недоступным поэту. Опыт «Дагестанской узницы» убеждал в том, что решение этой задачи оказалось невозможным на основе идейно-художественных принципов массовой романтической поэмы. Поиски Шихова были продолжены в русской литературе. Задача национально-исторического изображения действительности Дагестана своеобразно решалась в поэмах А. Полежаева и повестях А. А. Бестужева.

Поэмы Шихова — «Дагестанская узница», «Лонской», незаконченные повести в стихах «Ермак», «Ратмир и Светлана» — лишь небольшая часть его наследия и притом не столь значительная. Другое дело его стихи. Поэзия Шихова вольнолюбивая, вся пропитана духом политической лирики и гражданского сознания кануна декабрьского восстания на Сенатской площади. Он автор известного экспромта «Когда мятежные народы, наскуча властью роковой...» так долго приписывавшегося А. С. Пушкину. Всем существом своим, всем своим мироощущением он был человеком декабристского круга, декабристского исторического склада. Настроения передовых людей эпохи в поэзии Шихова облекались в формы легкой поэзии». Ранняя поэзия Шихова объединяет в себе эпикурейскую и гражданскую лирику, жанр дружеских посланий с гражданской патетикой. В них можно ощутить жизнеутверждающие импульсы той замечательной поры истории русского общества, когда оно готовилось к своей первой открытой схватке с царизмом: здесь и торжественное осуждение рабства и крепостничества, и гневное обличение самодержавия, и порыв, ненасытная жажда жизни, и страсть

к деянию, и чудесный талант его поколения, и вера в силы молодости, и страстное утверждение высокого идеала.

Шишков был замечательным переводчиком. Его переводы, изданные под названием «Избранный немецкий театр» в четырех томах, были крупным явлением в истории русской театральной и переводческой культуры. А. А. Шишков переводил пьесы Шиллера, Раупаха, Вернера, Эленшлегера, Кернера, произведения Гете, Шенье, Ламартина, Мицкевича, Тика, Дюма.

Шишков не оставался в рамках романтизма. В его поэзии совершались глубинные внутренние сдвиги, его проза подготавливалась в стихе. Ясность, простота, стремление к пластической рельефности образа, к точности, конкретной детали становятся характерной особенностью его поэтического письма. Изобразительное задание все более и более преобладает в стихе Шишкова над выражением лирической экспрессии. Мы ограничимся ссылкой на стихи из поэмы «Лонской».

«Перечень писем из Грузии» и роман «Кетевана или Грузия в 1812 году» выдвигают Шишкова в ряды одного из самых талантливых зачинателей нарождающейся русской реалистической прозы. Поистине, он был рожден прозаиком.

К этому можно добавить, что в историческом романе «Кетевана», рассказывающем о народном восстании 1812 года в Грузии, Шишков уже нащупывал то, к чему стремился как подлинный художник-поэт, национально-историческое изображение жизни народа.

Поэтическая деятельность Шишкова — свидетельство неустанных и непрекращающихся поисков. Как художник он шел путями, которые в конце концов уводили далеко за пределы искусства романтиков. Отсюда открывались неизведанные дали нового искусства — реализма, искусства наступающей новой исторической эпохи, эпохи исторического поиска и осмысливания опыта декабристов. И не вина Шишкова, что жизнь его оборвалась слишком рано, смерть застигла его в самом начале этой трудной дороги, откуда, по словам одного поэта, нет возврата.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СЛЕДЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹:

Одной из характерных особенностей кавказских горских языков является распределение имен существительных по грамматическим классам. Грамматические классы отражаются в различных частях речи посредством соответствующих звуковых формантов — так называемых классных показателей. Для наглядности приведем примеры из аварского языка, в которых классные показатели выделены: эмен в-ачІана 'отец пришел', эбел й-ачІана 'мать пришла', чу б-ачІана 'лошадь пришла', эменги эбелги р-ачІана 'отец и мать пришли', чуял р-ачІана 'лошади пришли'.

Внимание лингвистов, занимавшихся исследованием кавказских языков, в частности, выяснением принципа классификации имен и употребления классных показателей, привлекал тот факт, что некоторые из этих языков, как например, картвельские, кабардинский языки, а из дагестанских лезгинский, агульский и удинский языки в современном их состоянии не знают подобной грамматической классификации.

Известный исследователь кавказских языков П. К. Услар, отметив полное отсутствие в лезгинском языке «категорий или родов, которые играют столь великую роль в языках Восточного Кавказа», высказал предположение о том, что эта особенность лезгинского языка «повидимому, обнаруживает существование особого юго-восточного подразделения кавказских языков», оговорив, однако, тут же, что «таковые сближения покуда еще преждевременны»².

Дальнейшие исследования перечисленных выше языков действительно показали, что грамматические классы в

¹ Доложено на заседании научной сессии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР 7—8 июля 1952 г.

² П. К. Услар. Кюринский язык. Тифлис, 1896, стр. 21.

прошлом не были чужды и этим языкам. Так, например, ныне считается установленным фактом различие в прошлом грамматических классов человека и вещи в картвельских языках. «Грамматические классы человека и вещи, — пишет Ари. Чикобава, — настолько показательны для большинства горских кавказских языков, что их отсутствие в картвельских языках считалось основным препятствием при допущении генетической связи картвельских языков с горскими кавказскими. Ныне это препятствие снимается»¹.

Обнаружение следов прежних грамматических классов, таким образом, дает возможность восстановить одно из существенных звеньев в цепи родственных связей перечисленных выше языков с остальными языками Кавказа.

Еще в 1907 г. А. Дирр в статье «О классах (родах) в кавказских языках»² высказал свое убеждение в том, что когда-то и в лезгинском языке существовало деление имен на грамматические классы. Он обещал доказать это в специальной статье, однако, такая статья, насколько мне известно, не появилась. Предположения о грамматических классах в лезгинском языке оставались не подкрепленными какими-либо фактами вплоть до тридцатых годов.

Только в 1936 г. автор «Грамматического очерка агульского языка» Р. М. Шаумян, как в этом труде, так и в специальной статье о следах грамматических классов в агульском языке³, указал как на окаменелые классные показатели в лезгинском языке на конечный согласный *д* лезгинских количественных числительных и на суффикс *-ди* субстантивированных прилагательных.

В 1940 г. проф. Л. И. Жирков, обратив внимание на согласный звук *р* в падежном форманте одной группы имен, куда в основном входят названия животных, предположительно определил его как ныне неосознаваемый окаменелый показатель отнесения данной группы животных к определенному классу⁴. Там же приводятся слова *руш* «дочь» // «девушка» и *рухваяр* «сыновья», *хва* «сын» (с предполагаемым классным показателем *р* в начале слова).

Этим ограничиваются все сведения о грамматических классах в лезгинском языке, встречающиеся в доступной нам лингвистической литературе. При этом надо заметить, что не

¹ Ари. Чикобава. Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик. АН Груз. ССР. Институт языка, Иберийско-кавказское языковедение, т. II. Тбилиси, 1948, стр. 270.

² Сб. Материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис, 1907, вып. 37.

³ Р. Шаумян. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке. — «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936, стр. 219—226.

⁴ Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка, стр. 48.

все приведенные факты одинаково убедительны. Например, суффикс прилагательных **-ди**, причисляемый Р. М. Шаумяном к классным показателям, как нам кажется, является формантом иного характера, а именно детерминирующим формантом, придающим прилагательному субстантивность, хотя можно допустить генетическую связь его с классными формантами.

Между тем более глубокое и внимательное изучение лезгинского языка и его диалектов в сравнительном плане дало бы довольно большое количество фактов, подтверждающих соображения о существовании в нем грамматических классов в прошлом.

До появления такого полного диалектологического исследования мы считаем целесообразным опубликовать те данные, которые пока добыты нами в результате личных наблюдений и изучения текстовых материалов, в надежде, что они могут быть полезны как для дальнейшего исследования лезгинского языка, так и при сравнительно-исторических изысканиях и выяснении родственных связей иберийско-кавказских языков.

Оставляя в стороне вопросы о принципах дифференциации имен по классам и о системе функционирования классных формантов, следует заметить, что число грамматических классов в разных языках колеблется от 2 до 7, а в качестве классных формантов употребляются звуки **б, в, д, й, л, м, н, р, ф**.

Наибольшего упрощения системы грамматической классификации имен из дагестанских языков достиг табасаранский, принадлежащий к лезгинской группе и территориально смежный с лезгинским языком. В этом языке мы имеем в настоящее время только два класса — класс разумных существ, т. е. людей, и класс неразумных существ, а также различных предметов и явлений. В качестве классных показателей в табасаранском языке функционируют форманты **б** и **р**, очень редко, в числительных, — **д**; кроме того, в глаголах встречаются еще **в, пI, л** и другие.

Показателем I класса (людей) в единственном числе является **р**, II класса — **б** (и другие форманты), во множественном числе оба класса объединяются и обозначаются формантом **р**. Формант **й**, который мы находим в лезгинском языке как окаменелый классный показатель, в табасаранском не встречается, но он имеется в цахурском языке, тоже относящемся к лезгинской группе, а также в некоторых языках других групп.

Перейдем к изложению фактов, указывающих на следы грамматических классов в лезгинском языке. Они обнаруживаются в различных частях речи.

Существительные

В языках, где грамматическая классификация имен существует как живая категория, классные форманты главным образом функционируют не в основах или корнях самих существительных, а в других частях речи как показатели синтаксической связи последних с существительным (субъектом или определяемым словом). Иными словами, класс существительного отличается не каким-либо морфологическим признаком или формантом основы существительного, а семантически, его лексическим значением. Однако в основах некоторых существительных можно выделить звуковые элементы, посредством чередования которых различается грамматический класс данных существительных. То, что эти элементы являются классными формантами, доказывается их появлением в других частях речи при вступлении последних в синтаксическую связь с данными существительными. Приведем примеры:

аварский язык: **в(-)ас** «сын» (I кл.), **й-ас** «дочь//девушка» (II кл.); **в-ац** «брат» (I кл.), **й-ац** «сестра» (II кл.). Те же классные форманты **в**, **й** появляются в сказуемом: **в-ас (в-ац) в-ачIана**, «сын (брат) пришел», но **й-ас (й-ац) й-ачIана** «дочь (сестра) пришла»;

даргинский язык: **узи** «брат» (I кл.), **р-узи** «сестра» (II кл.), **б-узи** «пара» (т. е. один из парных предметов, например, один из близнецов; III кл.); **урши** «сын» (I кл.), **р-урси** «дочь//девушка» (II кл.); **узыкьар** «двоюр. брат», **р-узыкьар** «двоюр. сестра»; **узи (урши, узыкьар) в-акIиб** «брат (сын, двоюр. брат) пришел» (в данном случае показатель I класса проточный согласный **в** перед огубленным гласным **у** в существительных выпал), но **р-узи (р-урси, р-узыкьар) р-акIиб** «сестра (дочь, двоюр. сестра) пришла».

Сравнивая с приведенными примерами термины родства в лезгинском языке, мы приходим к убеждению, что начальные согласные звуки в них представляют собой не что иное, как пережиточно сохранившиеся окаменелые классные форманты:

в-ах «сестра (вообще)», **б-ах** «старшая сестра/мама», **д-ах** (даха//тха) «старший брат//отец».

Далее, сравнение ряда существительных, эквивалентных по значению и почти совпадающих или очень близких по звуковому составу (с учетом, конечно, возможных звукосоответствий по языкам), показывает, что в них мы имеем также пережиточно сохранившиеся классные форманты, представленные звуковыми элементами **р**, **б**, **в**, **д**, **й**. Ниже приводим список таких существительных.

Лезгинский язык: **р-уш** «дочь//девушка», даргин. **р-урси**, лакск. **д-уш**, аварск. **й-ас**, табас. **р-иш**, рут. **р-эш**,

цахур. й-иш; лезг. в-арз «луна//месяц», дарг. б-аз (/дз), лак. б-арз, рут. в-аз, цах. в-аз, лезг. р-икI «сердце», дарг. у-р-кIи, лак. д-акI, цах. й-икI; лезг. рагъ «солнце», дарг. б-ерхIи, лак. б-аргъ, авар. б-акъ, рут. в-ирагъ//варагъ, цах. в-ирыгъ; лезг. й-ак «мясо», дарг. д-иъ, лак. д-икI; рут. й-ай; лезг. й-уг (> эрг. пад. — й-ига) «молотьба»¹, дарг. д-ег (ср. даргинский глагол с меняющимися классными показателями III класса — д мн. ч., б ед. ч.: д-егрес, б-егрес «молотить»), рут. й-иг; лезг. р-яхъ//р-яхъ (эрг. п. — рехъи) «дорога», дарг. д-якъ «тропинка» (ср. даргинский глагол с классными показателями I кл. укьес, II кл. р-укьес, III кл. б-укьес, мн. ч. I и II кл. д-укьес «идти»), рут. р-яхъ, цах. й-ахъ; лезг. й-укI «аршин», дарг. д-екI «мера длины», цах. й-укI «аршин», лак. н-акI «мера длины (локоть)», авар. н-атI; лезг. й-ис//й-ис//й-ус «год», «шерсть», дарг. д-ус.

Некоторые из приведенных выше слов по звуковому составу напоминают равнозначные им слова других языков, напр., арабского, персидского или тюркского, и, таким образом, дают повод рассматривать их как заимствования из этих языков. Например, аварское сон «год», рутульское и цахурское сен, соответствующие лезгинскому й-ис//й-ус и даргинскому д-ус, как будто можно свести к арабскому санат «год».

Однако мы думаем, что здесь имеет место не заимствование, а случайное совпадение. Но если даже допустить, что эти слова заимствованы из другого языка, то не исключена возможность оформления их классными формантами заимствовавшего языка.

Классные показатели мы находим не только в основах существительных, но и в их падежных окончаниях. Выше было сказано, что согласный звук р в составе падежного окончания группы имен — названий животных Л. И. Жиркоз правильно отнес к окаменелым классным показателям, например: сикI эргатив. — сикIр-е «лиса», но рикI эргатив. рикIи «сердце» и т. д. Здесь можно было бы поставить вопрос: не связаны ли с грамматической классификацией имен и такие согласные звуки, как н, д, которые мы находим в составе падежных окончаний -ини-, -уни-, -еди-, -ади ряда существительных. Например: цIил эргатив. цIил-ини, но гвил-гвил-и; циф — циф-еди «туча», саф — саф-уни «сито», но йиф — йиф-е «ночь» и т. д.

Вопрос о генетической связи падежных окончаний с грамматической классификацией имен, нам кажется, заслуживает специального рассмотрения.

¹ Перевод неточен, слово й-уг означает разложенные на току для молотья снопы, солому и мякину (с зерном).

В табасаранском и рутульском языках, относящихся к лезгинской группе, числительные снабжаются одним из классных формантов **р**, **б**, **д** в зависимости от класса имени, определяемого числительным, причем формант **д** в табасаранских числительных появляется очень редко, лишь перед несколькими числительными и несколькими существительными, и «по-видимому...» является пережитком, сохранившимся от того прежнего состояния, когда табасаранский язык различал большее число классов¹. А в агульском языке, также принадлежащем к лезгинской группе, классные показатели, как и в лезгинском, полностью окаменели, но превращаясь в окаменелые элементы, каждый из формантов **д** и **р** закрепился в каком-либо диалекте, напр. элементу **р** числительных кошанского диалекта в других диалектах соответствует **д**².

Что же касается лезгинского языка, то во всех его диалектах в числительных сохранился только **д**, а элемент **р** мы находим лишь в одном сложном числительном **яxцIу-р** «сорок», представляющем собою фрагмент десятиричной системы счета, вклинившийся в двадцатиричную остальных числительных³.

В любых сочетаниях числительного с другими словами **д** и **р** остаются неподвижными звуковыми элементами, срощившимися с корнями числительных. Однако числительные **сад** «один» и **кьвед** «два» показывают, что эти элементы не входят в корень числительного, не всегда были такими застывшими, наоборот, когда-то они были подвижными, менялись при сочетании с существительными, очевидно, в зависимости от класса последнего. В числительных **сад** и **кьвед**, в отличие от всех остальных числительных, перед определяемым существительным отпадает элемент **д**, сохраняющийся в других случаях.

Например, **са аял** «один ребенок», **са гьил** «одна рука», **са столдал** «на одном столе», **кьве тIуб** «два пальца» и т. д. вместо ожидаемого **сад**, аял, **кьвед балкIан** и т. д. Только в старых песнях и стихотворениях перед некоторыми существительными, как **аллагь** «бог» и т. п., мы находим числительное **сад** с конечным **д**, например: **чи стхаяр Бакуда-ва**, **я сад аллагь**, **вал аманат**⁴. «Наши братья находятся в Баку,

¹ Л. И. Жирков. Табасаранский язык. Изд. АН СССР, 1948, стр. 93.

² Р. Шаумян. Грамматический очерк агульского языка. М.—Л., 1941, стр. 50—51.

³ Анализ числительного **яxцIур** см. в ст. Р. М. Шаумяна «К анализу лезгинского числительного «сорок». Отдельный оттиск из сб. «Памяти академика Н. Я. Марра», М.—Л., 1939.

⁴ «Лезгийрин фольклор». Махачкала, 1941, стр. 62.

о, единый бог, тебе препоручаем их»; Сад эрзиман гьатнава, яр, зи ччанда¹ «одно непреодолимое желание проникло в мою душу, возлюбленная».

Все изложенное о числительных подтверждает мысль о том, что элементы д и р принадлежат к пережиточно сохранившимся окаменелым классным показателям.

Прилагательные

Выше было сказано, что элемент д в суффиксе прилагательных, который Р. М. Шаумяном был отнесен к классным показателям, имеет иную функцию, а именно функцию субстантивации прилагательного (также и причастия). Однако необходимо заметить, что элемент д, субстантивируя прилагательное, в то же время мог быть показателем определенного класса предметов, выделяемого признаком, заключенным в прилагательном. Такое предположение подкрепляется тем фактом, что элементу д суффикса единственного числа во множественном противостоит элемент б, входящий в состав суффикса множественного числа вместе с показателем множественности р, например, яруди «красный», ярубур «красные»; лацуди «белый», лацубур «белые».

В лезгинском языке мы нашли лишь одно прилагательное ийэр (орфографическое написание — иер); в ахтынском диалекте ему соответствует эяр//ияр «хороший, красивый», сравнение которого с прилагательными того же корня в родственных языках — агульском и табасаранском — показывает, что конечный плавный р лезгинского прилагательного также относится к окаменелым классным показателям. Лезгинскому прилагательному ийэр в агульском языке соответствует в одном диалекте идже (ide), в другом — иджеф (idef) (где в первом случае конечный согласный выпал, во втором — сохранился), в табасаранском языке — ужур//ижу-р (I кл.) и ужуб//ижуб (II кл.), где конечные согласные р и б являются живыми классными показателями, например: ужур колхозник — «хороший колхозник», ужуб трактор — «хороший трактор»². Следует заметить, что прилагательные в атрибутивной функции в табасаранском языке очень редко принимают классные форманты.

Глагол

В родственном и соседнем с лезгинским табасаранском языке, где система грамматической классификации, идя к постепенному исчезновению, достигла максимального упрощения

¹ Етим Эмиш. Шииррин кIватIал, Даггиз, 1941, стр. 33.

² Т. Шалбузов. Табасаран чIалнан грамматика, сабли часть, фонетика ва морфология. Махачкала, 1941, стр. 78.

и в то же время основательно расшатана, обнаруживается, что наибольшему разрушению эта система подверглась именно в глаголе. В отдельных говорах классификация имен вовсе не отражается в глаголах, а в других — отражается непоследовательно, да и там, где классные показатели функционируют, в качестве показателя одного и того же класса в разных наречиях используются разные звуковые элементы (б, в, д, пI, л), причем иногда эти элементы воспринимаются не как классные показатели, а как обычные звуки, входящие в состав глагольного корня¹.

Таким же образом, очевидно, шел процесс отмирания классных формантов и в лезгинских глаголах. Эта мысль подкрепляется сопоставлением параллельных форм ряда однокоренных глаголов из разных диалектов, в каждом из которых сохранился окаменелый формант одного из грамматических классов. Приведем примеры:

Глаголу **в-угун** «дать» (во временное пользование или с определенным назначением) литературного диалекта, производному от **гун** «дать/вообще», в некоторых диалектах соответствует **гугун**, а в отдельных говорах (сел. Хурюг, Микрах) ахтынского диалекта — **й-угун** (орфограф. написание—**югун**), например: **за ярар-дустаривай пул къацуна ваг югуза** (<**й-угуза**) «я возьму у друзей и дам тебе деньги»; **абру-яганаш** (<**й-аганаш**) «они не дали».

В литературном диалекте — **вахгун//вахкун**, в некоторых диалектах **гахгун//гахкун**, а в указанном говоре — **яхгун** (<**й-ахгун**) «отдать»: **ма, къацу, — лагъана яхгана** «на, возьми, сказав, отдал».

Глаголу литературного диалекта **жугъун//жагъун**, ахтынского диалекта **гакъын//гакъун** соответствует **якъян (й-акъун)** «найти, достать»; **заг са кепекни якъунаш (й-акъунаш)** «я не достал ни одной копейки»;

Литературному **в-игъин//в-егъин** противостоит **егъин** (<**й-эгъин**) «бросать, кидать, сваливать» и т. д.; **са шей егъизва** «бросает какую-то вещь; **ахпа бугътан ин карванчий-**

¹ Л. И. Жирков. Табасаранский язык, стр. 111. Мы можем сослаться также на «Свод орфографических правил табасаранского литературного языка» (изд. 1938 г.), в составлении которого активно участвовал проф. А. Н. Генко, исследовавший диалекты табасаранского языка; в 5 пункте III раздела (стр. 32) сказано: «Классные показатели в глагольных формах, как отличающиеся большой сложностью и неустойчивостью в разных наречиях табасаранского языка, в литературном языке употреблять не следует. В настоящее время вопрос об употреблении классных показателей в глаголах является предметом горячих споров среди табасаранских учителей, что ярко обнаружилось на происходившей 22—26. XII. 1952 г. Научной сессии ИИЯЛ.

рал егыиз ккан хъана «(она) хотела потом свалить вину на караванщиков»¹.

Классные форманты появляются не только в начале или в середине глагола, но и конце его некоторых, особенно причастных, форм. В лезгинском языке также мы находим и в этой позиции застывшие форманты **р** и **й**. Второй формант мы находим в говоре сел. Хурюг ахтынского диалекта и в говорах целого ряда аулов (Концил, Хпюк, Ялцугар, Мехкерт и др.) так называемого Яркинского (**Ярки**) магала. Приведем примеры из письменных материалов, хотя наши личные наблюдения показывают, что употребление форманта **й** вместо **р** в приводимых ниже формах и ныне свойственно живой разговорной речи аулов Концил, Заза и т. д.

Форма ирреального условия (и апотезиса к нему) от вспомогательного глагола **авун** «делать» в литературном языке имеют формант **р**: **авуначи-р-тла**//**авунчи-р-тла** «если бы не сделал», **ийдачир**//**ийичи-р** «не сделал бы», а в говорах Яркинского магала **-й**, например: «**белки вун халкъ авунчи-й-тла, ччилер цавар халкъ ийичи-й**» может, если бы не создал тебя, то не создал бы и землю с небесами².

Форме прошедшего времени и причастия **авачи-р** 1) «не было, 2) «не существующий, не имеющий» (от отрицательной формы недостаточного глагола **авач** «нет») в указанных говорах соответствует **авачи-й**: «**велед, юлдаш авачий; бажи, къардаш авачий**» не имеющий ни детей, ни товарища; не имеющий ни сестры, ни брата»³; или **авачи-й авам** «необразованный (непросвещенный)», букв. — «не имеющий науки//невежда»; **ан девирза афтамабил, машин, парахуд авачи-й** «в то время не было автомобиля, машины, парохода» (село Хурюг)⁴.

Собственно имеем также формы **ти-р** и **ти-й** 1) «был», 2) «сущий, являющийся»⁵: **ихьтин сад ажал тий ама** «такой пагубной», — букв. — «смертью, смертоносной, — была она»; **клан-ди-р** и **кланди-й** «хотелось бы»⁶; **пампасидкай рикI ягъайла, чаз са турши анар кландий** «нам хотелось бы иметь кислый гранат, чтобы съесть, когда приедается монпансье»; **ругу-р**//**рга-й** в литературном диалекте и **й-угу-р** в говорах Яркинского магала «кипяченая»; «вареная», **къиникъ**//**къин** «умирать», **къена** «умер», но **й-икъ** 1) «умри» и 2) «обрядовый плач», **р-екъ-ида** «умрет» и т. д.

1 Лезгийрин фольклор, стр. 164—165.

2 Старая рукопись стихотворения на арабском алфавите.

3 Там же.

4 Лезгийрин фольклор, стр. 162—163.

5 Е. Эмин. Сборник стихов, 1941, стр. 21.

6 А. Фатахов. Рассказ «Риза», Литерат. хрестоматия для 3 кл., 1934.

Соответствия звуков **в//й** и **р//й** в приведенных глагольных формах можно объяснить, по нашему мнению, только в том случае, если мы будем считать их пережиточно сохранившимися, ныне неосознаваемыми классными формантами.

С категорией грамматических классов, нам кажется, пахотится в определенной связи и образование так называемых каузативных и переходных глаголов от непереходных посредством формантов **д** и **р** (например, **кьугьун** «играть» > **кьугьурун** «заставить, дать возможность играть, забавлять»; **ацукьун** «сидеть, сесть» > **ацукьарун** «посадить»; **кукьун** > «драться», «сцепиться», «склеиться»; **кукьурун** «заставить драться, сцепить, склеить»; **акьучьун//экьечьун** «выйти, взойти» и т. д. > **акьудун** «вывести», «вынуть»; **эвичьун//авучьун** «слезть», «спуститься»; **авудун** «спустить», «заставить слезть» и т. д.).

Окаменелые следы грамматических классов, как показывают приведенные факты, обнаруживаются почти во всех частях речи. Система грамматической классификации имен, таким образом, отражалась во всей морфологии лезгинского языка. Можно предположить также, что число классов, как свидетельствуют пережитки классных формантов **в, д, й, р**, сначала было больше, как и в других дагестанских языках, а затем, в результате постепенного упрощения всей системы, оно дошло до двух — класс человека (разумных существ) и класс вещей (неразумных существ и всех неживых предметов и явлений), как в табасаранском языке, и, наконец, вовсе исчезло всякое деление на классы. Класс человека и класс вещи ныне различаются только семасиологически при постановке вопроса: вопрос **вуж** (эргатив — **ни**) «кто?» относится только к человеку, а вопрос **вуч** (эргатив. — **ккуь?**) «что?» — ко всему остальному: к жизни и неживым предметам, ко всем явлениям и понятиям.

Встает вопрос о факторах, вызвавших утрату категории грамматических классов в лезгинском языке. Он требует специального рассмотрения. Однако мы должны выразить здесь наше несогласие с мнением А. Дирра, категорически утверждавшего в упомянутой выше статье, что «удинский, агульский и кюринский (т. е. лезгинский — М. Г.) языки потеряли свои классы безусловно под влиянием тюрко-татарских языков, совершенно не имеющих родов (классов)».

Мы думаем, что исчезновение категории грамматических классов из лезгинского языка в первую очередь нужно объяснять действием его внутренних законов, по которым он развивался, совершенствуя свою грамматику. Об этом говорит общая тенденция к сокращению числа классов почти во всех дагестанских языках.

К ОБРАЗОВАНИЮ ОСНОВНЫХ ВРЕМЕН В КАРАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В каратинском языке одно спряжение. Все глаголы всех диалектов и наречий спрягаются по одному образцу. Аффиксы, образующие времена, как правило, материально одинаковы. Несмотря на это, при спряжении глаголов в каратинском языке выделяется несколько групп, которые сопоставляются использованием разных фонетических вариантов одного и того же аффикса.

Наличие таких групп обусловлено исходным звуком глагольной основы. Поэтому, прежде чем рассматривать спряжение каратинских глаголов, необходимо учесть типы основ.

В каратинском языке можно выделить две основные группы глаголов: в первую входят глаголы, основа которых оканчивается на согласный звук (ч/чIвар — «бежать», бекъ — «делить», бекъ — «пахать», и т. д.); во вторую группу входят глаголы, основа которых оканчивается на назальный звук. Обе эти группы имеют подтипы, характерной чертой которых является лабиальное окончание.

В каратинском языке (точнее в собственно-каратинском диалекте) имеются также глагольные основы с гласным исходом. Но они в спряжении не выявляют существенных особенностей и спрягаются как остальные глаголы. В токитинском диалекте и в анчихском наречии эти глагольные основы встречаются с согласным исходом. Например:

собствен. каратин. д.	токитин.	анчихск. нар.
ту — «плевать»	тул —	тур —
ха — «просить»	хал —	хар —
пу — «дуть»	пул —	пур —

¹ Исходным согласным основы является, по-видимому, д (перешедший в разных диалектах в р, л и ноль).

В каратинском языке три основных времени: настоящее, прошедшее и будущее. Так же как и в аварском языке, в каратинском глагольные временные формы имеют органическое и описательное образование. Органическое образование имеют настоящее — общее, прошедшее и будущее времена. Описательные формы имеют настоящее — конкретное, будущее и прошедшее (перфект). Описательных форм много, правда, не такое множество, какое мы имеем в аварском языке.

Настоящее общее основным показателем имеет суффикс *ида*. В первоначальном виде он сохранился в арчубском, рачабалдинском говорах собственно-каратинского диалекта и в токитинском диалекте. В собственно-каратинском же диалекте *д* палатализован (*д'*). В анчихском процесс изменения *д* пошел еще дальше, там этот суффикс выступает как: *-ира*. Изменение звука *д* путем палатализации (*д* → *д'* → *р*) обусловлено интервокальной позицией этого согласного. Предшествующий *и* способствует этому. Аналогичный процесс изменения *д* между гласными широко распространен в багвалинском и тиндийском языках.

Во всех каратинских диалектах и говорах, если глагольная основа оканчивается на сонорные звуки (*р, л, м, н*), а также на звонкий *б*, суффикс *ида* представлен в виде — *да* (т. е. утерян *и*). Непосредственное соседство с упомянутыми согласными препятствует изменению звука *д*, он сохраняется даже в анчихском наречии. Например:

I — *ида* (в собств. карат. *ид'а*)

бель-ида	«ткет»
т абаль-ида	«хочет любить»
ит-ида	«отпускает»
бохь-ида	«отнимает»
бегь-ида	«наполняет»
бецI-ида	«растит»
ихьвач-ида	«жарит»
беж-ида	

II — (в анчихск.)

бекь-ира	«пашет»
биь-ира	«знает»
хханд-ира	«бреет»
багь-ира	«покупает»
кIкIанд-ира	«зовет»
и т. д.,	

Но во всех диалектах и говорах: *-да хьвар-да* «пишет», *эр-да* «скисает», *хьиб-да* «рвет», *тIар-да* «падает», *гьаб-да* «гложет, скребет», *ллььиб-да* «хлебает», *кьар-да* «доит».

Процесс утери звука *и* после *р, л, м, н, б* имеет место и в других андийских языках (тиндийском, в собственно-андийском¹).

¹ И. И. Церцвадзе. Вопросы фонетики андийского языка, Изб.-кавк. языкозн., т. V, 1953.

В глаголах, имеющих основы с лабиальным исходом (т. е. в основах первого подтипа) элемент лабиальности (**в**), сливаясь с суффиксом **и**, дает **у**. Поэтому, суффикс **-ида//и-ра** представлен **-уда//ура** (← **в-ида//в-ира**). Как видим, гласный **у** препятствует палатализации **д** (ибо, не встречается **-уда**, срв. выше **ид'а**), однако, в анчихском тенденция перехода **д** → **р** настолько сильна, что здесь **д** все же переходит в **р**. Повидимому, в анчихском для этого процесса достаточно, чтоб **д** оказался между гласными (хотя возможно, что в анчихском **д** перешел в **р** раньше, чем комплекс **в+и** перешел в **у**). Например:

бекъ-уда (← бекъв-ида) «высыхает» (рачабалд.)
 бехъ-уда (← бехъв-ида) «приходит» (с-карат.)
 зарагъ-уда (← зарагъв-ида) «мерзнет» (с-карат. арчин.)
 биж-уда (← бижв-ида) «вырастает» (с-карат.).

Но в анчихском:

бекъ-ура (← бекъв-ира) «высыхает»
 бехъ-ура (← бехъв-ира) «приходит»
 инк-ура (← инкв-ира) «кушает»
 биж-ура (← бижв-ира) «вырастает» и т. д.

Во второй группе глагольных основ, оканчивающихся на назальный звук, эти суффиксы закономерно представлены как **-унда // -инда**, изменение **д** не происходит, ибо в соседстве находится звук **н**. Например:

басин-да «рассказывает», бачун-да «моет», бахъин-да «роет»,
 гин-да «может», эртин-да «лежит», эрхъин-да «пухнет»,
 гъаъин-да «видит», бектин-да «смотрит», къин-да «шьет»
 и т. д.

Но в анчихском говоре в глаголах III класса мы имеем опять формы на **-ура//и-ра**, так как при назальной основе классный показатель **б** в префиксе переходит в **м**, а ожидаемый комплекс **-унда//инда** переходит (после того, как назальный согласный основы перешел в назализацию и продвинулся вперед) в **-ура//и-ра**. (бучан → бучна → муча)¹.
 Примеры:

мас-ира «рассказывает», муч-ира «моет», махъ-ира «копает»,

мун-ура «сдирает» и т. д.

Настоящее общее в арчубском и рачабалдинском образуется так же, как и в собственно-каратинском диалекте.

¹ Т. Гудава. Об одном варианте третьего грамматического класса в аварско-андийско-дидойских языках. — «Иб.-кавк. языкозн.», т. IV, 1952.

Например:

арчубск. гов.		рачабалд. гов.	с-карат. диал.
кIкIан-да	«зовет»	кIкIан-да	кIкIан-да
биъ-ида	«знает»	биъ-ида	биъ-ида
бецI-ида	«наполняет»	бецI-ида	бецI-ида
и т. д.			

Об образовании настоящего времени в каратинском языке А. Дирр замечает¹: «Настоящее время образуется, повидимому, посредством одной из форм глагола *ида*», а именно 1. *идов*², 2. *идей*, множ? Например: *гегь-идоб* «делаешь», *вокIа-идоу* «смотришь», *гъаьиндоб* «видишь», *гьекьиндоб* «говоришь»...

Далее А. Дирр пишет: «...*вуъанлъа* *идоу*, 2. *йианлъа* *идей* «идешь»,... (по этому поводу А. Дирр делает следующую сноску: «Инфинитивы все оканчиваются на *-лъа*, но я не вполне уверен, что это действительно инфинитивы, это скорее причастия...»).

«...*цIцIалдоб* «читаешь», *хъуардоб* «пишешь», *хъварда* *ида* «пищу», *къандоб* «кушаешь», *къандейда* = *къанда *ида* «кушаю», *цIцIардоб* «пьешь», *цIехидоб* «ищешь» (7, 8, 10, 20, 24, 39, 63)»

Приведенные примеры вызывают ряд замечаний. Во-первых, в каратинском языке два настоящих времени: одно — настоящее общее органического образования типа *хъварда* «пишет», *цIцIалда* «читает», *бегьида* «покупает» и т. д.; другое — настоящее конкретное описательное: *хъварда* *ида* «пишет», *цIцIалда* *ида* «читает» и т. д.

А. Дирр первых форм не отметил, а вторые, не говоря о них как об особых формах настоящего времени, сводит лишь к форме лица глагола. А. Дирр полагает, что *хъварда* *ида* означает «пищу», а *хъвардоб* «пишешь». Приводимые им формы на *-об*, как формы настоящего времени и причем второго лица, не соответствуют действительности, ибо *хъвардоб* это форма причастия настоящего времени и *идов* так же причастная форма от вспомогательного глагола *ида* «есть» (срв. аварские формы *хъвалеб*, *бугеб*). Пример *йеъанлъа* *ида* и другие, толкуемые А. Дирром как формы настоящего времени, в действительности являются формами будущего описательного, образованного от неопределенной формы глагола плюс вспомогательный глагол.

И, наконец, о формах инфинитива на *-лъа*. Инфинитив в каратинском языке образуется суффиксом *-лъа*, а причастные формы, по всей видимости, остались А. Дирру неизвестны.

¹ А. Дирр. Материалы для изучения языков и диалектов андодийской подгруппы. Тифлис, 1909, стр. 26.

² Примеры А. Дирра приводим в современной аварской транскрипции. З. М.

Приведенный же им пример: **хъварда ида** действительно означает «пишу» и является формой настоящего конкретного описательного времени, но она не имеет определенной формы лица, как это можно предположить по А. Дирру. Глагол в каратинском языке не изменяется по лицам и, следовательно, не может иметь особых личных форм.

Прошедшее время имеет два основных суффикса **а** и **е**. Большинство глаголов прошедшее время образует посредством **-е**.

В зависимости от типа основы, суффиксы **е** и **а** выступают в фонетических вариантах. В глаголах, основа которых оканчивается на назальный согласный ¹, суффиксы **а** и **е** назализованы (**а^н**, **е^н**). Если же основа оканчивается на лабиализованный согласный, то вместо **е** в качестве суффикса прошедшего времени выступает **у**.

Употребление суффиксов **е** и **а** (а также их фонетических разновидностей: **е—е^н—у**, **а—а^н**) не является факультативным.

Образование прошедшего времени не сложно. Суффикс времени присоединяется непосредственно к основе. Например:

Суффикс а:		суффикс е:	
хъиб-а	«порвал»	хъвар-е	«написал»
ит-а	«отпустил»	къар-е	«доил»
гъам-а	«разинул»	бегъ-е	«взял»
бохха-а	«протянул»	бохъ-е	«встал»
бит ¹ в-а	«порвал»	ххер-е	«пилил»
жоб-а	«смешал»	ссунк-е	«нюхал»

Если основа оканчивается на лабиализованный согласный, в прошедшем времени вместо **е** появляется **у** (а вместо **е^н** соответственно **у^н**). Суффикс **у** является результатом слияния суффиксального **е** с предыдущим **в** (**в — е → у**)².

биж-у (← *бижв-е) «растил»

зарагъв-у (← *зарагъв-е) «замерз»

беж-у (← *бежв-е) «верил».

В токитинском диалекте, в анчихском наречии, в арчубском и рачабалдинском говорах собственно-каратинского диалекта суффикс **у** встречается в тех же случаях, что и в собственно-каратинском диалекте, т. е. там, где встречается лабиализованный гласный в основе. Например:

¹ Здесь и ниже, говоря об основах, оканчивающихся на назальный согласный, имеется в виду их исторический облик — присутствие в исходе т. н. «тематического» **н**, по выражению некоторых специалистов аварско-андийских языков.

² Если в таких глаголах прошедшее время образовано суффиксом **а**, слияния не происходит, а сохраняется. Например: бик¹в-а «был» инкв-а «кушал» и т. д.

тоkit. д.   арчуб. гов.   рачаб. гов.   анчих. нар.

махъ-у ¹	«копал»	бахъ-ун	бахъ-у	микIkI-у	«проглотил»
биж-у	«вырос»	биж-у	биж-у	минаху	
бехъ-у	«зарезал»	бехъ-у	бехъ-у	бехъ-у.	

Аналогичный переход комплексов **ве//ви** в **у** наблюдается и в других андийских языках.

Можно думать, что переход **ве** в **у** процесс сравнительно новый и еще незаконченный, в ряде говоров переход **ве** → **у** не имеет систематического характера:

с-карат. д.		арчуб. гов.	рачаб. гов.	анчих. гов.
гъабаж-у	«смешал»	гъабажве-е	гъабажве	гъабажве
бекк-у	«дал»	беккв-а	бекк-у	беккве
бегухх-у	«опьянел»	бегухх-у	бегух-а	бегухх-у

Следует отметить, что в говоре сел. Рачабалда суффикс прошедшего времени **а** слышен всегда как умляутизованный. Особенно ясно заметен умляутизованный характер этого **а** после согласных: **кIкIă** «звал», **бакIарă** «собрал», **цIцIумă** «заострил» и т. д.

Как видно, умляутизованный **ă** вызывает палатализацию предшествующего согласного.

В тоkitинском диалекте суффикс прошедшего времени **е** с трудом отличается от **и**. Акустически почти невозможно отличить говорит ли тоkitинец в данном случае **е** или же **и**. Это же самое отмечает и А. Бокарев в своей статье «О тоkitинском наречии»².

Как отмечалось выше, в глаголах, имеющих в исходе основы назальный, в качестве суффикса прошедшего времени вместо **а** выступает **ан** (очень редко можно встретить также **ен** вместо **е**)³. Например:

¹ **б** → **м** под влиянием назального звука, бывшего в основе.

² Там он сравнивает это явление с аварским языком. Нам кажется, что положение в аварском языке в этом отношении несколько иное, чем в тоkitинском диалекте каратинского языка. В тоkitинском диалекте **е** и **и** в конце слова почти не различаются, а в аварском различаются хорошо. И если в печатной литературе происходит путаница в напечатании **е** и **и** в конце слова, то это объясняется диалектными особенностями самого аварского языка (где в одном диалекте произносится на конце **и**, а в другом **е**), а не тем, что в аварском языке... «**е** и **и** не успели еще полностью развиться в самостоятельные и противопоставленные друг другу фонемы». См. А. А. Бокарев. Материалы по диалектологии андо-цезских языков. «Сб. памяти Марра Н. Я.», М.—Л., 1938, стр. 26.

³ В тоkitинском диалекте и в анчихском наречии эти суффиксы представлены в виде чистых гласных, что связано с тем, что назальный гласный суффикса переставляется и, вызвав ассимиляцию **б** → **м**, исчезает. Ср. анчихск! **милъа** «сварил» (← **билъан**), **муча** «выстирал» (← **бучан**) и т. д.

ххв-а ^н	«бежал»	къиен	«сшил»
ерт-а ^н	«улетел»	чїиен	«побил»
бас-а ^н	«поговорил»	торчїеи	«бросил»
бекI-а ^н	«смотрел»	бахъен	«ускользнул»
биш-а ^н	«побеждал»		
бель-а ^н	«варил»		
баххв-а ^н	«завязал»		

А. Дирр отмечает в каратинском языке, кроме а и е, суффиксы прошедшего времени б и м¹: «Некоторые глаголы, — говорит Дирр, — оканчиваются в прошедшем на б и м, например **кекьом** «сказал», **къаммуб** «кушал», **бикьоб** (13, 14, 53).

Ни в одном из диалектов или говоров каратинского языка б или м не являются суффиксами прошедшего времени. В приведенных Дирром примерах, да и вообще, б и м² суть суффиксальные классные показатели. Ср. фразы-примеры Дирра:

13. гьедул гьудушул кекьом. Перевод «что он сказал?». Переведем эту фразу на аварский язык: **шиб досс абураб?** Это будет точный перевод каратинской фразы, соответствующий как по форме, так и по смыслу. Аналогичны и две остальные фразы: 41. гьедул мена къамуб? «что ты кушал?» Ср. аварск.: **шиб дуца кванараб?** 53. гьингул мена билъоб диб ъарсе? «куда ты положил мои деньги?». Ср. аварск. **киб дуца лъураб дир гIарац?**

Из фраз, приведенных самим А. Дирром, видно, что формы, которые он считает глаголами прошедшего времени, суть формы причастий прошедшего времени, употребленных в значении глагола прошедшего времени. Такое употребление является специфической особенностью аварско-андийских языков.

Будущее время в каратинском языке образуется посредством суффикса **-сс** (-а-сс)³, который в основах, оканчивающихся на н, выступает в виде **-а-н-сс**, лабиализованный исход основы не вызывает фонетических изменений, так как комплекс **в-а** сохраняется. Например:

бель-а-сс	«оставлю»	бекъв-а-сс	«высушу»
гьур-а-сс	«покрошу»	биъв-а-сс	«поломаю»
гьерцI-а-сс	«подниму»	бикIв-а-сс	«буду»
бакIар-а-сс	«соберу»	бежв-а-сс	«поверю»
цIцIум-а-сс	«заострю»	зарагъв-а-сс	«замерзну»

¹ А. Дирр. Указ. соч., стр. 23.

² м — результат слияния классного показателя б с нализацией исходного гласного **кекьом** ← **кекьо** *б (ср. **кекьянлъа** «сказать»).

³ Здесь и везде, где речь идет о суффиксе -с-, -е-е-б, с — твердое. З. М.

ертан-сс	«полечу»	бикІван-сс	«проглочу»
ххван-сс	«побегу»	бачван-сс	«вымою»
гьяъан-сс	«увиджу»	и т. д.	
бекІан-сс	«смотрю»		

Будущее время образуется от инфинитивных форм глагола. Опустив суффикс инфинитива **-лъа** и присоединив суффикс **-с**, всегда можем получить верную форму. Например:

бель-а-лъа «оставлять» (инф.) **бель-а-сс** (буд. вр.)

ерт-ан-лъа «летать» (инф.) **ерт-ан-сс** (буд. вр.) и т. д.

В токитинском диалекте, в арчубском и рачабалдинском говорах будущее время образуется так же, как и в собственно-каратинском диалекте, суффиксом **-а-сс**:

токит. диалект: хъиб-а-сс «порву»

рачаб. говор: хъиб-а-сс

арчуб. говор: хъиб-а-сс

с-карат. диалект: хъиб-а-сс.

В анчихском наречии собственно-каратинского диалекта суффикс **-а-сс** представлен в виде **а-сс-е**, т. е. имеет еще и конечную огласовку. Аналогичный суффикс с гласным звуком в конце известен и из других андийских языков. Например, в годоберийском диалекте ботлихского языка суффикс будущего времени **сс** имеет огласовку **-у**. Это дает возможность расчленить суффикс **а-сс**, анчихский **а-сс-е**. В каратинском, возможно, утерян суффиксальный гласный.

Напрашивается вопрос, какая связь между этим суффиксом **а-сс** и суффиксом аварского языка **сс-е-б**. Суффикс **сс-е-б** в значении суффикса будущего времени в аварском языке встречается, как правило, в причастных формах. И эти формы образуются обычно от инфинитива. Например: **гъабизиссеб квен** «обед, который будет сделан», **хъвезиссеб кви** «баран, который будет зарезан», **къотІизиссеб гъветІ** «дерево, которое будет срезано». Такие формы, как мы видим, имеют значение действия, которое должно совершиться в будущем или предполагается быть совершенным. Отенок долженствовательности этим формам придает, конечно, сам инфинитив, значение будущности — суффикс **сс-е-б**.

Аварский суффикс **сс-е-б** встречается также в формах, образованных от наречий, которым он придает значение причастных форм: **метер** «завтра», **метер-и-сс-е-б** «завтрашний», **сон** «вчера» — **сон-сс-и-й-а-б** (← ***сон-и-сс-е-б**) «вчерашний» и т. д.

Аварский суффикс **сс-е-б** и суффикс будущего времени **а-сс** в каратинском и других андийских языках имеет между собой определенную связь.

Суффикс **-сс-е-б** в аварском языке встречается и в таких формах, как: **цебе-сс-е-б** «передний, передовой, от тебе «впереди», срв. **тЮо-цебе-сс-е-б** «самый первый»; **жани-сс-е-б** «внутренний» от **жаниб** «внутри», **къват и-сс-е-б** «внешний», **гланди-сс-е-б** «андийский» и т. д. В этих формах суффикс **сс-е-б** не имеет никакого оттенка будущности и он является здесь именным суффиксом, который можно связать с суффиксом локативного падежа, именно отправительного. Например:

ки-сс-а	«откуда»
жани-сс-а	«изнутри»
къват и-сс-а	«извне»
гланди-сс-а	«из Анди» и т. д.

Нам думается, что суффикс **сс-е-б**, встречающийся в причастных формах аварского языка, и **сс-е-б**, встречающийся в именных формах, — два разных суффикса как по функции, так и по значению.

ПРЕВЕРБЫ В СИСТЕМЕ ЛЕЗГИНСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО КОРНЯ

Из исследователей лезгинского языка никто не занимался вопросом глагольных превербов, да и вообще этот вопрос не ставился должным образом. П. К. Услар в своей работе, посвященной лезгинскому языку пишет, что «в кюринском языке нет вовсе ни предлогов (prepositions), ни прилогов (postpositions)», хотя несколько дальше он приводит глагольные корни с разными превербами в их структуре¹. Не упоминается о превербах также в работе Л. И. Жиркова «Грамматика лезгинского языка»². А. А. Магометов в статье, посвященной превербам в табасаранском языке, мимоходом указывает на присутствие превербов также в лезгинском глагольном корне, причем автор совершенно справедливо указывает на то, что «превербы в лезгинском языке в настоящее время не составляют такую ясную и прозрачную картину, которая представлена в табасаранском и агульском языках»³. Из зарубежных исследователей К. Боуда в приложении к табасаранской грамматике касается (также мимоходом) некоторых лезгинских глагольных корней, содержащих в себе пространственные превербы.

Как видно из изложенного, пространственными превербами в лезгинском языке до сего времени никто не занимался. Если мы и находим некоторые сведения о них у ряда авторов, то эти сведения до того незначительны, до того неполны, что вряд ли по этим отрывочным сведениям читатель сможет составить себе представление о префиксальной системе лезгинского глагола.

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Кюринский язык, вып. 6, Тифлис, 1896, стр. 224.

² Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка, Махачкала, 1941.

³ А. А. Магометов. Превербы в табасаранском языке. Иб.-кавк. яз.-ние, т. 8, Тбилиси, 1956, стр. 335.

Вопрос о превербах — сложный и запутанный. Чтобы разрешить его и выявить наличные превербы в структуре лезгинского глагола и определить их значение, функциональную значимость, необходимо найти такой глагольный корень, который принимал бы все наличные превербы. В функции такого «всеобъемлющего» глагольного корня может выступить коренной слог -ат-, выражающий в сочетании с разными превербами разнообразные пространственные отношения произвольного движения с разных точек пространства или же к разным точкам пространства:

аватуи (ав-атуи) «выпасть, выпасть из чего-нибудь (напр., из кармана) ¹,

алатуи (ал-атуи) «отпасть, перевалиться, свалиться с чего-нибудь»,

акъатуи (акъ-атуи) «вывалиться из чего-нибудь, выско-чить, выстрелить»,

акатуи (ак-атуи) «попасть под...»,

агатуи (аг-атуи) «приблизиться к...»,

гъатуи (гъ-атуи) «попасть в...».

Приведем еще следующие два глагольных корня с пространственными превербами:

эвичIуи (эв-ичIуи) «вылезть из, с...»,

элячIуи (эл-ячIуи) «перейти через...»,

экечIуи (эк-ечIуи) «подлезть под...»,

эгэчIуи (эг-ечIуи) «подойти вплотную к..., подобрать-ся к...»,

экъэчIуи (экъ-ечIуи) «выйти из» (этот глагол не встречается с гъ-),

авахъуи (ав-ахъуи) «ссыпаться из, с...»,

алахъуи (ал-ахъуи) «ссыпаться сверху чего-нибудь, бежать при кипячении (напр., молока), разлиться»,

акахъуи (ак-ахъуи) «подлезть под..., смешаться...»,

агахъуи (аг-ахъуи) «приблизиться вплотную к...; присту-пить, начать что-то делать»,

гъахъуи (гъ-ахъуи) «войти, ворваться в...»

Приведенные глаголы в переходной форме имеют один и тот же корень, который выступает в виде -уд-, причем этот глагольный корень также принимает аналогичные пространственные превербы:

авудуи (ав-удуи) «выгрузить из..., снять с...»,

алудуи (ал-удуи) «снять с..., (напр., со стола), перенести через...»,

акудуи (ак-удуи) «впихнуть под..., подложить»,

агудуи (аг-удуи) «приблизить к...»,

акъудуи (акъ-удуи) «вынуть из..., вывести, выгнать из...».

¹ Здесь и в дальнейшем будем давать только основное значение глагола.

Пространственные провербы сохранились также в глаголе-связке «есть», которая на современном этапе развития лезгинского языка отсутствует в чистом виде, но сравнивая данную связку с аналогичной связкой в других языках, можно восстановить былую ее форму. Она может быть представлена в виде **а**, на что указывает табасаранская форма данной связки, выражающая «понятие о пребывании, наличии в определенном месте: **а** — есть (в наличии), **айи** — был, **ади** — будучи»¹.

Значит, сочетание восстанавливаемой нами глагола-связки **а**² с разными провербами выражает разнообразные пространственные отношения:

ава (< **ав-а**) «есть в чем-нибудь, находиться в чем-нибудь (в сундуке)»,

ала (< **ал-а**) «есть на чем-нибудь, находиться на... (на сундуке)».

Можно было бы увеличить список глаголов, в которых в той или иной мере представлены провербы, но и приведенные глаголы наглядно свидетельствуют о том, что структура лезгинского глагола содержит пространственные провербы так же, как это имеет место в широком масштабе в табасаранском и агульском языках³. При этом следует подчеркнуть, что в лезгинском языке по сравнению с двумя указанными языками система провербов не имеет такого всеобъемлющего характера, хотя можно допустить, что они в данном языке были представлены в прошлом в такой же степени, как это мы наблюдаем в табасаранском и агульском языках.

Из сказанного видно, что в лезгинском языке представлены следующие провербы: **ав** (**эв**), **ал** (**эл**), **ак** (**эк**), **аг** (**эг**), **акъ** (**экъ**), **гь**. Эти провербы, называемые нами простыми, во многих случаях могут осложняться, и сочетание такого осложненного проверба с глаголом выражает более тонкий оттенок движения или нахождения в определенном месте пространства; иначе говоря, осложненными провербами передаются, так же как простыми, более сложные оттенки пространственных отношений.

Сложные провербы получаются в результате сочетания указанных выше простых провербов друг с другом:

аватун > **кватун** (**кв-атун** < **ккв-атун**, ср. в ахт. д. **ккв-атын**) «выпасть из-под чего-нибудь, сползти по вертикальной поверхности (отсюда новое значение: разрешиться (от беременности)»,

¹ Л. И. Жирков. Табасаранский язык. М.—Л., 1948, стр. 139.

² О провербах в табасаранском и агульском языках см. у А. А. Магомедова в цит. выше статье.

³ Там же.

алатун > галатун (< гал-атун) «отпасть от чего-нибудь, отстать от кого-нибудь; устать»,

акатун > какатун (как-атун) «попасть под что-либо»,

акатун > хккатун (хкк-атун < хыкк-атун) ¹ «выскочить, выпасть из под чего-либо»,

агатун > агалтун (агал-тун < агал-атун) «прислониться к...»,

акъатун > къакъатун (къакъ-атун) «разойтись в разные стороны».

акъатун > акъалтун (акъал-тун < акъал-атун), ср. в ахт. д. (акъалтын) «оказаться на..., взойти на (непроизвольно)»,

гъатун > гъалтун (гъал-тун < гъал-атун) «навалиться на..., встретиться, пристать...»,

эвичлун > кучлун (ку-члун < кув-учлун, ср. в ахт. д. ккы-вычлын) «слезть сверху вниз по вертикальной поверхности»,

элячлун > гелячлун (гел-ячлун) «отстать от...»,

экечлун > кекечлун (кек-ечлун) «подлезть под...»,

экечлун > хккечлун (хкк-ечлун < хыккечлун) «выйти из-под...»,

эгечлун > эгелчлун (эгел-члун < эгел-учлун),

экъечлун > къекъечлун (къекъ-ечлун) «отойти от...»,

авахьун > квахьун (кв-ахьун < ккав-ахьун, ср. в ахт. д. ккавахьын) «ссыпаться по вертикали вниз...»,

алахьун > галахьун (гал-ахьун)

акахьун > какахьун (как-ахьун) «подлезть под..., смешать-ся),

акахьун > хккахьун (хкк-ахьун < хыкк-ахьун) «потухнуть»,

агахьун > агалхьун (агал-хьун < агал-ахьун) «приблизиться вплотную к..., прислониться».

Переходная форма глагольных корней на -ат- и -эчл-, которая выступает в виде -уд-, также сочетается с осложненными провербами:

авудун > кудун (ку-дун < ккув-удун, ср. в ахт. д. ккывыдын) «разбудить; согнуть, сломить»,

алудун > галудун (гал-удун) «отцепить от...»,

акудун > какудун «подложить»,

акудун > хккудун (хкк-удун < хыкк-удун) «вынуть, вытащить из-под...»,

агудун > агулдун (агул-дун < агул-удун) «прицепить к...»,

акъудун > къакъудун (къакъ-удун) «отнять, отобрать...»,

акъудун > акъулдун (акъул-дун < акъул-удун) «приподнять на...».

Сложные провербы сочетаются также с глаголом-связкой а:

¹ Знаком ы мы обозначаем иррациональный гласный звук средний между ы (русского языка) и обыкновенным у.

ава > ква (кв-а < кав-а, ср. в ахт. д. ккава) «находиться под..., находиться на вертикальной поверхности...»,

ала > гала (гал-а) «находиться за...»,

ава > гва (гв-а < гав-а, ср. в ахт. д. гава) «находиться у, около...».

Как видно, анализ структуры глагольного корня в лезгинском языке показывает, что многие лезгинские глагольные корни содержат в себе изменяемые глагольные превербы, роль которых сводится к тому, чтобы выражать более тонкие оттенки пространственных отношений. Превербы эти бывают как простые, так и сложные, причем, сложные превербы являются ничем иным, как сочетаниями двух разных или же одинаковых простых превербов.

К простым превербам, как это было указано выше, относятся ав (эв), ал (эл), ак (эк), аг (эг), акъ (экъ), гь (гья), а к сложным — кв (< кав), гал (гел), как (кек), хкк (хыкк), агал (эгел), къакъ (къекъ), акьал, акъал (экъел), гьал. Всего насчитывается в лезгинском языке 14 пространственных превербов, причем все они являются слоговыми, за исключением преверба гь, который редко выступает как слоговой. Здесь следует отметить, что качество гласного, сопровождающего согласный элемент, носителя пространственных отношений, в основном находится в зависимости от гласного корня: если корневым гласный звук по своему качеству является гласным заднего ряда, то и сопроводительный гласный выступает как гласный заднего ряда (см. приведенные выше примеры), а если в корне представлен гласный переднего ряда, то и в превербе выступает гласный аналогичного ряда, о чем см. ниже. Иначе говоря, мы здесь имеем фонетический процесс гармонии гласных.

Перейдем к рассмотрению основных значений превербов.

Преверб АВ. Преверб ав — в статических глаголах означает не только «нахождение в пространстве без обозначения частного относительного положения», но и нахождение предмета внутри чего-нибудь (напр. дома, в сундуке): **Чи хуьре гзаф инсанар ава** «в нашем селе много народу». **Китаб сундухда ава** «книга в сундуке (есть)». **Къажгъанда хуьрек ава** «в кастрюле обед есть».

В динамических глаголах преверб ав — обозначает направление движения изнутри наружу или же движение сверху вниз: **Абдулан жибиндай папрусар аватна** «из кармана Абдула выпали папиросы». **Тфенгдин сес акъатзмазни, тгарай ачккар аватна** «вместе с выстрелом с дерева падает фазан». **Самур вацI Каспий гьуьлуьз авахъзава** «река Самур впадает (букв. катится, сыплется) в Каспийское море». **Машиндай гзаф инсанар эвичIна** «с машины много народу сошло».

Следует отметить, что во многих случаях преверб **ав-** утратил, вернее, теряет свое конкретное пространственное значение — значение пребывания внутри или движение изнутри чего-нибудь. Так, например, многие глаголы с данным превербом на современном этапе развития лезгинского языка могут, в зависимости от падежа обстоятельства, выражать разнообразные, пространственные отношения: **арабадай аватна** «из арбы выпало», **арабадлай аватна** «с (сверху) арбы выпало», **арабидикай аватна** «из-под арбы выпало», **бубадивай аватна** «у отца выпало» и т. д. Другие пространственные превербы (по сравнению с превербом **ав-**) сочетаются только с одним или в крайнем случае с двумя падежными формами.

Преверб ал- (эл-). Преверб **ал-** встречается как в статическом глаголе **а**, так и в динамических глаголах. В статическом глаголе **а** преверб **ал-** выражает значение нахождения на поверхности чего-либо: **Сят столдал ала** «часы находятся на столе». **Чи колхоздин председателъдин балкИнда ал хъсан пурар ала** «на лошади председателя нашего колхоза (имеется) хорошее седло».

В глаголах, обозначающих движение, сочетание преверба **ал-** с определенным глагольным корнем указывает на направление действия (движения) на поверхность предмета, перемещение через предмет или пространство, или же движение с предмета в обратном направлении, что во многих случаях зависит от конкретной семантики глагольного корня: **Са сеферда баде саниз физ гъазур хъана. Пперемдин седефар ттвадайла, садлагъана хурудал алай седефрикай сад алатна ччилел аватна** «однажды бабушка приготовилась было сходить в одно место, однако, когда она стала застегивать сорочку, то (сразу) одна из пуговиц сорвалась (сверху) и упала на пол (на землю)». **Амината кИвалелай ккул эяна кИвал къакъажна** «Аминат комнату подмела (букв., по комнате метелку провела) и убрала». **Метелица къве къучедилай элячИна ппуд лагъайдахъ элкъвена** «Метелица, перейдя две улицы, повернул к третьей»,

Преверб АК-(ЭК-). Преверб **ак-** встречается исключительно в динамических глаголах и обозначает в сочетании с глагольным корнем направление под предмет или же совершение действия под чем-нибудь: **Чун Агъа-Крандай хуьккведайла, са зурба марфадик акатнай** «когда мы возвращались из Ашага-стала, мы попали под сильный дождь», **Ам къуьлуьк экечИна** «он пошел танцевать (букв., под танец подлез). **Са арадилай лаппагрик юзун акатна, кицIерин элуькъуьн къати хъана** «через некоторое время овцы зашевелились, собачий лай усилился» и др.

Преверб АГ-(ЭГ-). Преверб **аг-** также встречается исключительно в динамических глаголах. Сочетание **аг-** с глагольным

корнем указывает на направление действия (движения) на ближайшее соприкосновение с предметом: **Са герендилай ппар члугвадай машин аттана комбайндин квалав агатна** «через некоторое время грузовая машина, придя, вплотную приблизилась к комбайну». **Гья и эхттилатар ийиз-ийиз чун кIвалив агакьна** «так беседуя, мы достигли дома». **Учительницади аялрин арада ролар пайна ва аялар гьарма вичин роль ччириз эгечIна** «Учительница распределила между учениками роли и они приступили к изучению своих ролей» и т. д.

Преверб Гь-(ГЬА). Преверб **гь-(гья)** встречается буквально в нескольких глаголах. Там, где он встречается, его значение настолько затемнено, что в иных случаях с трудом удается определить ту функцию, которую он выполняет. Приблизительно можно указать, что преверб **гь-(гья)** указывает на направление движения промеж чего-нибудь: **Жанавур лапагрин юкьва гьатна** «волк оказался (попал, пробрался) в середине овец», **Нурар гьатнава дерейра дерин, электрикдин гуьзел экверин** «свет распространился в глубоких ущельях, прекрасный свет электричества», **Аял яргъандик гьахьна** «дитя подлез (залез) под одеяло» и т. д.

Преверб КВ-(КАВ). В статическом глаголе-связке а преверб **кв (кав)** указывает на нахождение предмета под чем-нибудь или же на вертикальной поверхности: **Китаб сандухдин кIаник ква** «книга находится под сундуком», **Шикил цлак ква** «книга (находится) висит на стене» и др.

В динамических же глаголах преверб **кв (кав)** придает глаголу значение движения с вертикальной поверхности вниз: **Аялдин вахччег кватна** «с ребенка штаны спали», **Адан кьиликай шуткьу кватна** «с ее головы чохто (женский головной убор, куда прячут волосы) спало»; однако в аналогичном по содержанию предложении **Адан кьилихъай шал галатна** «с ее головы (букв. сзади ее головы) платок спал» тот же самый глагольный корень принимает совершенно другой преверб (**гал-**, о чем см. ниже), что в свою очередь наглядно свидетельствует о том, что превербом **кв (кав)** обозначается не всякое движение по вертикали вниз, а определенное, строго заключенное в рамки движение, а именно, такое движение, которое совершается произвольно по стержню сверху вниз (напр., сползание чулка с ноги, сползание штанов, сползание чохта с кос и т. д.).

Преверб ГАЛ-(ГЕЛ). Преверб **гал-(гел-)** в составе статического глагола а означает нахождение предмета позади чего-либо: **Абдулан машиндихъ са зурба прицеп гала** «машина Абдула с большим прицепом (букв., позади машины прицеп есть)», **Гьуьрчехъандихъ хъсан кьве кицI галай** «с охотником были хорошие две собаки» и др.

В динамических глаголах преверб гал- означает удаление с вертикальной поверхности того предмета, к которому что-либо тесно примыкает: **Чи самовардин цѹцІ галатзава** «кран нашего самовара расшатался (букв. отпадает). **Бидиржагъан халади вичин тупѹхъ галай тупІал галудна столдал гадарна** «тетя Бидиржаган со своего пальца (букв., находящегося за пальцем) кольцо сняла и бросила на стол». В данных примерах **кран самовара** и **кольцо** осознаются как предметы, тесно соприкасающиеся к вертикальной поверхности самовара, пальца.

Преверб КАК-(КЕК). Определить значение преверба как- очень трудно, так как на современном этапе развития языка он выступает в том же значении, что и простой преверб ак-. Эти два преверба легко заменяются друг другом. Можно сказать **Машиндик кѹиб акатна** и **Машиндик кѹиб какатна** «под машину лягушка попала». **Аял столдик какучІна** и **Аял столдик акучІна** «ребенок под стол подлез». **Кѹелер суьруьдик акахъна** и **Кѹелер суьруьдик какахъна** «ягнята смешались с отарой (овец)» и т. д. Как видно, глагол может сочетаться как с простым превербом, так и с сложным, причем существенной разницы между обеими формами нет, хотя в некоторых случаях эта разница и ощущается, но она настолько незначительна, трудно уловима, что определение ее вызывает трудности, вытекающие, повидимому, из того, что круг употребления преверба **как-** очень ограничен.

Преверб ХКК- Если сочетание простого преверба ак- с корнем глаголов движения выражает направление предмета под что-либо, то осложнение его посредством элемента х(хкк) придает превербу значение движения из-под чего-либо или с вертикальной поверхности в обратном направлении: **А кѹерец сандухдикай хккатайди я** «тот орех из-под сундука выкатился». **Цлак квай шикил хккатна** «картина, висевшая (букв., находящаяся) на стене, сорвалась» и т. д.

Преверб АГАЛ- Если осложненный преверб гал- означает удаление предмета, тесно соприкасающегося с вертикальной поверхностью, то агал- указывает на направление предмета в соприкосновении с этой поверхностью: **Ам цлах агалтна** «он прислонился к стене» и др.

Преверб АКЪАЛ-(АКЪУЛ-). Преверб акъал-(акъул) указывает на направление движения снизу вверх по горизонтальной поверхности: **Ам дагъдал экъелчІна** «он на гору взобрался». **Аял кѹвачел акъалтна** «ребенок уже ходит» (букв., на ногу взобрался) и др.

Преверб ГЪАЛ- Преверб гъал- обозначает направление на поверхность предмета, соприкосновение с предметом в результате приближения к нему: **Са сеферда** и **тахттадин юкъни-**

юкьвал кьве кьун сад садал гьалтна «однажды на середине этой доски две козы встретились» и др.

Преверб КЪАКЪ-. Преверб **кьякь-** указывает на движение от центра в разные стороны: **Самавардин турбада цивинар гзаф авай, яд авахьна куйттыгь хьаила, адан жалгъаяр сад садавай кьякьатнай** «в самоваре было много угля, когда из него вода вытекла, он растрескался (букв., его припаянные места друг от друга разошлись)» и т. д.

Глагольные превербы мы проиллюстрировали на четырех глагольных корнях. Это, как мы увидим ниже, сделано неслучайно. Дело в том, что категория глагольных превербов в лезгинском языке постепенно отмирает, в результате чего на современном этапе развития языка превербы как таковые со своими специфическими значениями встречаются в очень ограниченной группе глагольных корней, причем мы встречаем эти превербы не во всех глагольных корнях, а в определенных, семантически однородных, обозначающих движение, состояние. Так, например, глагольный корень **-аж-** сочетается буквально с несколькими превербами: **алажун (ал-аж-ун)** «содрать сверху... (напр., шкуру, кожу)», **акьалжун (акьал-ж-ун < акьал-аж-ун)** «натянуть на что-нибудь», **акьажун (акь-аж-ун)** «растянуть, корчевать...», **кьякьажун (кьякь-аж-ун)** «убраться, расчистить (букв., растянуть от центра в разные стороны)», **агажун (аг-аж-ун)** «уплотнить, сдвинуть...».

Чтобы получить более ясное представление о степени функционирования глагольных корней с пространственными превербами, приведем краткий список глаголов с превербами: **атлун** «отрезать (вообще)», **алатлун (ал-атл-ун)** «срезать сверху», **хккатлун (хкк-атл-ун)** «подрезать, обрезать», **гатлун (га-тлун)** «перестать доиться» (букв., отрезать по вертикали); **эличун (эл-ич-ун)** «налить на..., полить», **экьичун (экь-ич-ун)** «вылить»; **акьун** «попасть в..., удариться, стукнуться» **алакьун (ал-акь-ун)** «суметь», **агакьун (аг-акь-ун)** «дойти, достичь», **агалкьун (агал-акь-ун)** «достигать...», **гьакьун (гь-акь-ун)** «дойти»; **экьуьн** «ходить, прохаживаться, искать», **кьекьуьн (кь-екь-уьн)** «ходить, искать», **элкьуьн (эл-кь-уьн < кэл-екь-уьн)** «ходить вокруг, вращаться, вернуться», **гелкьуьн (гел-кь-уьн < гел-екь-уьн)** «обхаживать, ухаживать»; **аклун** «застрять», **алклун (ал-клун)** «прилипнуть», **галклун (гал-клун)** «зацепиться за что-нибудь», **куклун (ку-клун)** «прицепиться, драться, ссориться»; **ккун** «гореть», **алугун (ал-уг-ун)** «опалить», **акьугун (акь-уг-ун)** «поджарить»; **акалун (ак-ал-ун)** «прицепить», **агалун (аг-ал-ун)** «прицепить вплотную, закрыть», **гьалун (гь-ал-ун)** «накрыть на...» и т. д.

Можно было бы привести еще целый ряд глагольных корней, которые в той или иной мере сочетаются с двумя или

тремя превербами, а в некоторых случаях с одним превербом (ср. **цун** «налить», **куцун** «подлить»; **ттун** «воткнуть», **куттун** «подложить», **гуттун** «положить вплотную»; **эвисун** «висеть из...», **экъисун** «выставляться из...»). Имеются и такие глагольные корни, в составе которых превербы потеряли былое свое пространственное значение и употребляются в современном языке параллельно, без конкретизации и уточнения своего значения: без преверба глагол **гун** обозначает понятие: дать что-то кому-то для постоянного пользования, а сочетание данного глагольного корня с превербами **в-**, **г-** указывает, что то, что дается кому-то, дается не в постоянное пользование, а во временное, на какой-нибудь неопределенный срок, может быть и на продолжительное время.

Следует указать, что преверб **в-** в данном случае, в отличие от преверба **г-**, употребляется в широком плане, а аналогичный корень с превербом **г-** употребляется в узком плане — в плане интимных отношений; конечно, это сугубо ограниченное значение глагола **гугун** по мере развития языка постепенно расширяется, принимая на себя также значение глагола с превербом **в-** (**вугун**). Свидетелем того, что эти три разные глагольные формы имеют свои специфические оттенки и круг их употребления ограничен определенными рамками, является такой факт, как невозможность употребления глагола с превербами **в-** и **г-** по отношению к существам неразумного одушевленного мира: в предложении **За ккализ векь гана** «я корове сено подложил (букв., дал)» вместо глагола **гана** нельзя подставить глаголы **вугана** или же **гугана**, если и подставить, то получится какое-то искусственное сочетание. Глаголы **вугун**, **гугун** в обязательном порядке требуют косвенного объекта, относящегося к разумным существам: **За стхадив пул вугана/г(у)гана** «я брату деньги дал (временно)». Если же мы в данном предложении заменим глагол-сказуемое формой без преверба, то наравне с изменением падежа косвенного объекта соответственно изменится и смысл предложения: **За стхадиз пул гана** «я брату деньги дал (дал в его собственность)».

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что большинство глаголов с пространственными превербами, помимо чисто пространственных отношений, могут выражать также абстрактно-воспринимаемое, внешне не связанное с реальной действительностью значение, причем связь между конкретным и абстрактным иногда ощущается в сознании говорящего. Например, значение глагола **алатун** с течением времени стало расширяться, углубляться и начальное пространственное значение стало переноситься по аналогии в область абстрактного мышления, в результате чего при помощи указанного глагола передаются и такие абстрактные понятия, как **рикелай алатун**

«забыть (букв., через сердце переместиться)», **рекьелай алатун** «заблудиться (букв., сойти с дороги)» и т. д. Такой процесс, процесс расширения и перенесения пространственных отношений в область абстрактного мышления, базирующегося в данном случае на конкретных пространственных отношениях, можно наблюдать и в других глаголах, сочетающихся с пространственными префиксами.

Некоторые из приведенных нами превербов встречаются также в качестве показателей местных (локальных) падежей и в системе именного склонения. Эти элементы в обоих случаях, как в структуре глагольного корня, так и в функции падежного аффикса, выражают одно и то же пространственное значение. Этот чрезвычайно интересный факт указывает на то, что и превербы, и некоторые аффиксы местных падежей единого происхождения, происходят из одного и того же источника.

Так, элемент **ал-** в системе именного склонения имеет то же самое значение нахождения на чем-нибудь, что и в структуре глагола: **стол** > **стол-д-ал** «на столе», **къав** > **къав-ал** «на крыше» (ср. **столдал ал-а** «на столе (есть)»), **столдилай алатна** «со стола отскочил» и т. д.). Один и тот же оттенок пространственных отношений обозначает также элемент **ак-(к-)** как в структуре глагола, так и в значении падежного аффикса: в одном случае, нахождение на вертикальной поверхности (**цал** > **цлак** < **цал-ак** «на стене»), а в другом случае, нахождение под чем-нибудь (**стол** > **стол-ди-к** «под столом»). Преверб **г-** также находит себе параллель в системе именного склонения; в литературном языке ему соответствует губно-губной **в**, являющийся, повидимому, рефлексом спиранта **гг**, который сохранился в чистом виде в ахтынском и курахском диалектах лезгинского языка: **цал** > **цлав** < < **цалагг** (ср. ахт. **цлагг**) «у, около стены» и т.

Если верно, что указанные три преверба и три совпадающие с ними падежные аффиксы одинакового происхождения, то, отталкиваясь от этого факта, можно допустить, что лезгинский язык в далеком прошлом знал также падеж на **-акъ** и **гь (гъа)**, о чем свидетельствует тот факт, как наличие этих элементов в глаголах в качестве пространственных превербов (об этом см. выше). Кроме того, падежи на **гь//ф**, **гь//къ** сохранены родственными лезгинскому языку табасаранским и агульским языками.

Далее, можно допустить, что в глагольном превербе и в показателе местного падежа **-к-** объединились разные по значению элементы: в одном случае, элемент со значением нахождения на вертикальной поверхности, передававшийся придыхательным **к-**, в другом случае, элемент со значением нахождения под чем-нибудь, который передавался, видимо,

посредством непридыхательного **кк-**. К такому выводу приводит то, что в табасаранском и агульском языках и поныне как в системе именного склонения, так и в структуре глагольного корня, встречаются элементы **к-** и **кк-**, которые по значению прямо противопоставлены друг другу, но значение, выражаемое в отдельности этими элементами в основном соответствует тем значениям, которые обозначаются в лезгинском языке посредством **к-** (**ак**).

Суммируя изложенное, можно сказать, что лезгинский глагол так же, как глагол в родственных ему языках, широко пользовался пространственными превербами, которые по мере развития языка стали постепенно исчезать, а в некоторых случаях окаменели.

ГИЛИЯРСКИЙ СМЕШАННЫЙ ГОВОР И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ЛЕЗГИНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Гиляирским говором мы назвали говор жителей селений Гиляир и Койсун, расположенных на территории Магарамкентского района. Селения эти занимают центральную часть района, между районным центром — селением Магарамкент и селениями Хорел и Чепел, иными словами они расположены в окружении населенных пунктов, речь которых относится к гюнейскому диалекту.

Исследование речи этих двух населенных пунктов показало, что по целому ряду свойственных ей фонетико-грамматических и лексических особенностей она не может быть отнесена ни к гюнейскому диалекту, ни к какому-либо другому из исследованных диалектов и говоров лезгинского языка.

Гиляирский говор не относится к числу ни самостоятельных, ни переходных диалектов и говоров. Его скорее следует считать говором смешанным, т. е. таким, который кроме известных по разным диалектам особенностей, обладает еще чертами самостоятельными, присущими только данному говору.

Говор этот, таким образом, интересен тем, что он, являясь смешанным, занимает особое положение среди диалектов лезгинского языка. В нем обнаруживается ряд особенностей, которых нет в других диалектах и которые позволяют сделать некоторые предположения о происхождении носителей данного говора, а также об их появлении на территории, где фактически распространен гюнейский диалект.

Перейдем к краткой характеристике основных особенностей данного говора¹.

Фонетические особенности

Говор жителей Гиляр и Койсун имеет все гласные литературного лезгинского языка и кроме того гласный заднего ряда, верхнего подъёма, узкий пегубный **ы**, который характерен для ахтынского диалекта и говоров Докузпаринского района и совершенно отсутствует в речи жителей данной территории: гюнейского и близкого к нему яркинского диалекта.

Кроме звука **о** в словах заимствованных (что имеет место во всех диалектах и литературном лезгинском языке) в гилярском говоре обнаруживается гласный средний между **у** и **о** с большим уклоном в сторону последнего. Этот **о** не есть лабиализованный **а**, ибо слышится он в словах, в которых литературный язык и диалекты не имеют лабиализации.

В системе согласных гилярского говора очень редко встречается гласный переднего ряда **аь**, который с различной степенью глоттизации и интенсивностью употребления имеется во всех диалектах лезгинского языка. Здесь его заменяет дифтонг **йа**, и то употребляющийся довольно редко.

Система согласных гилярского говора по сравнению с системой согласных других диалектов выглядит несколько беднее. Здесь нет звонкой свистящей аффрикаты **дз**, которая имеется в ряде диалектов лезгинского языка; фрикативного **г** или **г-шаддат** (по Услару), который встречается в яркинском диалекте; фарингального глухого щелевого **хI**, который встречается в диалекте ахтынском и докузпаринских говорах. В редких случаях в словах арабо-персидского происхождения употребляется гортанный звонкий щелевой **гI**:

гIайиб — стыд, совесть; гIазар — болезнь; гIуьмуьр — жизнь и др.

Между целым рядом гласных и согласных гилярского говора и литературного языка наблюдаются соответствия. Так, следует назвать соответствия между отдельными гласными говора и литературного языка:

уь || и

говор	литер. яз.	перевод
гъуьчIуь	гъвечIи	маленький
кIуьзруь	кIизри	рыба

¹ Для сравнения данных гилярского говора с диалектами и говорами лезгинского языка в данной статье мы будем без дальнейших ссылок опираться на работы автора этой статьи по гинейскому, яркинскому, докузпаринскому и ахтынскому диалектам, а также на работы М. М. Гаджиева «Кубинский диалект» и Р. Гайдарова «Ахтынский диалект (по речи с. Ахты)». Все названные работы находятся в рукописном фонде ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР.

хурлинкІ	уь у	хурлинкІ	водяная ящерица
чуьберикІ		чубарукІ	ласточка
чІуьтн		чІутн	блоха
хъучуган	у уь	хъуьцуьган	подушка
магъле	а аь	маьгъле	квартал, магал
даве		даьве	война, драка
ацакьун	а у	ацукьун	сидеть
зали	а и	зали	лиявка
кІишниш	и а	кІашниш	кинза
джуьгъвена,	е уь	гуьгъуьна,	за, вслед, после
джуьгъвениз		гуьгъуьниз	
хеле	е а	хали	арбуз
арзе		арза	жалоба, заявление
арзе-ферзе		арза-ферзе	недовольство
итем	е и	итим	мужчина
цыд	у ы	цІуд	десять
яхцыр		яхцІур	сорок
аджыз		ажуз	беспомощный
булугъ	у а	балугъ	рыба
бупІах		бапІах	шапка.

Гласному звуку, близкому к **о**, в ряде слов говора, в литературном языке соответствует **а**. Причем это соответствие имеет место и в словах, где нет лабиализации согласного, а в отдельных случаях и в начале слова. Например:

огъзур	агъзур	тысяча
богълар	багълар	сады
сумог	сумаг	ковер
Соиматн	Саиматн	имя собственное.

Соответствия гласных говора и литературного языка показывают наличие в этом говоре черт, сходных с различными лезгинскими диалектами, а также особых, присущих только данному говору (последние примеры).

В целом ряде слов говора и литературного языка имеет место соответствие согласных звуков, из которых также отме-

тим основные. Соответствия эти покажут как сходство говора с другими диалектами лезгинского языка, так и отличия.

Следующие соответствия разнят данный говор не только с литературным языком, но и с диалектами, расположенными на территории бывшего Кюринского округа (гюнейского, яркинского, курахского) и сближают его с диалектами, расположенными на территории бывшего Самурского округа и за пределами Дагестана (ахтынским, докузпаринским, кубинским).

Так, заднеязычному надгортанному смычному **кI** литературного языка в гилиярском говоре соответствует глухой смычный **к**:

квалах	кIвалах	дело, работа
палкан	балкIан	лошадь
канхьун	кIанхьун	любить, хотеть
кел	кIел	ягненок
кам	кIам	ущелье, теснина
истикан	истикIан	стакан.

Заднеязычному надгортанному смычному **къ** соответствует фарингальный глухой смычный **къ**:

къаркъулув	къаркъулув	летучая мышь
къул	къул	доска
къулу-къулухъ	къулу-къулухъ	назад, пятиться задом
къун, къазва	къун, къазва	ловить, ловит
къакъан	къакъан	высокий.

Переднеязычному надгортанному смычному **tI** соответствует переднеязычный глухой смычный **t**:

твар	tIвар	имя, название
та хьун	tIа хьун	болеть, заболеть
тар хьун	tIар хьун	больно, сделаться больно
тур	tIур	ложка и т. д.

Переднеязычной надгортанной смычной аффрикate **цI** могут соответствовать аффрикаты **ц**, **ч** и **чI**:

цыд	цIуд	десять
курцул	гурцIул	щенок
кничI	кницI	собака
чIпичер	цIпицIар	виноград и др.

А смычногортанной аффрикate **чI** могут соответствовать в отдельных случаях аффрикаты **цI**, **дж**, **ч**:

экъецIун	экъечIун	выходить, вы- растать
джугуна, джугун;	чIугуна, чIугун;	потянул, тянуть,
гъуьчуь, гъуьчиди	гъвечIи, гъвечIиди	маленький и т. д.

Таким образом, мы видим закономерное соответствие между смычногортанными литературного языка и соответствующими несмычногортанными говора в различных позициях, чаще всего в начале слова.

В ряде случаев переднеязычная глухая смычная придыхательная аффриката **цн** соответствует переднеязычной глухой шипящей придыхательной аффрикате **чн**, а непридыхательная **ц** непридыхательной **ч**:

чн пичер	цн пиц ар	виноград
к еребич н	к ерец н	грецкий орех
ка чн	кац н	кошка
ч наа!	ц не!	дай!
чуьк н	цуьк н	цветок
хъучуга н	хъуьцубга н	подушка.

Звуку **к** в целом ряде слов соответствует переднеязычная глухая смычная аффриката **ц**:

цуьлубур	куьлубур	мелкие
цуьруь	куьруь	короткий
цуьз	куьз	почему, зачем и т. д.

Соответствия же между некоторыми другими согласными, такими, как заднеязычные, смычные глухие (придыхательные и непридыхательные) и звонкие **к** и **г**, губно-губные смычные глухие (придыхательные и непридыхательные) и звонкие **п** и **б** и другие являются характерными для гюнейского и яркинского диалектов, т. е. сближают этот говор с данными диалектами. Приведем несколько примеров:

1. кагь-кагь	гагь-гагь	иногда
кадру н	гадру н	бросать
курцул	гурц ул	щенок
2. чн ц ег	чн ц ек н	лук
гут уну н	к хут уну н	завязать
1. палканар	балк анар	лошади
пармак н	бармак н	шапка
2. бархъулар	п наркьулар	лопухи
бишер	пешер	листья
бап рус	пап рус	папироса и т. д.

Из звуковых процессов прежде всего следует остановиться на отсутствии здесь процесса монофтонгизации дифтонга гласный + й, компонента аффиксов исходных падежей, различных глагольных и других форм, столь характерного для лезгинского литературного языка и гюнейского диалекта. В гилиярском говоре в глагольных формах, включая причастия, деепричастия и т. д., а также в некоторых других формах полугласный **й** не отпадает, а произносится довольно явственно.

Например: жедейди я — бывает, будет, жедейди туш — не бывает, не будет; джигъидейтIа — если найдет; ивидейла — когда опустит; хуьдей — содержит, бережет; къачхурей — пусть возьмет; аквадейвал — чтобы было видно и т. д.

Подобное произношение имеет место в ахтынском диалекте, в некоторых говорах яркинского и кубинского диалектов.

Ассимиляции могут подвергаться гласные всех рядов, передко и заднего ряда, в результате чего устанавливается гармония гласных в слове.

Например:

кIишниш	кIашниш	кинза,
булугъ	балугъ	рыба
ацакьун	ацкьун	садиться
гигиш тар	гийш тар	граб
мукьун тар	макьун тар	ольха.

В ассимиляции гласных звуков данный говор близок к гюнейскому диалекту и докузпаринским говорам.

В отдельных случаях в говоре наблюдаются факты регрессивной ассимиляции согласных, в результате которой начальные глухие согласные озвончаются. Так, в гюнейском диалекте и некоторых докузпаринских говорах отмечалось озвончение переднеязычного глухого фрикативного *с* в слове Сибир — Сибирь по диалекту Зибир. В гилиярском говоре сюда прибавляется и слово серкер — чеснок (в говоре зеркер). То же самое имеем в слове ийфиз, физ — ночью (в говоре виз).

Любопытно чередование гласных и согласных данного говора, которое также указывает на паличие в гилиярском говоре черт самурских и кюринских диалектов. Так, при формоизменении дифтонги *йи* и *йа* переходят в *йу*, что характерно для ахтынского и кубинского диалектов: *йис* (год) → *йусуз*, *йуса* и т. д. *йакh* (мясо) → *йуку*, *йукуз* и т. д.

Чередование согласных выявляет сходство говора с различными диалектами, как гюнейским, так ахтынским и кубинским. Так, например, чередование *tI* и *d* в слове *tIветI* (муха) → *дуьтIер* (мухи) характерно для гюнейского диалекта, переход *ц* в *ч* при изменении слова *яд* — вода характерно для кубинского диалекта: *яд* → *че*, *чиз* и др. (вместо литер. *це*, *циз*). А тот факт, что звуки *т*, *к*, *б* и др. при изменении ряда слов остаются неизменными, сближает гилиярский говор с ахтынским диалектом, отдаляя его от литературного языка и гюнейского диалекта: Например:

рат (гумно) → *р(а)трал* (литер. *ратIрал*)
вакh (свинья) → *вакaн*, *вакар* (литер. *вакIан*, *вакIар*)
цIиб (крынка) → *цIибер* (литер. *цIипIер*).

В гилиярском говоре встречается целый ряд случаев наращення, выпадения, замещения и метатезы звуков, которые имеют место почти во всех диалектах лезгинского языка. Так, например, в диалектах в словах арабо-персидского происхождения нарастает согласный **гI** (гIайиб — стыд; гIашуьк — ашуг, влюбленный и т. д.). Однако наращением это явление можно считать лишь условно, по отношению к литературному языку, где **гI** утерян.

В словах **перленг** — тигр (литер. пеленг) и **фирчин** — низенький столик для разделки теста (литер. фичин) парастает сонорный вибрант **р**. В словах **гъараба** — арба (литер. араба), **гъафте** — воскресенье (литер. афте), **гъерекъа** — водка (литер. эрекъ) нарастает глухой гортанный щелевой **гъ**. В словах **тIарланг** — гиена или некий сказочный зверь (литер. тIарлан), **гулдаш** и **улдаш** — товарищ (литер. юлдаш) нарастает задненебный звонкий смычный **г**. А в слове **вердег** — утка (литер. уьрдег) имеет место наращение губно-зубного фрикативного **в**.

Выпадению по диалектам часто подвергается звук **р** в слове **муьхъ** — ржавчина (литер. муьрхъ), а также слог **ав** в различных формах глагола **авун** — делать: уна, ур, ура и **гъ** с гласным в формах глагола **лугьун** — говорить: луда, лумир и т. д.

Субституции здесь так же как и в других диалектах подвергаются сонорные согласные. Например, **къару хьун** — мутнеть, пачкаться (литер. къалу хьун), **дурма** — голубцы (литер. дулма), **пели**, **пелир** — черешня (литер. пIини, пIинияр).

В отдельных словах имеет место и перестановка согласных, таких, например, как **вагIам** — невежда (литер. гIавам, авам), **джелгьем** — ад (литер. жегьеннем), **катруфар** — картофель (литер. картуфар).

Морфологические особенности

Говоря о морфологических особенностях гилиярского говора, прежде всего следует остановиться на особенностях, резко отличающих этот говор от всех других диалектов и литературного лезгинского языка. Это относится в первую очередь к образованию форм множественного числа имен.

Известно, что в лезгинском языке все имена, оканчивающиеся на гласный, образуют форму множественного числа при помощи аффикса **йар**, присоединяющегося к основе слова. Исключений это правило не имеет.

В гилиярском говоре подобные имена форму множественного числа образуют при помощи одного лишь согласного **р**, который также присоединяется к основе слова. Эти слова

здесь имеют краткую, как бы стянутую форму, где за счёт утери дифтонга **йа** в аффиксе множественности, конечный гласный в слове приобретает некоторую долготу. Такая форма не встречается ни в одном из диалектов или говоров лезгинского языка.

Примеры:

говор	литер. яз.	перевод
лидер	дидеяр	матери
бубар	бубаяр	отцы
стӀхар	стӀхаяр	братья
чӀкар	чӀкаяр	места
афнар	афнияр	огурцы
залир	зилияр	пиявки
мерер	мереяр	ежевика и др.

Имена, оканчивающиеся на согласный звук, форму множественного числа в литературном языке образуют при помощи аффиксов **ар** и **ер**, причем односложные слова получают тот или иной из этих аффиксов в зависимости от характера гласного корня: если корневой гласный слова переднего ряда, то форма множественного числа образуется посредством аффикса **ер**, если же этот гласный заднего ряда, то аффикс множественного числа будет **ар** (с некоторыми отклонениями в отдельных словах литературного языка или диалектов). Слова же двусложные и многосложные, независимо от характера гласных корня, множественное число образуют при помощи аффикса **ар**. Правило это не имеет отклонений не только в языке литературном, но также по всем диалектам.

Гилярский говор и в этом вопросе резко отличается от литературного языка и всех диалектов. Говор более последовательно придерживается указанного правила в образовании множественного числа односложных слов и совсем отличается в образовании множественного числа многосложных слов. Как в односложных, так и многосложных словах аффикс множественности находится в полном соответствии с характером корневого гласного слова: если этот гласный переднего ряда, то во множественном числе слово получает аффикс **ер**, а если заднего ряда, то во множественном числе слово получает аффикс **ар**. При наличии же в многосложных словах тех и других гласных — исходят из характера последнего гласного. Исключений из этого правила мы не обнаружили. Правило это распространяется и на заимствованные слова.

1. шутӀар	шутӀар	клопы
тӀфенӀер	тӀфенӀар	винтовки

хкeтhер	хкeтhар	сказки
чhленер	чhленар	члены
2. гьeкьeкьeр	гьeкьeкьeр	агаты
пhчIeкhер	пhчIeкhар	вареники
чhичIeгeр	чhичIeкhар	лук
гьyбягьeр	гьyбягьeр	змеи
уьзуьмер }	уьзуьмар }	виноград
чhпичер	чhпицIар	
бипIинер	бипIинар	сажа
булугьeр	балугьeр	рыба
пhартhалар	пhартhалар	одежды
варварар	варварар	головастики
гьештерханар }	гьyдyшкьяр }	индейки
гьyдyшкар		
яргьирушар	яргьирушар	радуги
бригадирер	бригадирар	бригадиры
ударникhер	ударникhар	ударники и т. д.

Говор обнаруживает некоторые отличия от литературного языка и в склонении имен. Так же, как в некоторых диалектах (гюнейском, яркинском, докузпаринском), в этом говоре местные падежи I серии со значением «у, около ч.-л.» имеют два аффикса **в** и **г**, а местные падежи II серии со значением «за, позади ч.-л.» **хь** и **х**. В литературном языке употребляются лишь первые. Приведем несколько примеров:

Яд **сивиг** калтад, икI авуна ичIира. — Сполосни водой рот, сделай так и вылей.

Гьиндав пара гватIа аквазув, за штейди. — Кажется проверяет, у кого больше имеется.

Зу **дингериг** фейтIа, гьикI жедетIа? — Как будет, если я пойду в дингер?

(Дингер — сооружение для очистки, молотьбы риса).

Чкьиди вичhин бубадихъ галаз Гилийрал фенва. — Старший со своим отцом пошел в Гилияр.

Ибрих галаз рахух. — Поговори с ними; и т. д.

Некоторые собственные имена, оканчивающиеся на согласные **н**, **р**, **гь**, подобно тому, как в гюнейском диалекте в эргативе получают аффикс **ди** (ассимилированное **ти**) вместо литературного **а**. Например:

На **Абдулагьтиз** ахьяя тIун! — Ты Расскажи-ка Абдулле.

Рамазандиз кhилига, чап хва. — Заботься о Рамазане, милый сынок.

Сегьерди иймишер хутhхузваа. — Сегьер несла фрукты.

Остановимся на некоторых отличиях, имеющих место в системе глагола гилярского говора.

Целый ряд глаголов в форме повелительно-желательного наклонения в говоре имеет усеченную форму, т. е. теряет

конечный й и предстает в виде чистого корня. Приведем несколько примеров.

Гьалчһа чилел, ви садакьадиз гу гьама. — Брось на землю, пусть это исползуют на твоей тризне.

Хьу маң, чһна мукьал чһкадаа гьйда. — Пусть будет так, мы из близкого места возьмем (имеется в виду невесту).

Отдельные причастия прошедшего времени, условные формы глагола, сложные формы временного подчинения (депричастные формы) и т. д. целого ряда глаголов имеют усеченную, как бы стянутую форму, а ударение переходит со второго на данные, т. е. первые слоги. Например:

Марф фё кӀунтӀ чһист азукьнава. — Политая дождем возвышенность совсем осела.

Бу гьинз фёди тир? — Ты куда ходил?

Амбуруз кьведазни аяларни хь'ди я. — Они обе и детей имели.

Бубадиз чир хь'тӀа, гьикӀ жедә? — Если отец узнает, то как же?

Виһни га' ичһ гахчузва. — Отбирает данное им яблоко.

Литературные формы этих глаголов: фейи — причастие прошед. времени.

фейиди — субстант. причастие прошед. времени.

хайиди — » »

чир хьайитӀа — условная форма глагола

гайи — причастие прошед. времени.

И, наконец, в редких случаях в обоих селениях данного говора наблюдаются формы отрицания глаголов с аффиксом отрицания ш (вместо литературного чһ), что является признаком, характерным для кубинского диалекта и некоторых говоров переходного между ахтыньским и кубинским докузпаринского диалекта. Например:

Заваа кӀвачһар эһнис жезваш. — Я не могу встать на ноги.

Заз кандаш! — Я не хочу!

Гьемиша жуваз канивал жедеш кһи. — Не всегда бывает так, как тебе хочется.

— Бахчаара недей са йимишни амаш. — В садах не осталось фруктов, чтоб поесть.

Лексические особенности

Лексический состав говора обнаруживает расхождения с литературным языком, а также с диалектом.

По характеру своих расхождений с литературным языком лексику говора можно разделить на несколько групп.

В первую группу включаются слова, в звуковом отношении несколько расходящиеся с теми же словами литературного языка. Это обычно самая многочисленная из групп и слова эти вошли в другие разделы данной статьи. Здесь ограничимся несколькими примерами:

говор	литер. яз.	перевод
палканар	балкIанар	лошади
жи	чи	наш
алукьун	алукIун	одевать
мицни кьуз	муькIуь кьуз	позавчера
митни кьуз		
бишер	пешер	листья
кничи	кничи	собака
билте	филте	фитиль
хеле, хелерер	хали, халияр	арбуз
квалах	кIвалах	дело, работа и т. д.

Вторая группа — это группа слов, по разному называющих один и тот же предмет в говоре и литературном языке. В эту группу вошли и отдельные слова, имеющиеся в различных диалектах лезгинского языка.

говор	литер. язык	перевод
бишмени	кхелегъа	женский головной шелковый платок
thurлама	thur, кьир	головной платок из тюля
пара	гзаф	много
лекьен	машах	рысь
кьириб	мед, душаб	фруктовый мед
вицерцIер	какаяр	яйца
бугъубугъ	бувун	овод
бибистан	шурван пепе	божья коровка
усун	жугъун	плетеная изгородь
батI	къаз	гусь
чупаз	хатhurти	тутовник
кIеребичи	кIереци	грецкий орех
шагъбугъда	гъажибугъда	кукуруза
шагъди кьуьлер		
гъаджибугъда		

Третья группа слов — одинаковых по звучанию, но различающихся по значению с теми же словами литературного языка, или имеющих в говоре дополнительные значения, как правило, довольно немногочисленна. Приведем эти слова:

слово	говор	литер. язык
инджилер	инжир сорт съедобной травы	инжир
хуз	оса пчела	оса
хъархъ	шелуха незрелых грецких орехов; щиколотка;	только первое значение
чакһ	еда для собаки	посуда для собаки
чһукуватурар	головастики	половники
хъуьм	роса, налет на ч. л.	пепел от папиросы

Последняя группа слов — это так называемые собственно диалектизмы — слова, которых совсем нет в литературном языке. Эти слова, которые не имеют в литературном языке эквивалентов, или передаются в последнем описательно, или совершенно отсутствуют вместе с предметами, названиями которых они являются, есть принадлежность только данного говора или диалекта, то, что в основном отличает его лексику.

Собственно диалектизмы — это те лексические единицы, которые могут быть заимствованы другими диалектами и литературным языком. Сюда естественно, прежде всего относятся чисто местные названия отдельных трав, цветов, птиц, насекомых, названия лиц, простейших орудий труда и т. д. Приведем несколько примеров:

- кьакһ — мелкая певчая птичка
- сакһрахач — птица из семейства совиных
- келеңдар — крупный черный жук на высоких лапах
- кһукуңцаа — кусок теста, запеченный в печи
- тһекһне — приспособление для воды собаке
- цһуцуьл — одна из костей между плечом и локтем
- банкьутар — съедобные коренья
- лелевер — сорт слив
- мижидер — сорт ранних груш
- къербиянер — сорт груш (красные сбоку)
- шампанискаяр — сорт черешни.

Исследование говора жителей селений Гилияр и Койсун, таким образом, показывает, что говорят они на смешанном говоре, ранний слой которого более близок к самурско-кубинским диалектам, а более поздний слой — к кюринским диалектам, в частности к диалекту гюнейскому, в окружении носителей которого они ныне проживают.

Особенности, сходные с чертами кубинского диалекта, больше улавливаются в устах старшего поколения и особенно престарелых людей, представителей гилиярского говора. Эти

черты, а вместе с ними и черты, являющиеся характерными только для данного говора (образование форм множ. числа и др.), уже отмирают. Молодежь считает эти формы «неправильными», «устарелыми» и почти так не говорит. Речь младшего поколения жителей сел. Гиляяр и Койсун ближе к гюнейскому диалекту и, естественно, к литературному языку.

Можно предположить, что жители этих селений являются переселенцами с территории лезгин, говорящих на кубинском диалекте, т. е. с территории, ныне входящей в Азербайджан и, судя по начавшейся нивелировке — давними переселенцами.

Однако наличие в этом говоре специфических, несходных ни с одним другим говором лезгинского языка черт, говорит о том, что гиляярский говор являлся издревле самостоятельным говором, на котором в настоящее время говорят жители лишь двух селений Гиляяр и Койсун.

Образцы гиляярско-койсунских текстов

Чһла илаьгьун.

Записано со слов Абдурахмановой
Афисат, 74 года, домохозяйка, из
с. Гиляяр.

Айал хәди жував рахаала, кьейи чһкадаа атаала, чһла-бала жедей гһадетһ йа.

Гһайиб авачһ, абур жедей квалахар йа.

Зи Гьайисатһни пһис та хьанаа.

Вичһиһ вахт хьила, кьена. Анда джужьгьвениз игакьтани, халур, халар пара хьитһани? А чһла илаьгьункһаа са гьужь-чһужь ихтилатһ иһ за ваз. Заз пара гафар чидеш. Жи араара чһла илаьгьун патал кьийид тһухудей кьулункһаа хкечһта. Пака гһарбе йугь йа лугьудей кьуз гьа мийитһ тһухузваа кьулункһаа кьибле галаа патахьти, пуд сеферда кьулгьу-аллагь кһелиз — кһелиз хкечһта. Чһладкһаа хвена канда. Куьһ чһла хьитһани жедейди йа. Жув айал хьана кьаткаала, са чһиркинди атаала, са кьейиди аваа чһкадаа атаалани чһла жеда. Чһла — балар духтирриз чир жедеши.

Жина са пир ава. Жи пирел тар алаади йа, гьа тар экьечһдейла кьве чһхвел хьана экьечһнава. Гьаникһаа хкечһ-даа кьван гьа тар цһур хьанва. Гьакһ мез гийид хьиз хьанва.

Айалар хьана лагьана абур хьи — хьибур амукьтани? Заз цыд айал хьана. Гила пуд ама. Веледни девлетһ пара жедейди туш.

Перевод. Снятие болезни

Если заговорит с тобой роженица, или пришедший из дома покойника, может начаться немочь (у женщины). Что ж, здесь нет позора, это бывает. Моя Айшат тоже тяжело заболела.

Умерла она в свое время (значит наступило ее время). Разве оттого, что много дядей — тетей (т. е. много у человека родни) угонишься за ней? (т. е. остановишь ли смерть?). О том, как снять такую немочь, я тебе коротко расскажу. Я много говорить не умею (не знаю много слов). Для того, чтобы снять эту немочь, в наших краях обычно пролезают под носилки (деревянную доску), на которых несут мертвеца. Под эту доску нужно пролезть в день перед средой с чтением молитвы по направлению к югу. От немочи надо беречься. Она может наступить и от других причин. Если к роженице (когда ты, родив ребенка, лежишь в постели) придет нечистоплотный человек или кто-либо от покойника (из дома, где есть покойник) может наступить немочь. Такую напасть — немочь доктора не могут распознать. У нас (в селе) есть могила святого угодника. У этой могилы растет дерево, оно выросло с раздвоенным стволом. Оттого, что сквозь это пространство проходят (женщины), дерево сточилось. Оно стало гладким (как будто облизали его).

Оттого, что рождаются дети, разве они все сохраняются? Вот у меня родилось десять душ детей, а осталось только трое. Дети и добро никогда не бывает в излишестве.

Фразы

Залисаны со слов Магомедова Шихкерима, 65 лет, колхозник, из с. Гиляяр.

1. Зазни рухвар ава, кьелемер хьиз винел атанва.	1. У меня тоже есть сыновья, они как молодые деревья подросли.
2. Лап хьсан квалах йа, вучи кантани кьачхурей.	2. Очень хорошее дело, пусть берут, что хотят.
3. Сусваз бишмени, турлама кьачхуна канда.	3. Невестке надо купить шелковый платок, тюлевый платок.
4. Яван ханлар я ман, туьна лагьаа твар хьу.	4. Постная еда, лишь бы считать, что поел.
5. Гида циицибер кьачхуна.	5. Теперь купили цыплят.
6. Йимишер жедени Магьачкьалада? Зулейхади са хьсан чикаяр ялда абур.	6. Фрукты бывают в Махачкале? Зулейха очень хвалит те места.
7. Пахла гида кьазва, абри чувквер пара ала.	7. Фасоль только завязывается, обилие цветов (на стебле).
8. Кьул ягъиз хьила, акьван кьакьан ядани?	8. Когда прибывают доску, разве прибывают так высоко?

9. Соиматна храа сумог тир ими.	9. Этот ковер ткала Саимат.
10. Афарди хъчариз инджилер недей йимишризни инджилер лугьуда чнна.	10. Мы называем инжиром съедобную траву и сорт фруктов.
11. Ма, сивиг калтад, икI авуна ичIира!	11. На, сполосни рот, сделай так и вылей!
12. Перемер алуькыз тhur, адах тhади гала.	12. Дай одеться, она торопится.
13. Итемдиз девед пар къалурмир, айалдиз палкадин.	13. Мужчине не показывай груз верблюда, а ребенку лошади (поговорка).
14. Вегь, вегь зеркер рикIи тхухудейди йа.	14. Клади, клади чеснок, аппетит улучшится.
15. Гьери цIур хью. Гилад хъша аш къайи жеда.	15. Пусть растопится масло. Теперь приходи, плов может остыть.
16. Тнекhнедаа яд хъвадаа курцул хъиз ава ам.	16. Он подобен щенку, что пьет воду из «тнекhне» (спец. посуда).
17. ВицерцIер къаркъулувди тхухунни?	17. Яйца разве может унести летучая мышь?
18. Жина кIеребичнер, шефтелер, пелир пара жеда.	18. У нас грецкие орехи, персики и черешня растут в изобилии.
19. А вакан хчиз на фу ча тIу!	19. Дай же хлеба этому сыну свиньи! (бранное выражение).
20. Назбаришни кандаш заз.	20. Мне и подушечка не нужна.

Фразы

Записаны со слов Абдуллы Махмудова, ветеринарного фельдшера, 28 лет и Зухры Махмудовой, 25 лет. Оба жители с. Койсун.

1. Жезва абригаа кнефсузвилич виликI пад къуртIа.	1. Они в состоянии бороться с этой болезнью.
2. АтIа двердаягь гище заг!	2. Дай мне этот низенький столик (для разделки теста).
3. Заз совхоздал физ канзаваатир, дидеди хевначIи.	3. Я хотел идти в совхоз, мать не согласилась.
4. Яб гутIуна епиниг тхухувана а мал.	4. Завязали ухо веревкой и повели скотину.

5. АкІ кыйбур тһадиз кһучукһун лазим йа.
6. И, пад йуру чһуьхверриз, кьербиянар лугьуда.
7. Жи богълара хьсан йа, гьава кьайи жеда.
8. Са вад юсуз гуьгьуьна арзе-ферзе хьана дахтии.
9. Ги́ла цысад мал ама.
10. Марф фё кӀунтӀ чһист азукънава.
11. Агьуз хьфидейла, ваз регьатӀ жедени?
12. Гзаф яман фитнечһияр йа абур хуьрелер.
13. Хьтиҫа бул жеда чһаз яд, дахьаала гьичӀ же-дечӀ.
14. Зу ацакьта зи кӀвачӀ тазва.
15. Зу дингериг фейитҫа гьикӀ жедетҫа?
16. Айал инал кадарнава, агь чһиниз экьецӀейди!
17. Хьпи хутварни, лелевер хьанвалда.
18. Хьу ман чһна мукьаллаа чһкадаа гьизваади йа.
19. КьецӀин квалах ибрих галаз кьве кулаваа мух тһухун йа.
20. Заз чидечӀ кула пара кьуна за.
21. Ам барцӀалдиз бишериз фенва.
22. Гьабрукһаа ударникһер хьанва лугьуз газитта ава.
23. Рамазандиз кһилиг, чан хва.
24. Адаз жибри са маса гаф, бибистаи, лугьуда.
5. Так издохших (скот) надо быстро хоронить.
6. Эти, сбоку красные груши называются «кьербиянар».
7. В наших садах хорошо, прохладный воздух.
8. Лет пять на отца сыпались всякие нарекания.
9. Теперь одиннадцать голов скота осталось.
10. Политая дождем возвышенность совсем осела.
11. Когда будешь идти вниз, тебе будет легко?
12. Очень большие клеветники — жители с. Хорел.
13. Временами много бывает у нас воды, а когда нет, то нет совсем.
14. Я сяду, у меня болит нога.
15. Если я пойду на очистку риса, как будет?
16. Ребенка здесь бросила, ах, да появится болячка на твоём лице!
17. Говорят созрели желтые сливы и «лелевы» (сорт слив).
18. Ну и пусть, мы берем из ближнего места.
19. Сегодняшняя работа — это принести вместе с ними два мешка ячменя.
20. Не знаю, я на спине много (тяжести) подняла.
21. Она ходила за листьями для буйволенка.
22. О том, что они стали ударниками, писали в газете.
23. Посмотри за Рамазаном, милый сынок.
24. Наши ее называют иначе (божьё коровку).

ОБ ОДНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМЕ СИРХИНСКОГО ДИАЛЕКТА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье речь будет идти о единственной в своем роде и отличной от других диалектов форме глагола, которая обнаружена нами в одном из говоров сирхинского¹ диалекта — ицаринском.

Так как эта форма во многом сходна с инфинитивом, мы будем рассматривать ее сравнительно с ним. Поэтому прежде всего проследим, как в даргинском языке оформляется инфинитив.

В разных диалектах даргинского языка инфинитив имеет различное оформление. Так, инфинитив глагола в литературном языке оформляется при помощи суффикса **-эс**. Например:

аргъес — услышать
багъахъес — сообщить
башес — ходить
касес — взять
лайбакъес — бросить
узес — работать
ургъес — бороться и т. д.

Приведем примеры во фразах:

Лебти халкълис талихІ **сархес**, лебил дуньяличиб даршудеш **кабизахъес** гъаладыхІ «чтобы добиться счастья для всех людей, чтобы установить дружбу во всем мире, вперед!»

Лебтачилра гъалав ита аэс багъандан, кункти къяшми гІагІнигири. «Чтобы дойти туда раньше всех, нужно было иметь быстрые (дословно легкие) ноги.

Для образования инфинитивной формы глагола **сархес** «добиться» и **кабизахъес** «установить» к глагольным основам **сарх** и **кабизахъ** присоединяется суффикс **-эс**.

¹ Сирхинский диалект, по нашему делению, состоит из говоров селений Урари, Гулатты, Урцаки, Бакъии, ИцІари, Наци и Нахки.

Значение основ данных инфинитивов совпадает с повелительно-желательной формой глагола и буквально означает: **сарх** «чтобы ты добился (выиграл), кабизахъ «чтобы ты установил».

Подобное совпадение основы инфинитива с повелительно-желательной формой глагола мы имеем и для подавляющего большинства инфинитивов даргинского глагола.

Например: от инфинитива **вакIес** «прийти» основа **вакI** означает «чтобы ты пришел». От инфинитива **буцес** «поймать» основа **буц** означает «чтобы ты поймал». От инфинитива **лукIес** «писать» основа **лукI** означает «чтобы ты писал». От инфинитива **бамсес** «устать» основа **бамс** означает «чтобы ты устал» и т. д.

Исключение составляет инфинитив глагола **бурес** «сказать», который употребляется в одной форме для выражения длительного и недлительного вида. Его основа **бур** без суффикса **-эс** в данный период развития даргинского языка в значении повелительно-желательной формы не употребляется.

Мы брали основу простого инфинитива. Рассмотрим теперь основу инфинитива сложного глагола.

Инфинитив сложного глагола образуется путем присоединения инфинитива какого-нибудь глагола к существительному, прилагательному, основе инфинитива другого глагола, а также к существительному и местоимению. Например: **пикри-ухъес** «обдумать», буквально «думать», **хулабаэс** «вырасти», буквально «большим сделаться», **лукIес-хъайэс** «начать писать», **ца-биэс** «объединиться» буквально «одним стать».

В этих сложных формах инфинитива основы тоже совпадают с повелительно-желательной формой глагола. Так, основы инфинитива: **цабийь** «чтобы ты объединился», **лукIес-хъайь** «чтобы ты начал писать», **хулаваь** «чтобы ты вырос», **пикриухъ** «чтобы ты обдумал» являются одновременно и повелительно-желательными формами. Следовательно, и основа инфинитива сложного глагола совпадает с повелительно-желательной формой.

Мы до сих пор говорили об основе инфинитива, скажем теперь о формообразующих аффиксах инфинитива.

Если основа глагола оканчивается на гласный, например, **хулаваэс** «вырасти», а **-эс** «дойти», **ва-эс** «попасть, достигнуть», или после основы глагола следует разрыв, обозначаемый на письме гамзой **ъ**, например, **буръес**, «сохнуть», то наличествует

суффикс -эс, во всех остальных случаях и гораздо чаще, чем суффикс -эс, наличествует суффикс -ес¹.

Суффикс -эс в литературном языке (по своему значению) есть инфинитив глагола со значением «сказать».

Перейдем к инфинитиву урахинского диалекта. Инфинитив даргинского глагола в урахинском диалекте оформляется при помощи суффиксов -ис, яс. Например:

мицІирбакъис — оживить

вакІис — придти

арукъяс — уйти

хІаръис — посмотреть

бургІяс — разбить

абалквис — разгореться

хъабизихъис — установить.

Дадим примеры во фразе:

Супнела хІял-гІямулти

Дурихъаяго дизи

Букис, бужІис арбашар

Шилизи, махъилизи².

Про хитросплетения суфиев³

Дайте же рассказать мне,

Кушать пить ходят они

По селам и хуторам.

Здесь также основы инфинитива **бук** «чтобы ты ел», **бужІ** «чтобы ты пил» совпадают с повелительно-желательной формой глагола.

Приведем пример на оформление инфинитива при помощи суффикса -яс:

Хирили **букъяс** урудІкІус

Дугили **букъяс** урухкІус

Диривлиуб аркъясра.

«Стыдно днем пойти,

Страшно в ночь пойти,

Под туманом пойду».

От инфинитива **букъяс** «пойти» основа **букъ** «чтобы ты пошел» совпадает с повелительно-желательной формой глагола; суффикс -ис является наиболее продуктивным в урахинском диалекте, большинство инфинитивов имеет суффикс -ис, гораздо меньше инфинитивов с суффиксом -яс⁴.

¹ Речь идет о графическом изображении звука.

² Иминагаев Азиз. Сборник «УркІила тІама», 1941 г.

³ Люди, придерживающиеся религии.

⁴ Наличие того и другого суффикса зависит от полной или частичной гармонии гласных основы и суффикса: и → и; у → я; а → я и т. д.

Суффикс **-ис** в урахинском диалекте, как и суффикс **-эс** в акушинском диалекте, взятый сам по себе, представляет также инфинитив со значением «сказать».

Инфинитив литературного языка **-эс** и урахинский инфинитив **-ис** представляет собой самые простейшие виды из всех инфинитивов даргинских глаголов. Эти простейшие формы совпадают с суффиксами инфинитивов всех глаголов литературного языка и большинства глаголов урахинского диалекта.

Рассмотренные инфинитивы в урахинском диалекте буквально означают: **бук-ис** «чтобы ты ел-сказать», **бужI-ис** «чтобы ты пил-сказать».

Следовательно, простейшая форма инфинитива превратилась в суффикс, которым оканчивается всякий инфинитив глаголов даргинского языка. При этом мы не воспринимаем его со значением инфинитива, а смотрим на него только как на формальный признак инфинитива, без определенного значения.

Исследователи дагестанских языков отмечают, что суффиксы инфинитива **-ан**, **-ин**, **-ун** в лакском языке **-(и)зе** в аварском языке, **-ис** в даргинском языке совпадают с формативами дательного падежа существительных данных языков.

Подобное совпадение одного из суффиксов инфинитива, а именно **-ис** действительно наблюдается и в урахинском диалекте даргинского языка. Что же касается литературного языка, мы здесь наблюдаем, что ни суффикс **-ес**, ни суффикс **-эс** инфинитива не совпадает с падежным формативом **-ис** дательного падежа существительного.

Между тем суффикс **-ес** (**эс**) литературного языка является фонетической разновидностью урахинского варианта **-ис**, где в силу фонетических соответствий гласный «и» урахинского диалекта соответствует гласному «э» литературного языка. Ср., например, урахинский **билкIвис** и акушинский **белкIес** «написать», где гласный звук «и» основы и гласный «и» окончания урахинского диалекта соответствуют гласному «э» **-э** литературного языка; то же самое мы имеем при сравнении урахинского **биркнис** с литературным **беркес** «покушать», урахинского **биркIис** с акушинским **беркIес** «погнать», где гласный «и» основы и окончания урахинского соответствует гласному «э» основы и окончания литературного языка.

Можно привести еще много таких примеров, где гласный «и» урахинского диалекта соответствует гласному **э** литературного языка. Следовательно, это соответствие вполне закономерно.

В литературном языке   в урахинском диалекте:

аргъес	— аргъис — услышать
багъахъес	— багъихъис — сообщить
башес	— башис — ходить
гъалакбикIес	— гъалакбикIвис — спешить
касес	— касис — взять
дуцIбухъес	— дуцIбухъис — побежать
иргъес	— иргъис — слышать
камбирес	— камбарис — уменьшить
кункбирес	— кункбарис — облегчать
лайбакIес	— лайбакIис — бросить
мицIирбарес	— мицIирбарис — оживить
тянишбарес	— тянишбирис — познакомить
узес	— узис — работать
уфикIес	— уфикIвис — дуть
чеэс	— шиис — увидеть

Инфинитив цудахарского диалекта образуется присоединением суффикса **-из** к основе глагола. Например:

вачIиз — прийти
 кайжиз — сесть
 дуцIбухъиз — побежать
 тIашбатиз — поставить
 далдарбатиз — повесить
 лужиз — читать
 ххарчидзэдзиз — вскочить.

Дадим примеры во фразе:

Ца гъядIдIе гъайдичвиз
 Хясратле лимзIзи
 Гъайиз хIядиркуле
 ХIяйранне сади.

«Мой язык горит желанием говорить с тобой, но страдает оттого, что это не удастся».

Суффикс цудахарского инфинитива **-из** фонетически соответствует урахинскому инфинитиву **-ис**.

Суффикс цудахарского инфинитива напоминает как бы усеченную форму суффикса инфинитива аварского языка. Так, в цудахарском диалекте **вачI-из** «прийти», в аварском языке (в его южноаварских диалектах) **вачI-ин-зе** «пойти».

Суффикс инфинитива **-из** цудахарского диалекта, как и урахинского, совпадает с формативом дательного падежа существительного ¹.

Рассмотрим оформление инфинитива в уркарахском диалекте.

¹ Инфинитив: **вачI-из**; дательный падеж: **Ал-из**.

Инфинитив уркарахского диалекта оформляется при помощи присоединения к основе глагола суффикса **-ара** или суффикса **-ана**. Например:

дуцІбухъана — побежать
сурсуркабатара — повесить
харчизара — вскочить
учІана — читать
гавдушара — задымить
умхІяра — играть
укьяна — пойти.

Дадим примеры во фразе:

ГІяир укьяна тупангра баршшибли нура ддуравхъунра хъайгІир, ддуравхъана гъалаб нуни пикрибаркъибсири ваццІаллидзди укьянара ва дубулличи укьянара. «Я вышел из дому на охоту, зарядив винтовку; еще до этого я решил поохотиться в лесу и в горах».

В рассмотренных инфинитивах литературного языка и двух диалектов мы имели лишь фонетические варианты. В уркарахском же диалекте появляется совершенно новый вариант суффикса инфинитива. Кроме того, в отличие от суффиксов инфинитивов литературного языка, урахинского и цудахарского диалектов, суффиксы инфинитивов уркарахского диалекта **-ара**, **-ана** не совпадают с простейшими инфинитивами и ничего не означают.

Однако, сравнивая суффиксы инфинитива уркарахского диалекта с лакским и аварским суффиксами, мы замечаем такое явление: основной суффикс лакского инфинитива (его разновидности **-ин**, **-ун** (напоминают в усеченной форме наш уркарахский суффикс **-ана**).

Уркарахский суффикс инфинитива **-ана** напоминает также суффиксы инфинитива андийского языка: **ну**, **му**, **лу** или **ри**, **ду**¹.

Таким образом, мы можем констатировать, что суффикс инфинитива уркарахского диалекта фонетически больше сходится с литературным языком, урахинским, акушинским и цудахарским суффиксами инфинитивов, чем с суффиксом той же формы лакского глагола.

С другой стороны, некоторое сходство суффикса инфинитивов уркарахского диалекта и андийского языка, наводит на мысль о существовании какой-то общности их происхождения.

Следовательно, особенностью уркарахского инфинитива является то, что имеется показатель инфинитивного суффикса **-ана (ара)**, которые не свойственны литературному языку, урахинскому и цудахарскому диалектам.

¹ Сведения об этих суффиксах даны мне научным сотрудником ИИЯЛ Сулеймановым Якубом.

Инфинитивные суффиксы **-ара**, **-ана** уркарахского диалекта засвидетельствованы нами в экспедиции летом 1948 года. Что же касается совпадения этих суффиксов в этой же форме с суффиксами инфинитивов мугинского диалекта, это нам известно из трудов покойного С. Н. Абдуллаева, который в своих работах постоянно вел сравнения между диалектами даргинского языка¹.

Следовательно, мы можем отметить, что суффиксы инфинитивов глаголов, рассматриваемых нами диалектов, при сравнении их между собою и с другими языками Дагестана могут быть расположены по близости между собой в следующем порядке: фонетически соответствуют друг другу урахинский суффикс инфинитива **-ис**, цудахарскому суффиксу **-из**, последний в свою очередь соответствует аварскому суффиксу инфинитива **-(и)зе**. Уркарахский инфинитивный суффикс **-ана** соответствует лакскому суффиксу инфинитива **-ан** и андийским суффиксам: **ну**, **му**, **лу**.

Установленная путем сравнения близость инфинитивных суффиксов диалектов даргинского языка с инфинитивными суффиксами лакского, андийского и аварского языков, лишний раз подтверждает родство этих языков.

Перейдем к оформлению инфинитива глагола в сирхинском диалекте. Разное оформление инфинитива наблюдается не только в самом сирхинском диалекте, но и внутри самого сирхинского диалекта по его говорам. Например, в говорах сел. Урари, Гулатты и Урцаки инфинитив оформляется с помощью суффикса **-ий**.

Урари

дутIий — разделить
араваркый — вылечить
хьарбегый — спросить
дарджджий — найти
цабукъкый — принести
дибгъандаркый — размельчить
ддурахый — выйти

Гулатты

бурсий — сказать
ватагый — отпустить
чарухый — вернуться
учий — читать

---

¹ Абдуллаев не имеет отдельной монографии по какому-нибудь одному диалекту, но дает в своей научной грамматике богатый сравнительный материал по диалектам.

ваьхъий — ранить
алавбуций — окружить
хьарбагъий — спросить

Урцаки

белкІвий — написать
учІий — читать
бусий — поймать
тІашидздзий — остановиться
байгий — видеть
веруркІий — смотреть
дуцІухъий — побежать.

Приведем также следующие примеры:

1) Илди нухъхъали бурсибли цаби их дурхІаь араваркый ддарман балхе ибли. «Голуби сказали, что они знают лекарство для излечения этого юноши».

2) ДурхІаьли хьарбагъибле саби ададзди анчи тІалин-ничи дергъевегъий дирхору ибле. «Сын спросил отца, можно ли на веревке сушить зерно».

В говорах селений Бакъни, Ицари и Наци инфинитив оформляется с помощью суффикса **-и**¹.

Бакъни

баркьи — делать
чІямбаркьи — поестъ
дурадики — выскочить
чебабики — оторваться
бурбухьи — взлететь
буци — поймать
бучи — петь

Ицари

буци — поймать
баркьи — делать
белчи — читать
бахьи — ходить
кейжи — сестъ
кейси — лечь
дуки — кушать

¹ С помощью этого же аффикса оформляется и инфинитив Кубачинского диалекта: бучи — «читать».

берчІви — покушать
 джаличІви — спорить
 дерджджи — выпить
 дидджжи — дать
 къастбаркъи — решить
 дурабухъи — выйти
 бицИи — наполнить.

Приведем еще следующие фразовые примеры:

Ваши, дурхІаъ, дули баркъиб глаъча чибажи. «Иди, мальчик, посмотри, какую я работу сделал».

Шшаладичибеле къацІ берчви пачали хьурабаркъиб — «На рассвете король остановился позавтракать».

Таким образом, инфинитив даргинского глагола по диалектам имеет разное оформление.

В даргинском, а также в других дагестанских языках, чтобы уточнить природу инфинитива, называют его долженствительной формой, что является также признаком отличия его от инфинитива русского языка. Этот оттенок, безусловно, в той или иной степени соответствует такому значению.

Однако в говоре сел. Ицари параллельно с инфинитивной существует и такая глагольная форма, которая имеет специальное назначение выражать долженствование действия.

Эту форму мы назвали глагольной формой на **-ай**, которая как и большинство инфинитивных форм, изменяется по классам. Например: ДурхІва кейжиб учІанай — «Мальчик сел читать».

Рирси карижиб ручІанай — «Девочка села (чтобы) читать».

Макъара кабижиб бучІанай — «Барашек сел (чтобы) читать».

Форма на **-ай** изменяется также по лицам, согласуясь с подлежащим. Например:

Ду кейжибда учІдай — «Я сел читать».

У кейжибда учІуддай — «Ты сел читать».

Ий кейжибда учІанай — «Он сел читать».

Нушша кейжибда дучІанай — «Мы сели читать».

Нушша¹ кейжибда дучІуддай — «Вы сели читать».

Иди кейжибда бучІанай — «Они сели читать».

Согласные: **-д, дд, -н** — являются личными аффиксами данных форм.

Как видно из этих примеров, глагольные формы на **-ай** самостоятельно не употребляются, а выступают всегда в сочетании с другим глаголом. Однако главное действие со значением долженствования заключено именно в этих формах.

¹ В 1 и 2 л. множ. ч. местоимение «мы» имеет одну форму: **нуша**.

Сами инфинитивные формы, как в литературном языке, так и в диалектах могут так же как и формы на -ай употребляться в сочетании с другим глаголом.

В литературном языке:

Ну кайира учлес — «Я сел читать».
Хіу кайири учлес — «Ты сел читать».
Ит кайиб учлес — «Он сел читать».
Нуша кайира дучлес — «Мы сели читать».
Хіуша кайирая дучлес — «Вы сели читать».
Иди кабиб бучлес — «Они сели читать».

В урахинском диалекте:

Ну хьайира учлис.
Хіу хьайади учлис.
Ит хьайиб учлис.
Нуша хьадиира дучлис.
Хіуша хьадиада дучлис.
Гьитти хьабиб бучлис.

В мулебкинском говоре:

Ну кайира учлис.
Хіу кайади учлис.
Ит кайиб учлис.
Нугьа кадиира дучлис.
Хіуша кадиаддая дучлис.
Идди кабиб бучлис.

В гамринском говоре:

Ну хьайира учлис.
Хіу хьайадди учлис.
Гьит хьайиб учлис.
Нуша хьадиира дучлис.
Хіуша хьадиадда дучлис.
Итди хьабиб бучлис.

В мекегинском диалекте:

Ну кайира учлес.
Хіу кайаде учлес.
Ит кайиб учлес.
Нуша кадиира дучлес.
Хіуша кадиада дучлес.
Иди кабиб бучлес.

В цудахарском диалекте:

Ду кайжибда лужиз.
Гъу кайжибде лужиз.
Иг кайжиб лужиз.
Нухъхъа кадижибда лужиз.
Гъушша кадижибдая лужиз.
Идди кабижиб лужиз.

В габшиминском диалекте:

Ну кайибра учлес.
Хйу кайибре учлес.
Ит кайиб учлес.
Нухъхъа кадиибра дучлес.
Хйухъхъа кадиибра дучлес.
Итти кабииб бучлес.

В муиринском диалекте:

Йу кайибра учлана.
Хйу кайадди учлана.
Ит кайиб учлана.
Нуша кадибра дучлана.
Хйуша кадиадда дучлана.
Итди кабиб бучлана.

В кайтагском диалекте (по говору сел. Санчи).

Ду кижибда улчлана
И кигадди улчлана
Ит кижиб улчлана
Нисса кадижибда дулчлана
Нушша кадигадда дулчлана
Идди кабижиб булчлана.

Как видно из этих примеров, в литературном языке и во всех диалектах по лицам изменяется глагол со значением: сел. Кайира, кайири и т. д., в отличие от говора сел. Ицари, где этот глагол выступает только в одной форме: кейжибда.

С другой стороны, в говоре изменяется по лицам именно форма на **-ай**, в то время как соответствующая ей форма литературного языка и диалектов остается в одной форме: учлес.

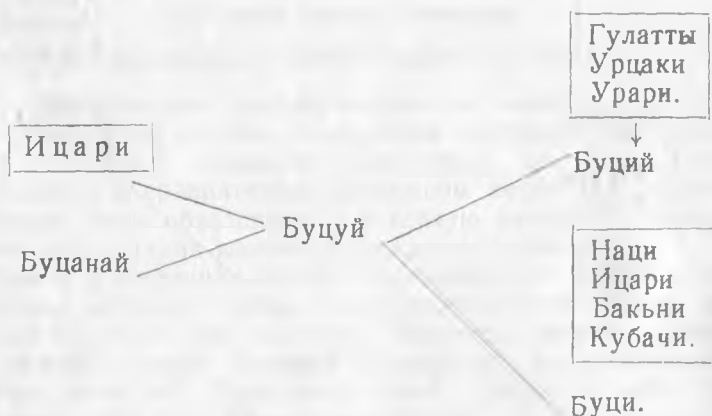
В говоре сел. Ицари изменяется именно та форма, которая выражает долженствование действия: «чтобы читать». Таким образом, в одном из говоров даргинского языка — ицаринском существует глагольная форма, довольно резко отличающаяся морфологически и выполняющая функции долженствования. Эта форма на **-ай**.

Возможно, что форма на **-ай** есть первоначальная, от которой и образовался инфинитив.

На эту мысль наталкивает еще одно существенное обстоятельство. В том же ицаринском говоре употребляется и форма на **-уй**. По своему значению она выполняет те же функции долженствования, что и форма на **-ай**. Например: ДурхІва гьур буцуй дуцІухъун «Мальчик побежал поймать зайца».

Однако эта форма по лицам не изменяется, иначе она имела бы форму: буцанай с личным показателем **-н** (аналогично с бучІанай). Форма на **-уй** напоминает, с одной стороны, форму на **-ий**, т. е. инфинитив говоров селений Урари и Урцаки; с другой стороны, она напоминает инфинитив говоров селений Бакъни и Ицари на **-и** буци. Вероятнее всего, форма на **уй** является промежуточной между формой на **ай** и инфинитивами на: **и, ий**.

Схематично это выглядит так:

Но кроме этих форм, мы знаем другие формы инфинитивов. Тогда наша предварительная схема развития инфинитивных форм будет такой (см. стр. 276)

Как видно из схемы, муиринская форма инфинитива на **-ана** образовалась из первоначальной формы на **-ай**.

Вопрос о происхождении муиринской формы до сего времени оставался неясненным.

Форма на **-уй**, от которой образовались остальные инфинитивы диалектов, оказалась связующим звеном между этими диалектными формами и первичной глагольной формой на **-ай**.

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ В АНДИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(По данным говора с. Риквани)

Основа имени существительного ед. числа

Для рикванинского говора андийского языка в подавляющем большинстве случаев характерно различие между прямой и косвенной основами. Совпадение же обеих основ представлено в сравнительно небольшом числе имён существительных. Этим обусловлено, в первую очередь, описание отличия образования косвенной основы от прямой.

Прямая и косвенная основы различаются по наличию или отсутствию детерминативного оформления. Форма имени, как она употребляется при названии предмета, является прямой (или чистой) основой. Основа, оформленная детерминативом, является косвенной. Косвенная основа образуется либо прибавлением детерминатива непосредственно к прямой основе, либо заменой конечного гласного звука прямой основы детерминативом косвенной.

Безразлично к тому, показывают ли эти детерминативы принадлежность имени существительного к определённому классу (или к определённым классам), к детерминативам, оформляющим основу косвенных падежей, относятся следующие: шу//и-щу//-лџи//и-лџи//лџ, -л//ул//лул//ру//ло // до, -и, у, о.

По наличию или отсутствию классной соотнесённости детерминативы можно разбить на две группы: в первую группу включаются детерминативы, за которыми ещё сохраняется функция принадлежности его к определённому классу имени (или классам имён), а во вторую группу — детерминативы, в которых ныне нет подобной функции. Первую группу образуют детерминативы: 1) щу//и-щу//щ (I класс); 2) лџи//и-лџи//лџ (II кл.). Вторую же группу образуют детерминативы: 1) до//ло//л (III—IV кл.); 2) ил//ул//ру (III—V кл.);

3) о (IV—III—V кл.); 4) у (III—IV—V кл. и единичные примеры I и II кл.); 5) и (III—V кл.).

Характерным признаком всех перечисленных детерминантов является то, что они оформляют основу косвенных падежей только имён существительных единственного числа. Следовательно, они являются ещё и показателями принадлежности склоняемого имени существительного к единственному числу.

По этому признаку они противопоставляются детерминативам множественного числа, например: ц|орц|а — бабочка; ц|орц|у-д (эргативный падеж ед. ч.); ц|орц|+у — косвенная основа ед. ч.; ц|орц|о-л — бабочки (мн. ч.); ц|орц|а-д (эрг. п. мн. числа); ц|орц|+а — косв. основа мн. ч. и т. п. Детерминатив -у оформляет косвенную основу ед. ч. и одновременно указывает на принадлежность данной основы косвенных падежей к единственному числу в противоположность детерминативу -а, который, как видно из приведённого выше примера, оформляет косвенную основу для мн. числа и указывает на это число.

То же самое можно сказать и о детерминативах: и, о и т. д.

Основанием отнесения гласных звуков: о, у, к детерминативам служит ещё сходство образования косвенной основы в единственном и во множественном числах, где оформление косвенной основы происходит заменой конечного гласного звука прямой основы детерминативом (в ед. числе) и заменой конечного комплекса звуков прямой основы мн. числа детерминативом -а в определённых группах имён существительных.

Следует учесть два основных метода образования основы косвенных падежей имён существительных как в единственном, так и во множественном числах.

Первый метод состоит в оформлении косвенной основы прибавлением детерминатива к прямой основе, **второй же** — в оформлении косвенной основы заменой конечного гласного прямой основы детерминативом косвенной.

Типичными признаками косвенной основы являются, как мы говорили выше, детерминативы, посредством которых она оформляется. Их всего восемь: 1) щу//и-щу//ш; 2) льи//и-льи//ль; 3) л//и-л//у-л//л-у-л//ло; 4) ру; 5) до; 6) о; 7) у; 8) и.

Рассмотрим типы косвенной основы, каждый в отдельности¹.

Типы косвенной основы имён существительных в ед. ч.

Первый тип характеризуется тем, что образуется прибавлением детерминатива **шу (и-шу)** к прямой основе и служит основой косвенных падежей большого количества имён существительных I класса. К таким относятся:

1. Все собственные имена, в том числе фамилии мужчин, этнические названия (или субстантивированные прилагательные) на звук **в**:

1) **Турулав, Нурав, Члеэрав, Байдуков, Гъажйав, Гунащаджйав, Дибираджйав, Данийалов, Иванов**; 2) **гъагъоррав // гъагъодирав** — гагатлинец, **къгъваннав** — андиец, **ашоллав** — ашалиец, **зилуррав** — зилоец, **рик|к|унаррав** — рикваниец, **ххунзахъиррав** — хунзаец и т. п. Сюда же относится и слово «нартоллув» — нарт (сказочный великан).

2. Небольшое число собственных имён на звуки: **л, н**: **Джамал, Камал, Шамил, Гъабил, Ленин, Сталин, Калинин, Микоян, Бардин** и т. п.

3. Большое число названий различного рода занятий профессий, специальностей, ремесел, представителей различных слоёв общества, общественных и служебных должностей и т. п. на звуки: **л, р, б, м, т, ц, к|, и, а**: **вокъиб** — землешец, **хороша** — чабап (баранопас), **колхозник|** — колхозник, **ихо-душа** — мельник, **чоннур** — охотник, **мискин** — бедняк (и бедный), **бурт|а** — богач (и богатый), **пацап** — жулик, **жиб** — имущий, **ссуб** — пеимущий, **повр** — повар, **учитил** — учитель, **тоххтур** — доктор (врач), **бригадир** — бригадир, **активисс //**

¹ Прежде чем охарактеризовать каждую основу косвенных падежей, надо предупредить, что современный андийский эргативный падеж (или любой другой косвенный падеж) не служит основой косвенных падежей, как например, в аварском и в ряде дидайских языков. Поэтому количество склонений в описываемом говоре (и в андийском языке в целом) ныне уже не соответствует количеству типов основы косвенных падежей, как в прошлом (судя по количеству детерминантов). Современный андийский эргативный суффикс, следовательно, не переходит в косвенную основу, как в аварском. Правда, в аварском языке «эргативный» суффикс «архаического» склонения (?!) **ца** (и южноаварский: **лъа**) тоже не переходит в косвенную основу. Автор предполагает, что **ца** в эргативе — вторичное явление и, что он, как и в вейнахских языках, первично, в аварском выполнял (выполняет и сейчас во многих случаях) роль орудийного падежа. Например: **Г|алица г|ошт|о-ца ц|ул къот|улеб буго**. Али топором дрова рубит. Выделенный суффикс словоизменения выражает орудийный падеж.

² Интересно отметить, что эргативный падеж от собственных имен на звук **л** (например, **Джамал**) в речи шестидесятилетнего старика Бута-алима Далгатова звучит, как **Джамал-шу-д**, а в речи же сорокалетнего Расула Мирзаханова звучал как **Джамал-и-д**. Молодое поколение следует в этом Мирзаханову.

активист — активист, пионер — пионер, комсомол//комсомолец — комсомолец, комунисс//коммунист — коммунист, пирсидатил — председатель, исполком — председатель исполкома, райком — первый секретарь райкома партии. Сюда же относятся такие названия, как: хан — хан, бег — бек, наъиб — наиб, гъаким — чиновник.

4. Название бога, пророка, различного рода религиозных должностей и лиц на звуки: н, м, р, г, гъ, ь, хх: ьаллагъ — аллах (бог), ьаврег — пророк, ьимам — имам, дибир — мулла, шайхх — шейх (святой), будалаъ — пустынный — отшельник, — будун — муэдзин (тот, кто извещает время молитвы).

5. Большинство терминов кровного и семейного родства, близких, друзей, товарищей, соседей, гостей: гъекIа — человек, вацъал — двоюродный брат, ццинаъал — троюродный брат, мйаъарI — родственник (близкий родственник, член большой патриархальной семьи), бужуб — родственник (дальний), верный, ьимакьеру — тесть, нусо — зять, серо — вдовец, вдова, вокъусси//вокъотIинняя — посредник, ходиб — жених, ьолохъан — молодец (молодой человек, парень), ссайахъ — гуляка, мадугъал — сосед, цIце — гость, гьоологъ — товарищ, ноколI — друг, аббарег — пришелец. Сюда же относится имя существительное I—II—III классов мочIи — ребёнок.

При образовании косвенной основы наблюдаются такие, чисто фонетические закономерности: 1) если прямая основа с согласным исходом, то в косвенной основе перед детерминативами **щу, лъи** и за прямой основой наращивается гласный звук (**и, у**); 2) если падеж образуется присоединением огласованного окончания к косвенной основе, то гласные звуки **у, и** из состава детерминантов (косвенной основы) **щу, лъи** выпадают, а если же нет, то остаются, т. е. при неогласованных падежных суффиксах усечение **у, и** обычно не происходит.

Второй тип характеризуется тем, что основа косвенных падежей образуется прибавлением детерминатива **лъи// ((и-лъи))** к прямой основе и служит основой косвенных падежей многочисленных этнических названий и некоторых имён существительных II кл. К таким относятся:

1) Этнические названия (или субстантивированные прилагательные) на звук **й**: гъагъоррай — гагатлинка, кьгъваннай — андиянка, чIамалай — чамалинка, багвалай — багвалинка, цIцIунтIйай//цIцIунторрай — цунтинка, лезгIай — лезгинка, даргIай — даргинка, лакай — лачка, ьурусай — русская, багъарай — невеста — (буквально: молодая), ьингушай — ингушка, бутуррай — чеченка и т. п.

2. Такие имена существительные как: цIце — гостья, серо — вдова, ьолохъан — девица и т. п.

Третий тип характеризуется тем, что образуется присоединением детерминатива **ло** (/и-л//у-л//л) к прямой основе и служит основой косвенных падежей большого количества имён существительных, в основном III—IV—V классов.

Третий тип можно разбить на подтипы:

1-й подтип характеризуется следующими особенностями: 1) оформлением косвенной основы посредством детерминатива **ло**; 2) двусложностью имён существительных III—IV—V кл. с исходом на звуки: **а, и, у, о, л**, причём в косвенной основе (между гласными) звук **л** удваивается. Такими именами существительными являются: **чалта** — секира, **куртла** — молоко, **митра** — метр, **мижа** — пятка, **соси** — сало, **кьурчи** — персик, **курси** — болванка, **гьарклу** — глаз, **гьаркьу** — коса, **гьабу** — уголь, **нуцйо** — горная индейка, **нико** — колено, **сол** — зуб, **кюл** — рот, **кюв**, **ъищукюл** — ягнёнок (от 1—2 лет) и т. д. и т. п.

2-й подтип характеризуется следующими особенностями: 1) оформлением косвенной основы посредством детерминатива **л**; 2) двусложностью, трёхсложностью и четырёхсложностью имён существительных III—IV—V (и одно слово II) кл. с исходом на звуки: **а, и, о, у, е, й**. Такими именами существительными являются: **боххча** — сумочка, **ццлекла** — палец, **цлахъвардйа** — огниво, **мулъа** — ноготь, коготь, **балалайка** — балалайка, **ъистанция** — станция, **мйаъарчлекла** — голова — нога; **кьури** — скала, **ъанжди** — топор, **цлогорьки** — талия, **гьаркьадусси** — висок, **моччил'асси** — сокол, **роьки** — кость, **гьанароьки** — ласка, **болъо** — лестница, **гьинцло** — камень, **регвардакьу** — дятел, **йешиклу** (II класс) — кукла и т. п.

3-й подтип характеризуется следующими особенностями: 1) оформлением косвенной основы посредством **и-л**; 2) односложностью большинства имён существительных III—V классов (и одного слова IV кл.) с согласным исходом (в том числе и с исходом на звук **р**, а также на звуки **у, а**); 3) наращением гласного звука **и** между детерминативом **л** и прямой основой. К таким именам существительным относятся: **коццл** — лисохвост, тимофеевка (и веник), **боьк** — кишка, **ъавлахъ** — равнина, **моьк** — жердь (для вешания мяса), **роьх** — канава, канал, **гоьхл** — холм, **ъизцц** — источник, **ресс** — глотка, **кьуну** — плита, **кккуну** — почка, **гьума** — столб и т. п.

Конечный гласный звук прямой основы **у** последних четырёх имён существительных при образовании косвенной основы заменяется посредством звукокомплекса **и-л**.

4-й подтип характеризуется следующими особенностями: 1) оформлением косвенной основы детерминативом — **у-л**; 2) односложностью большинства имён существительных

III—V (и одного слова IV) классов с исходом на звуки и звуко-комплексы: **н, л, цлцл, ра, ла** (сюда входит малое количество слов); 3) наращением гласного звука **у** (и **лу** у слова **миццл** — язык) между прямой основой и детерминативом **л** в косвенной основе. Такими словами являются: **къгъон** — рог, **цлл** — хрящ, **члол** — ремешок, **тесёмочка**, **жала** — прут, **оара** — кизяк, **миццл** — язык и т. д. и т. п.

Конечный гласный звук прямой основы заменяется посредством звукокомплекса **у-л** при образовании косвенной основы.

Четвертый тип характеризуется тем, что косвенная основа образуется прибавлением детерминатива **до** к прямой основе. К этому типу относится значительное количество, главным образом, двусложных имён существительных III—V кл. с гласным исходом на звуки **у** (24 слова), **о** (1 слово) и на согласные звуки **в** (3 слова), **р** (1 слово), **б** (1 слово).

Для этого типа характерны ещё следующие особенности: 1) оформление косвенной основы у одной группы слов прибавлением детерминатива **до** к прямой основе. Например: **гъаа** — вымя, **цлцлунно** — пуп, пупок, **гъабу** — уголь, **кицлу** — серьга, **горзу** — щека, **л'авр** — грудь и т. п.

Сюда же относятся упомянутые выше имена существительные на звуки: **р, б, в**; 2) оформление косвенной основы у другой группы слов заменой конечного гласного звука прямой основы детерминативом **до**. Например: **хъиру** — песчаник, **гъажу** — рука, (от кисти до плеча), **гару** — шея, **къиру** — мост и т. п.

Пятый тип характеризуется тем, что основа косвенных падежей образуется прибавлением детерминатива **о** к прямой основе большинства входящих сюда имён существительных IV (15 слов), III (9 сл.) и V (2 сл.) классов односложных (14 сл.) и двусложных (12 сл.) слов с согласным исходом на звуки: **л, м, р, з, ж, члчл, цлцл** и с гласным исходом на звуки: **и, у, а**.

Характерными особенностями для образования этого типа косвенной основы являются: 1) оформление косвенной основы имён существительных с согласным исходом посредством прибавления детерминатива **о** к прямой основе; 2) оформление основы косвенных падежей имён существительных с гласным исходом заменой конечного гласного прямой основы детерминативом косвенной основы **о**. К этому типу относятся существительные: 1) **решин** — небо, **ссим** — желчь, **гнев**, **щомщол** — свирель, **лъедир** — телёнок, **хъаз** — гусь, **гусак**, **геж** — сука, **кунццл** — щенок, **гъарчлчл** — равнина (кумыкская), **лъанццл** — муравей и т. п.; 2) **геду** — кот, кошка, **къурру** — лягушка, **гъинкклу** — мышь, **гъугъу** — голубь, **гъанни** — ворона, **цутли** — жук (навозный), **лъиру** — крыло, **куси** — пуговица (большая), **лурлла** — мозг и т. п. Сюда же отно-

сится большое число имён существительных на суффикс **лъир** (**лъир** соответствует аварскому **лъи**), а также отглагольные имена существительные на звуки: **р, н, м**.

Шестой тип характеризуется тем, что основа косвенных падежей образуется прибавлением детерминатива **у** к прямой основе самого большого количества (по сравнению с другими типами) имён существительных III (161 сл.) — IV (52 сл.) — V (64 сл.) — классов. Сюда входит и слово **вошо** — сын, мальчик (1 кл.). Сюда же могут входить также и некоторые женские собственные имена.

Для этого типа основы косвенных падежей характерны следующие особенности: 1) оформление косвенной основы прибавлением детерминатива **у** к прямой основе с согласным исходом; 2) оформление косвенной основы заменой конечного гласного звука прямой основы детерминативом **у**; 3) двусложность большинства имён существительных (229 сл.), имеются и трёхсложные имена существительных (65 сл.), а также односложные (13 сл.) и единичные четырёхсложные слова; 4) гласность или сонорность исхода большинства имён существительных. К этому типу относятся имена существительные на звуки: **а** (92 сл.), **и** (9 сл.), **о** (5 сл.), **л** (58 сл.), **н** (52 сл.), **р** (39 сл.) и остальные слова на шумные звуки (55 сл.).

Седьмой тип характеризуется тем, что основа косвенных падежей образуется прибавлением детерминатива **и** к прямой основе с согласным исходом значительного количества женских собственных имён на звуки: **т, ц, р** и мужских собственных имён на звуки **м, н, р, л, б, п, д, г, т, тI, цI, щ, сс, къ, хъ** и также небольшого числа нарицательных имён существительных III—V классов с согласным исходом.

Если же прямая основа с согласным исходом, то косвенная основа образуется заменой конечного её гласного детерминативом **и**. К таким именам существительным относятся:

1) **Селим, Солван** (Сулейман), **Алихан, Оздемур, Билар, Асгъаб, Мурадбег, Асболат, АгьматI, ГьалбацI, Гунащ, Исакъ, Байрахъ, Гьачмас** (1 кл.) и т. д. и т. п.

2) **Гавгьар, Шагьар, Халумчакар, Арац, Умайзат, Муьминат, Асйат, Киовнат, Зулпат, Шагьрибат, Разибат** (II кл.) и т. п.

3) **Михъ-ус, микъ** — дорога, путь, **порцIцI** — месяц и т. п.

4) **КъватIа** — овраг, ущелье, долина, улица, **гурдо** — рубашка, **жухъа** — черкеска, шинель, **къерчIо** — бревно и т. п.

Все вышеизложенное показывает:

1) что для описываемого говора характерно различие между прямой и косвенной основой;

2) что косвенная основа отличается от прямой наличием детерминативного оформления;

3) что в описываемом говоре всего 7—8 типов косвенной основы;

4) что основными методами образования косвенной основы являются: а) прибавление детерминатива к прямой основе; б) замена конечного гласного звука прямой основы детерминативом;

5) что все гласные детерминативы: **о, у, и** и гласные компоненты детерминантов **до, ло, (ру)** и в современном состоянии описываемого говора выступают показателями косвенной основы единственного числа имён существительных в противоположность показателю косвенной основы имён существительных множественного числа **а**;

6) что согласные компоненты **щ, ль** детерминантов **щу, льи** выступают тоже показателями косвенной основы имён существительных единственного числа (**щ** — I класса, **ль** — II класса) в противоположность показателям косвенной основы имён существительных множественного числа: **лу, ли**.

Совпадение основы косвенных падежей с именительным падежом.

Среди мужских и женских собственных имён имеются и такие, которые объединяются в одну группу по признаку совпадения основы косвенных падежей с именительным падежом, т. е. с полным собственным именем. К таким именам существительным относятся: 1) все мужские собственные имена с исходом на звуки: **а, о, у, и, й**; 2) все женские собственные имена с исходом на звуки: **а, е, и, у, й, в, м, л, н**; 3) определённая группа нарицательных имён существительных III—IV—V—VI классов с исходом на звуки: **а, е, о, у, и, р, л, м, н, в, й, б**. Примеры:

1) а) **Будай, Герей, Салгерей, Баххтай, Хасай, Бисахъай, Улахъай, Гъачалай, Джанай** (1 кл.); б) **Гъайту, Манту, Анту, Раъсу, Шамсу, Пахру, Найру, Занку, Зайну, Аслу, Къулду** (1 кл.); в) **Али, Агили, Вали, Хизири, Саиди, Эки, Бочи, Беки, Хъиримгиши, Сарити** (1 кл.); г) **Эхо, Маммачо, Гъайтукъо** (1 кл.); д) **Асадулла, Джамалулла, Гъайбулла, База, Муса, ЧанкIа, Закаръа** и т. п. (1 кл.);

2) а) **Аварбике, Бике, Шамаххбике, Шагъбике** (II кл.); б) **Джара, Гъава, Хача, Басра, ПатIина, Зубайда** (II кл.); в) **Аки, ПетIи, Амнат, Хати, Неби, Мази, Наври** (II кл.); г) **Баху, Меседу, Пайзу, СаликIу, Саку, Калу, Айзу** (II кл.); д) **Загърайл, Шагъум, Халум, Маржан** и т. п. (II кл.); е) **Гъузай, Румай, Чурканай, ТIавуссай, Ссарай, Арув, Джалов, Залов, Шаршав, Жануб**, и т. п. (II кл.); ж) **ъуэцу** — ку-

рица, гьакъу — сакля, ъаждагъу — дракон (сказочный), ъозолу — шелковый платок, зиркъо — тип дикой пчелы, ничла — овод, мокъгъа — стебель, ччуъа — рыба, кисей — сумочка (для табака), хъабалай — женское платье (местного фасона), даб — десна, гъварзаб — молот, балиб — пиголица, ъихоб — мельница, желудок, ъакъраб — скорпион, л'енссиб — бровь, зив — корова; ъунсозив — огурец; ххелчав — сабля, гьикъим — корень, къгъурицим — мул, дужум — дюжина, рахъин — зародыш, лъин — волос, къуклун — помёт, мукъули — отходное сено, пролив — пролив, залив — залив; николул (къиннил) — коленная чашечка, гарам — грамм, члабдил — болотная трава, мйаъарокъил — макушка, мрамар — мрамор, речйар — непогода, цуцуул — тополь и т. д.

При словоизменении наблюдаются следующие фонетические закономерности:

1. Если имя кончается на гласный звук **и**, то этот звук **и**, оказавшись перед суффиксом аффективного падежа **о** (/бо), изменяется в звук **й**. Например: **Неби**, (именительный падеж), **Небйо** — (аффективный падеж), **Амнати**, (им. п.), **Амнатйо** (аффективный падеж), **Хаджати** (им. п.), **Хаджатйо** (афф. п.) и т. п.

2. Если имя кончается на гласные звуки: **а**, **е**, то, оказавшись после них, суффикс аффективного падежа **о** (/бо) изменяется в гласный звук **а** (вследствие уподобления гласного звука **о**) в результате получается долгий звук **аа**, воспринимаемый риквантинцами, как суффикс аффективного падежа. Например: **Аварбике** (им. п.), **Аварбикаа** (афф. п.), **Гъунахъбике** (им. п.), **Гъунахъбикаа** (афф. п.), **Патлина** (им. п.), **Патлинаа** (афф. п.), **Хача** (им. п.), **Хачаа** (афф. п.), **Гъава** (им. п.), **Гъаваа** (афф. п.) и т. д. и т. п.

3. Если имя кончается одним из огубленных гласных **о**, **у**, то один из этих последних, оказавшись перед окончанием аффективного падежа **о** (/бо), изменяется в звук **в** (у// (уо// //убо) или оо//обо изменяются в **во** (уо). Например: **Баху** (им. п.), **Бахво** (афф. п.), **Пахру** — им. п. **Пахрво** (афф. п.), **Эххо** (им. п.), **Эххво** (афф. п.), и т. д. и т. п.

Иногда суффиксом аффективного падежа выступает просто долгий гласный звук **оо**. Например: **Гъайтукъо** (им. п.), **Гъайтукъоо**//**Гъайтукъво** и т. п.

4. Конечные согласные звуки именительного падежа: **б**, **м**, перед суффиксами косвенных падежей изменяются в звук **в**. Например: **ъихоб** (им. п.), **ъиховд** (эрг. п.), **ъиховл** (род. п.), **ъиховлу** (дат. п.) и т. д. **л'енссивлзу** (дат. п.), **къгъурицим** (им. п.), **къгъурицивд** (эрг. п.), **къгъурицивл** (род. п.), **къгъурицивлзу** (дат. п.) и т. д. Причем звук **м**, изменяясь в звук **в**, назализует предыдущий гласный звук.

Система падежей

В описываемом говоре (как и в аvaro-андо-дидойских языках) отличие простых падежей от местных определяется двумя особенностями:

1) невозможностью выражать, в основном, местные (пространственные) и временные (за исключением эргативного) падежные отношения простыми падежами;

2) невозможностью образовать, в основном, местные падежи непосредственно от простых.

Этими двумя диаметрально противоположными особенностями вызвано употребление двух терминов: **простые падежи** и **местные падежи**.

Простых падежей всего шесть, а местных четырнадцать; следовательно, в рикванинском говоре всего двадцать падежей.

Склонение имён существительных в единственном числе

Последовательно точным и резко разделяющим на две группы не только имена существительные, но и почти все остальные склоняемые слова остальных частей речи, за исключением личных местоимений **ден** — я и **мен** — ты, в отличие от **биссил** — Вы, **иллил** — мы (с Вами), **ишил** — мы, которые, в отличие от последних, из двух родительных имеют только классный родительный падеж в зависимости от их принадлежности к определённому именному классу (или к определённым классам), является различие в суффиксах родительного падежа, с одной стороны, — **в, й, б, р** (в ед. ч.) и **вл, йл, рул** (во мн. ч.), с другой стороны — **лl, (в ед. ч.), лlил** (во мн. ч.).

Суффиксы классного родительного падежа: **в, й, б, р, -вл, йл, рул** могут иметь имена существительные I кл., а суффиксы родительного падежа **лl, лlил** принимаются только именами существительными остальных (II—III—IV—V—VI) кл.

По этому основному различию получается два склонения: **1-е склонение** охватывает все существительные I кл., а **2-е склонение** охватывает все существительные II—III—IV—V—VI классов.

Представим образцы этих двух склонений:

1-е склонение
(простые падежи)

Название падежей	Косвенная основа		Падеж. суффиксы	
	прямая основа	детерминативы	в един. числе.	во мн. числе
Именительный падеж	Турулав	—	—	—
Эргативный падеж	Турулав	шу	д	—
Родительный падеж	Турулав	шу	в, й, б, р	вл, йл, вл, рул
Дательный падеж	Турулав	щ	лъяу	—
Аффективный падеж	Турулав	щ	бо	—
Орудийный падеж	—	—	—	—

2-е склонение
(простые падежи)

Именительный падеж	Ъяквa (арба)	—	—	—
Эргативный —“—	Ъяквa	л	д	—
Родительный —“—	Ъяквa	л	лї	лїял
Дательный —“—	Ъяквa	л	лъяи	—
Аффективный —“—	Ъяквa	л	(лъ) бо	—
Орудийный —“—	Ъяквa	л	хъ	—

Представим теперь образцы 1-го и 2-го склонений, где именительный падеж служит основой косвенных падежей.

1-е склонение
(простые падежи)

Название падежей	Совпадение прямой и косвенной основы	Падежные суффиксы	
		в ед. числе	во мн. числе
Именительный падеж	Салгерей	—	—
Эргативный —“—	Салгерей	д	—
Родительный —“—	Салгерей	в, й, б, р	вл, йл, вл, рул
Дательный —“—	Салгерей	лъяу	—
Аффективный —“—	Салгерей	бо	—
Орудийный падеж	—	—	—

2-е склонение

(простые падежи)

Название падежей	Совпадение прямой и косвенной основы	Падежные суффиксы	
		в ед. числе	во мн. числе
Именительный падеж	Баху	—	—
Эргативный — " —	Баху	д	
Родительный — " —	Баху	л'і	л'ил
Дательный — " —	Баху	л'ьу//л'ьи	
Аффективный — " —	Бахь	о	
Орудийный — " —	—	—	—

Склонение определённой группы нарицательных имён, упомянутых выше, аналогично склонению последней схемы (см. склонение собственного имени **Баху**).

Местные падежи

Четырнадцать падежей образуют систему местных падежей в современном состоянии данного говора.

В системе местных падежей шесть падежных серий. Сериями являются группы падежей, объединённые каким-нибудь общим сериальным показателем. Сериальных показателей шесть, по числу падежных серий.

Сериальными показателями выступают согласные звуки: **ч'і** (I серия), **л'** (II серия), **х** (III серия), **хь** (IV серия), **л'і** (V серия), **кь** (VI серия). Все они, как мы увидим ниже, противопоставляются друг другу не только по звуковым различиям, но и по различию выражаемых ими местных значений.

Если, например, в падеже покоя слова **кьенно-л'а** — на стене звук **л'** заменим звуком **х**, т. е. другим сериальным показателем, например: **кьенно-х-а** — у стены, то получается III серия вместо II серии. Этим методом проверяется реальность существования и других сериальных показателей и серий.

В основу образования местных падежей берётся либо прямая, либо косвенная основа, как и в простых падежах. Отличие заключается только в том, что в местных падежах к прямой или косвенной основе простых падежей, как мы описали их выше, прибавляется сперва сериальный показатель, а потом от него (присоединением падежных суффиксов) образуются сериальные падежи, обычно, по три падежа в каждой

Схема местныа

№№ серий	Значение серии	№№ пп	Название падежей	Вопросы падежей	Основа мест- ных падежей	Сериаль- ные по- казат.	Падежные суфф.
I-серия	на (вертикальн. поверхности)	1. 2. 3.	п. приближения п. покоя п. удаления	куда? где? откуда?	(стена) къени къениа къениао	— ч ч	— у у—хк у
II-серия	ва (горизонталь- ной поверхности).	1. 2. 3.	п. приближения п. покоя п. удаления	куда? где? откуда?	къеяно къеяноа къеяноао	л' л' л'	о а а—кку
III-серия	у, около (чего— нибудь)	1. 2. 3.	п. приближения п. покоя п. удаления	куда? где? откуда?	къевно къевноа къевноао	— х х	о а а-кку
IV-серия	у, около (чего-нибудь)	1. 2. 3.	п. приближения п. покоя п. удаления	куда? где? откуда?	— къенно къенноа	— хъ хъ	— — кку
V--серия	в (чём-нибудь)	1. 2. 3.	п. приближения п. покоя п. удаления	куда? где? откуда?	— къенно къенноа	— л л	— — кку
VI-серия	под (чём-нибудь)	1. 2. 3.	п. приближения п. покоя п. удаления	куда? где? откуда?	— къенно къенноа	— къ къ	— — кку

серии¹. Об этом дает представление следующая падежная схема (см. табл. на стр. 289).

IV серия падежей уступила своё место в системе местных падежей данного говора III серии падежей, падежи IV серии употребляются в речи очень редко; они находятся на грани исчезновения.

Как показывает таблица, не все серии располагают тремя падежами, т. е. падежными суффиксами, как следовало ожидать. Только две серии с показателями (или суффиксами серии) л' и х имеют по три падежа, которые выражаются суффиксами о, а, кку. Остальные четыре серии с сериальными показателями чI, лI, кь и хь имеют по два падежных суффикса и по два падежа: падежа покоя и падежа удаления. Следовательно, в современном состоянии описываемого говора, специальных суффиксов падежа приближения нет только у четырёх серий, но сериальные показатели упомянутых четырёх серий могут выражать и функции падежей приближения².

Последовательность расположения падежей в каждой серии (1-й падеж приближения, 2-й падеж покоя, 3-й падеж удаления) морфологически predetermined не только в данном говоре, но и в андийском языке в целом, как и в аварском «болмаце».

Склонение имён существительных во множественном числе

Суффиксы склонения имён существительных как в единственном, так и во множественном числах, за исключением суффиксов родительного и во многих случаях дательного падежей, едины.

Падежные формы образуются присоединением падежных суффиксов к косвенной основе. А косвенная основа, служащая основой косвенных падежей, образуется посредством специальных детерминантов. Детерминативы основы косвенных падежей имён существительных множественного числа отличаются от детерминантов косвенных основ как падежей существительных единственного числа, так и формы имён существительных множественного числа.

По классной и числовой соотносённости большинство детерминантов основ косвенных падежей имён существительных единственного и множественного чисел противопоставляются друг другу.

¹ Конечно не все имена существительные употребляются во всех формах (падежах) местных падежей, хотя теоретически возможно их образовать.

² Употребление падежей в данной статье, ввиду ограниченности места, не дается, об этом речь идет в диссертационной работе автора.

Детерминативы косвенной основы существительных единственного и множественного чисел выступают не только её формальными образователями, но и показателями её числовой и классной соотнесённости, за исключением детерминатива основы косвенных падежей мн. ч. а.

Стоит только заменить детерминативы основы косвенных падежей существительного множественного числа детерминативом основы косвенных падежей существительного единственного числа и мы получим основу косвенных падежей существительного единственного числа. Правда, в чистом виде это можно продемонстрировать в пределах определённой группы имён существительных. В остальных же случаях названный метод доказательства осложняется. Основными простыми детерминативами основы косвенных падежей имён существительных множественного числа являются: **лу**, **ли**¹, **а**: из них в основном: **лу** — является детерминативом основы косвенных падежей существительных мн. ч. 1-го кл.; 2) **ли** — детерминативом основы косвенных падежей существительных мн. ч. II—III—IV—V—VI кл.; 3) **а** — детерминативом существительных мн. ч. всех классов. Детерминатив **а** не различает класс основы косвенных падежей имён существительных мн. ч. Наоборот, детерминативы **лу**, **ли** различают класс именной основы косвенных падежей.

Образование основы косвенных падежей имён существительных множественного числа, как и единственного, подчиняется определенным правилам. Другими словами, принятие того или иного детерминатива основы косвенных падежей, в основном, находится в зависимости от звукового состава исходной формы именительного падежа множественного числа и, отчасти от способа образования этой формы.

Типы основы косвенных падежей имён существительных множественного числа

Как мы говорили выше, детерминативами основы косвенных падежей имён существительных множественного числа выступают звукокомплексы: **лу**, **ли** и гласный звук **а**. Детерминативом **а** оформляют основу косвенных падежей 85% всех имён существительных. Остальные имена существительные оформляют основу косвенных падежей детерминативами **лу**² и **ли**³,

¹ Детерминативы **лу**, **ли** оформляют также основы косвенных падежей множественного числа имен числительных, прилагательных, многих местоимений и причастий. Причем, как правило, детерминатив **лу** оформляет основу косвенных падежей I кл., а **ли** — основу косвенных падежей остальных II—III—IV—V—VI классов.

^{2,3} Детерминативы **лу** и **ли** андийского языка, возможно генетически связаны с североаварскими **члу** и **чли**: **щи//шу члу?** — что?//кто? (**члу**, стоящий после вопроса, относится к мужчине — I кл.); **щи//шу чли?** — что?//кто? (**чли**, стоящий после вопроса, относится к женщине — II кл.).

причем посредством **ли** намного чаще, чем посредством **лу**.

Первый тип основы косвенных падежей существительных множественного числа характеризуется тем, что образуется посредством детерминатива **лу** при следующих условиях: 1) если форма именительного падежа существительных мн. ч. I класса образуется присоединением форманта **л** непосредственно к прямой основе (или к именительному падежу существительного) ед. ч.; 2) если форма именительного падежа существительных мн. числа I класса образуется прибавлением форманта **л** к косвенной основе мн. числа, оформленной детерминативом **и**; 3) если форма именительного падежа существительных мн. числа I класса кончается на звукокомплекс **ул**.

Примеров на последнее правило очень мало: **вошул** — сыновья, **воцул** — братья, **вошул + лу** (косв. основа), **вошул-лу-д** (эрг. п.), **воцул-лу** (косв. основа), **вацул-лу-д** (эрг. п.).

Примерами на первое правило являются все этнические названия с классными показателями **в** на конце слова. Примеры: **Гьягьоррав** — гагатлинец — **гьягьоррав + л** (ф. мн. числа) **гьягьорравл + лу** — (основа косв. падежей), **гьягьорравл-лу-д** (эрг. п.). Так же образуется основа косвенных падежей и от других подобных этнических названий мн. числа: **меннав** — муниец, — **меннавл**, **меннавлу-д**; **зилуррав** — зилоец — **зилурравл**, **зилурравлу-д**; **ашоллав** — ашалиец — **ашоллавл**, **ашоллавлу-д**; **бульиррав** — ботлихец — **бульирравл**, **бульирравлу-д**; **рикIкIунаррав** — рикваниец — **рикIкIунарравлу-д**; **кьгьваннав** — андиец — **кьгьваннавл**, **кьгьваннавлу-д**; **бутуруллув** — чеченец — **бутуруллавл**, **бутуруллувллу-д**; **дурчIиррав** — дурчиец — **дурчIирравл**; **дурчIирравлу-д** и т. д. и т. п.

Собирательные этнические названия, производные от названия городов и сёл, типа Грозный — **грозниллI** — грознец, грозненка; Москва — **мосскувлI** — москвичка, москвич; Хасавюрт — **хасайуртиллI** и т. п. образуют множественное число прибавлением форманта **л** к косвенной основе, оформленной детерминативом **и** (к примеру: **грозниллI + и** (косв. основа); **грозниллIи + л** — (форма мн. числа). Причём названия этого типа как в единственном числе, так и во множественном числе в форме именительного падежа не различают класс мужчин (I кл.) от класса женщин (II кл.). Они выступают как общие названия имён I и II классов. Однако в детерминативах основы косвенных падежей единственного и множественного чисел они различаются по классам разумных существ, т. е. по первому и второму классам.

Если детерминатив основы косвенных падежей имён существительных множественного числа I класса **лу** заменим детерминативом основы косвенных падежей мн. числа II класса **ли**, то (в соответствии с детерминативом) мы получим основу косвенных падежей существительных мн. числа II класса. и, наоборот.

Этот метод доказательства сохраняет свою силу при том условии, если под склоняемым этническим названием мн. числа понимаются или множество мужчин, или множество женщин. Если же под склоняемым этническим названием понимаются множество мужчин и женщин (одновременно), или множество женщин, если среди них имеется хоть одно лицо мужского пола, то детерминативом основы косвенных падежей этнического названия выступает только детерминатив **лу**. Детерминатив **ли** в названном значении никогда не выступает.

Приведём ещё примеры на первое правило: **серо** — вдовец, вдова, **серо + л** (ф. мн. ч.), **серол + лу** — (основа косвенных падежей (I кл.); **сероллу-д** (эрг. падеж); **серол + ли** — основа косв. падежей (II кл.), **серолли-д** (эрг. п.). **Серо-лу-д гудурдахъ боцЮл йоччи.** — Вдовцы капканами волков поймали. **Серол-ли-д гудурдахъ боцЮл йоччи.** — Вдовушки капканами волков поймали. Как видно, в приведённых примерах замена **лу** через **ли** в основе эргативного падежа изменяет классную соотносённость, т. е. соотносённость основы косвенных падежей к I классу изменяется в соотносённость основы косвенных падежей ко II классу.

Аналогично со словом **серо** склоняется и слово **мочИи** — ребёнок. Так как это происходит и в других подобных им случаях, то больше примеров не даем.

Примерами на второе правило являются все этнические названия мн. числа типа **москувл-и-л** — москвичи (мужчины), **грознилл** — грозненцы (мужчины), **хасайуртилл** — хасавюртовцы (мужчины) и т. д. и т. п.

Основами косвенных падежей выступают: **москувлИил + лу**, **грозниллИил + лу**, **хасайуртиллИил + лу**; эргативный падеж образуется прибавлением падежного суффикса **д** к перечисленным косвенным основам: **москувлИиллу + д**; **грозниллИиллу + д**; **хасайуртиллИиллу-д**. Употребление такого эргативного падежа с такой основой можно показать на следующем примере: **хасайуртиллИил-лу-д хурдул тарахтирухъ рекьи.** — Хасавюртовцы (мужчины) поля трактором вспахали. Если заменить детерминатив **лу** детерминативом **ли** в основе эрг. падежа в приведённом предложении, то это предложение переводится на русский язык так: **Хасавюртовки поля трактором вспахали.**

Второй тип основы косвенных падежей имён существительных мн. числа характеризуется тем, что образуется посредством детерминатива **ли** при следующих условиях:

1) если форма именительного падежа существительных мн. числа II—III—IV—V—VI классов образуется присоединением форманта **л** непосредственно к прямой основе (или к именительному падежу существительного) единственного числа;

2) если форма именительного падежа существительных мн. числа II—III—IV—V—VI классов образуется прибавлением форманта **л** к косвенной основе мн. числа, оформленной детерминативом **и**. Примеры: **милъи** — солнце — **милъи + л** (ф. мн. ч.), **милъил + ли** (косв. основа), **милъил-ли-д** (эрг. п.); **къали** — труба, барабан, мерка — **къали + л** (ф. мн. ч.), **къалил + ли** (косв. основа), **къалил-ли-д** (эрг. п.); **къводе** — поток — **къводе + л** (ф. мн. ч.), **къводел + ли** (основа косв. падежей); **къводел-ли-д** (эрг. падеж), **къе** — зола — **къел + л** (ф. мн. ч.), **къел + ли** (основа косв. п.), **къел-ли-д** (эрг. п.); **вакълу** — вакуф — (участок земли) — **вакълу + л** (ф. мн. ч.); **вакълул-ли-д**; **воробей** — **къеммагурдйа + л** (ф. мн. ч.), **къеммагурдйал + ли** (основа косв. п.), **къеммагурдйал-ли-д** (эрг. п.); **билинья** — стрела — **билиньял** (ф. мн. ч.), **билинья + ли** (основа косв. п.), **билиньял-ли-д** (эрг. п.), **гъагъоррай** — гъатлинка — **гъагъоррай + л** (ф. мн. ч.), **гъагъоррайл + ли** (основа косв. п.), **гъагъоррайл-ли-д** (эрг. п.). Так же образуют косвенную основу и все остальные этнические названия II кл и т. д. и т. п.

Имена существительные на звук **о**, форма мн. числа которых образуется прибавлением форманта **л** непосредственно к прямой основе (на гласный звук **о**), могут оформлять основу косвенных падежей как посредством детерминатива **ли**, так и посредством **а**, причём образование основы косвенных падежей посредством детерминатива **а** ныне в данном говоре является **обычным**.

Этот тип имён существительных мн. числа примыкает к типу имён существительных, форма множественного числа которых образуется присоединением форманта **л** к косвенной основе мн. числа, оформленной детерминативом **о**. Примыкание упомянутого типа имён к последнему, несомненно, происходит по сходству конечного звукокомплекса именительного падежа мн. числа **ол**. Если удельный вес образования основы косвенных падежей мн. числа на базе закона чисто фонетической аналогии намного больше, чем образования основы косвенных падежей на базе классной принадлежности, т. е. на базе морфологического фактора, то мы естественно должны были ожидать перехода упомянутого типа существительных на сторону последнего типа имён существительных.

1. Примерами на второе правило является довольно большое количество имён существительных II—III—IV—V—VI классов, форма именительного падежа мн. число которых образуется присоединением форманта л к косвенной основе, оформленной, в основном, детерминативом и.

2. В число примеров включаются все этнические названия типа **грозниллил** (грозненки), употребленные для обозначения множества женщин.

3. К первым примерам примыкают единичные имена существительные, форма именительного падежа мн. числа которых кончается на звукокомплекс ул (к примеру: дан — вещь, штука, предмет, баран, овца — **данул** (ф. мн. ч.), **данул-ли-д** (эрг. п.); **данул + ли** — основа косвенных падежей мн. ч.). 1) Приведём примеры: **пол** — пена — **пол + ли + л** (ф. мн. ч.), **пол + ли** (косв. основа мн. ч.); **поллил + ли** (основа косв. п.), **поллил-ли-д** (эрг. п.); **сонлалл** — облепиха — **сонлалл-и + л** (ф. мн. ч.), **сонлалл + и** (косв. основа мн. ч.); **сонлаллил + ли** (основа косв. падежей); **миччл** — крапива — **миччл + и + л** (ф. мн. ч.), **миччл-и-л + ли + д** (эрг. п.); **ъахъ** — очаг — **ъахъ + и + л** (ф. мн. ч.), **ъахъ + и** (косв. основа мн. ч.), **ъахыл + ли** (основа косв. п.), **ъахыл + ли + д** (эрг. п.) и т. д. и т. п.

Представим примеры из числа этнических названий мн. ч.: Москва — **москувл** — москвичка, москвич; **москувллил** (ф. мн. ч.) **москувллил + ли** (основа косв. п.), **москувллил-ли-д** (эрг. п.); Баку — **бакулл** — бакинец, бакинка; **бакулл-ил** — бакинцы, бакинки (ф. мн. ч.), **бакулллил + ли** (основа косв. п.), **бакулллил-ли-д** (эрг. п.). Образование основы косвенных падежей мн. ч. упомянутых этнических названий, употреблённых для обозначения множества женщин, при склонении аналогично образованию основы косв. падежей (см. примеры, приведённые во втором пункте) типа **грозниллил**.

Исключения из двух изложенных выше правил единичны: **ъунсо + л** (ф. мн. ч.), **ъунсо + да-** (основа косв. п.), **ъунсо-да-д** (эрг. п.); **ъихоб** — мельница — **ъихой + л** (ф. мн. ч.), **ъихо + + два** (основа косв. п.), **ъихо-два-д** (эрг. п.); **ххарххал** — сверло — **ххарххай + л** (ф. мн. ч.); **ххархха + ла-** (основа косв. п.), **ххархха-ла-д** (эрг. п.); **ъисстанция** — станция — **ъисстанцй + о + л** (ф. мн. ч.), **ъисстанция + да-** (основа косв. п.), **ъисстанция-да-д** (эрг. п.); **порццл** — месяц — **порццл-и-л** (ф. мн. ч.); **порццл + ада** (основа косв. п.), **порццл-ада-д** (эрг. п.); **цццон** — соль — **цццон-н-и-л** (ф. мн. ч.), **цццонн + ада** (основа косв. п.), **цццонн-ада-д** (эрг. п.); **гъаран** — укроп — **гъарай-л** (ф. мн. ч.), **гъаран + ва-** (основа косв. п.), **гъаран-ва-д** (эрг. п.). (звук н при образовании формы мн. числа перед формантом изменяется в звук й, а в основе же

косвенных падежей, как видите, восстанавливается. Этот случай очень редкий). **ЪОХИ** — сад — **ЪОХИ** (ф. мн. ч.); **ЪОХИЛ** + **ЛА** (основа косв. п.), **ЪОХИЛ-ЛА-Д** (эрг. п.).

Третий тип основы косвенных падежей имён существительных мн. ч. всех классов характеризуется тем, что образуется посредством простого детерминатива **а**. Посредством детерминатива **а** оформляют основу косвенных падежей имена существительные мн. числа, именительный падеж которых кончается, в основном, на звукокомплексы: **ДУЛ**, **ЛОЛ**, **ОЛ**.

Само образование косвенной основы осуществляется заменой конечных звукокомплексов прямой основы **УЛ**, **ОЛ** детерминативом **а**. Это является самым распространённым правилом (с самым большим количеством примеров) образования основы косвенных падежей имён существительных мн. числа всех классов. Приведём примеры:

I. 1) Ъинцадул — источник Ъинцад + а — основа косв. п. Ъинцад-а-д — эрг. п.	2) микъадул — дороги, пути микъад + а — основа косв. п. микъад-а-д — эрг. п.
3) Ъимодул — отцы Ъимод + а — основа косв. п. Ъимод-а-д — эрг. п.	4) Йайадул — бабушка Йайад + а — основа косв. п. Йайад-а-д — эрг. п.
II. 1) Йешбол — девочки Йешб-а — осн. косв. п. Йешб-а-д — эрг. п.	2) Йоццбол — сёстры Йоццб + а — основа косв. п. Йоццб-а-д — эрг. п.
3) солбол — зубы солб + а — основа косв. п. солб-а-д — эрг. п.	4) рессбол — пищеводы рессб + а — основа косв. п. рессб+а+д — эрг. п.
III. 1) мулъалол — ноги мулъал + а — основа косв. п.	2) мижалол — пятка мижал + а — основа косв. п.
1) мулъал-а-д — эрг. п.	2) мижал-а-д — эрг. п.
IV. 1) гъугъол — голуби гъугъ + а — основа косв. п. гъугъ-а-д — эрг. п.	2) къуррол — лягушка къурр + а — основа косв. п. къурр-а-д — эрг. п.
3) г1ент1ол — мухи г1ент1 + а — основа косв. п. г1ент1-а-д — эрг. п.	4) ц1орц1ол — бабочки ц1орц1 + а — основа косв. п. ц1орц1-а-д — эрг. п.

- V. 1) **ччуъал** — рыбы
ччуъ + а — основ.
 косв. п.
ччуъ-а-д — эрг. п.
- 2) **ганзагъурал** — лук
 в две тетивы
ганзагъур + а — основ.
 косв. п.
ганзагъур-а-д — эрг.
 падеж
- VI. 1) **рельвал** — ножны
рельв + а — основ.
 косв. п.
рельв-а-д — эрг. п.
- 2) **къаламтларал** — коробки для карандашей.
къаламтлар + а — основ.
 косв. п.
къаламтлар-а-д — эрг. п.
- VII. 1) **члабдил** — болотная трава — **члабдилал** (ф. мн. ч.), **члабдил + а** — основ.
 косв. п., **члабдил-а-д** — эрг. п.;
- 2) **лъедир** — телёнок — **лъерал** (ф. мн. ч.), **лъер + а** — основ.
 косв. п., **лъер-а-д** — эрг. п.

При образовании основы косвенных падежей этого типа примеров конечный звук формы мн. числа **л** усекается, а в результате прибавления детерминативного гласного звука **а** к гласному звуку **а**, предшествующему форманту **л**, получается удвоение, т. е. долгота гласного звука **а**. Другими словами детерминативом основы косвенных падежей данного типа слов выступает долгий гласный звук **аа**.

Долгим носовым (назализованным) гласным звуком оформляют косвенную основу всего двадцать три примера имён существительных. Именительный падеж мн. числа этих существительных кончается на звукокомплексе **айл**. Все эти имена существительные в именительном падеже ед. числа кончаются на звукокомплексе **ан**.

Основа косвенных падежей множественного числа этого типа существительных образуется заменой конечного звукокомплекса прямой основы **ил** детерминативным гласным звуком **а**. Этот последний, очутившись рядом с носовым звуком **а**, сливается с ним и в результате получается долгий назализованный гласный звук **а**, посредством которого, в конечном счёте, оформляется основа косвенных падежей имён существ-

вительных мн. числа данного типа. Примеры: 1) **ъисстакан** — стакан — **ъисстакайл** (ф. мн. ч.), **ъисстак + а-** (основы. косв. п.), **ъисстак-а-д** (эрг. п.). 2) **гъайман** — баран — **гъаймайл** (ф. мн. ч.), **гъайм + а** (основ. косв. п.), **гъайм-а-д** (эрг. п.); 3) **зайдан** — сковорода — **зайдайл** (ф. мн. ч.), **зайд + а** (основ. косв. п.), **зайд-а-д** (эрг. п.); 4) **маржан** — коралл — **маржайл** (ф. мн. ч.), **марж + а** (основ. косв. п.), **марж-а-д** (эрг. п.) и т. д. и т. п.

К этому типу существительных примыкает имя существительное **ххелчав** — сабля — **ххелчайл** (ф. мн. ч.), **ххелч + а** (основ. косв. п.), **ххелч-а-д** (эрг. п.). Так же (правда, без назальности) образуется основа косв. падежей мн. числа существительного **ъакъраб** — скорпион — **ъакърайл** (ф. мн. ч.), **ъакър + а-** (основа косв. п.), **ъакър-а-д** (эрг. п.) и т. д. и т. п.

Основа косвенных падежей имён существительных множественного числа на звукокомплексы: **дойл**, **ойл** образуется заменой конечного звукокомплекса прямой основы имён мн. числа ил детерминативом **а**. Причём огубленный гласный звук **о** звукокомплексов исхода имён: **ойл**, **дойл** изменяется в звук **в** (-у). Поэтому звук **в** к составу детерминатива **а** не относится.

Примеры: 1) **кюшкюлон** — клубок — **кюшкюлойл** (ф. мн. ч.), **кюшкюлв + а-** (основа косв. п.), **кюшкюлв-а-д** (эрг. п.); 2) **бикюн** — угол — **бикюлойл** (ф. мн. ч.), **бикюлв + а** (основа косв. п.), **бикюлв-а-д** (эрг. п.). 3) **цццекла** — палец — **цццеклолойл** (ф. мн. ч.), **цццекюлв + а** (основа косв. п.), **цццекюлв-а-д** (эрг. п.); 4) **мигва** — веретено — **мигвойл** (ф. мн. ч.), **мигв + а** (основа косв. п.), **мигв-а-д** (эрг. п.); **ъила** — мать — **ъилолойл** (ф. мн. ч.), **ъилв + а** (основа косв. п.), **ъилв-а-д** (эрг. п.); 5) **дабдесна** — **тойл//дойл** (ф. мн. ч.), **тв + а//дв + а** (основа косв. п.), **тв-а-д//дв-а-д** (эрг. п.); 6) **йешикю** — кукла — **йешикюлойл** (ф. мн. ч.), **йешикюлв + а-** (основа косв. п.), **йешикюлв-а-д** (эрг. п.); 7) **ъуэцу** — курица — **ъуэцолайл** (ф. мн. ч.), **ъуэцв + а** (основа косв. п.), **ъуэцв-а-д** (эрг. п.); 8) **ъирзов** — лесная равнина — **ъирзойл** (ф. мн. ч.), **ъирзв + а-** (основа косв. п.), **ъирзв-а-д** (эрг. п.); 9) **лъобл'удоб** — мерка ёмкости — **лъобл'удойл** (ф. мн. ч.), **лъобл'удв + а** (основа косв. п.), **лъобл'удв-а-д** (эрг. п.); 10) **коком** — слива — **кокойл** — (ф. мн. ч.), **кокв + а** (основа косв. п.), **чичюм** — камушка — **чичюлойл** (ф. мн. ч.), **чичюлв + а** (основа косв. п.); 11) **л'ом** — крыша — **л'ойл//л'вадул** (ф. мн. ч.), **л'в + а** (основа косв. п.), **л'в-а-д** (эрг. п.), **гынцю** — камень — **гынцюлойл** (ф. мн. ч.), **гынцюлв + а** (основа косв. п.), **гынцюлв-а-д** (эрг. п.); 12) **ъалкуци** — петух — **ъалкуцолайл** (ф. мн. ч.), **ъалкуцв + а** (основа косв. п.), **ъалкуцв-а-д** (эрг. п.); 13) **ссандиги** — сундук — **ссандигойл** — (ф. мн. ч.), **ссандигв + а** (основа косв. п.), **ссандигв-а-д** (эрг. п.); 14) **чанагъ** — сани, челюсть — **чанагъойл** (ф. мн. ч.), **ча-**

нагъв + а (основа косв. п.), чанагв-а-д (эрг. п.); 16) кьйру — мост — кьйрдойл (ф. мн. ч.), кьйрдв + а (основа косв. п.), чанагв-а-д (эрг. п.); 17) лъйру — крыло — лъйрдойл (ф. мн. ч.), лъйрдв + а (основа косв. п.), лъйрдв-а-д (эрг. п.); 18) гъажу — рука (от кости до плеча) — гъаждойл (ф. мн. ч.), гъаждв + а (основа косв. п.) гъаждв-а-д (эрг. п.) и т. д. и т. п.

Основа косвенных падежей имён существительных мн. ч. на звукокомплексы; 1) ейл, дил, ил; 2) йол; 3) ибол тоже образуется посредством детерминатива а. Причем основа косвенных падежей имен существительных мн. ч. на звукокомплексы ейл, дил, ил образуется заменой конечного звука прямой основы л детерминативом а. Основа же косвенных падежей имён существительных мн. ч. на звукокомплекс йол образуется заменой конечного звукокомплекса прямой основы ол детерминативом а. Что касается образования основы косвенных падежей имён существительных мн. числа на звукокомплекс ибол, то оно осуществляется заменой конечного звукокомплекса прямой основы бол детерминативом а.

Примеры: 1) кюркюншен — град — кюркюншейл (ф. мн. ч.), кюркюншей + а (основа косв. п.), кюркюншей-а-д (эрг. п.); 2) ъунсозив — огурец — ъунсозйол (ф. мн. ч.), ъунсозй + а (основа косв. п.); 3) кьури — скала — кьурйол (ф. мн. ч.), кьурй + а (основа косв. п.), кьурй-а-д (эрг. п.); ъанжди — топор — ъанждйол (ф. мн. ч.), ъанждй + а (основа косв. п.), ъанждй-а-д (эрг. п.); 5) бура — ягнёнок бурдил (ф. мн. ч.), бурдй + а (основа косв. п.), бурдй-а-д (эрг. п.).

При образовании основы косвенных падежей заменой конечного звука прямой основы л детерминативом а предпоследний гласный звук и прямой основы, оказавшись перед гласным звуком а, изменяется в звук й в именах существительных следующего типа: 1) ъича — кобыла — ъичил (ф. мн. ч.), ъичй + а (основа косв. п.), ъичй-а-д (эрг. п.), 2) тлука — кастрированный козёл — тлуки + а (основа косвен. п.), тлуки-а-д (эрг. п.); 3) хьаг — котёл — хьагил (ф. мн. ч.), хьагй + а (основа косв. п.) хьагй-а-д (эрг. п.) и т. д. К ним примыкает и слово мисиххва-рал — пауки; мисиххва-рйад (эрг. п.).

Исключение составляют единичные слова типа мйаърчлекла — голова — нога — мйаърчлеклойл (ф. мн. ч.), мйаърчлекл + алли (основа косв. п.), мйаърчлеклалли-д (эрг. п.), где основа косвенных падежей оформляется сложным детерминативом алли. Такие слова составляют отдельную группу, состоящую из 15 примеров, они оформляют косвенную основу двойко и через детерминатив а. Даем их здесь: къечлчил —

селезѣнки; ххиммил — доски, гьечокъдосил — барсуки; лалил — ф. мн. ч. от слова сажа; гьяароххил — ишаки; ццѣннил — козы; тлассил — тазы; ххунтлил; цццаллил — звѣзды; цццуммил — орлы; лъиммил — волосы, куммил — бараны, кьгъул — дѣрны.

Четвертый тип основы косвенных падежей имѣн существительных характеризуется тем, что образуется посредством детерминатива ла.

Посредством замены конечного звукокомплекса прямой основы детерминативом образуется основа косвенных падежей следующих существительных мн. ч. Их у меня всего три: 1) ххарххал — сверло — ххарххайл (ф. мн. ч.), ххархха + ла (основа косв. п.), ххархха-ла-д (эрг. п.); 2) рахор — хорошая погода — рахорол (ф. мн. ч.), рахо + ла (основа косв. п.), рахо-ла-д (эрг. п.); 3) ссургу — рубанок — ссургодул (ф. мн. ч.), ссурго + ла (основа косв. п.), ссурго-ла-д (эрг. п.).

Пятый тип основы косвенных падежей имѣн существительных мн. ч. характеризуется тем, что образуется посредством сложного детерминатива ада.

Заменой конечного звукокомплекса прямой основы сложным детерминативом ада образуется основа косвенных падежей следующих имѣн существительных мн. числа. К ним относятся: 1) ъисстанѣя — станция — ъисстанѣюл (ф. мн. ч.), ъисстанѣй + ада (основа косв. п.), ъисстанѣй-ада-д (эрг. п.); 2) порццц — месяц — порцццлил (ф. мн. ч.), порццц + ада (основа косв. п.), порццц-ада-д (эрг. п.); 3) (гъароххул) цццон — соль — цццоннил (ф. мн. ч.), цццонн + ада (основа косв. п.), цццонн-ада-д (эрг. п.).

Шестой тип основы косвенных падежей имѣн существительных мн. числа характеризуется тем, что образуется посредством сложного детерминатива да (рда). Заменой конечного звукокомплекса прямой основы сложным детерминативом да (рда) образуется основа косвенных падежей следующих имѣн существительных мн. числа. Таких примеров у меня всего два. Примеры: 1) туссклул (соломенный ящик ситообразной формы) — туссклулол (ф. мн. ч.), туссклул + рда (основа косв. п.) туссклул-рда-д (эрг. п.); 2) ъунсо — бык — ъунсол (ф. мн. ч.), ъунсо + да-д (эрг. п.), ъунсо + да (основа косв. п.).

Седьмой тип основы косвенных падежей имѣн существительных мн. числа характеризуется тем, что образуется посредством замены конечного звукокомплекса прямой основы детерминативом алли следующих существительных: 1) йашка — ящик — йашкибдул (ф. мн. ч.), йашк + алли (основа косв. п.), йашк-алли-д (эрг. п.); 2) мйаьарчлекла — голова — нога — мйаьарчлеклол (ф. мн. ч.), мйаьарчлекл + алли (основа косв. п.), мйаьарчлекл-алли-д (эрг. падеж).

Научная жизнь

28 июня 1957 г. состоялось расширенное заседание сектора литературы, на котором был заслушан дискуссионный доклад младшего научного сотрудника сектора кандидата филологических наук Г. Б. Мусахановой о творчестве кумыкского поэта и собирателя фольклора Магомеда-Эфенди Османова (1840—1904 гг.).

Докладчик и выступавшие — кумыкский писатель Аткай Аджаматов, кандидат исторических наук С. Ш. Гаджиева, старший научный сотрудник Института М.-С. Саидов, кандидаты филологических наук Б. Магомедов, Э. Кассиев и другие отметили положительную роль Османова в истории кумыкской литературы и в развитии кумыкского литературного языка.

19 декабря 1957 г. состоялось заседание сектора истории, на котором обсуждался доклад мл. научного сотрудника кандидата исторических наук Р. Г. Маршаева «О характере социального строя «вольных» обществ Дагестана в XVIII—XIX вв.». В своем докладе Р. Г. Маршаев выдвинул следующие положения.

Во многих трудах дореволюционных и советских исследователей ошибочно утверждается, что так называемые «вольные» общества являлись объединениями типа родовой организации, в которых отсутствовали классы и классовая борьба.

На основе фактического материала автор подверг критике эти ошибочные положения и показал, как зарождались и развивались классовые отношения в так называемых «вольных» обществах. Анализ материалов о тухуме и сельской общине позволил автору вскрыть внутренние причины, способствовавшие завуалированию классовых отношений. Тухум в XVIII—XIX вв. не представлял собой узкую родственную группу, т. е. родовую организацию. Он включал в себя как семейную общину, так и индивидуальную семью.

Джамаат — «аульная община», состоящая из таких тухумов, во всех «вольных» обществах еще задолго до XVIII в. по своему экономическому содержанию был не родовым, а территориальным объединением.

Анализ социального строя так называемых «вольных» обществ позволил автору сделать вывод о том, что союзы обществ не являлись демократическими родовыми образованиями, объединяющими равноправных членов. В этих обществах еще задолго до рассматриваемого времени шел процесс имущественного расслоения, в результате которого родовая знать, богатое узденство и представители духовенства заняли привилегированное положение. Союзы эти представляли собой военно-политические объединения феодального общества.

26 марта 1958 г. состоялось расширенное заседание сектора истории, на котором был заслушан доклад младшего научного сотрудника Д. М. Атаева «Дагестан и Кавказская Албания». Проблема Кавказской Албании важна и актуальна, так как без ее разрешения невозможно определить место народов Дагестана в древней истории Восточного Кавказа.

На основании ряда высказываний античных и средневековых авторов, путем привлечения новых топонимических материалов, а также данных аварского языка и фольклора, автор обосновывает тезис о вхождении Дагестана в состав древней Кавказской Албании.

В развернувшейся дискуссии выступили товарищи М. М. Ихиллов, Р. Г. Маршаев и А. Р. Шихсаидов, которые, признавая ценность приведенных в докладе новых данных, высказали свое сомнение в правильности ряда положений автора и пожелание — использовать, наряду с данными аварского языка и фольклора данные языков и фольклора других народностей Дагестана.

15—17 апреля 1958 г. состоялось совещание по диалектологии дагестанских языков, в котором приняли участие представители Институты языкознания Академии наук СССР и Академии наук Грузинской ССР.

Были заслушаны доклады доктора филологических наук Е. А. Бокарева — «Смычногортанные аффрикаты предагестанского языка (опыт реконструкции)», кандидата филологических наук Б. Б. Талибова — «Фонетические процессы в лезгинском литературном языке и его диалектах», С. М. Хайдакова — «Сравнительная лексика лакского, аварского и даргинского языков», Ш. И. Микаилова — «Сравнительно-историческое исследование аварских диалектов», М.-С. Саидова — «О процессе исчезновения классных показателей в аварском языке» и др.

Тематика докладов широко охватывала языки и диалекты Дагестана и обобщала данные по их сравнительному изуче-

нию. Монографические исследования, проводившиеся за последние годы, обогатили фактический материал для сравнительно-исторического анализа языков и диалектов.

Выступавшие дополнили данные докладов и отметили их высокий научный уровень.

25—26 апреля 1958 г. состоялась отчетная сессия, посвященная подведению итогов работы Института за 1957 г.

На сессии были заслушаны следующие доклады: «Археологические раскопки в Дагестане в 1957 г.» кандидата исторических наук М. И. Пикуль, «Распространение ислама в Дагестане (XI—XVI вв.)» мл. научного сотрудника А. Р. Шихсаидова, «Семейные отношения кумыков в XIX веке» кандидата исторических наук С. Ш. Гаджиевой, «Возникновение профсоюзов в Дагестане и их деятельность в годы гражданской войны и восстановления народного хозяйства» кандидата исторических наук И. К. Керимова, «Кумыкская литература начала XX века» кандидата филологических наук Г. Б. Мусахановой, «Итоги и перспективы сравнительного изучения диалектов дагестанских языков» кандидата филологических наук Ш. И. Микаилова.

11 июня 1958 г. состоялось заседание сектора истории, на котором обсуждался доклад М. М. Ихилова «К вопросу о периодизации истории Дагестана (досоветский период)». Докладчик отметил слабую изученность этой весьма важной проблемы и сделал попытку наметить основные периоды в истории досоветского Дагестана. Докладчик выделил три периода: I. «Первобытно-общинный строй и его разложение (с древнейших времен до VII в. н. э.)»; II. «Возникновение и развитие феодальных отношений (с VII по XVIII век вкл.)»; III. «Период вхождения Дагестана в состав России и зарождения капиталистических отношений (с 1813 по 1917 гг.)».

Выступавшие в прениях указали на недостаточную аргументированность такой периодизации. Решением сектора тема о периодизации истории Дагестана будет вынесена на обсуждение специальной сессии.

* *

*

РАБОТА ИНСТИТУТА ИЯЛ В 1958 г.

В 1958 г. сотрудники Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР проводили исследования по следующим проблемам и темам:

ПРОБЛЕМА I. ИСТОРИЯ ДАГЕСТАНА

Тема I. История Дагестана (досоветский период).

Тема эта включает в себя следующие разделы:

1. Памятники раннего железа близ селения Аркас.
2. Ругуджинские стоянки каменного века.
3. Средневековые памятники центральной Аварии.
4. Верхнечирюртовский могильник.
5. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы.
6. История Аварии.
7. Сборник документов «Движение горских народов северо-восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX века».
8. Очерки по истории лезгин.
9. Кумыки до присоединения к России.
10. Лаки до XVIII века.
11. Петрографика Аварии.
12. Обычное право Дагестана.

Тема II. История Дагестана (советский период).

1. Формирование и рост рабочего класса в Дагестане в советский период (1917—1940 гг.).
2. Переход от ревкомов к Советам (1920—1921 гг.).
3. Разрешение аграрного вопроса в первые годы Советской власти в Дагестане (1927—1937 гг.).
4. Создание и развитие советского государственного аппарата в Дагестане.

Тема III. Дагестан в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.).

По этой теме на 1958 г. предусмотрено: а) сбор материалов для монографии «Дагестан в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945 гг.)» и б) сбор воспоминания дагестанцев — активных участников Великой Отечественной войны.

Тема IV. Этнография народов Дагестана.

1. Культура и быт кумыков в XIX в.
2. Агулы (к вопросу о консолидации лезгинской группы народностей).

Тема V. Библиография Дагестана.

1. Литература о Дагестане на западно-европейских языках.

ПРОБЛЕМА II. ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Тема VI. Исследование дагестанских языков и их диалектов.

1. Сравнительно-историческая морфология диалектов аварского языка.

2. Говоры Ахтынского района.

3. Губдено-мекигинская группа говоров даргинского языка.

4. Кайтагский диалект даргинского языка.

Тема VII. *Лексикография (составление дагестанско-русских словарей).*

1. Аварско-русский словарь.

Тема VIII. *Грамматика дагестанских языков.*

1. Синтаксис сложного предложения лакского языка (сложно-сочиненное предложение).

ПРОБЛЕМА III. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Тема IX. *История литератур народов Дагестана.*

1. Подготовка к изданию работы «Аварская дореволюционная литература».

2. Подготовка к изданию работы «Лакская дореволюционная литература».

3. Подготовка к изданию работы «Кумыкская дореволюционная литература».

4. Дагестан и русская литература 1830—1840 гг.

5. Сказки народов Дагестана.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

	Стр.
Н. В. Даниялова. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане и ее своеобразие	5
И. К. Керимов. К истории профсоюзного движения в Дагестане.	59
А. Летифов. К решению проблемы языка в Дагестане	60
А. И. Тамай. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741—1743 гг.)	108
А. С. Омаров, Р. Г. Маршаев. Об одном памятнике по истории Аварии XVII века	132
В. Г. Гаджиев. К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов северо-восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX века.	145
Х. Х. Рамазанов. К вопросу о борьбе раят и зависимых узденей Дагестана за ликвидацию крепостнических отношений	161
А. А. Сатыбалов. Социально-политические термины тюрко-язычных документов эпохи феодализма в некоторых языках северо-восточного Кавказа	180

ЛИТЕРАТУРА

Р. Ф. Юсуфов. Поэма А. А. Шишкова «Дагестанская узница» (Из истории русско-дагестанских литературных связей)	195
--	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М. М. Гаджиев. Следы грамматических классов в лезгинском языке	217
З. М. Магомедбекова. К образованию основных времен в каратинском языке	227
Б. Б. Талибов. Превербы в системе лезгинского глагольного корня	236
У. А. Мейланова. Гилярский говор и его место в системе лезгинских диалектов	248
С. М. Гасанова. Об одной глагольной форме сирхинского диалекта даргинского языка	264
Я. Г. Сулейманов. Именное склонение в андийском языке	277
Научная жизнь	301

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМ V

Редактор Даниялов Г.-А. Д.
Технический редактор А. Романова

Сдано в набор 15/X—1958 г. Подписано к печати 15/I—1959 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Объем — 19,25 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 1477.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
г. Махачкала, ул. Ленина, 14